

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

138

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 138

TRIMESTRIEL

I - 1983

I - 1983

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

№ 138

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условия подписки на 1983 год AIR MAIL с целью поддержки	180 Фр. или 40,- \$
	250 Фр. или 50,- \$
	300 Фр. или 60,- \$
цена отдельного номера	60 Фр. или 15,- \$

чеки выписывать на имя : **LE MESSENGER**

Подписчики, живущие во Франции, могут делать денежный
перевод также и на текущий почтовый счет:
CCP - LE MESSENGER 23-601-57 U Paris

ИЗДАНИЕ

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Адрес редакции: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

138

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 138

TRIMESTRIEL

I - 1983

Copyright © Le Messenger. Paris 1983 .

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

ХРИСТИАНСКИЙ ИЛИ ПРАВОСЛАВНЫЙ ?

Читатели из СССР просят, чтобы "Вестник" шире откликался на нужды всё множущихся протестантских общин в Советском Союзе. Само по себе это пожелание законно, но, к сожалению, материалов о жизни этих общин мы почти не видим, и читают ли они наш журнал — не знаем. В "Вестнике" регулярно печатаются труды не одних православных богословов, но и восточных "дохалкидонских" христиан, и римо-католиков, и англикан. Нет никаких принципиальных препятствий к тому, чтобы на его страницах появились статьи и более радикальных протестантских богословов, как Бонхофер или Тиллих, с тем чтобы заметные отклонения от православной догматики, в случае нужды, отмечались в редакторских примечаниях.

Однако, во избежание недоразумений, необходимо подчеркнуть, что "Вестник" журнал *православный*: все члены его редакционной коллегии глубоко убеждены, что Православие и есть "единая, святая, соборная и апостольская Церковь", которую мы исповедуем в Символе Веры. Полнота истины находится в Православии, не отклонившемся от традиции Церкви первых веков. Экуменизм начинается с этого непреложного, краеугольного убеждения. Уверенность в истинности Православия не ведет к отчуждению от братьев-христиан других вероисповеданий. Отношения между нами должны основываться на взаимном уважении, на взаимном изучении, на взаимной помощи. Братская любовь не исключает богословских споров и стремления привести к Православию отклонившихся от него, разумеется, без давления, а тем более без насилия над личностью. Мы не имеем ни основания, ни права отступать в исповедании веры от нашего убеждения, в отношении римо-католиков, что истина поручена всему народу, а не одному папе; мы не можем принять ту схоластическую систему, которая до сих пор считается обязательным богословием для церкви, и т.д. Мы никак не можем согласиться с упразднением в протестантизме, заодно с римскими заблуждениями, целого ряда догматических и жизненных установок, присущих всей Церкви.

Но, разумеется, дух дышит где хочет. Христианское творчество других вероисповеданий не должно быть нам чуждо: более того, исходя из общей нам веры, оно может и должно нас вдохновлять и обогащать.

Самиздатская анкета о положении русской православной Церкви затрагивает много болезненных вопросов, требующих тщательного

обдумывания и всестороннего обсуждения. Печатаемые ниже новые ответы с первых строк поражают поспешностью суждений и каким-то поразительным нечувствием исторической перспективы. Как можно утверждать, что сегодняшнее положение сколько-нибудь похоже на то, что было 100 или 200 лет назад? Покорность иерархии государству хотя бы только формально христианскому не имеет ничего общего с покорностью власти воинственно-безбожной. Говорить (К. Яковлев), что Церковь пассивно все перележала наподобие "куска теста" (без евангельских дрожжей!), звучит не только безапелляционно-кошунственно, но и объективно невежественно. Церковь сформировала русскую нацию, помогла ей преодолеть как восточно-басурманских, так и западно-христианских завоевателей, дала великую святость (Сергия Радонежского, Серафима Саровского), великое искусство (русскую икону), великую литературу (Гоголь, Достоевский и др.), в страшные годы гонений Церковь пошла на мученичество (случаи отказа от веры были единичны), неужели это "кусочек теста", да еще без дрожжей!

Как можно сводить (Л. Симоновский) православие к этнославию, когда в филетизм (ересь отождествления религии с нацией) русская Церковь никогда не впадала. Рожденная и вскормленная Византией, она на всем протяжении своей истории считала необходимым подкреплять все свои решения авторитетом восточных патриархов. Постепенно обращая народы, наполнявшие неприветливые северные и восточные пространства, она в XIX веке перешагнула свои рубежи и принесла свет Христов алеутам, эскимосам, японцам, на их языке и с соблюдением их этнического сознания. Богословская мысль, как миряин (Хомяков), так и иерархов (Филарет Московский, Порфирий Успенский), всегда видела в Православии не Церковь одной нации, а единую, святую, соборную и апостольскую Церковь на все времена и на все страны.

Возрождение Церкви безусловно нуждается и в критике, но чтобы критика не оказалась бесплодной, а того хуже и разрушительной, она должна быть всесторонне-осведомленной и, следовательно, подлинно-смиренной. Изучать, прежде чем умозаключать, вдумываться, а не рубить с плеча, не догматически-беспрекословно утверждать, а совестливо вопрошать, таков пусть будет подход, такова пусть будет работа тех русских сознательных христиан, которые с законной тревогой смотрят на бедственное положение православной Церкви в России.

Никита СТРУВЕ

Богословие, Философия

А. НАХИМОВСКИЙ

АПОСТОЛ ПАВЕЛ В РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

В начале главы 20 Деяний Святых Апостолов мы узнаем, что Павел из Эфеса направился в Македонию, а оттуда в Грецию, где провел три месяца. На этом закончилось его третье миссионерское путешествие: он основал общину в Эфесе и обошел прежде основанные общины в Малой Азии и Македонии, укрепляя их в вере и собирая пожертвования для иерусалимских братьев. Теперь его намерения были: оставить восточную окраину империи, пойти в Рим, а оттуда — в Испанию, до самой западной границы мира. Но перед этим он хотел вернуться в Иерусалим, чтобы самолично передать собранные им пожертвования.

Загадочно это желание Павла непременно быть в Иерусалиме, прежде чем направиться в Рим. Почему было не пойти из Греции прямо на запад? У него были надежные помощники, которые могли отвезти пожертвования; для самого же Павла поездка в Иерусалим чревата была арестом и смертным приговором — и так и вышло. Мы можем только гадать о его причинах: быть может, хотел укрепить единство основанных им церковей среди не-евреев и изначальной иудео-христианской в Иерусалиме; или хотел еще раз утвердить свое Апостольство, которое не безоговорочно было признано за ним — ведь он не знал Иисуса при жизни; или уже тогда рассчитал, что если дойдет до суда и приговора, то, как римский гражданин, он может апеллировать к личному суду императора и доехать в Рим на казенный счет — и так и вышло. Между тем в Греции, скорее всего зимой, дожидаясь, пока откроется судоходство, Павел написал свое послание к христианской церкви в Риме, которое в каноне именуется "Послание к Римлянам".

Это самое долгое из Павловых посланий во многом отлично от всех прочих. Оно обращено к общине, которую не Павел основал,

хотя он сам же в нем говорит, что всегда старался проповедовать Евангелие "не там, где уже известно имя Христово, чтобы не созидать на чужом основании" (Рим 15: 20). Оно написано не в ответ на какой-то кризис в церкви, как послания христианам в Галатии, в Коринфе и в Эфесе. По единому плану оно развивает все главные темы предыдущих посланий, и — хотел того Павел или нет — оно стало его завещанием, суммой его богословия, важнейшим богословским текстом христианской культуры.

Иной раз трудно уже заметить, насколько написанное Павлом вошло в нашу мысль — так же, как мы не замечаем, насколько наша речь уснащена библейскими словами и выражениями, от "духа и буквы закона" до "невзирая на лица". Так привычны нам противоположения эллина и иудея, закона и благодати, жизни по плоти — жизни по Духу, что трудно представить их изложенными в первый раз, кем-то, когда-то. Трудно также и отвлечься от привычного расположения книг в Новозаветном каноне и увидеть, что Павел — самый ранний из Новозаветных авторов, что его послания предваряют самое раннее из Евангелий. Это не значит, конечно, что Павел "первый придумал" эти слова и соположения их: он вырос в иудаизме диаспоры, окруженный эллинистической культурой, и пребывал в христианской традиции, в Предании Церкви, которое возникло сразу по смерти Иисуса. (Тут необходимо еще одно приспособление взгляда, чтобы увидеть, что раннехристианская церковная традиция и литургия предваряют христианское Писание, которое из традиции выкристаллизовалось и несет в себе, как геологический слой, разнородное наследство устной традиции). Но — еще раз повернув рассуждение — Павел, глубиной своего религиозного переживания и бесстрашной оригинальностью мысли, наложил на Писание отпечаток, который наметил определяющие черты всей последующей христианской мысли и христианского вероисповедания.

В привычности Павловых категорий есть и опасность: знакомое кажется понятным, не вызывает вопроса. Между тем, что Павел для нас? — примерно семьдесят страниц его писем, да история его трудов, рассказанная Лукой в Деяниях. Чтобы дойти до нас — и я не говорю о глубинном постижении его слова, а лишь о верном понимании его слов — написанное Павлом должно пройти через призму греческого словаря и грамматики и преломиться в призме языка русского; и в обоих языках смысл Павловых слов обогащен — а вместе и затемнен — многовековой традицией, глубоко залегающим двуязычием. Павел ведь был не грек, но еврей малоазийской диаспоры, и в школу ходил в синагоге. (Синагога — греческое слово, составные части которого

видны в *син*-хронный и пед-агог). Вокруг все говорили по-гречески, ибо по-гречески говорили тогда во всех городах восточного Средиземноморья, особенно в больших портовых городах, как Тарс, где вырос Павел; но это был греческий язык с сильным азиатским, семитическим акцентом — сирийским, финикийским, арамейским, египетским. В синагоге то же взаимопроникновение греческого и семитского продолжалось на другом уровне: Павел слышал проповеди по-гречески и читал не только еврейскую Библию, но и греческую Септуагинту, перевод семидесяти толковников, в котором греческий язык сильно окрашен и словоупотреблением, и синтаксисом оригинала. И даже когда Павел, получивший солидное фарисейское образование, завершал его в раввинской академии в Иерусалиме, даже там, и на улицах, и в храме, он слышал греческую речь таких же, как он, евреев диаспоры. Так что, когда Павел писал — а вернее диктовал, по тогдашнему обычаю — свое послание христианам в Риме, его понимание Бога и человека облекалось в греческий язык, усвоенный из разговорного греческого койнэ и чтения Септуагинты. И еще один языковой слой жил в Павле: слова и выражения, которые уже тогда, в пятидесятых годах, имели свое терминологическое значение в практике христианской церкви. Может показаться невероятным, чтобы за два-три десятилетия изменились значения слов, но — да не обидится никто на такое сравнение — вспомним, как изменились русские слова "совет" или "трудящийся" за каких-нибудь двадцать лет, с 1917 до 1937. А первые десятилетия строительства Церкви уж конечно не уступят никакой революции по глубине и тотальности воздействия на языковое сознание.

Обратимся к примеру. Вот первый абзац — он же первое предложение — Послания к Римлянам, который привожу здесь в намеренно буквальном переводе, с возможными вариантами в скобках.

1 Павел, раб (слуги) Христа (Помазанника) Иисуса, призванный Апостол (Посланник), избранный на благовествование (Евангелие) Бога, 2 которое Он предвозвестил через Пророков Своих в Писаниях Святых, 3 о Сыне Своем, рожденном от семени Давида по плоти, 4 явленном Сыном Божиим в могуществе по духу святости через воскресение мертвых, (об) Иисусе Христе, Господе нашем, 5 через Которого я получил благодать и Апостолство на покорение веры во всех народах именем Его, 6 средь которых и вы, призванные Иисуса Христа, 7 всем пребывающим в Риме возлюбленным Бога, избранным святым, благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа.

Прежде чем вникать в словарь и грамматику этого долгого периода, скажем два слова о зачине греческого письма. Он имел такую форму, кто (Ирений) — кому (Апполинарию) — привет. У Павла, а следом за ним и у других христианских авторов, слово, обозначенное здесь как "привет", заменилось благословлением, так, что первое послание Павла в Фессалоники (самое раннее из дошедших до нас) начинается так: "Павел, Силуан и Тимофей — церкви фессалоникской в Боге Отце и Господе Иисусе Христе — благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа". В послании к Римлянам Павел тоже объявляет, в первом стихе, от кого письмо, а в стихе седьмом — кому, завершая стих традиционным благословлением; однако в эту привычную рамку Павел вставляет длинное, на едином дыхании отступление, в которое он втискивает все главные пункты своего символа веры, — не забудем, что он обращается к церкви, в которой его еще не знают. И возьмем ли мы рамку (стихи первый и седьмой) или отступление (стихи со второго по шестой), чуть не каждое слово требует объяснения и комментария. Вот несколько примеров, очень кратко.

Апостол по-гречески значит "посланник, посланец, посол", так что, когда Иисус призвал двенадцать Своих учеников и отправил их изгонять бесов и проповедовать Евангелие, Он их обозначил Своими посланниками, т. е. Апостолами. В христианском употреблении это слово закрепилось за изначальными двенадцатью, из которых, конечно, выпал Иуда; Павел стал тринадцатым Апостолом (т. е. посланником) Иисуса. Слово Апостольство в стихе 5 означает, таким образом, не Апостольский чин, но Апостольское (посланническое) дело: "...от Него получил я благодать и Апостольский наказ..."

Раб или *Слуга* Христа Иисуса? Синодальный перевод Библии (о котором ниже) передает это слово (ΔΟΥΛΟΣ) иной раз как *слуга* (Мф 21: 34), иной раз, чаще, как *раб* (Мф 18: 23). В формуле "ΔΟΥΛΟΣ Христа Иисуса", конечно, подчеркивается полный отказ от своей воли и подчиненность воле Христа; однако, когда в самом начале письма Павел прилагает эту формулу к самому себе, именуя себя подряд ΔΟΥΛΟΣ и ΑΠΟΣΤΟΛΟΣ, он, наверное, хочет подчеркнуть, что у него при Христе своя особая служба, на которую он избран и назначен. В Септуагинте звание "слуга/раб Божий" с почетом прилагается к Моисею и пророкам.¹

Христос, страдательное причастие, означающее "помазанный" или "помазанник", является переводом еврейского слова *Мессия*, которое значит то же. Происходит оно из еврейской мессианской традиции, по которой Спаситель Израиля и всех других народов

помазан будет на царство оливковым маслом. В христианской традиции это слово очень рано стало как бы именем Иисуса и утратило артикль, хотя часто пишется и с артиклем, как имя нарицательное.

Евангелие в переводе значит "Благая (или Радостная) Весть" или, как в нашем тексте, "благовествование", т.е. "дело возвещения этой Благой Вести". Павел искусно смешивает эти два значения — деятельности и содержания ее — когда говорит (перефразирую для ясности): "Павел... Апостол..., избранный на проповедь Божию, которую Он предвозвестил через пророков..." — конечно же, через пророков предвозвещено было содержание проповеди (Благая Весть), а не деятельность Павла по проповеданию ее.

В более позднем употреблении Евангелие стало означать не только проповедь Иисуса о Царствии Божиим и проповедь Церкви об Иисусе, но также и особый литературный жанр — повествование о словах и делах Иисуса, завершаемое рассказом о Его смерти и Воскресении.

Возлюбленные Бога, призванные святые — подчеркнутые здесь слова очень рано стали значить "братья и сестры во Христе", "те, кто разделяет христианскую веру", так что в терминах более позднего времени седьмой стих должен был бы начинаться так: "всем в Риме христианам, возлюбленным Божиим..."

Мир. Пожалуй, ни одно другое слово не показывает с такой ясностью, насколько словарь Павла и всей раннехристианской Церкви зависит от Септуагинты, а через нее — от еврейской Библии. В греческом языке вне Септуагинты *мир* выступает прежде всего как противоположность *войны*, т.е. как политическое отношение между государствами; или еще как состояние вселенской гармонии и покоя. В греческой Библии, однако, это слово выступает переводом еврейского *шалом*, которое означает индивидуальное состояние довольства и блага, мира с собой, с людьми и с Богом (и вот почему в русском языке можно "искать мира и покоя", "обрести душевный мир" и "быть в мире с собой"). Также из еврейской Библии, через греческую, произошло и участие слова *мир* в приветствиях и прощаниях.

Поговорим теперь о синтаксисе нашего предложения, о том, как составлено оно вместе (*син-таксис* и значит *со-ставление*). Греческий язык обладал развитой системой причастий, которые позволяли бесконечно длить фразу; был в нем также артикль и богатый набор частиц, которые эту бесконечную длительность оформляли в отчетливую архитектуру со- и противоположений. Причастия и деепричастия русского языка позволяют передать пластику греческой фразы, но архитектурных средств в русском языке недостает, и оттого дословный перевод иной раз оползает, теряет форму. Вот иллюстра-

ция: в оригинале нашего примера оба причастия *рожденном* и *явленном* предваряются артиклем, что подчеркивает контраст между ними; чтобы добиться сходного эффекта в переводе, нужно было бы добавить неуклюже-канцелярское "с одной стороны рожденном... , с другой стороны явленном..."; или, заменяя причастные обороты придаточными, написать "...Который рожден был..., Который явлен был...".

Иной читатель удивится, может быть, тому, с какой легкостью здесь предлагаются варианты и добавления: разве нет одного, единственно верного перевода Библии? Любой лингвист и переводчик, начиная со Св. Иеронима, переводчика Вульгаты, ответит, что нет, одного единственно верного перевода нет и не может быть.² (Оговорюсь сразу же, что из этого не следует, будто нет переводов неверных: напротив, их очень много). Ведь для того, чтобы перевести Павла на русский язык, надо, во-первых, понять, что он хотел сказать, и во-вторых, изложить это по-русски; и на обоих шагах множатся правильные переводы. О многообразии возможностей русского языка мы будем говорить ниже; теперь вернемся к Павлу и его греческому тексту. Заметьте встречающиеся там словосочетания с родительным падежом — *благовествование Бога, воскресение мертвых, покорение веры* — которые буквально воспроизводят конструкции оригинала. Однако падеж, именуемый родительным в греческой грамматике, соответствует русскому родительному далеко не всегда, и наши три примера хорошо это иллюстрируют. Начнем с последнего: по-русски говорят "покорение Греции римлянами" (кого покорили), но чтобы сказать, *кому* или *чему* покорились, нужен дательный падеж, так что вернее было бы перевести "на покорение вере". Этот случай был простой; *воскресение мертвых* представляет проблему посложнее, потому что Павлова фраза может быть истолкована двояко: Иисус был явлен Сыном Божиим через вообще чудо воскресения из мертвых или через чудо лично Его, Иисуса воскресения из мертвых. Рассуждая чисто грамматически, первое толкование предпочтительнее (слово *мертвые* стоит во множественном числе без артикля), но вопрос перед нами не столько грамматический, сколько богословский, и ответить на него можно только в контексте всего учения Павла; богословы же в большинстве склоняются ко второму толкованию. Во всяком случае, в греческом тексте есть это раздвоение возможного смысла, которого нет в буквальном переводе; вернее было бы написать "явлен был Сыном Божиим... через воскресение *из* мертвых", что сохраняет обе интерпретации, с сильным уклоном в сторону второй, богословски предпочтительной.

Наконец, буквализм *благовествование Бога* неудовлетворителен по многим причинам. Вспомним два вопроса, стоящие перед переводчиком: 1) какое смысловое отношение между Богом и Благой Вестью имел в виду Павел? 2) как выразить это отношение по-русски? По первому вопросу отметим, что родительный падеж в греческом языке был столь же многозначен, как и в русском: это мог быть родительный субъекта или источника (Бог — источник Благой Вести); родительный объекта (Бог — содержание Благой Вести); родительный качества (Благая Весть имеет Божеские качества, угодна Богу) и так далее. При этом, то что в русском языке воспринимается как отчетливое двоение смысла (например, *приглашение писателя — писатель пригласил? писателя пригласили?*), в греческом языке Павла предстает скорее как богатство смысла, изобилие возможных интерпретаций. Прочитируем грамматику: "Во многих случаях родительный падеж слов Бог, Христос употребляется у Павла, чтобы выразить просто какое-то отношение, точно не определенное: таким образом, в английском или немецком языке он соответствует прилагательному" (грамматика Бласса и Дебрюннера, в редакции и английском переводе Р. Фанка, стр. 90). И в русском языке тоже, добавим мы от себя, причем прилагательному церковно-славянского происхождения, ибо *Благая Весть Божия* передает торжественно-расплывчатую формулу Павла гораздо вернее, чем буквалистский родительный падеж.

Опять иной читатель может возразить, что это и без всякой грамматики видно: слова *Благая Весть Божия* сами складываются вместе, а на словах *Благая Весть Бога* язык спотыкается; и долгие рассуждения тут ни к чему. Верно: при передаче отстоявшихся формул, из литургии в Писание перешедших повторов, церковно-славянизмы и необходимы, и неизбежны; но когда Новозаветный автор переходит к развернутому Евангельскому повествованию или богословскому аргументу, следование старым образцам чревато затемнением смысла, а то и прямой ошибкой. Прежде чем обратиться к конкретным примерам, проследим кратко историю Библейского текста в русском языке.

* *
*

Первый перевод Библейских текстов на славянское наречие сделан был Византийскими миссионерами Свв. Кириллом и Мефодием во второй половине девятого века. Родом они были из Солуни (т.е. из Фессалоник), и очевидно знали диалект там живших славян. Начал

переводческую работу Св. Кирилл, однако он перевел не всю Библию, а лишь те части ее, которые употребляются в богослужении; после смерти Кирилла работа продолжалась Мефодием и его учениками, сначала в Моравии, а потом на Балканах. В самых ранних дошедших до нас рукописях, десятого-одиннадцатого веков, балканские черты преобладают, хотя встречаются и моравизмы; от одиннадцатого века дошли также и рукописи с ясно выраженными восточно-славянскими чертами, поверх все той же южно-славянской основы.

Диалектные черты, о которых сейчас шла речь, проявляются главным образом в написании отдельных звуков и формах окончаний, реже — в лексике. Именно на этих сторонах языка, истории звуков и истории морфологических форм, сосредоточено было языкознание XIX — начала XX века, — языкознание того времени, когда определились и традиционные направления филологических исследований, и содержание многих около-языковых споров с идеологической подоплекой, которые ведутся и поныне, как например: является ли современный литературный русский язык в основе своей неизменно восточно-славянским (т. е. "исконно русским"), или подвергся он коренному "обульгариванию" в результате многовекового сожителства с церковно-славянским? Эти споры упускают из виду решающее, на мой взгляд, соображение: каковы бы ни были фонетика и морфология, отразившиеся в языке первых переводов, по своему словарю, синтаксису и семантике словосочетаний они, эти переводы, были равно далеки всем славянским диалектам того времени, и южным, и восточным, и западным. Ведь задача Кирилла и Мефодия ничем решительно не отличалась от той, что стоит ныне перед миссионерами к аборигенам Австралии или индейцам в дебрях Амазонки: им предстояло передать греческий словарь и синтаксис средствами языка, который прежде не знал письменности. Немудрено, что многие из этих средств им приходилось наново создавать в процессе перевода. Насколько удастся после многих веков различить, Кирилл и Мефодий справились со своей работой блистательно, стремясь к передаче смысла, а не формы оригинала; но много было и мест неизбежно непонятных, причем, подчеркнем еще раз, равно непонятных и южным славянам, и восточным, и западным. Что подводит нас к следующей мысли: старославянский язык, то есть язык первых переводов с греческого, с самого начала был наднациональным, книжным и литургическим языком, равно противоположенным всем разговорным славянским диалектам. Однако, поскольку многое в старославянском языке было понятно, поскольку употреблялся он в еженедельной литургии и каждодневной молитве, то старославянский не был воспринимаем

как чужой язык, в отличие от латыни в западных славянских землях. Напротив, по свойству отождествлять авторитетное с подлинным, к старославянскому относились как к единственно подлинному своему языку, а местный разговорный диалект считали его порчей. Дальнейшая история старославянского языка протекала по-разному в разных славянских землях, но был в ней общий ритм: местные элементы неизбежно проникали в него, вызывая реакцию и чистку, причем эти чистки не столько возвращали язык к изначальному, кирилло-мефодиевскому виду, сколько создавали новую, по-иному упорядоченную систему. Так развились местные варианты или *изводы церковно-славянского языка*. (Название *старославянский* сохраняется за языком первых переводов). Из этих изводов самым влиятельным стал извод великорусский, кодифицированный в XVII веке московским изданием грамматики Мелетия Смотрицкого, а также, еще существеннее, обширной продукцией московского печатного двора. Лингвистические описания церковно-славянского языка всегда были и до сих пор остаются неполными, так что норма языка заключена в текстах, а не в грамматиках и словарях.

Уникален этот язык, родившийся в переводе с греческого; никогда никому не бывший языком домашним, материнским, родным; впервые встречаемый в молитве, неотрывный от литургии и Священного Писания; зачастую темный, но несущий в себе величие и весомость и славянской древности, и греческого прототипа. Он давно уже обратился в язык "мертвый", то есть замкнутый в ограниченном круге текстов, но отражения его присутствуют во всех живых славянских языках, и ни в одном столь заметно, как в русском. Образованный носитель русского языка, раскрыв церковно-славянский текст, поймет в нем, пожалуй, половину, но почти каждое слово будет как-то отдаленно знакомо, ибо русский язык вобрал из церковно-славянского множество корней, суффиксов и приставок. Известный оксфордский ученый Борис Унбегаун взял однажды заметку из "Правды" и показал, что чуть не каждое слово в ней содержало церковно-славянский элемент. И не только в "Правде", но и в литературе, в научных статьях и даже в повседневной речи русский язык пользуется тем, что пришло из церковно-славянского и оснастило русский язык иной раз синонимом, иной раз оттенком смысла, иной раз трудно передаваемым ощущением глубины и весомости. Это богатство — недавнего сравнительно происхождения: еще в XVIII веке русский язык и церковно-славянский были резко разделены: русский язык стремительно европеизировался, упорядочивая синтаксис, заимствуя сотни новых слов и выражений, между тем как церковно-

славянский все больше замыкался и отгораживался от обмирщенного языка светской литературы, равно как и духовное сословие России все больше замыкалось в отгороженную от общества касту. И когда в начале XIX века сделан был первый перевод Библии на русский язык, то многим привыкшим к церковно-славянской Библии показался этот перевод неуместным. Вот свидетельство графа Михаила Сперанского, человека, как известно, широко образованного и либерального, но из семинаристов:

. . .сегодня, во время обыкновенного моего утреннего чтения, вместо греческого моего завета, мне вздумалось читать Евангелие в новом русском переводе. Какая разность, какая слабость в сравнении с славянским! Может быть и тут действует привычка, но мне кажется — все не так и не на своем месте: и хотя внутренно я убежден, что это все одно и то же, но нет ни той силы, ни того утешения. Вообще я никогда не смел бы одобрить сего увлечения. Знаю, что это сделано с наилучшими намерениями; может быть, для тех, кои не привыкли к славянскому языку, это услуга. Но для чего бы, кажется, не оставить их привыкнуть? Это стоит труда. Никогда русский простонародный язык не сравнится с славянским, ни точностью, ни выразительностью форм, совершенно греческих. И рече Бог: да будет свет, и бысть свет. И сказал Бог, чтоб был свет, и был свет. Сравни сии два перевода: в одном есть нечто столь быстрое, столь точное; в другом все вяло, неопределенно, *vulgaire*. В языках, кои не имеют другого диалекта, разность сия не может быть чувствительна. Но у нас и для нас она весьма ощутительна, потому что, читая одно, ум себе представляет, как бы могло сие быть выражено иначе.

(Письмо 1819 года, цитировано по книге И. А. Чистович "История перевода Библии на русский язык", 2-е изд., СПб, 1899, стр. 51).

Сличая два перевода, предложенные Сперанским, вчитываясь в его письмо, мы видим, насколько различны для него русская и церковно-славянская стихии, насколько узки возможности его русского языка. В нем нет еще ни церковно-славянского "да будет", ни обще-европейского "вульгарный", зато изобилуют галлицизмы вроде "оставить их привыкнуть" или "разность не может быть чувствительна". С тех пор русский язык вобрал в себя и европейское, и церковно-славянское в великом синтезе, созданном русской культурой девятнадцатого века, но этому синтезу остался непричастен язык русского перевода Библии.

Русский текст Евангелий, упоминаемый в письме Сперанского, был издан Российским Библейским обществом в 1818 году. В контексте языка и словесности того времени этот перевод представляет собой важнейшее явление в истории русского литературного языка. Сличая его со славянским текстом, поражаешься иной раз смелости и мастерству переводчиков, сумевших оттолкнуться от традиции и создать точный и цельный текст, который для современников звучал, наверное, очень свежо и непривычно. Возможности для его филологического изучения весьма многообразны (сравнить с языком тогдашних журналов, соотнести с полемикой между Арзамасом и Беседой, и проч.), но к сожалению, этот перевод — первый, повторяю, перевод Библейских текстов на русский язык — остается почти совершенно неизученным,³ и причиной тому — короткая и не очень счастливая судьба Российского Библейского общества.

Идея Библейских обществ родилась в Англии в самом начале XIX века; целью их было дать всем народам Библию на родном языке в квалифицированном переводе. В 1812 году один из сотрудников общества оказался в Петербурге по делам финского издания; он предложил создать филиал общества в России, чтобы распространять Библию среди иноверцев. Через Кочубея и князя Голицына дело было представлено государю, который начертал "быть по сему", добавив по свидетельству Голицына таковые слова: "В то время как калмыки получают Св. Писание на своем языке, ничего не сделано в этом отношении для русских. Но посмотрим, как это дело пойдет; если оно хорошо примется, то можно будет включить в круг действий общества распространение Св. Писания и для русских".⁴

Дело принялось хорошо. Президентом общества стал могущественный князь Голицын, совмещавший должности министра духовных дел и обер-прокурора Синода. Император дал от казны денег, да много было и частных пожертвований, так что общество купило свою типографию и начало печатать "Известия". На заседаниях общества бывали многие влиятельные лица, и светские, и духовные; когда начали открываться филиалы по губерниям, то неизменно вступали и губернатор, и местный иерарх, и ректор семинарии. Между тем, неутомимые англичане блуждали по окраинам империи, изучая языки и переводя Евангелие; под эгидой общества начаты были переводы на киргизский, татарский, персидский, бурятский; отпечатана была и славянская Библия массовым тиражом. В декабре 1815 года, возвращаясь из-за границы, Александр повелел Голицыну предложить Святейшему Синоду "доставить и россиянам способ читать Слово Божие на природном своем российском языке".

Отношение Синода к этому проекту было двойственное. С одной стороны, Синод подозрительно смотрел на вне-церковное Библейское общество, имеющее явно просветительские цели; многим членам Синода претила мысль о переложении Св. Писания на "простонародный русский язык". С другой стороны, многие видные иерархи входили в исполнительный комитет общества; да и вообще, спорить с повелениями императора и обер-прокурора не приходилось. Синод дело одобрил, но от участия в нем отклонился, препоручив собственно перевод государственной комиссии духовных училищ, а печатание перевода — типографии Библейского общества. Комиссия духовных училищ поставила во главе перевода тогдашнего ректора С.-Петербургской духовной академии архимандрита Филарета (Дроздова). С того момента судьба русской Библии теснейшим образом связалась с биографией этого крупнейшего деятеля русской церкви.

Филарету тогда было 33 года; он находился в расцвете сил и на крутом взмыве карьеры — через год он уже митрополит Коломенский, еще через два — митрополит Московский. С Библейским обществом он был связан со дня основания, и хотя ни люди, ни атмосфера общества вовсе не были ему близки, Филарет видел в обществе удобный инструмент для своих целей: дать русскому народу и русскому священнику Библию на родном языке; воспитать образованное русское священство; создать православную богословскую традицию, свободную от семинарской латыни. За дело русского перевода Филарет взялся со рвением, и результаты его трудов просто ошеломительны. В 1818 году вышло Четвероевангелие (сам Филарет перевел Евангелие от Иоанна); в 1821 году — закончен перевод всех книг Нового Завета; в 1822 году вышел Псалтирь, опять-таки в переводе Филарета, причем впервые в России перевод сделан был не с Септуагинты, а с еврейского оригинала. К 1824 году первые восемь книг еврейской Библии были переведены и отпечатаны, но в продажу уже не попали. Аракчеев, который давно вел интригу против Голицына, добился, наконец, своего: весной 1824 года Голицын пал, и с ним вместе, на всем ходу своей деятельности, обрушилось Библейское общество, ибо конечно никто не думал о нем как о частной, от правительства независимой организации. Президентом общества был избран (назначен?) митрополит Санкт-Петербургский Серафим, который обвинял Голицына в масонстве и извращении православия и всегда был принципиально против перевода Библии на русский язык. Заседания общества прекратились, "Известия" перестали выходить, отпечатанные 10 000 экземпляров Восьмикнижия были изъяты из обращения.⁵ Вступивший на престол Николай I подписал указ о закрытии

общества в июле 1826 года, и после этого ровно 30 лет о русском переводе Библии не было и речи.

* *
*

Лишь только на престол вступил Александр II, дело перевода Библии ожило; главным двигателем был все тот же Филарет, митрополит Московский. Уже на коронации Александра Филарет, которому было за семьдесят, обсудил свой проект с коллегами по Синоду. Многие согласились, иные возражали; полтора года ушло на споры и переписку. Наконец Филарет добился своего: решено было делать перевод, начиная с Нового Завета, под эгидой Святейшего Синода. Исполняли перевод профессора духовных академий Петербурга, Москвы, Киева и Казани; предварительные варианты обсуждались на заседаниях Синода и посылались на просмотр и правку Филарету в Москву. Филарет успел увидеть Новый Завет, изданный "по благословению Святейшего Синода", успел также увидеть переводы Пятикнижия, с филологическими комментариями, в журналах ведущих духовных академий. Полностью синодальная Библия вышла в 1875 году, уже после смерти Филарета.

Лишь детальное исследование сможет определить, как соотносится синодальный перевод Нового Завета с текстом Библейского общества, но нетрудно видеть, что различия весьма невелики. Я бы решился утверждать, что это практически тот же перевод, слегка отредактированный и улучшенный.⁶ Да и неудивительно — ведь один и тот же Филарет спорил и настаивал, руководил и редактировал и в 1818, и в 1858 году. Но то, что выступает подвигом в личной биографии Филарета, оборачивается синкопой, сорокалетним оцепенением в истории русской Библии. То, что в 1818 году было переводом смелым и свежим, поневоле несовершенным, но исторически оправданным, не должно было остаться неизменным в 1858 году, — после Пушкина, Лермонтова, Гоголя, когда уже писали Тургенев, Достоевский, Толстой. Однако, и в 1956 году, Библия, изданная уже не Синодом, а Московской патриархией, повторяет все тот же, лишь слегка подправленный, текст 1818 года. Нужно ли доказывать, что этот текст, принадлежащий истории русского литературного языка и истории русской Церкви, никак не должен был бы обслуживать нужды современного русского читателя? И уж никак не может он отменить потребность в переводе научном, комментированном, учитывающем познания библейской науки конца XX столетия.

Не вдаваясь в критику синодального перевода, укажу только, почему, на мой взгляд, он нуждается в филологическом комментарии (как и любой другой перевод Библии). Слова в разных языках могут перекрываться, но не совпадать идеально; они входят в разные системные отношения с другими словами. К одному греческому слову имеется иной раз несколько русских соответствий, из которых каждое не вполне удовлетворительно, и если речь идет о слове важном, ключевом, то без комментария, пожалуй, не обойтись. Вот несколько примеров. Слово ΕΚΚΛΗΣΙΑ означает, конечно, "церковь", и так и переводится в синодальном переводе. Однако, в греческом языке ΕΚΚΛΗΣΙΑ значит прежде всего "группа людей, собрание", в иных контекстах даже "сборище". Лишь при добавлении слов ΕΚΚΛΗΣΙΑ Βοθια или ΕΚΚΛΗΣΙΑ Χριστα Иисуса получаем мы значение христианского термина, и эти добавления всегда подразумеваются в Новом Завете. Поскольку жива была связь слова со смыслом "собрание группы людей", оно могло стоять в таких, например, контекстах: "Приветствует вас Гаий, принимающий у себя и меня (Павла), и всю церковь" (Рим 6: 23); "...которых не я один благодарю, но все церкви из язычников" (Рим 16: 4, син.). Заметим, что понятие "вся церковь" обнимает всех христиан в данном городе или деревне; о христианах в разных городах говорится "все церкви". По-русски о группе людей, объединенных по исповедальному и по местному принципу, можно сказать *приход* или *община*; однако *приход* предполагает иерархией назначенного священника и звучит анахронизмом, *община* же неизбежно отдает протестантством, ибо когда Лютер в своем переводе на место "церкви" поставил "общину", он это слово навсегда идеологизировал, связав его с вызовом церковному принципу, церковной иерархии. Так что, если таковой вызов не имеется в виду, то переводить надо *церковь*, но, на мой взгляд, с пояснениями филологического характера. Другой пример. В главе 3 Послания к Римлянам читаем: "...все согрешили и лишены славы Божией, получая оправдание даром, по благодати Его, через искупление во Христе Иисусе" (23—24, илл.). Греческое слово, переведенное здесь как *искупление*, означает также *выкуп*, сумму денег, которую платили за раба, когда хотели дать ему свободу, и Павел, мысля в конкретных понятиях своего времени, говорит именно о выкупе во Христе, который освобождает человека от рабства греху (Рим 6: 16—23). Тут сталкиваемся мы со столь частым в русском языке параллелизмом русского и церковно-славянского. Из двух приставок *вы-* и *из-/ис-* вторая — церковно-славянского происхождения, что и определяет смысл и стиль образованных ею слов, ср. *выкуп-искупление*,

выход-исход, выбранный-избранный. Переводчику Библии приходится выбирать, и выбирает он, как правило, слово традиционное и возвышенное, имеющее богатое доктринальное содержание. Однако есть и цена этому богатству: конкретность Павловой мысли облачается покровом некоей благостности, которую поправить можно опять-таки только комментариями и пояснениями.

В паре *выкупить-искупить* традиционный перевод предпочтителен более обиходному еще и потому, что у *искупить* есть производное *Искупитель*, которое необходимо при переводе. Иногда такие соображения выступают в пользу слова более обиходного; например, к существительному *обещание* есть глагол *обещать*, какого нет у существительного *обетование*. В результате в синодальном переводе читаем: "(Авраам) не поколебался в *обетовании* Божием... будучи вполне уверен, что Он силен и исполнить *обещанное*" (Рим 4: 20–21, син.). Подчеркнутые слова в оригинале соотносятся как *обещание-обещанное*, и хотелось бы в переводе это соотношение сохранить. В комментарии, однако, важно указать, что речь идет о том самом обещании, к которому относятся слова *земля обетованная* (и тут же, быть может, отметить, что слова *обещанная земля* гораздо лучше передают вещную конкретность Библейских отношений с Богом).

До сих пор мы разбирали случаи, когда ясно видны два хорошо обоснованных перевода, и приходится выбирать между ними. Задача переводчика еще труднее, когда ясно виден один, традиционный и очевидный перевод, который, однако, представляется искажающим мысль оригинала — и приходится идти против очевидности и традиции. Мы разберем одну группу слов, в которой это случалось особенно часто, а именно — названия человеческих общностей. На страницах Павловых писем нам предстают (даю традиционные переводы) иудеи и язычники; эллины, римляне, евреи, израильтяне; иной раз даже варвары и скифы. За исключением язычников, все эти слова являются транслитерациями греческих слов (из которых многие являются, в свою очередь, транслитерациями слов еврейских). Переводческий метод, таким образом, прост: ΙΟΥΔΑΙΟΥΣ означает иудей, ΡΩΜΑΙΟΥΣ — римлянин, ΕΛΛΗΝ — эллин. Однако и синодальный перевод вынужден иной раз отступить от этого простого и самоочевидного метода. Вспомним рассказ об аресте и заключении Павла в Филиппах (Деян, гл. 16). У неких людей там была рабыня, наделенная даром прорицания; упражняясь в этом даре, она приносила хозяевам немалый доход. Эта рабыня повстречала раз Павла и его помощников и после этого стала ходить за ними, восклицая: "Эти люди — рабы Бога всевышнего, которые возвещают нам путь к спасению" (16: 17, син.).

Павлу это надоело, и он приказал прорицающему духу выйти из рабыни; тот так и сделал. Разгневанные хозяева рабыни (ибо они лишились источника дохода) схватили Павла и помощника его Силу, привели к городским властям и сказали: "Сии человеки, будучи иудеями, возмущают наш город и проповедуют обычаи, которые нам, римлянам, не следует ни принимать, ни исполнять" (16: 21, син.). Толпа тоже восстала на Павла и Силу, и, боясь, повидимому, толпы, городские власти велели бить их кнутом и посадить в тюрьму. На другое утро власти распорядились, чтобы их выпустили из тюрьмы и отпустили с миром, но Павел сказал (даю буквальный перевод): "Наказав нас всенародно и без суда, людей, являющихся римлянами, бросили в темницу, а теперь тайком выпускают? Нет, пусть, придя, сами нас выведут" (16: 37). Власти "испугались, услышав, что они — римляне" (16: 38), и сделали по требованию Павла.

Как понять этот отрывок? Казалось бы, в стихе 21 Павел и Сила, как иудеи, противопоставляются римлянам, между тем, в стихах 37 и 38 они оказываются не только ΙΟΥΔΑΙΟΙ, но и ΡΩΜΑΙΟΙ. Причина, конечно, в том, что "римлянин" было понятием не только национально-этническим, но и государственно-правовым. Павел объявляет о себе, что он — римский гражданин, который по закону не подлежит физическому наказанию без суда и следствия, и синодальный перевод совершенно справедливо переводит в стихах 37 и 38 ΡΩΜΑΙΟΣ как *римский гражданин*. И в Деяниях 2: 10, опять-таки совершенно справедливо, синодальный перевод избегает буквализма *сожительствующие римляне* (ΡΩΜΑΙΟΙ), но дает *приехавшие из Рима*.

Взглянем подробнее на этот стих из Деяний. Он перечисляет те страны, откуда съехались в Иерусалим на праздник Пятидесятницы ΙΟΥΔΑΙΟΙ ΚΑΙ ΠΡΟΣΗΛΥΤΟΙ "иудеи и прозелиты" (Деян 2: 10, син.). Синодальный перевод поясняет, что прозелиты — это "обратившиеся из язычников"; спрашивается — обратившиеся во что? Очевидно, в иудейство, ибо иудейство, по-русски, — название определенного вероисповедания, и иудей, согласно словарям русского языка, это "лицо иудейского вероисповедания" (Ушаков, Ожегов). Однако формула ΙΟΥΔΑΙΟΙ ΚΑΙ ΠΡΟΣΗΛΥΤΟΙ предполагает, что эти две группы различны; быть может ΙΟΥΔΑΙΟΣ не значит иудей?

Еврейский народ с незапамятных времен предстает в трех аспектах: как общность национально-этническая, как общность религиозная, и как общность сакральная, "избранный народ Божий". Для выражения сакрального аспекта существовало слово ΙΣΡΑΗΛ "Израиль", и представитель еврейского народа в этом его аспекте назывался ΙΣΡΑΗΛΙΤΗΣ "израильтянин, израилит" (слово израильтянин

звучит, мне кажется, анахронизмом, ассоциируясь с гражданином современного государства Израиль). Первые два аспекта — этнический и религиозный — смешивались в слове ΙΟΥΔΑΙΟΣ, как смешиваются они и поныне во многих европейских языках, где просто нет двух разных слов для различения этих понятий. Между тем в русском языке, исключительным образом, *иудей* описывает только вероисповедание, а слово *еврей* за годы советской власти совершенно секуляризовалось, обратясь в пресловутую "национальность".⁷ Переводчик вынужден выбирать между двумя словами, из которых оба не полностью адекватны; все же *еврей* явно предпочтителен, по трем причинам. Первая касается того, что в логической семантике именуется референтным значением. И слово *еврей*, и слово *иудей* описывает определенную группу людей; слово *еврей* описывает ту же группу людей, что и греческое ΙΟΥΔΑΙΟΣ, хотя и не в полностью адекватных терминах; слово *иудей* просто описывает не ту группу людей, ибо включает прозелитов. Во-вторых, слово ΙΟΥΔΑΙΟΣ является самым обычным, самым частым обозначением евреев в Новом Завете. Оно встречается там 195 раз, тогда как, скажем, ΕΒΡΑΙΟΣ всего 4 раза; следовательно, ΙΟΥΔΑΙΟΣ должно переводиться более частотным *еврей*. Наконец, именно слово ΙΟΥΔΑΙΟΣ служило для обозначения евреев "со стороны", принимая иной раз враждебный, уничижительный оттенок, что опять-таки склоняет в пользу еврея, а не иудея.

Возвращаясь к греческим словам, надо отметить, что ΙΟΥΔΑΙΟΣ было принято в качестве самообозначения евреями диаспоры, но палестинские евреи его избегали, равно как избегали они еврейского прототипа этого греческого слова. И для хасмонейских монархов, и для Великих Раввинов, кодификаторов иудаизма, главным самообозначением было не Иуда, но Израиль, и Павел, хотя и вырос в диаспоре, следовал этой традиции. Только у Луки в Деяниях Павел говорит о себе "ΙΟΥΔΑΙΟΣ из Тарса" (21: 39); в посланиях самого Павла ΙΟΥΔΑΙΟΣ всегда или "ты", или "он", а о самом себе, утверждая свою принадлежность к народу избранному, Павел говорит ΕΒΡΑΙΟΣ или ΙΣΡΑΗΛΙΤΗΣ: "...и я — израильтянин, от семени Авраама, из колена Вениамина" (Рим 11: 1); "...я, обрезанный на восьмой день, из рода Израилева, из колена Вениамина, еврей из евреев..." (Фил 3: 5 син.). Последний пример указывает на одно из значений слова ΕΒΡΑΙΟΣ: древнее и более возвышенное название еврейского народа. (Так употребляется оно у Филона Александрийского и у Иосифа в книге "Древняя история евреев", известной под названием "Иудейские древности".) Другое значение слова ΕΒΡΑΙΟΣ отчетливо

выступает в следующем стихе: "В те дни, когда умножились ученики, произошел у эллинистов ропот на евреев (ΕΒΡΑΙΟΙ)...". (Деян 6: 1 син.). Примечание в синодальном переводе объясняет, что эллинисты — это "евреи из стран языческих"; просто подставляя объяснение в стих, получаем: "у евреев из стран языческих произошел ропот на евреев". Логика явно нарушена, и причина здесь в том, что ΕΒΡΑΙΟΣ значит не просто "еврей", а "еврей из Палестины, говорящий по-арамейски, а не по-гречески". Таким образом, второе значение слова ΕΒΡΑΙΟΣ связано с языком; образованные от него прилагательные употребляются в Новом Завете исключительно в связи с языком и алфавитом. (См., например, Деян 21: 40, 22: 3).

Взглянем теперь на второй член противопоставления ΕΒΡΑΙΟΙ—ΕΛΛΗΝΙΣΤΑΙ в Деян. 6: 1. ΕΛΛΗΝΙΣΤΑΙ здесь включают всех евреев диаспоры, а не только евреев из Греции, и причина такого обобщения понятна: вся восточная половина Римской империи, от Египта до Рима, широко пользовалась греческим языком и жила по греческим обычаям. Так же и слово ΕΛΛΗΝ интерпретировалось широко, обозначая не представителя определенной национальности, но члена определенной культуры. Вот показательный пример: в Евангелии от Иоанна евреи (ΙΟΥΔΑΙΟΙ) спрашивают друг друга: "Куда это Он хочет пойти, так что мы не найдем Его? Уж не хочет ли Он пойти в эллинское рассеяние (ΔΙΑΣΠΟΡΑ) и учить эллинов?" (7: 35, илл.). Здесь отчетливо видно противопоставление между "иудеям" и "эллином", которое является центральным для Павла. В его посланиях слово ΕΛΛΗΝ встречается 13 раз, из них 11 — в паре с ΙΟΥΔΑΙΟΣ. Сочетание ΙΟΥΔΑΙΟΙ ΚΑΙ ΕΛΛΗΝΕΣ ("иудеи и эллины" син.) может у Павла означать "все человечество", как в Рим 2: 9—10: "Скорбь и теснота каждой душе человеческой, творящей зло, и, во-первых, иудею, и эллину; но слава и почесть каждому, творящему добро, и, во-первых, иудею, и эллину". Для сравнения отметим, что в более привычной паре с ΒΑΡΒΑΡΟΣ слово ΕΛΛΗΝ выступает у Павла всего один раз.

Таким образом, в сознании Павла человечество как бы поделено двумя концентрическими кругами. Евреи погружены в огромный эллинистический мир, за границами которого — варвары, о которых Павел вспоминал редко. Зато очень резко проведена граница между "иудеями" и "эллинами", отождествляясь иногда с древним разделом между евреями и другими народами, которые не исповедуют Одного Бога — то, что в синодальном переводе именуется "язычники". И чтобы понять, что делать с "эллинами", необходимо обсудить и "язычников" тоже.

Русскому слову *народ* соответствуют в Новом Завете два греческих слова: ΛΑΟΣ и ΕΘΝΟΣ. Различие между ними сложилось еще в Септуагинте под влиянием еврейского оригинала и оттуда перешло в Новый Завет: ΛΑΟΣ обозначает преимущественно Израиль, сакральный народ Божий, тогда как ΕΘΝΟΣ обозначает любое вообще этническое целое; множественное число ΕΘΝΗ соответствует еврейскому גוֹיִם "народы", означающему "не-Израиль; другие народы; не знающие Бога народы". Иначе говоря, в слове ΕΘΝΗ, как и в слове ΙΟΥΔΑΙΟΣ, неразрывно сочетается элемент этнический с элементом исповедальным.

Старославянские переводы, восходящие к Кириллу и Мефодию, равно как и современная церковно-славянская Библия, последовательно переводят ΕΘΝΟΣ как *язык*, и множественное число ΕΘΝΗ как *языки*, ибо *язык* по-церковнославянски значит "народ" (отсюда у Пушкина "и назовет меня всяк сущий в ней язык"). Слово же *язычник* выступает в церковно-славянском исключительно как калька греческого прилагательного ΕΘΝΙΚΟΣ — "относящийся к ΕΘΝΗ". В дальнейшем развитии слово *язычник* обрело, как известно, чисто исповедальное значение, причем в современном русском языке язычество противопоставлено прежде всего христианству.

Синодальный перевод заменил повсюду традиционные *языки* (то есть *народы*) на *язычники*, снова, как и в случае с ΙΟΥΔΑΙΟΣ начисто исключая этническое содержание греческого слова. Между тем, при переводе Нового Завета такое исключение не всегда правомерно. Решающим здесь является такое соображение: принадлежат ли христиане из не-евреев к "язычникам", или нет. Заметим, что этот вопрос просто неприменим в обстановке Евангелий, когда обращенные из других народов исчислялись единицами, да и христианства, в смысле организованной религии, еще не было — был Иисус и Его ученики; так что когда Иисус, говоря с учениками, употреблял то еврейское или арамейское слово, которое потом евангелист перевел как ΕΘΝΗ, то в русском тексте должно на этом месте стоять *народы* или *другие народы*, но уж никак не *язычники*. Однако и у Павла тоже находим такие примеры, как Эф 3: 1, где он, безо всякой укоризны, обращаясь к христианам, говорит: "вы, язычники". Бесспорно, что в связи с самоосознанием Церкви как нового Израиля слово ΕΘΝΗ стало противопоставляться христианам (как у того же Павла в 1 Кор 5: 1), но это противопоставление не является у Павла одним из центральных пунктов богословского анализа, в отличие от противопоставления ΙΟΥΔΑΙΟΙ-ΕΘΝΗ. Поэтому мне кажется, что ΕΘΝΗ можно было бы переводить как *язычники* толь-

ко в тех немногих контекстах, где они противоположены христианам; в большинстве же случаев такой перевод является вводящим в заблуждение анахронизмом.

Возвращаясь к слову ΕΛΛΗΝ повторим, что пары ΙΟΥΔΑΙΟΙ–ΕΘΝΗ и ΙΟΥΔΑΙΟΙ–ΕΛΛΗΝΕΣ описывают у Павла одно и то же деление, но с разных точек зрения: ΙΟΥΔΑΙΟΙ–ΕΘΝΗ восходит к еврейской Библии; ΙΟΥΔΑΙΟΙ–ΕΛΛΗΝΕΣ восходит к культурным данностям восточного Средиземноморья и к личному опыту Павла, "анатолийского еврея диаспоры, миссионера из Иерусалима, переступившего через границу еврейского гетто в культурную среду "эллинов" (Theological Dictionary of the New Testament, vol. II, p. 513). Очевидно, что мы не найдем русское слово, точно передающее смысл ΕΛΛΗΝ, но есть предположительные возможности, которые во всяком случае лучше, чем *элин*, уводящий ассоциации в мир древней Эллады. Одна возможность – *грек*, из *греков* (по этому пути идут большинство европейских переводов), причем, конечно, необходимо примечание, что *грек* здесь – понятие культурное, а не этническое. Другая возможность основывается на следующих соображениях. Парадоксальным образом (ибо сопоставляются, казалось бы, названия двух народов) в паре ΙΟΥΔΑΙΟΣ–ΕΛΛΗΝ этнический момент выступает гораздо слабее, чем в ΙΟΥΔΑΙΟΙ–ΕΘΝΗ. Для Павла ΕΛΛΗΝΕΣ были все эти люди вокруг, без различия национальности, которые поклонялись идолам, искали софийской мудрости и культивировали человеческое тело (см. Рим 1: 21–27). Быть может, как раз *язычник* передало бы этот круг образов даже лучше, чем *грек*. Интересно, что такого рода переводу есть прецедент в синодальном тексте. В Евангелии от Марка рассказывается, что, когда Иисус был в окрестностях Тира и Сидона, одна женщина воззвала к Нему об исцелении дочери, "а женщина та была язычница, родом Сирофиникиянка" (7: 26 син.). Слово язычница переводит здесь греческое ΕΛΛΗΝΙΣ, прилагательное женского рода от ΕΛΛΗΝ. Повидимому переводчики опасались, что читателю будет непонятно, как это одна и та же женщина может быть и элинкой, и финикиянкой из Сирии.

Итак, заключаем, что все разобранные нами слова очень непрямым образом соотносятся с их русскими аналогами и эквивалентами.⁸ Подчеркну еще раз, что все предложенные здесь переводы нуждаются в комментариях и пояснениях, и в этом заключается главный тезис настоящей статьи: переводы Библейских текстов следовало бы читать в сопутствии комментария, филологического, исторического, а также и доктринального, ибо изменились не только значения слов, но и весь исторический контекст религиозной жизни. Создание

таких комментариев на русском языке — дело будущего, и предлагаемый перевод может лишь надеяться послужить отчасти толчком к этому огромному делу.⁹

Работа над предлагаемым переводом руководствовалась следующими задачами: дать филологически точный перевод на современный русский язык, передающий по возможности и смысл, и стиль оригинала, и основывающийся на критически подготовленном тексте Нового Завета. Последний пункт требует пояснения. Текст Нового Завета дошел до нас во многих рукописях, которые различаются между собой порой весьма существенно. Первое печатное издание приготовлено было в начале XVI века Эразмом Роттердамским, на основании нескольких поздневизантийских рукописей. Это издание, лишь с небольшими вариациями, стало "общепринятым текстом" (*Textus Receptus*) Нового Завета и оставалось таковым до середины XIX века; оно же лежит в основе и синодального перевода. Между тем найдены были гораздо более древние рукописи (IV—V веков) и проделана огромная научная работа, приведшая в конце XIX века к появлению критических изданий Тишендорфа, Вескота и Хорта и других. В двадцатом веке случилось еще несколько ключевых находок, вызвавших и несколько новых изданий, из которых самым, пожалуй, распространенным является третье издание Объединенных Библейских обществ, идентичное 26 изданию в серии Аланда-Несле.¹⁰ Это издание дает в подстрочных примечаниях большое количество вариантов, причем оценивает принятые решения по четырехбалльной шкале: когда редакторы уверены были в правоте своего выбора, они оценивали свой вариант буквой А; когда же показания источников — и мнения редакционной коллегии — оказывались разделенными поровну, редакторы оценивали избранный ими вариант буквой D; буквы В и С служили промежуточными градациями. Я следовал тексту Библейских обществ за исключением тех случаев, когда избранный там вариант оценивался С или D; в этих случаях я следовал византийской традиции, которая вошла в *Textus Receptus* и принята была синодальным переводом.

Разберем два примера существенных текстологических различий. Во многих ранних рукописях Первого Послания Иоанна Богослова стих 19 главы 4 звучит так: "Мы любим, потому что Он прежде возлюбил нас", и этот текст принят как верный большинством современных комментаторов. Во многих поздних рукописях, однако, стоит: "Мы любим Его (или: Бога), потому что Он любит нас". Надо отметить, что в греческом языке форма *любим* неотличима от формы *будем (же) любить*, и именно так интерпретировал этот стих сино-

дальный перевод. Приведу соображения редакторов издания Библейских обществ, оценивших этот вариант буквой В: вариант без местоимения засвидетельствован в ранних рукописях, широко разбросанных географически; нетрудно видеть, как из варианта без местоимения мог возникнуть, под рукой раннего редактора или переписчика, вариант с местоимением — ибо глагол *любить* редко употребляется без прямого дополнения — тогда как маловероятно, что произошла обратная правка, и местоимение было опущено.

Во втором из наших примеров разночтения не меняют смысл текста, но скорее иллюстрируют историю его распространения; этот пример послужит нам удобным предлогом для того, чтобы обозреть общий план Послания к Римлянам. После разобранного нами первого абзаца Павел переходит ко второй традиционной части своих посланий: благодарение и благословление. В 17 стихе первой главы он формулирует главную тему послания — соотношение между праведностью и верой — и эту тему развивает в последующих одиннадцати главах. Закончив богословское рассуждение, Павел начинает 12 главу с "Поэтому. . ." и переходит к следующей неперменной компоненте своих посланий — морально-этическому поучению. (В комментариях обычно отмечается, что в морально-этических разделах Павел более традиционен, чем в своем богословии.) Учительная часть заканчивается в главе 15: Павел переходит на более личный тон, излагает планы путешествия в Рим, делится опасениями о поездке в Иерусалим. Последняя 16 глава состоит в основном из приветов и пожеланий; в конце ее, завершая все послание, стоит долгое, в три стиха славословие (доксология). Вот с этим славословием и связано следующее разночтение: в иных рукописях оно стоит не после 16 главы, а после 15; еще в иных — после 14 (так в синодальном переводе). Причины этих разночтений, по-видимому, таковы. Есть косвенные свидетельства, что в ранней Церкви Послание к Римлянам циркулировало иногда без последних двух глав, что объясняет доксологию в конце главы 14. Кроме того, большинство комментаторов считают, что глава 16 — отдельное письмо, адресованное Павлом не в Рим, а в Эфес, и лишь позднее присоединенное к Посланию к Римлянам — это объясняет доксологию в конце главы 15.

Очень немногие разночтения имеют столь же серьезный характер, как два разобранных нами — большинство из них никак не влияют на содержание текста и не имеют доктринальных последствий. Послание к Римлянам, которое мы знаем, бесспорно, тот самый текст, который написан был Апостолом Павлом в пятидесятых годах первого века. Вот русский перевод этого текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Прощитируем словари: "Обращаясь к греческой Библии (т. е. Септуагинте — А. Н.) и прослеживая, как употребляются там слова этой группы (ΔΟΥΛΟΣ и производные — А. Н.), мы не можем не заметить, насколько они вытеснили все свои разнообразные синонимы... Везде, где возникает понятие службы, оно выражается словом из этой группы. Оно не ограничивается, таким образом, описанием лишь службы рабов, что отмечает употребление этой группы слов в не-Библейском греческом" (Theological Dictionary of the New Testament, vol. II, p. 265).
"Повсюду (в Новом Завете — А. Н.) главное направление смысла в словосочетании ΔΟΥΛΟΣ Иисуса Христа таково, что нам не избежать заключения, что это словосочетание предполагает не только исповедание спасительного деяния Иисуса, но и описание конкретной деятельности тех людей, которые это словосочетание употребляют... Понимаемое таким образом, само-обозначение ΔΟΥΛΟΣ Иисуса Христа, как оно употребляется Павлом, расширяет параллельное ему ΑΠΟΣΤΟΛΟΣ Иисуса Христа. ΑΠΟΣΤΟΛΟΣ описывает должность Павла, как она проявляется по отношению к тем, кто вовне, тогда как ΔΑΤΛΟΣ описывает ее в ее отношении к Христу и ее окончательно основе, состоящей в том, что Христос забрал Павла от мира и сделал его Своей собственностью". (Там же, стр. 276—277).
2. Точнее говоря, Св. Иероним возражал против убеждения, что переводчик Библии должен быть движим Святым Духом. Контекст спора был таков. Сличая Септуагинту с еврейским оригиналом, Св. Иероним обнаружил значительные расхождения. В то время существовала уже латинская Библия, переведенная как раз с Септуагинты; Иероним принялся за новый перевод, основанный на еврейском тексте (этот перевод и стал впоследствии каноническим текстом латинской церкви). Многие, включая Бл. Августина, осуждали затею Иеронима, ибо считали Септуагинту переводом боговдохновенным, который возник совершенно независимо у семидесяти двух толковников, работавших в отдельных кельях. На эти возражения Св. Иероним отвечал: "Не знаю, кто первый своею ложью воздвиг семьдесят келий в Александрии, в которых они были изолированы и однако написали одно и то же. Ни Аристей... , ни через долгое время после него Иосиф ничего такого не говорят, но пишут, что они были в одном зале и писали, совещаясь вместе, а не пророчествовали. Ибо пророк — это одно, а переводчик — другое: там Дух предсказывает грядущие события, здесь эрудиция и богатый запас слов переводят то, что понимают". (Patrologiae Cursus Completus... Scriptores Ecclesiae Latinae, vol. XXVIII, cols. 150—151).
3. Значительная работа по истории славянской и русской Библии проделана была в Комиссии по научному изучению славянской Библии, которую организовал и возглавил в 1915 году выдающийся русский библеист, профессор С.-Петербургской духовной академии И. Е. Евсеев. К сожалению, архивы Комиссии, содержащие, наверное, богатейший материал, остаются неопубликованными. См. Журнал Московской Патриархии, 1971, 12: 64—7; 1974, 3: 79—80.

4. Цитирую по: Н. Астафьев. "Опыт истории Библии в России в связи с просвещением и нравами. Часть 4: Наше время". Журнал министерства народного просвещения, 1889, октябрь, стр. 289.
5. Почти все они были сожжены на Лаврском кирпичном Заводе (И.Е. Евсеев. "К столетней годовщине русского перевода Библии", СПб, 1912) ; согласно И. А. Чистовичу, духовные власти были к этому делу непричастны (Чистович "История. . .", стр. 117–118). К. Логачев сообщает, что "из почти полностью погибшего тиража сохранилось несколько экземпляров. . . без титульного листа". ("Издания русских переводов Библии", Журнал Московской Патриархии, 1975, 7: 72–8).
6. Как и во многом, я, скорее всего, лишь повторяю то, что было совершенно ясно И. Е. Евсееву. К. Логачев пишет: "Вторая. . . редакция нынешнего русского перевода Библии была выполнена в 1858–1863 годах русскими духовными академиями под контролем Святейшего Синода. Полностью изданная впервые в 1875 году, эта редакция известна под не совсем точным названием "синодального перевода", так как более правильно говорить, как это и делает И.Е. Евсеев, о "синодальном издании". ("Работы профессора И. Е. Евсеева по русскому переводу Священного Писания", Журнал Московской Патриархии, 1973, 2: 79–80).
В настоящей статье я употребляю устоявшееся название "синодальный перевод", хотя согласен, что "синодальное издание" или "синодальная редакция" охарактеризовало бы этот текст более точно. В последующих цитатах из Нового Завета помета (син) означает, что цитата взята из синодального перевода; отсутствие такой пометы означает, что перевод сделан или модифицирован мною, с иллюстративными целями.
7. Словарь русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии Наук (СПб., 1907) определяет *еврей* как "лицо, принадлежащее к семитскому племени и исповедующее Моисеев закон".
8. См. также статью К.И. Логачева "К вопросу об улучшении русского перевода Нового Завета (лексико-фразеологические проблемы русского перевода)", Богословские труды, вып. 14, стр. 160–165, содержащую подробный разбор нескольких слов и словосочетаний, входящих в русский текст Евангелий.
9. Попытаюсь здесь выразить мою благодарность всем тем, без кого эта работа не могла бы состояться. Это прежде всего Лариса Волохонская, Мира Мейлах-Орлова и о. Михаил Аксенов-Меерсон, посвятившие бесчисленные часы чтению и обсуждению моего перевода. Нина Перлина, Борис Гаспаров и Слава Паперно очень помогли найти верный тон и стиль. В ключевой момент одобрил мою работу прот. Иоанн Мейендорф; решающую поддержку, и практическую и моральную, оказали мои американские коллеги, профессора Корнельского университета Ричард Лид и Джозеф Граймз. Мишель Санте бескорыстно и весьма квалифицированно впечатала перевод в университетский компьютер; Энди Лид проявил немалую изобретательность, извлекая его оттуда. И наконец, я благодарен Корнельскому университету, единственной организации, оказавшей мне помощь в моей работе.

10. См. К. И. Логачев. "Критические издания текстов Священного Писания как представители рукописного материала". Богословские труды, вып. 14, стр. 144–153.

Греческий текст в издании Библейских обществ послужил основой перевода Нового Завета, созданного Русской комиссией в Париже в 1951–1964 гг. и изданного Британским и Зарубежным Библейским Обществом в Лондоне в 1970 году. В исторической памятке к этому переводу (Издание Русской Комиссии, Лондон–Париж–Брюссель, 1970) говорится: "В основу своего труда Комиссия положила следующие руководящие начала:

- Верность греческому подлиннику, по его древнейшим рукописям, в наилучших научных изданиях середины XX века.
- Современный литературный язык.
- Сохранение, в этих пределах, языка и стиля прежних русских переводов 1819 и 1862 годов". (Памятка, стр. 1).

Мое мнение таково, что начала второе и третье навряд ли совместимы; во всяком случае, именно в неприверженности языку и стилю синодального издания и заключается главное отличие предлагаемого здесь перевода от чрезвычайно основательного и добротного труда Русской Комиссии.

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ПАВЛА ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ В РИМЕ

Глава 1

1 Пишет вам Павел, слуга Иисуса Христа, призванный Апостол, избранный на проповедь Благой Вести Божией, 2 которую Он предвозвестил через пророков в Писаниях Святых — 3 Вести о Сыне Его, Господе нашем Иисусе Христе, Который рожден был по плоти от семени царя Давида, 4 а по духу святости был явлен Сыном Божиим в могуществе, через воскресение из мертвых. 5 Через Него я получил благодать и апостольский наказ именем Христа покорять вере все народы, 6 меж которыми находитесь и вы, избранные Иисуса Христа. 7 Итак, От Апостола Павла всем в Риме святым, которых Бог призвал и отметил Своей любовью: благодать вам и мир от Бога Отца Нашего, и от Господа нашего Иисуса Христа.

8 Прежде всего благодарю Бога, через Иисуса Христа, за то, что слух о вере вашей идет по всей земле. 9 Бог, Которому служу духом моим, проповедуя Благоую Весть о Сыне Его — Бог мне свидетель, что вы всегда в моей памяти, 10 и я в молитвах непрестанно прошу Бога, чтобы Он волей Своей направил, наконец, мой путь к вам. 11 Очень хочу видеть вас, чтобы поделиться с вами духовной благодатью и тем укрепить ваш дух. 12 Иначе сказать — чтобы утешение и вам, и мне пришло от общей веры, и вашей, и моей.

13 Хочу вам сказать, братья мои, что хотя до сих пор не мог к вам выбраться, собирался в путь я уже не раз, в надежде что и у вас достигну плодов, каких я достиг среди других не знающих Бога народов. 14 Ибо я в долгу у всех народов, цивилизованных и варварских, мудрецов и невежд; 15 и мне не терпится донести Благоую Весть и до вас, жителей Рима. 16 Не постыжусь нигде возвестить Благоую Весть: она есть действие Бога, направленное ко спасению всех тех, кто верит, и, во-первых, евреев, и других народов. 17 Ибо в ней открывается праведность Божия и от веры ведет к вере, как написано: "Праведник по вере будет жить".

18 Гнев Бога является с небес на всякий грех и всякую неправоту тех людей, чья неправота задавляет Божью правду. 19 И они не могут оправдаться незнанием: то, что познаваемо о Боге явно людям, ибо сам Бог сделал его явным. 20 С тех пор как Бог создал мир, все невидимое Его, вечная Его сила и божественность стали видны человеческому уму во всем, что Он создал, так что тем людям нет оправдания. 21 Зная Бога, они не славили Его как Бога и не благодарили: их мысли суетливы, их несмысленное сердце исполнилось тьмы.

22 Они называют себя мудрецами, но они просто глупцы, 23 променявшие службу нетленному Богу на поклонение образам и подобиям тленных людей, птиц, четвероногих и пресмыкающихся. 24 И за то отдал их Бог похоти их сердец, чтобы нечистотой сквернили тела свои. 25 Они променяли Божью правду на ложь, они служат и поклоняются созданию вместо Создателя, Которому одному принадлежит вечная слава, аминь! 26 За это Бог отдал их на волю их нечистых страстей, и их женщины, вместо естественной любви, занимаются извращениями между собой, 27 а мужчины, забыв естественное влечение к женщинам, разжигаются похотью друг на друга и тоже занимаются блудом между собой, так наказывая себя же за свою глупость. 28 Как они рассудили не держать в уме Бога, так и Бог отдал их на волю безрассудного разума совершать всякие бесстыдства. 29 Их переполняют зло и порок, злоба и жадность: зависть, злость, убийство, насилие и предательство занимают их мысли, 30 они злословят и сплетничают, поносят Бога и оскорбляют друг друга, а гордятся и хвалятся только сами собой; они изобретательны на всякую гадость и непочтительны к родителям; 31 они безрассудны, бесчестны, безжалостны и бездушны. 32 Они прекрасно знают, что по Божьей мерке такие дела достойны смерти, однако и сами продолжают так жить, и других так живущих поощряют.

Глава 2

1 Друг мой, судящий других людей — нет тебе прощения. Судя других, ты себя осуждаешь, ибо, судя других, ты тем самым делаешь то же, что и тот, кого ты судишь. 2 Но Бог, как мы знаем, выносит справедливый приговор тем, кто так делает. 3 Неужели ты думаешь, что судя других, а сам делая то же, ты избежишь Божьего приговора?

4 Или, быть может, ты смотришь с пренебрежением на великую доброту, кротость и долготерпение Бога, не ведая, что Его доброта ведет тебя к раскаянию. 5 Но чем жестче и неуступчивей сердце твое, чем дольше противится раскаянию, тем больше ты накапливаешь гнева на свою голову, ко дню гнева и справедливого суда Божьего. 6 Тогда воздаст Бог каждому по делам его: 7 тем, кто постоянством в деле добра ищет славы, почести и бессмертия — тем жизнь вечную, 8 а тем, кто из честолюбия и послушания не следует истине, но следует лжи — тем гнев и ярость Божии. 9 Скорбь и теснота каждой душе человеческой, совершающей зло, и, во-первых, евреям, и

другим народам. 10 Но всем, совершающим добро, и, во-первых, евреям, и другим народам, тем всем слава, уважение и мир. 11 Ибо у Бога нет любимцев.

12 Те, кто грешат, не имея закона, так не имея закона и погибнут; те, кто грешат, зная закон, по закону же будут осуждены. 13 Ибо не слушатели закона — праведники пред Богом; оправданы будут те, кто закон исполняет. 14 Когда другие народы, не имеющие закона, сами собой, естественно, исполняют закон, то, хотя и не имея закона, они сами себе закон. 15 По ним видно, что суть закона записана в их сердцах; о том свидетельствует и совесть их, ибо наедине, в мыслях, они иной раз оправдывают себя, иной раз осуждают. 16 И так будет в тот день, когда, как гласит моя Благая Весть, Бог, через Христа Иисуса, будет судить тайные дела и мысли людей.

17 Поговорим о тебе. Ты именуешься евреем, ты опираешься на закон и хвалишься знанием Бога: 18 ты знаешь волю Его, и наученный законом, умеешь различить что есть лучшее. 19 Ты убежден, что ты — поводырь для слепцов, свет для пребывающих во тьме, 20 учитель несмышленишей, наставник молодежи, в своем законе имеющий образец знания и истины. 21 И что же: уча других, учишь ли ты себя? 22 Проповедуя "не укради", не крадешь ли? Говоря "не прелюбодействуй" — не прелюбодействуешь ли? Понося идолов — сам не оскверняешь ли имя Божие? 23 Хвалясь законом, не бесчестишь ли Бога, когда нарушаешь закон? 24 Это из-за вас, по написанному, "имя Божие в хуле и поношении среди других народов".

25 Если ты исполняешь закон, то ценно твое обрезание, но если ты нарушаешь закон, то не стоило тебе и обрезаться. 26 Если необрезанный следует велениям закона, не зачтется ли ему необрезание за обрезание? 27 И тот же телесно не-обрезанный, но исполняющий закон осудит тебя, нарушающего закон, несмотря на твои Священные Книги и обрезание. 28 Ибо еврей не тот, кто по виду еврей, у кого обрезана крайняя плоть; 29 еврей — тот, кто по сути еврей, кто обрезал плоть своего сердца, по духу, а не по писанию, и хвала ему от Бога, а не от людей.

Глава 3

1 Ну что же, могут спросить, в чем же тогда преимущество евреев? В чем ценность обрезания? 2 Очень и очень во многом! Прежде всего, евреям вверено слово Божие. 3 Что из того, что иные оказались неверны, — ведь их неверность не могла уничтожить

Божью верность. 4 Нелепо было бы и подумать такое! Бог останется правдой, даже если каждый человек окажется лжив, как написано:

Да оправдан будешь в Словах Своих,
И победишь в суде Своем.

5 Однако, опять могут сказать, если наша неправота служит к подтверждению правоты Бога, то, рассуждая по-человечески, несправедливо Ему обрушивать на нас Свой гнев. 6 Какая нелепость! Ибо иначе как Богу судить весь мир. 7 Но, скажут опять, что если моя неистинность возвышает Божью истину и тем служит ко славе Божьей? За что же тогда меня осуждать как грешника? 8 Почему не сказать: "Если ради добра, то давайте делать зло"? Некоторые клеветники даже меня обвиняют в таких словах; справедливо осуждение им.

9 Итак, что же? Имеем ли мы, евреи, какое-то превосходство? Никакого! Согласно сказанному, и евреи, и другие народы, все равно живут под грехом. 10 как написано:

- Праведников нет, нет ни одного,
11 Никто не понимает,
Никто не ищет Бога.
12 Все отвернулись, все бродят по ложным путям,
Никто не делает добро,
Никто, ни один.
13 Гортань их — открытая могила,
Лгут их языки,
Змеинный яд сочится с их губ.
14 Уста их полны горечи и проклятий.
15 Они скоры и умелы на пролитие крови,
16 Горе и разруху оставляют о них за собой.
17 Пути мира неведомы им,
18 И страх Божий никогда не вставал пред их очами.

19 Сказанное в законе сказано тем, кто пребывает в законе; сказано затем, чтобы все люди умолкли, чтобы весь мир стал подотчетен Божьему суду. 20 Ибо делами закона не обретет никакая плоть праведности пред Богом: через закон лишь приходишь к знанию греха. 21 Ныне же, отдельно от закона, явлена была праведность Божия, о которой говорили и закон, и пророки. 22 Праведность Божия — через веру в Иисуса Христа; она во всех и на всех, кто верит, во всех без различий, 23 ибо все под грехом и обездолены славой

Божией, 24 и все обретают праведность от Бога как дар, по благодати Его, через искупление во Христе Иисусе. 25 Бог принес Иисуса искупительной жертвой, чрез веру, в крови Его, и тем показал праведность Свою: через прощение прошлых грехов, 26 которые Бог прощал в Своем долготерпении; показал праведность и в нашем нынешнем времени, чтобы быть Ему правым, и чтобы обрести оправдание всем верующим в Иисуса.

27 Итак, чем же нам хвастаться? Нечем, отменено. Почему так? По какому закону? По закону дел человеческих? Нет, по закону веры. 28 Ибо из сказанного мной следует, что оправдание обретается верой, помимо дел закона. 29 Или, быть может, Бог есть только Бог евреев? Нет, не только Бог евреев, но и других народов, 30 ибо Бог — один, и Он оправдает обрезанных по вере их, и необрезанных — чрез веру их. 31 Так что же, провозглашая веру, не упраздняем ли мы закон? — Напротив, мы его утверждаем.

Глава 4

1 Вот, например, Авраам, наш праотец по плоти. 2 Если бы он обрел праведность за дела свои, то ему было бы чем похвастать, — но не перед Богом. 3 Как написано в Писании? "И поверил Авраам Богу, и было ему зачтено во праведность". 4 Когда работнику платят за дела его, это не считается даром, это плата по договору. 5 Однако не за дела человека, а за веру его — веру в Того, Кто оправдает и грешника — ему эта вера и признается праведностью. 6 Так и Давид говорит о блаженстве человека, которого Бог признал праведником невзирая на дела его:

7 Блажен, кому забыты прегрешения и прощены грехи.

8 Блажен, кому Господь не зачтет греха.

9 Это блаженство — достается ли оно только обрезанным, или и необрезанным тоже? Вспомним только что сказанное: "Аврааму вера его была признана праведностью". 10 Признана когда: до обрезания или после? Не после, а до обрезания! 11 Обрезание же он получил как печать, как знак своей праведности по вере, обретенной когда он не был еще обрезан. 12 И так он стал отцом всех верующих среди необрезанных, так что им тоже вера их признается праведностью, а также отцом всех тех обрезанных, которые не только обрезаны, но и следуют за отцом нашим Авраамом по пути веры, на который он ступил еще необрезанным.

13 Обещание Аврааму, что он, или семья его, унаследует мир, это обещание получил он не через закон, но через праведность веры. 14 Ибо, если наследники — от закона, то вера опустошается, и обещание теряет смысл. 15 Закон же лишь производит Божий гнев, ибо где нет закона, нет и преступления.

16 Вот почему обещание — от веры: чтобы было благодатным даром, и чтоб нерушимо было оно для всех потомков Авраама, не только для тех, кто исполняет закон, но и для тех, кто следует его вере. Ибо Авраам всем нам отец 17 — как написано: "Я поставил тебя отцом многих народов" — отец пред Богом, в Которого он уверовал, Который возвращает мертвых к жизни и словом Своим творит бытие из небытия. 18 Авраам верил и надеялся вопреки надежде, что и сделало его "отцом многих народов", как написано: "Вот каково будет семья твое!". 19 Он не слабел верою, когда думал о своем почти уже мертвом столетнем теле и о помертвевшей утробе Сарры; 20 он не позволял неверию усомниться в обещании Бога. Напротив, он укреплялся верою, и восхвалял Бога, 21 исполненный уверенности, что Бог может исполнить обещанное. 22 Вот почему он и "был зачтен праведником". 23 и эти слова написаны не только о нем, 24 но и о всех нас, кому тоже зачтется по вере нашей, — по вере в Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса Господа нашего, 25 отданного на смерть за наши грехи и воскрешенного ради нашего оправдания.

Глава 5

1 Итак, оправданные чрез веру, мы в мире с Богом чрез Господа нашего Иисуса Христа. 2 Через Него, посредством веры, открылся нам путь к благодати, в которой теперь пребываем, исполненные радости, в надежде на славу Божию. 3 И не только в надежде, но и в страданиях радуемся, зная, что из страданий рождается терпение, 4 из терпения — воля, из воли — надежда. 5 И надежда не обманывает нас: Божья любовь, дарованная нам Духом Святым, излилась в наши сердца. 6 Еще когда мы были немощны духом, Христос, в назначенное время, умер за нечестивцев. 7 Трудно принести себя в жертву за праведника; иной из нас может и согласится умереть за доброго человека; 8 но Бог доказал Свою к нам любовь тем, что Христос умер за нас, еще когда мы были грешниками. 9 Тем более теперь, оправданные Кровью Его, мы обретем благодаря Ему и спасение от Божьего гнева. 10 Мы были врагами Бога, но Он,

смертью Сына Своего, примирил нас с Собой; тем более теперь, когда мы примирились с Богом, мы в жизни Сына Его обретем спасение. 11 И это не все: радость Божия переполняет нас чрез Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого обрели мы примирение.

12 Как через одного человека грех вошел в мир, и с грехом смерть, так и смерть проникла во всех людей, потому что все согрешили.* 13 Грех ведь был в мире и до времен закона, хотя в отсутствие закона не велся счет греху. 14 Но смерть царила над людьми и во времена от Адама до Моисея; она царила над всеми людьми, даже и над теми, кто не грешил как нарушитель заповеди Адам, который есть образ Другого, Грядущего после него.

15 Однако несравнимы то грехопадение и нынешний Божий дар! Многие умерли из-за греха одного человека — но тем величье благодать Бога, и дар во благодати тоже одного человека, Иисуса Христа, преизобилен для многих. 16 И несравнимо происшедшее от начального греха с Божьим даром: тогда из-за греха одного — суд и осуждение, теперь, несмотря на многие грехи — благодатный дар и оправдание. 17 Верно, что грехом одного человека и через одного человека наступило царство смерти — но бесчисленны вошедшие в царство жизни и нашедшие благодатный Божий дар и праведность пред Богом, тоже через одного человека, Иисуса Христа. 18 И снова скажу: как грех одного принес осуждение всем, так и праведность Одного оправдала всех к жизни; 19 и как непослушание одного сделало многих грешниками, так и послушание Одного сделает многих праведниками перед Богом. 20 Что до закона, то он появился, чтобы умножились прегрешения; но когда умножился грех, неизмеримо превзошла его благодать, 21 чтобы как прежде во смерти царствовал грех, так впредь во праведности царствовала благодать, к жизни вечной чрез Господа нашего, Иисуса Христа.

Глава 6

1 Итак, что же: для возрастания благодати останемся жить в грехе? 2 Нет, конечно нет! Мы умерли для греха — как же мы можем жить в нем? 3 Вам ведь не нужно напоминать, что каждый, кто крестился во Христа Иисуса, крестился во смерть Его, 4 и через это крещение во смерть погребен был вместе с Ним — чтобы как Христос воскрешен был из мертвых славой Отца, так и мы теперь

* Или: и из-за нее все согрешили.

пребывали в обновлении жизни. 5 Ибо если мы стали с Ним одно, пройдя через подобие Его смерти, то мы останемся с Ним одно и в воскресении. 6 Мы знаем: прежний человек в нас распят на кресте вместе с Иисусом, чтобы уничтожилось греховное тело, и чтобы не быть нам больше у греха в рабстве: 7 умерший освобождается от греха. 8 Но если мы умерли со Христом, то мы верим, что и жить будем вместе с Ним, 9 ибо знаем, что, восстав из мертвых, Христос уже не умрет, смерть над Ним бессильна. 10 Его смерть — это смерть для греха, однажды и навсегда; Его жизнь — это жизнь для Бога. 11 Так и вы знайте о себе, что умерли для греха, и живете для Бога, во Христе Иисусе Господе нашем.

12 Да не властвует грех в вашем смертном теле, заставляя нас подчиниться нечистым страстям! 13 Не предавайте тела ваши греху орудиями неправедности; отдайте себя Богу, как люди восставшие от смерти к жизни, и предайте тела ваши Богу орудиями праведности. 14 Грех не властен больше над вами, ибо над вами теперь не закон, а благодать.

15 Итак, над нами теперь не закон, а благодать — что же, можно грешить? Нет, конечно нет! 16 Вы ведь знаете, что отдавшись в рабское повиновение кому-нибудь, действительно становитесь рабом того, кому повинуетесь: или рабом греха, что ведет к смерти, или рабом послушания, что ведет к праведности. 17 Возблагодарим Бога, что вы, бывшие прежде рабами греха, всем сердцем стали послушны тому учению, которому предали себя. 18 Освободившись тем самым от греха, вы перешли в рабство к праведности. 19 (Я такие людские сравнения привожу ради слабости вашей плоти.) Как прежде вы отдавали, тела свои на беззаконие, в рабство всякой мерзости и беззаконию, так теперь вы отдаете тела свои на святость, в рабство праведности.

20 Когда вы были рабами греха, вы были свободны от праведности. 21 Какой же был этому плод? Все то, чего вы теперь стыдитесь, все то, что ведет к смерти. 22 Теперь же, когда вы освободились от греха и отдались в рабство Богу, плод ваш — святость, ведущая к жизни вечной. 23 Грех расплачивается за службу — смертью; Бог даром дарит жизнь вечную, во Христе Иисусе Господе нашем.

Глава 7

1 Мне не нужно напоминать вам, братья мои — я говорю с людьми, знающими закон — что закон господствует над человеком, пока он жив. 2 Так, замужня женщина привязана законом к

мужу, пока он жив; если же муж умрет, то она освобождается от закона замужества. 3 Если она при живом муже станет жить с другим человеком, ее назовут распутной женщиной, но если муж умрет, и она, освободясь от закона, отдаст себя другому человеку — это уже не распутство. 4 Так и вы, братья мои — вы умерли для закона чрез тело Христово, чтобы вам теперь принадлежать Другому — Тому, Кто восстал ради нас из мертвых, чтобы мы могли принести плод Богу. 5 Когда мы жили по плоти, в наших телах действовали пробужденные законом греховные страсти, приносившие плод смерти. 6 Но теперь мы свободны от закона, мы умерли для прежних пут, порабоцевавших нас, так что теперь мы служим в обновлении Духа, а не по устарелой букве.

7 Что же выходит? — что закон и есть грех? Нет, конечно нет. Но если бы не закон, я не знал бы, что такое грех; и я не понимал бы, что значит "желать чего-то чужого", если бы не прочел в законе: "не желай чужого". 8 Это и дало возможность греху: лишь через заповеди закона сумел он пробудить во мне все желания, ибо где нет закона, грех мертв. 9 Я сам жил когда-то, не зная закона, но потом вошла в мою жизнь заповедь, и с нею вместе ожил грех. 10 И я умер, и заповедь, предназначенная к жизни, для меня оказалась ведущей к смерти. 11 Через заповедь грех получил возможность заманить меня в западню и заповедью погубил.

12 Конечно, закон свят, и заповедь свята, справедлива, добра. 13 Что же выходит — добро обернулось для меня смертью? Конечно нет! Это грех, используя добро, привел меня к смерти, и так обнажилась сущность греха, и стал бесконечно греховен усиленный заповедью грех.

14 Мы знаем, что закон — от Духа, но я — от плоти, и продан в рабство греху. 15 Я не знаю, что я делаю, я не делаю того, что хочу, и делаю то, что ненавижу. 16 А раз я против желания своего делаю, значит я признаю, что закон — это добро. 17 Так что мои дела — не мои, а живущего во мне греха, 18 и так открывается мне, что добро во мне — то есть в плоти моей, — не живет, ибо хоть я и хочу делать добро, но не вижу, чтоб я его делал. 19 Я не делаю добро, которого хочу, и совершаю зло, которого не хочу. 20 Но если я делаю то, чего не хочу, значит это не мои дела, но живущего во мне греха. 21 Вот и выходит, что я живу по такому закону: хочу сделать добро, а подворачивается всегда зло. 22 Внутренний человек во мне восхищается законом Бога, 23 но в членах моих действует другой закон, который борется с законом моего разума и порабоцвает меня закону греха, живущего в моем теле. 24 Несчастный я человек!

Кто меня спасет от этого тела, принадлежащего смерти? 25 Благодарность приношу Богу, чрез Господа нашего Иисуса Христа! Что делать: один и тот же я разумом служу закону Бога, а плотью служу закону греха.

Глава 8

1 Ныне же нет боле осуждения тем, кто во Христе Иисусе. 2 Закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти. 3 Что не в силах был совершить закон, по слабости, которая от плоти, то Бог совершил: Он послал Сына Своего, в подобии греховной человеческой плоти, и жертвою за грех осудил грех во плоти, 4 чтобы справедливость закона исполнилась в нас, живущих теперь по Духу, а не по плоти. 5 У живущих по плоти мысль направлена на плотское, у живущих по Духу — на духовное. 6 Направленность на плотское означает смерть, направленность на духовное — жизнь и мир. 7 Ведь те, кто направлены на плотское — враги Бога; они не подчиняются Божьему закону, да и не могут подчиниться: 8 живущие по плоти не могут быть угодны Богу. 9 Но вы живете не по плоти, а по Духу, если только действительно обитает в вас Дух Божий. Кто же лишен духа Христа, тот не принадлежит Ему. 10 Если в вас Христос, то пусть тело ваше мертво грехом — дух ваш жив праведностью Божией. 11 Если обитает в вас дух Того, Кто воскресил Иисуса из мертвых, то Воскресивший Христа вернет к жизни и ваши смертные тела, Духом Своим, обитающим в вас.

12 Итак, братья мои, мы — должники, но не плоти, чтобы жить по плоти. 13 Живущего по плоти ожидает смерть, но тот, кто Духом предаёт смерти дела плоти, тот будет жить: 14 сыновья Бога те, кого ведет Дух Божий. 15 Ибо вы приняли не дух рабства, возвращающий в страх; вы приняли Дух усыновляющий, в Котором зываем: "Отец, Отец наш!". 16 И тот же Дух со-свидетельствует духу нашему, подтверждая, что мы — дети Бога. 17 А раз дети, значит и наследники: наследники Бога и сонаследники Христа, ибо мы разделили Его страдания, чтобы разделить и Его славу.

18 Думаю, что страдания нынешнего времени ничего не стоят в сравнении с грядущей славой, которая открыта будет нам. 19 Все творение, превратясь в ожидание, ждет, когда в откровении явлены будут сыновья Божии; 20 все суете покорившееся творение — покорившееся не по своей воле, но по воле покорившего его — живет в надежде, 21 что освобождено будет от рабства тлению, обретя

свободу и славу детей Божиих. 22 Мы знаем, что и до сегодняшнего дня весь мир стонет, словно в родовых схватках, 23 и не только весь мир, но и мы сами, мы, несущие в себе первые плоды Духа, мы тоже стенаем в душе, ожидая усыновления и искупления тел наших из рабства. 24 Этой надеждой мы и были спасены, но надеяться можно только на что-то еще невидимое: когда видишь ясно, это уже не надежда, да она и не нужна тому, кто ясно видит. 25 Когда же мы надеемся на что-то еще невидимое, тогда мы находим терпение ждать и надеяться.

26 И Дух тоже помогает нам в нашей слабости, ибо мы не знаем, как и о чем молиться: сам Дух просит за нас в стенаниях, для которых нет слов. 27 И Тот, Кто читает в сердцах, понимает просьбу Духа, ибо Дух просит за святых по воле Божией. 28 Мы знаем, что все служит ко благу возлюбивших Бога, призванных по замыслу Его. 29 Ибо кого Он предзнал, того и предопределил быть верными подобиями образа Сына Своего, чтобы Он был первенцем среди многих братьев. 30 Итак, кого Бог предопределил, того и призвал; кого призвал — того оправдал; кого оправдал — того восславил.

31 Что добавить к уже сказанному? Если Бог с нами, то кто против нас? 32 Он Сына своего не пощадил, принеся Его ради нас в жертву — есть ли такое, чего не дарует Он нам? 33 Кто возведет обвинение на избранников Бога? Сам Бог нас оправдал — 34 кто нас осудит? Христос, умерший и воскресший Христос, стоит по правую руку от Бога и ходатайствует за нас! 35 Кто поставит преграду между нами и любовью Божией? Уж конечно не скорби и страдания, не преследования и опасности, не голод, не лишения, не казнь. 36 Как написано:

За Тебя нас убивают каждый день,
Гонят как овец, обреченных на заклание.

37 Но мы преодолеем все чрез Возлюбившего нас. 38 Я уверен, что ничто не может поставить преграду между нами и любовью Божией: ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни настоящее, ни будущее, 39 ни высота, ни глубина — никто и ничто во всем творении не отлучит нас от Божьей любви во Христе Иисусе, Господе нашем.

Глава 9

1 То, что я скажу — истина, во Христе; я не лгу, и свидетелем мне совесть моя, в Духе Святом. 2 Печаль моя велика, и непрестанна боль в сердце моем. 3 Я, Павел, готов быть отлучен от Христа ради

братьев моих по семени и плоти, 4 за народ Израиля, за усыновленный и прославленный, получивший завет и закон, и храмовую службу, и обещания Божии: 5 народ патриархов, из которого, по плоти своей, вышел и Христос, надо всем сущий Бог, благословенный во веки веков, аминь.

6 Могут подумать, будто нарушено слово Божие: это неверно. 7 Неверно потому, что не все в Израиле — Израиль, и не все потомки Авраама — дети его. Как написано: "Линия Исаака назовется семенем твоим", 8 что означает, что не дети Авраама по плоти — дети Божии, но лишь дети завета, и они и назовутся семенем его. 9 Вспомним слова обещания: "В то время Я приду, и у Сарры родится сын". 10 Вспомним также Ребекку: от семени одного отца, предка нашего Исаака, зачала она двоих, 11 и еще прежде чем они родились, прежде чем сделали что-нибудь хорошее или дурное, сказано было ей: 12 "Старший служить будет младшему", и сказано так было для того, чтобы промысел Божий осуществлялся только через избрание, которое зависит от одного Избирающего, а не от дел человеческих. 13 Как написано:

Исаака я полюбил.

А Исава — возненавидел.

14 Итак, что же выходит? Что Бог несправедлив? Нет, конечно нет! 15 Ибо сказано было Моисею: "Я помилую, кого захочу, и пожалею, кого захочу". 16 Так что зависит это не от воли и усилий человеческих, но от милующего Бога. 17 Как говорит, обращаясь к фараону, Писание: "Для того Я и возвысил тебя, чтоб на тебе показать силу Мою, и чтобы имя Мое возведено было по всей земле". 18 Так что Бог кого пожелает — милует, и кого пожелает — ожесточает.

19 Ты скажешь: "За что же Он тогда обвиняет нас? Кто может противиться Его воле?" 20 Но кто ты такой, друг мой, чтобы вступать в споры с Богом? Подобаает ли созданию спорить с Создателем — зачем, мол, создал меня так, а не иначе? 21 Не горшечнику ли решать, что ему делать со своей глиной, и разве не может он сделать из той же смеси и вазу, и простой горшок? 22 Быть может, Бог, желая показать Свой гнев и обнаружить Свою власть, в великом долготерпении Своим щадил горшки, которые от гнева Его и созданы на погибель 23 для того, чтобы обнаружилось богатство славы Его, пролившейся в вазы милосердия, которым уготована слава, 24 — то есть в нас, призванных Им, призванных не только из евреев, но и из других народов. 25 Как написано у пророка Осии:

Не Мой народ Я назову "Мой народ".

Кто не была Моей возлюбленной, ее назову Я

"возлюбленная Моя".

- 26 И на том самом месте, где они услышали "вы не мой народ",
Они получают имя "сыновья Бога живого".

27 И Исайя, говоря об Израиле, восклицает: "Будь даже дети
Израиля числом как песок морской, только малый остаток спасется,
28 ибо быстро и решительно исполнит на земле Господь Свой приговор".
29 Как сказал тот же Исайя: "Если б не оставил нам Господь-Саваоф
потомство, мы стали бы как Содом, мы уподобились бы Гоморре".

30 Итак, что же выходит? Выходит, что другие народы, кото-
рые и не стремились к праведности, обрели ее, — праведность, которая
от веры, — 31 а Израиль, стремившийся к закону праведности, так
этого закона и не достиг. 32 Почему? Потому что полагались не на
веру, а на дела человеческие: споткнулись, значит, о камень преткно-
вения, как написано:

Вот, я кладу на Сионе камень, о который споткнутся,
валун, что будет причиной падения.

Но бесчестье не грозит верующему в Него.

Глава 10

1 Братья, помыслы сердца моего и мои молитвы к Богу —
о народе Израиля, о спасении его. 2 Я свидетельствую о нем, что
страсть его к Богу сильна, но неразумна. 3 Он так и не понял, в чем
праведность Божия, и все силится установить собственную правед-
ность, — потому он и не сумел покориться праведности Божьей, не
сумел распознать, 4 что венец закона — Христос, во оправдание
каждого, кто верит.

5 Моисей пишет о праведности, которая от закона, что "испол-
нивший закон им и будет жить". 6 Но праведность, которая от веры,
говорит так: Не спрашивай себя: "Кому идти на небо?" (то есть, чтобы
привести Христа к нам на землю), и не спрашивай себя: "Кому спус-
каться в бездну?" (то есть, чтобы воскресить Христа из мертвых).
8 Так что же она говорит?

Слово совсем недалеко от тебя:
на устах и в сердце твоём,

и это то самое слово веры, которое проповедуем мы. 9 Если уста твои исповедуют Господа нашего Иисуса, и сердце твое верит, что Бог воскресил Его из мертвых — ты будешь спасен. 10 Ибо сердце верит во праведность, и уста исповедуют во спасение, 11 как написано: "Каждому верующему в Него не грозит бесчестие". 12 И неважно, еврей ты или нет, ибо Господь у всех один, щедрый ко всем, призывающим Его, 13 ибо "Каждый призывающий имя Господне будет спасен". 14 Но как призывать к Тому, в Кого не веришь? В кого верить не слышавшему о Нем? Как услышать о Нем без проповедующего? 15 И откуда взяться проповедующему, если не будет он послан? Как написано:

Как прекрасны звуки шагов
Того, кто приносит благуя весть о добром.

16 И однако не все последовали за Благой Вестью. Как сказал Исайя: "Господи, кто же поверил услышанному от нас?" 17 Повторяю: чтоб уверовать — нужно услышать, чтоб услышать — нужна проповедь Христа. 18 Так вот, я спрашиваю: "Неужели они не слышали?" Как бы не так!

По всей земле разнесся звук их голосов,
Во все концы вселенной донеслось их слово.

19 И снова спрашиваю: "Неужели Израиль не знал?" Но еще Моисей сказал:

Вы будете завидовать народу, который даже и не народ.
К народу беспонятливому Я пробужу в вас злобу.

20 А Исайя прямо говорит:

Меня нашли не искавшие Меня.
Я явился пред теми, кто и не спрашивал обо Мне.

21 И об Израиле он говорит:

Весь день Я простираю руки
К народу непослушному и упрямому.

Глава 11

1 Так что же, неужели Бог отверг Свой народ? — Конечно, нет. Ведь и я — израильтянин, потомок Авраама, из колена Вениамина. 2 Не отверг Бог Свой народ, с самого начала Им узанный. Вы ведь знаете книгу пророка Илии, как он обращается к Богу против Израиля: 3 "Господи, они убили Твоих пророков и разрушили Твои жертвенники; остался я один, но и по мою душу охотятся". 4 И услышал в ответ: "Я оставил Себе семь тысяч человек, которые не преклонили колени перед Ваалом". 5 Так и сейчас, в наш день, остается остаток, по выбору Божьей благодати. 6 (А раз по благодати, значит не за дела, иначе благодать не была бы благодатью.) 7 И выходит, что Израиль не достиг того, к чему стремился: только избранный остаток достиг, остальные же впали в косность, 8 как написано:

Бог дал им дух сонный и нечувствительный,
Глаза такие, чтобы не видеть,
И уши такие, чтобы не слышать, —
Даже и до сегодняшнего дня.

9 И Давид говорит:

Пусть пир их будет им ловушкой и западней.
Чтоб они соблазнились и получили возмездие.
10 Да помрачатся их глаза, чтоб им не видеть.
И спина их да останется согбенной навсегда.

11 Так что же, они споткнулись так, что им теперь и не подняться? Конечно нет! Они споткнулись, чтобы другие народы нашли путь к спасению, и тем пробудили ревность в евреях. 12 Но если даже падение евреев принесло богатство миру, и даже оскудение евреев принесло богатство другим народам, то тем более полнота их. 13 Я обращаюсь к вам, другие народы. Как Апостол к другим народам, я восславляю свое служение, 14 чтобы, быть может, возбудить ревность в братьях моих по плоти и хоть некоторых из них спасти. 15 И если через их отвержение мир нашел примирение с Богом, то что же будет их принятие? — победа жизни над смертью! 16 Ибо если из этого теста вылепилось святое приношение, значит и тесто свято; и если корень свят, значит и ветви. 17 Что из того, что некоторые из ветвей были отломаны, и ты, росток дикой маслины, был привит на их место и приобщился теперь к сокам корня маслины? 18 Не гордись над теми ветвями: помни, что не ты держишь их корень, но корень

держит тебя. 19 Ты, может быть, скажешь: "Те ветви были отломаны, чтобы освободилось место для меня". 20 Пусть так, но помни: они были отломаны, потому что не верили; ты был привит, потому что поверил; так что не в гордыне пребывай, но во страхе 21 ибо если Он не пощадил природных ветвей маслины, то уж наверное не пощадит и тебя. 22 Видишь теперь милосердие и строгость Бога? — строгость к отпавшим и милосердие к тебе, но только пока ты остаешься в Его милости, иначе и ты будешь отсечен. 23 Но и те, отпавшие, если не останутся в своем неверии, то будут привиты обратно, и уж конечно, Бог может это сделать: 24 если Он тебя, отдикой по природе маслины, сумел привить, против твоей природы, к маслине культурной, то тем более их легко будет привить к своей по природе маслине.

25 Хочу, чтоб вы знали, братья, одну тайну, которая поможет вам не мнить о себе слишком много. Вот она: лишь отчасти затвердел сердцем Израиль, до того времени, когда обратится к Богу вся полнота других народов. 26 Тогда и Израиль весь будет спасен, как написано:

Придет с Сиона Избавитель,
Изгонит бесчестие от Иакова.

27 И это Мой с ними завет
До того дня, когда сниму с них грехи.

28 По отношению к Благой Вести, Израиль стал ненавистным народом, вас ради — но по отношению к избранию, Израиль остался любимым народом, ради праотцов своих, 29 ибо дары и избрание Божии непреложны. 30 Прежде вы были непослушны Богу, но обрели милость благодаря непослушанию евреев, 31 — так и они сейчас непослушны, чтобы через ваше помилование и им тоже обрести милость. 32 Бог всех заключил в темницу непослушания, чтобы всех и помиловать.

33 Бездонно богатство Божие, бесконечны Его мудрость и знание! Решения Его неподвластны разуму, пути Его неисповедимы. 34 Ибо

Кто познал ум Господа?
Кто стал Его советником?

35 Кто сумел принести Ему дары,
Так что Богу пришлось отдаривать?

36 Ибо все от Него, все чрез Него, все ради Него, и Ему слава во веки веков, аминь.

Глава 12

1 Поэтому призываю вас, братья мои, милосердием Божиим, отдать тела свои в жертву, в жертву живую, святую и угодную Богу: и это будет духовным вашим служением. 2 Не уподобляйтесь веку нынешнему, но преобразуйтесь чрез обновление вашего разума, чтоб распознали вы, в чем есть Божья воля, добрая, благоугодная и совершенная.

3 Данною мне благодатью я говорю вам всем: не воображайте о себе больше, чем надо. Пусть скромность будет вашей мудростью, в меру той веры, какую Бог вам отмерил. 4 Как у нас в одном теле много членов, и у разных членов разная и служба, 5 точно так же и мы все — одно тело во Христе, а друг для друга мы разные члены одного тела. 6 И имея, по данной нам благодати, разные дарования, будь один — Божиим пророком, соразмерно вере своей, 7 другой служи, если служишь, учи, если учишь, 8 проповедуй, если проповедуешь; но если делишься — то щедро, если руководишь — то усердно, если творишь милостыню — то радушно. 9 Любовь ваша пусть будет нелицемерна. Бегите зла, тянитесь к добру. 10 В братской любви будьте друг другу братьями, в почтительности будьте друг другу примером. 11 В усердии не слабейте, в душе горите, в Господа веруйте; 12 в надежде находите утешение, в страдании — находите терпение, в молитве пребывайте постоянно. 13 Помогайте святым в нужде, и незнакомцев принимайте гостеприимно. 14 Благословляйте преследователей ваших: благословляйте, а не кляните! 15 Если кто радуется — разделите с ним радость, если кто плачет — разделите слезы. 16 Будьте меж собой одних мыслей; не залетайте мыслями высоко, но среди смиренных учитесь смирению; не будьте сами себе мудрецами. 17 Никому не отвечайте злом на зло; внимательны будьте к тому, что все считают добром. 18 Сколько можете, все делайте, чтобы быть в мире со всеми. 19 Не мстите за себя, возлюбленные мои, отойдите с пути гнева Божьего, ибо написано: "Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь". 20 Наоборот, "если голоден враг твой, накорми его, если хочет пить — напои, ибо делая это, ты насыпаешь горящих углей ему на голову". 21 Не дай злу победить тебя, но сам побеждай зло добром.

Глава 13

1 Каждая живая душа да повинуется стоящей над ней власти, ибо нет власти, которая не от Бога, и та власть, что есть, установлена Богом. 2 Следовательно, кто противится власти, противостоит

Божьему установлению; такие противостоящие сами на себя навлекут приговор. 3 Ибо правители не страшны делающим добро: они страшны делающим зло. Хочешь не бояться власти? — Тогда делай добро, и получишь от нее похвалу, 4 ибо представитель власти — это слуга Бога, трудящийся тебе на благо. Но если совершаешь зло — бойся! ибо не зря носит он меч: он есть слуга Бога, исполняющий наказание тем, кто совершает зло. 5 Поэтому вы и должны повиноваться власти — не только страшась гнева Божьего, но и по совести. 6 Потому же вы и налоги платите: ибо исполняя свою службу, они на службе у Бога. 7 Итак, отдавайте им то, что им причитается: кому налог — налог, кому подать — подать, кому страх — страх, кому почет — почет.

8 Пусть не будет у вас никаких долгов, кроме долга взаимной любви, ибо любящий другого уже тем самым исполнил закон. 9 Ибо заповеди "не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не желай чужого", а также и любая другая заповедь, все заключаются в одном повелении: "люби ближнего своего, как самого себя". 10 Любовь не сделает ближнему зла, значит любовь есть исполнение всему закону.

11 И при всем этом помните, какое сейчас время! Настал час нам проснуться от нашего сна, ибо сейчас спасение еще ближе к нам, чем когда мы поверили. 12 Ночь прошла, уже близок день: отвергнем же деяния тьмы и облечемся в оружие света. 13 Как при свете дня будем вести себя благопристойно, без разгула и пьянства, без сладострастия и разврата, без склоки и зависти. 14 Облекитесь же в Господа Иисуса Христа, и заботу о плоти не превращайте в греховную страсть.

Глава 14

1 Слабого в вере принимайте, не споря о мнениях: 2 один верит, что можно есть все, другой, слабый, ест только овощи. 3 Тот, кто все ест, пусть не презирает того, кто не все ест; кто не все ест, пусть не осуждает того, кто все ест, потому что Бог его принял, — 4 а кто ты такой, чтобы осуждать чужого раба? Пред своим господином стоит он или падает — и будет стоять, потому что в силах господина прямо поставить его. 5 Один различает один день от другого, другому все дни одинаковы: каждый да следует своему мнению, 6 ибо различающий дни делает это для Господа, и не различающий пищи делает это для Господа, ибо благодарит Бога, и различающий пищу — делает это для Господа, и благодарит Бога. 7 Никто из нас не живет для себя, и никто не умирает для себя, 8 но когда живем,

живем для Господа, и когда умираем, умираем для Господа: значит живем ли мы или умираем, мы принадлежим Господу. 9 Для того и Христос умер и воскрес к жизни, чтобы быть Господом и мертвых, и живых. 10 А ты? Как ты можешь осуждать брата своего? Или ты — как ты можешь его презирать? Ведь все мы предстанем перед судом Божиим, 11 ибо написано:

Я живу, говорит Господь, и преклонится предо Мной
каждое колено,
И каждый язык исповедует Бога.

12 Итак, каждый из нас отчитается за себя самого перед Богом. 13 Не станем же друг друга осуждать, а лучше рассудим, как нам братьев своих не вводить в соблазн или искушение. 14 Знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего такого, что само по себе нечисто; но тому, кто считает что-то нечистым, тому оно и нечисто. 15 Если еда твоя обижает брата твоего, то ты уже не по любви поступаешь: не позволяй еде твоей погубить человека, за которого Христос умер. 16 И пусть то, что хорошо у вас, не обретет дурную молву. 17 Ибо Царство Божие — это не еда и питье, а праведность, мир и радость в Духе Святом. 18 Кто так служит Христу, тот угоден Богу и уважаем среди людей. 19 Будем же стремиться к тому, что служит миру и взаимному созиданию нашему. 20 Из-за еды не разрушай дела Божьего: всякая еда — чиста, но дурно поступает тот, кто едой своей вводит другого в соблазн. 21 Хорошо же — не есть мяса и не пить вина, и ничего такого не делать, что может брата твоего ввести в соблазн, или в искушение, или во слабость. 22 То, во что сам веришь, храни в себе и пред Богом. И блажен, кто не осуждает себя в том, что себе избрал. 23 А сомневающийся, когда ест "нечистое", то Бог его осуждает, ибо что он поступает не по вере, а все, что не по вере — грех.

Глава 15

1 Мы, сильные, должны сносить слабости немощных, а не себе угождать. 2 Каждый из нас пусть угождает ближнему, умножая добро, ради созидания. 3 Ибо и Христос себе не угождал, но как написано: "злословие злословящих Тебя пало на Меня". 4 А все, что написано прежде, написано нам в поучение, чтобы через терпение и утешение Писаний мы обрели надежду. 5 И пусть Бог — Бог терпе-

ния и утешения — дарует вам быть меж собой в единомыслии, следуя Христу Иисусу, 6 чтобы вы единодушно, в один голос, славили Бога и Отца Господа нашего Иисуса Христа.

7 Итак, принимайте друг друга, как и Христос вас принял, во славу Божию. 8 Я так вам скажу: Христос стал слугою обрезанных ради истины Божией, во исполнение обещанного патриархам, 9 другим же народам Он — милость Божия, чтобы прославили Бога, как написано:

За это прославляю Тебя меж другими народами
И воспою хвалу имени Твоему.

10 И потом опять:

Возрадуйтесь, другие народы, вместе с народом Его.

11 И опять:

Хвалите Господа, все племена,
Восхваляйте Его, все народы!

12 И опять Исайя говорит:

Придет потомок Иессея,
И возвысится ко владению другими народами;
На Него возложат они свои надежды.

13 Пусть же Бог надежды наполнит вас радостью и миром веры в Него, чтобы силою Духа Святого изобиловала в вас надежда.

14 Братья мои, я конечно уверен в вас, что вы исполнены добра и всяческого знания, и можете сами друг другу быть наставниками. 15 Я написал вам о некоторых предметах очень смело, как бы в напоминание вам, ибо дана мне от Бога благодать 16 быть служителем Христа Иисуса среди других народов, совершая священнодействие Благой Вести Божией, чтобы и других народов приношение стало благоприемлемо, освященное Духом Святым. 17 Потому я и горжусь во Христе Иисусе моим служением пред Богом, 18 ибо осмелюсь сказать что-нибудь, только если Христос это свершает чрез меня, чтоб покорить другие народы словом и делом, 19 силой знамений и чудес, и силой Духа Божьего. И так я пронес Благоую Весть Христа от Иерусалима и окрестностей до самого Иллирика,

20 стараясь возвещать Благоую Весть там, где еще неведомо имя Христа, чтобы строить не на чужом основании, 21 а по написанному:

Не имевшие вести о Нем — увидят,
И не слышавшие — узнают.

22 Вот почему мне так много раз не удавалось прийти к вам. 23 Но теперь, исходив все места в тех странах и давно уже желая посетить вас, теперь я так и сделаю, 24 когда направлюсь в Испанию: надеюсь, что по дороге остановлюсь у вас, и что, когда побуду у вас, вы меня проводите дальше. 25 А сейчас я иду в Иерусалим по делу службы тамошним святым, 26 ибо общины Македонии и Греции, по доброй воле своей, собрали приношение для нуждающихся святых в Иерусалиме. 27 Такова была их добрая воля, но они также и в долгу перед ними, ибо приобщаясь к их духовному благу, другие народы должны послужить им своими материальными благами. 28 Итак, когда я все это сделаю и благополучно доставлю приношение в Иерусалим, я отправлюсь через ваши места в Испанию; 29 и уверен, что придя к вам, я приду в полноте благословения Христа.

30 Прошу вас, братья мои, Господом нашим Иисусом Христом и любовью Духа: соупорствуйте со мной в молитве за меня Богу, 31 чтобы спастись мне от неверующих в Иудее, и чтобы служение мое в Иерусалиме угодно было тамошним святым, 32 так чтоб я мог прийти к вам в радости, если будет на то воля Божия, и отдохнуть средь вас. 33 Бог, дарующий мир, да будет с вами, аминь.

Глава 16

1 Хочу вам представить Фиву, сестру нашу, служительницу Кепхрейской церкви: 2 примите ее во имя Господа, как подобает святым, и помогите ей, если ей что-нибудь будет нужно, ибо и она помогла многим, в том числе и мне.

3 Передайте привет Прискилле и Акиле, со-труженикам моим во Христе Иисусе: 4 они жизни своей не щадили ради меня, за что не я один им благодарен, но и все церкви среди других народов. Привет и в всей церкви, что собирается в их доме.

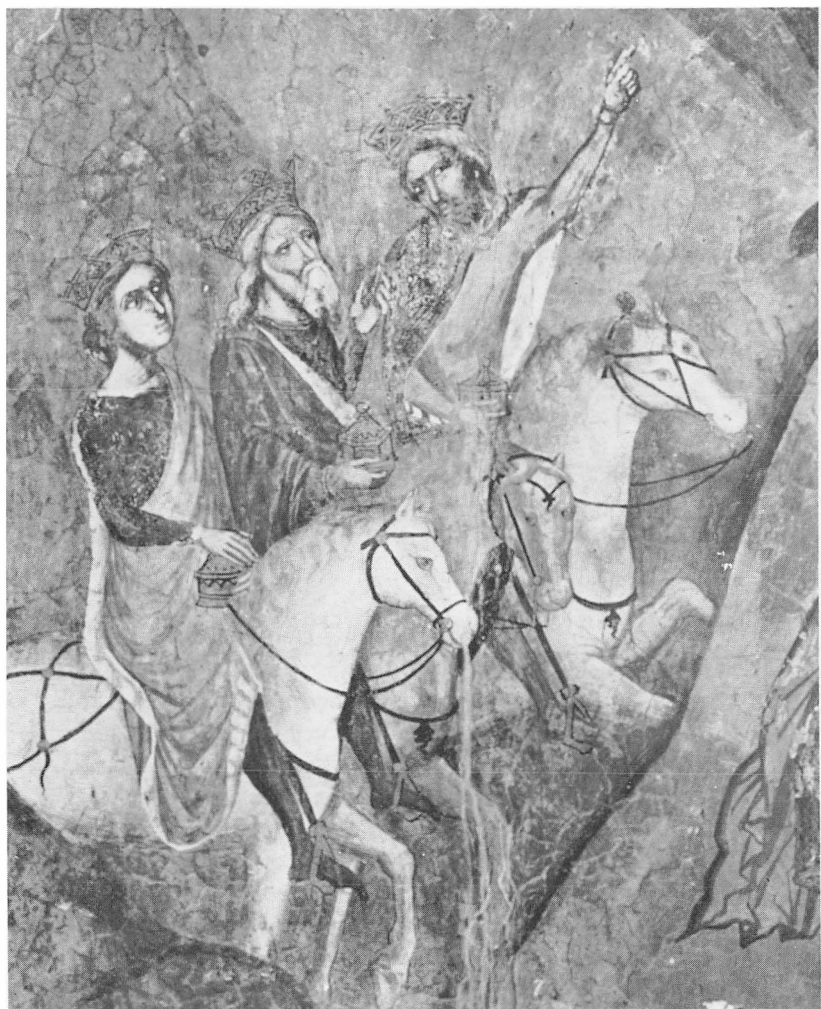
5 Передайте привет Епенету, любимому брату моему: он первый в Ахайе пришел ко Христу. 6 Привет Марии, которая так много поработала для вас. 7 Привет Андронику и Юнии, соплеменникам

моим, сидевшим в одной тюрьме со мной. Апостолы их хорошо знают, и еще прежде меня они уверовали во Христа. 8 Привет Амплию, любимому брату моему во Господе. 9 Привет Урбану, соработнику нашему во Христе, и Стахию, любимому брату моему. 10 Привет Апелесу, испытанному во Христе. Привет всем у Аристо-вула. 11 Привет Иродиону, соплеменнику моему. Привет всем у Наркисса, кто пришел к Господу. 12 Привет Трифене и Трифосе, трудящимся ради Господа. Привет Персиде, возлюбленной сестре моей, которая много трудилась ради Господа. 13 Привет Руфу, избранному в Господе, и матери его и моей. 14 Привет Асинкриту, Флегонту, Эрму, Патрову, Ермии, и другим братьям, которые с ними. 15 Привет Филологу и Юлии, Нирею и сестре его, и всем братьям, которые с ними. 16 Приветствуйте за меня друг друга братским поцелуем. Привет вам от всех церквей Христовых.

17 Взываю к вам, братья мои: остерегайтесь тех, кто создает расколы и соблазны, вопреки тому учению, которое вы приняли: держитесь от таких подальше. 18 Они служат не Господу нашему Иисусу Христу, но собственному нутру, и обольщают красивыми словами и лестью простодушные сердца. 19 Ваша покорность вере всем известна, я радуюсь за вас, но напоминаю, чтоб вы были мудры на добро и несмышлены на зло. 20 Бог же, дарующий мир, вскоре сокрушит сатану вам под ноги. Благодать Господа нашего Иисуса с вами!

21 Привет вам от Тимофея, со-трудженика моего, и от Луция, Ясона и Сосипатра, соплеменников моих. 22 Приветствую вас в Господе и я, Тертый, написавший это послание. 23 Приветствует вас Гай, принимающий у себя и меня, и всю церковь. Приветствует вас Эраст, городской казначей, и брат наш Кварт.

25 Тому, кто властен нас утвердить, — как гласит моя Благая Весть и проповедь Иисуса Христа, как гласит раскрытая тайна, о которой умолчано было от вечных времен, 26 но ныне явлено и чрез писания пророков, по велению вечного Бога, возведено всем для покорения вере — 27 единому премудрому Богу через Иисуса Христа слава во веки веков. Аминь.

**Волхвы, деталь фрески в церкви
Святого Неофита на Кипре (XIII в.)**

ИЗ ПИСАНИЙ ПРЕПОДОБНОГО НЕОФИТА ЗАТВОРНИКА КИПРСКОГО

Предисловие и перевод с греческого архим. Амвросия Погодина

Предисловие

Преподобный Неофит Затворник Кипрский (1134–1219) мало известен в истории святоотеческой литературы. Из богатого богословского наследия, оставленного им, только малая часть напечатана; остальное до сих пор существует только в рукописном виде или вообще утеряно. Мы познакомим читателя с четырьмя небольшими произведениями преподобного Неофита.

Преподобный Неофит Затворник родился в 1134 г. в окрестностях города Левкар на Кипре, во время царствования Мануила Комнина. Родители его, Афанасий и Евдокия, будучи бедными и многодетными, не могли дать образование Неофиту и отдали его учиться виноградарству. В ранней молодости он встретился с неким бедным монахом, пришедшим в дом его отца с просьбой о подаянии. С этих пор у Неофита возникло сильнейшее желание стать монахом. В возрасте 17 лет, после того, как в течение 7 месяцев он боролся с волей родителей, желавших женить его, он оставил мирскую суету и тайно бежал в монастырь св. Иоанна Златоуста, в 12 милях от Левкосии. При конце второго месяца пребывания его там на положении послушника, родители явились, чтобы забрать его домой, но их усилия оказались тщетными, и они примирились с желанием сына посвятить себя монашеской жизни.

Как всякое духовное восхождение, путь его был нелегким и требовал от подвижника смирения и терпения. Первоначальное образование преп. Неофита, по его собственному признанию, было элементарным. Поэтому игумен монастыря Максим послал его на служение в монастырское имение. Там он пробыл 5 лет. Живя в вынужденном одиночестве, молодой монах изучил основы словесных наук, а также выучил на память всю Псалтирь. Затем он был вызван обратно в монастырь и назначен на должность помощника еклесиарха, каковое служение нес в течение двух лет. О всех этих 7 годах своего служения преп. Неофит вспоминает без отрады; его душа томилась по духовному подвигу, по "священному молчанию" и по отшельничеству, в то время как его монастырское служение требовало практических забот и деловых сношений со светскими людьми.

Поэтому он оставил монастырь и отправился в Святую Землю с надеждой найти там какого-нибудь пустынника, как это было в древности, которому бы он и доверил свою судьбу. Он пересек всю Палестину вдоль и поперек, обошел пустыни, горы, берега Иордана, пожил у Гроба Господня, но, увы, не нашел нигде ни одного отшельника. Это было время глубокого духовного упадка в Святой Земле. Власть неверных была враждебна к христианам, а сменившее их латинское Иерусалимское Королевство было враждебно к православным церквям и монастырям. Не найдя желанного, преп. Неофит, после шестимесячного пребывания в Святой Земле, вернулся в свой прежний монастырь на Кипре. Он имел желание уйти в отшельничество на одну из горных вершин, недалеко от монастыря, но игумен, опасаясь за его молодость и неопытность, отказал ему в этом. Тогда преп. Неофит отправился в город Пафос, чтобы оттуда отбыть с Кипра на гору Латрос, в Малой Азии, будучи уверен, что там он найдет в одной из пещер отшельника, который и наставит его. Но только он прибыл в Пафос, как местные власти заподозрили в нем дезертира и бросили его в тюрьму. Благодаря помощи милостивых людей он был освобожден через 24 часа, не без того, чтобы дать взятку тюремщикам. Оставшись без денег, не имея средств на дальнейшее путешествие, преп. Неофит пошел искать жилье на горе, возвышавшейся вблизи. Там, в совершенно диких и неприступных местах, он нашел небольшую пещеру. Преп. Неофит посчитал эту находку счастливым разрешением своей судьбы и избрал пещеру местом своего будущего жительства. С торжеством он внес следующую запись в своем автобиографическом "Типиконе": "В лето 6667 (от сотворения мира, т.е. в 1159 г. от Рождества Христова), Индикта 7, июня 24, в день Рождества божественного Предтечи, я проник в вышереченную пещеру; мне тогда было 24 года".

Преп. Неофит развел небольшой огород, построил маленькую часовню и затворился, как в гробнице. В пещере он пребывал безысходно в течение 5 лет. Затем он решил отправиться на поиски частицы древа Животворящего Креста Господня для своей часовни. Получить частицу Животворящего Креста Господня не составляло большого труда, потому что на Кипре очень многие клирики и миряне имели (как имеют и в настоящее время) у себя частицы Животворящего Креста Господня еще со времен св. царицы Елены, уделившей на Кипр значительную часть от найденного ею Креста Господня. Вернувшись в свою пещеру с драгоценным даром, преп. Неофит не нашел ее уже столь привлекательной для своего духа, как это было раньше. Ему пришлось вытерпеть сильное искушение: его гнало сильное

желание оставить свою пещеру и отправиться опять в Святую Землю или хотя бы в свою отчизну. Но каждый раз, когда он принимал решение, внутренний голос говорил ему: "Подожди еще здесь 15 дней!" "Подожди еще 60 дней!" Преп. Неофит оказал послушание внутреннему голосу, и вот, постепенно дух его успокоился, и в духе отшельника — каковым он и был — возобитал сладкий мир, и он решил не выходить из затвора до конца своих дней.

Но, по воле Божией, этому желанию не суждено было осуществиться: новый епископ Пафоса, Василий Синнамос, настоял, чтобы, во-первых, преп. Неофит принял пресвитерское рукоположение, а во-вторых, согласился принять ученика-монаха, который бы разделял его труды. Местные власти также оказали давление на него, и кончилось тем, что он уступил и в том, и в другом. За первым учеником последовал второй, третий... так что в скором времени вокруг преподобного образовалась монашеская община в 14 человек. Преп. Неофит принимал осторожно и немногих, считая, как он писал, что "лучше стадо из 10 овец, чем из 50 козлов".

Примитивная пещера, конечно, не могла вместить такое количество людей, и скоро вся сторона горы покрылась кельями и тропинками между ними, а посреди была воздвигнута церковь в честь Животворящего Креста Господня. Несмотря на то, что, в сущности, организовался целый монастырь, преп. Неофит по-прежнему называл это место "затвором", т. е. по имени кельи, где он пребывал, оставаясь, насколько возможно, в затворе, предоставив иконому и распорядителю административное управление монастырем. Он желал, согласно составленному им уставу, чтобы и в будущем игумен был затворником; после смерти игумна, по истечении 40 дней от его кончины, братии надлежало торжественно выбрать нового игумна, который после сего должен был уходить в затвор и выходить только в определенные дни для духовных наставлений братии. Такое правление было построено на представлении, что у игумна монастыря главная задача в жизни — пребывать в молитве за свой монастырь и за весь мир и преимущественно состоит в духовном подвиге святого молчания. Личным подвигом он делает гораздо больше для монастыря, чем если бы брал на себя административные дела, которые бы вредили его духовной сосредоточенности. Практически же такое правление приводило к своим огорчениям: игумен перестал быть властью и духовным отцом монахов в своем монастыре: жил не только выше, но и помимо духовных и вещественных нужд братии. Поэтому и случалось, что, не видя в нем своего пастыря, братия стала вообще игнорировать его. К нему самому и его словам стали относиться без

внимания, и преп. Неофит жаловался, что даже в самые праздники, он оставался без еды, в которой ему отказывали иногда в обидной для него форме.

В скором времени, в 1191 г., Кипр был захвачен крестоносцами, которые причинили православным множество великих бед. Монастырь преп. Неофита не пострадал от крестоносцев, но частые посещения его этими иностранцами, которые врываются в монастырь когда им было только угодно, по праву новых владык острова Кипра, нарушали покой и уклад жизни монастыря. Поэтому он перенес монастырь выше в горы, где и устроил свою келью в весьма неприступных местах. Этот новый монастырь он назвал "Новым Сионом", который и стал общим центром всего монастыря. Здесь был устроен довольно большой храм, а в иной, там же открытой пещере, был устроен монастырский склад. Во время работ отвалился большой кусок скалы, который чуть не убил преп. Неофита. Это было 24-го января 1200 года. В благодарение Богу за свое спасение и благодатную помощь новому монастырю, преп. Неофит установил ежегодную память сего события и составил службу. Пробыв в затворе около 60 лет и оставив братии "Устав" и завещание относительно его погребения, преподобный Неофит отошел ко Господу в апреле 1219 г.

Некоторые западные историки полагали, на основании письма Константинопольского патриарха Германа, написанного между 1222—1223 гг., в котором упоминается имя кипрского епископа Неофита, что преподобный Неофит Затворник занял архиепископскую кафедру Кипра. Другие же западные историки утверждают, что это не так и епископ кипрский Неофит и преп. Неофит Затворник — два разные лица. Греческие источники утверждают, что преп. Неофит жил и умер как затворник в своем монастыре, и время его кончины предшествует времени, когда новый архиепископ Кипрской Автокефальной Церкви, по имени Неофит, занял святительский престол. В памяти народа Кипра преп. Неофит оставался святым, и народ с молитвой приходил к его гробу. С приходом турок (1571 г.) паломничество ко гробу прекратилось, и так продолжалось до 27-го сентября 1750 г. К этому времени даже память, где находится гроб преподобного, истерлась. Гроб был найден, как говорится, "случайно" (конечно, не случайно, а по Божией воле!), когда в ночь 27-го сентября 1750 г. один монах, в поисках клада производил раскопки на монастырской земле. По распоряжению кипрского архиепископа Филофея, специально посланные им клирики раскрыли гроб с останками преподобного Неофита, которые были нетленны и имели на себе вериги, с которыми преподобный не расстался и после смерти. Святые мощи были перене-

сены в главный храм монастыря. Здесь мы видим священный череп преподобного внутри украшенного серебром ковчега и остальные его священные останки внутри деревянной раки. Память преподобного Неофита совершается дважды в году: 24-го января, в день памяти "Божиего знамения", т. е. когда он избежал смертельной опасности при постройке "Нового Сиона", а также 27-го сентября, в день памяти обретения его честных мощей. Эти дни празднуются не только в "Новом Сионе" и в окрестностях его, но и по всему Кипру. Имеются две древние службы преподобному Неофиту, которые были напечатаны в 1952 году.

Молитвами преподобного Неофита Затворника, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!

Преподобный Неофит был плодовитым писателем, который оставил после себя 2 000 листов писаний в области толкования Св. Писания, духовной и монастырской жизни. Его главное произведение, "Н *Τυπικὴ Διαθήκη*", было напечатано, согласно древней рукописи, хранящейся в Эдинбургской Государственной Библиотеке, в 1799 г. в Венеции архимандритом Киприаном, а затем в 1881 г., в 1914 и 1952 г. Этот "Устав" преп. Неофита содержит много биографических данных о нем и является главным источником для составления его жития. В этом же "Уставе" преп. Неофит перечисляет свои письменные труды.

Затем, перу преп. Неофита принадлежат следующие труды: "О бедствиях Кипра", павшего в руки латинян, с тех пор как английский король Ричард Львиное Сердце завоевал его в 1191 г.

Тридцать проповедей, которые находятся в Парижской рукописи 1189. Из них 11 были изданы: 9 были изданы (греческий текст) Hippolit-ом Delehaue в *Analecta Bollandiana* (т. 26); 2 были изданы в сопровождении латинского перевода Mnsr. Martin-ом Jugie в *Patrologia Orientalis* т. 16. Душеполезные письма и аскетические главы. Эти сочинения потеряны. Толкование книги Песнь Песней: находится во многих рукописях. Не издано.

Богослужебный канон по поводу чудесного исцеления от смерти от упавшей скалы. Не издано.

Толкование на Шестоднев. Не издано.

Толкование псалмов. Не издано.

Катехизис. Не издано.

Толкование Ветхозаветных и Новозаветных Заповедей Божиих. Не издано.

Беседы на Святую Четыредесятницу и Святую Пятидесятницу. Не издано.

Отдельные службы и стихиры. Не издано.

О преп. Неофите Затворнике нам известна и использована следующая литература:

1. J. Kh. Khatzeioannov. *Ἱστορία καὶ ἔργα Νεοφύτου πρεσβυτέρου μοναχοῦ καὶ ἐγκλειστού*. Александрия 1914.
2. Iw. P. Tsiknoroulos. *Ὁ ἅγιος Νεόφυτος πρεσβύτερος μοναχὸς καὶ ἐγκλειστος καὶ ἡ ἱερά αὐτοῦ μοιή*. Афины 1953.
3. I. P. Tsiknoroulos. *Βίος καὶ αἱ δύο ἀκολουθίαι τοῦ ἁγίου Νεοφύτου*. Афины 1952. Все три труда являются популярным изложением жития преп. Неофита и истории его ставропигиального монастыря, именуемого "Новый Сион".
4. I. P. Tsiknoroulos небольшая статья о жизни и трудах преп. Неофита Затворника в *Θρησκευτικὴ καὶ Ἠθικὴ Ἐγκυκλοπαίδεια*, vol. IX, p. 406—408. Афины 1966. Большая статья о жизни и трудах преп. Неофита в: *Byzantion* t. 37 (1967), p. 311—413.
5. Mnsr. L. Petit. «Vie et Ouvrage de Neophyte le Reclus», статья в *Echos d'Orient.*, t. II (1898—1899), p. 257—268. Наиболее полная статья из всех иных включает в себе изложение жизни преп. Неофита и перечисляет его труды.
6. Hippolytus Delehaye. «Saintes de Chypre». *Analecta Bollandiana*, t. XXVI (1907), p. 161—297. Вкратце о преп. Неофите и греческий текст его 9 омилий.
7. Mnsr. M. Jugie. *Patrologia Orientalis*. т. XVI (1922), p. 526—538. Введение и греческий текст в сопровождении лат. перевода двух омилий преп. Неофита на два праздника Божией Матери: Рождества Ее и Введения во храм.
8. V. Grumel in: *Dictionnaire de Théologie Catholique*. т. 11/1, p. 67—68. Небольшая статья с изложением жизни и главных трудов преп. Неофита.
9. K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Literatur*. II, p. 286 (1897). Автор перечисляет известные ему труды преп. Неофита.
10. K. Baus, статья в *Lexikon für Theologie und Kirche* (1962), т. 7. p. 877.
11. H. G. Beck in: «*Kirche und Theologische Literatur in Byzantinischen Reich*». (1959), т. II, p. 633.

НЕОФИТА ПРЕСВИТЕРА, МОНАХА И ЗАТВОРНИКА, О БЕДСТВИЯХ В КИПРСКОЙ СТРАНЕ.¹

1. Тучи закрывают солнце и туман покрывает горы и холмы, в силу чего в течение известного времени задерживается тепло и светлый луч солнца. Так и у нас: уже 12 лет нас покрывает туман и туча непрерывно следующих друг за другом несчастий в нашей стране. С тех пор, как Иерусалимом завладел безбожный Саладин, а Кипром — Исаак Комнин, битвы и войны, беспорядки и восстания, грабежи и ужасные обстоятельства, больше чем тучи и туман покрыли землю, где вышереченные захватили власть. По причине наших грехов, Животворящий Гроб Господень и прочие Святыни были даны мусульманским псам; и в таковом бедствии плачет всякая боголюбивая душа. "Смятошася же и языцы, и уклонишася царствия", по написанному. Именно, германский монарх и английский король² и, можно сказать, все народы двинулись ради Иерусалима, но ничего не достигли. Не соизволил Божий Промысл изгнать псов и на место их ввести волков.

2. И, вот, в течение 12 лет волны (несчастий) вздымаются все к худшей буре. К тому же и сын наш духовный, к которому, именно, мы и писали это, будучи не в силах видеть эти бедствия и слышать о них, после многих предосторожностей и уловок, вместе со всем своим народом избежал, по милости Божией, их кровожадных рук; и когда явился к Ангелу, императору Константинопольскому, был им принят с честью и принял от него высочайший дар.³ Я же, исполняя обещание, вот, с помощью Божиею, описываю и остальное, как это и обещал, мимоходом сообщая читателям о тяжком положении вещей в настоящее время; и кончится ли когда-нибудь это несчастье, никому из людей не известно, и знает это только Тот, Кто запрещает морю и ветрам, и они успокаиваются. Некие странные и неслыханные бедствия произошли в этой стране, и они выражаются в том, что все богатые лишились своих богатств, прекрасных зданий, родных, слуг, невольников, обилия стад, крупного скота, свиней, различного вида домашнего скота, хлебородных земель и плодоносных виноградников и различных древесных насаждений, и с большой поспешностью тайно отплыли в другие страны и в столицу империи. О тех же, кто не смогли убежать, кто довлеет, чтобы изобразить трагедию их бедствий: допросы, государственные тюрьмы, истязательство в требовании

с них денег, доходящее до стольких и стольких-то тысяч?! Этому же допущено было случиться по праведному суду Божию, по причине тяжести наших грехов, дабы, смирившись, мы, возможно, удостоились прощения.

3. Земля, именуемая Англия, находится далеко на север от Византии (ἡ Ῥωμανία — Римская Империя), из которой туча англичан вместе со своим принцем, сойдясь на больших кораблях, именуемых "νάκκας" (пасае),⁴ направились на Иерусалим. В это же самое время и германский принц вместе с девятистоттысячным войском, как говорят, со своей стороны также направлялся к Иерусалиму. Когда же он прошел Иконийскую землю и проходил Восточные пределы, то его армия пришла в расстройство вследствие долготы пути, голода и жажды; сам же их царь утонул, когда верхом на лошади пересекал какую-то реку. Англичанин же, причалив к Кипру, нашел в нем, несчастнейший, "дойную корову";⁵ и если бы не случилось это, то, возможно, что и с ним сбылось бы то же самое, что и с немцем. При каких же обстоятельствах он занял Кипр, мимоходом, расскажу и это.

4. Когда блаженной памяти благочестивейший царь Мануил Комнин, как это было в обыкновении, возымел нужду послать кого-нибудь начальником пограничных войск в царские крепости на границе с Арменией, то он послал туда одного из своих родственников, еще совершенно юного, по имени Исаака, который, после того, как несколько лет охранял пограничные укрепления, завел сражение с армянами и, быв взят ими в плен, был продан латинянам. Они же не малое число лет продержали его в оковах. В то время уже скончался царь Мануил, дядя его,⁶ оставив царство Алексею, сыну своему, существу еще также в детских годах: По этой причине, со-царствовавший с ним его дядя Андроник, захватив все царство в свои руки, сверг и убил мальчика.⁷ Склонясь же перед волей сената, он послал богатейший выкуп и выкупил у латинян помянутого Исаака, который, явившись на Кипр, захватил его и объявил себя царем. И правил он Кипром в течение 7 лет. И не только он угнетал страну (или: ограбил страну) и полностью похитил жизненные средства богатых, но и своих собственных вельмож он ежедневно карал и мучил, так что на всех нагнал тоску и все только и искали возможности как бы убежать от него.

5. И вот, когда дела обстояли таким образом, Англичанин высадился на Кипр, и очень скоро к нему сбежались все. Тогда царь (Исаак Комнин), оказавшись покинутым народом, и сам себя отдал в руки англичан. Англичанин же, заточив его в оковы, и похитив его весьма большие сокровища и бедственным образом ограбив

страну, отплыл к Иерусалиму, оставив корабли, чтобы они пиратствовали⁸ в (кипрской) стране; а затем отослал их в след себя. Кипрского же царя Исаака, бывшего в оковах, он заточил в замок, именуемый Маркаппо (или Маргато). Ничего же не преуспев против подобного ему Салахандина (Саладина), этот преступник преуспел только в том, что продал страну латинянам за двести тысяч ливров⁹ золота. Поэтому, как было сказано, с Севера пришло к нам великое стенание (горе) и нестерпимый дым. Не достанет же времени, если бы кто пожелал подробно изложить это.

6. Настоящее положение вещей (если сравнить) отнюдь не уступает морю, взбешенному девятым валом¹⁰ и порывом бури; лучше же сказать — оно и хуже, чем бурное море. Буря в нем сменяется затишьем; у нас же буря с каждым днем возрастает, и натиску ее нет конца; если только не услышит (от Бога): "До сего дойдеши, и не преидеши, но в тебе сокрушатся волны твоя". В Книге Левит ясно описаны приключившиеся в нашей стране бедствия; т. е. — войны, поражения, напрасные посевы, когда наши труды стали добычей врагов; и наша доблесть стала ничем; и стало нас мало; и чужой народ размножился в нашей стране. — "Пойдете ко Мне страну (т. е. против Меня) — говорит Бог — пойду и Аз с вами в ярости страну (т. е. и Я в ярости пойду против вас). Именно, так и обстоит дело. Потому что до тех пор пока кто не придет в тяжелое состояние, до тех пор и врач не прибегает к сечению, вместе с горькими снадобьями и прижиганием. Ясно следует, что и мы, если бы весьма не прогневали нашего всеблагого Врача, и не пошли бы "страною" к Нему, то и Он не стал бы "страною к нам" (т. е. против нас), ради нашего спасения, исполняя нас горечью.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это небольшое произведение преп. Неофита Затворника наиболее известно, часто на него только и ссылаются. Переведено только на латинский язык. Преп. Неофит обличает латинян в их жестоком правлении православным Кипром. И это еще мягкое обличение, т. к. оно написано до того, как совершились многие вопиющие факты: сожжение православных монахов за отказ принять латинское вероисповедание, резня граждан рыцарями-тамплиерами, уничтожение православных епископских кафедр на Кипре, полное попрание прав православных. Есть основания полагать, что мы имеем дело с отрывком из более обширного произведения. Мы пользовались текстом, который издал Минь.

Позволю себе вкратце напомнить читателю те исторические события, о которых пишет преп. Неофит.

В конце XII века Иерусалим попал в руки мусульман. Предводитель турок Саладин (Салах-ад-дин, т. е. "Благо веры") нанес поражение крестоносцам, в 1187 г. занял Иерусалим, и тем положил конец латинскому "Иерусалимскому королевству", которое было создано крестоносцами в 1099 году. (Это фанатическое и жестокое латинское королевство весьма угнетало православных христиан в Святой Земле). Западные христиане двинулись Крестовым походом на Иерусалим, но их усилия ни к чему не привели. Пошел на Восток германский император Фридрих I, но тяготы пути рассеяли его армию, а сам император утонул. Английский король Ричард Львиное Сердце собрал огромный флот, но флот этот потонул недалеко от берегов Кипра вследствие страшной бури. Тиран Кипра Исаак Комнин не только не помог бедствующим крестоносцам, но ограбил разбитые бурей корабли и перебил множество воинов Ричарда (1191 г.). Этим поступком Исаак Комнин вынес смертный приговор православному Кипру. Ричард занял остров и установил на нем свою власть.

Исаак Комнин был внуком Константинопольского императора Мануила I Комнина. Он сделал Исаака начальником гарнизона на границе Византии и Армении. Вспыльчивый и взбалмошный, совсем еще молодой Исаак вступил в сражение с армянами и был захвачен в плен. Армяне продали его латинянам, у которых и пробыл до смерти императора Мануила. Андроник II Комнин, вняв желанию сената, выкупил его за очень большую сумму. Исаак Комнин отправился на Кипр, в 1185 году захватил власть и объявил себя царем. Попытки Андроника Комнина и Алексея Ангела вновь подчинить Кипр власти Византии успеха не имели. Исаак Комнин показал себя лютейшим тираном, грабителем и угнетателем. Поэтому его приближенные с радостью встретили Ричарда и перешли на его сторону. Исаак сдался англичанам, и те, не оказав ему милости, сослали его в оковах в крепость Маргато.

Англичане разграбили остров, а потом продали тамплиерам. Этот орден стал свирепым гонителем православной церкви на Кипре. Тамплиеры продали остров французской династии Лузиньянов. Наследники Ги, первого из Лузиньянов, тоже изничтожали православие. Хотя некоторые латинские богословы говорят, что гонения на православных на Кипре, продолжавшиеся 400 лет, были результатом нетерпимости отдельных прелатов, это неверно, потому что в большинстве случаев инструкции о приведении "схизматиков" в римскую веру исходили от пап. При Гуго I православных епископов стали заменять латинским епископом. Папа Иннокентий III послал на Кипр кардинала Пелагия, способ действия которого виден из следующего факта: по его приказанию, схватили 13 монахов одного монастыря и принуждали их перейти в латинство. 3 года их держали в темнице. Те вере своей не изменили. Тогда Пелагий приказал сжечь "несчастных схизматиков". Православная церковь причислила этих мучеников к лику святых.

Это и была та эпоха, о которой пишет преп. Неофит — 6 лет правления Исаака Комнина и 6 лет правления латинян.

В заключение следует упомянуть и о византийском императоре Андронике II, о котором преп. Неофит говорит несколько слов. Император Мануил

Комнин оставил трон своему юному сыну, Алексею, которому тогда было только 13 лет. Матери царевича пришлось уступить со-правление государством пожилому и известному своими военачальническими способностями брату покойного императора, Андронику. Тот, приняв управление государством, явил себя с самой дурной стороны, которую только можно себе представить: с лютой жестокостью он убил мать царевича, а затем и самого царевича, которого по его велению задушили в тюрьме, в 1183 г. Но не долго процарствовал и сам Андроник: через два года после убийства царевича, он был свергнут и разорван на части толпой; замучен был и его сын. С ним окончилась и династия Комниных.

2. Ричард, именуемый "Львиное Сердце"; слово "король" мы вставили сами.
3. Ориг.: "... καὶ τὸ σεβαστὸν ἡράς ἐἴληθεν ἐξ αὐτοῦ". Мне не ясно, что этим говорится: имеется ли в виду дар от царя, с которым связано выражение "августейший" или "высочайший" (по нашей терминологии); или же здесь именуется некий сан "севаста"; сан "протосеваста", "севастофора", "сева-стократора" — известны; сан же "севаста" я не нашел. Слово же это в виде прилагательного употреблялось к царской особе: "августейший" или "высочайший".
4. Ни в одном греческом или латинском лексиконе я не нашел слова "ἰκκα" лат. — "пасае"; нет его и в лексиконе средневекового английского языка. Но в латинских лексиконах Lewis & Scott (A Latin Dictionary), Gaffiot (Latin-Français), Niermeyer: «Mediae Latinitatis Lexicon Minus (1976) et Latham «Revised Medieval Latin Word List from British and Irish Sources» (1965) — имеется слово "nacella", сокращенное: "navicella" — небольшой корабль. Имеется также слово "navicula", обозначающее то же что и "navicella". Возможно, что и "паса" явилось сокращением от "navicula" в солдатском жаргоне английских крестоносцев. Правда, что преп. Неофит говорит о "больших кораблях" именуемых "ἰκκα", но во всех европейских языках уменьшительное также употребляется и как ласкательное.
5. Ориг.: "кормилицу-мать"; но думаю, что здесь русский термин "дойная корова" больше подходит ввиду отношения Ричарда к киприотам, а тех — к нему. По отношению к киприотам он был лютый завоеватель и эксплуататор, а те платили ему ненавистью.
6. По проф. Соколову, ор. cit. р. 87, Исаак Комнин был внуком Мануила.
7. Поскольку слово "ἀντιρεῖ" обозначает и свержение и уничтожение, то мы считали себя вправе перевести это одно слово двумя русскими словами, как это и позволяет сделать история Алексея II Комнина.
8. Ориг.: "ταῦ σχιδαῖω τὴν χώραν". Глагола "σχιδαῖω" нельзя найти в греческих лексиконах ни древних ни византийских времен; переводчик текста на латинский язык упоминает свое затруднение в правильном переводе греческого слова "σχιδαῖω". Приводя текст одного стихотворения Иоанна Евхаитского, он находит подобное слово в обозначении "пират": "ὄρα σχιδαῖτα" — "смотри, пират". Последуя изысканию переводчика, мы также перевели это слово в указанном его значении.
9. λίτρα (libra) - римский фунт, равный 12 унциям, 327, 45 гр.
10. Ориг.: "третьим валом", который считался наиболее сильным. Я перевел: "девятым валом", потому что у нас считается это наиболее сильной и страшной волной, а именно это-то и хотел сказать преп. Неофит.

II

НЕОФИТА ПРЕСВИТЕРА, МОНАХА И ЗАТВОРНИКА СЛОВО О НЕКОЕМ МОНАХЕ В ПАЛЕСТИНЕ, КОТОРЫЙ В 6693 ГОДУ,¹ ИНДИКТА 3-го, В МЕСЯЦЕ СЕНТЯБРЕ, БЫЛ ОБОЛЫЩЕН БЕСАМИ И БЕДСТВЕННЫМ ОБРАЗОМ ПАЛ.²

1. По слуху, как это говорится, я слышал на основании слов из отеческих книг о некоторых, которые были оболыщены и введены в прелесть уловками сатаны, который, будучи оболыстителем и злодеем, всегда оболыщает человеческий род. Теперь же и в наши дни произошло нечто такое, и даже еще более бедственное, чем случившееся в древности, так что величиною наваждения оно затмило собою и превзошло то, что случалось раньше. И об этом узнал я от одного правдолюбивого и живущего по Богу монаха, который немалое время прожил вместе с оным (оболыщенным диаволом монахом) и из его уст слышал ту прелесть, в которую тот впал, и сам еще точнее расспрашивал его о ней, с одной стороны, любопытствуя относительно диавольских ухищрений, а, с другой стороны, на основании случившегося беспокоясь о своей собственной стойкости, по написанному: "Да плачевоплъствует питис,³ зане паде кедр" (Зах. 11, 2). И, вот, этот брат, разрываясь сердцем, рассказал мне все то, что он слышал от оболыщенного. И я, с моей стороны, пришел в большое огорчение и весьма опечалился таковому несчастью и сатанинскому злодейству.

2. И я посчитал, что было бы несправедливо погрузить в глубину забвения таковой опыт; но — следует поведать о нем ради утверждения нас и многих других в благодати Христовой, поскольку это не только побудит успешно подвизающихся быть еще более старательными в подражании Ему, но бывает иногда, что и падение падших сохраняет многих в стойкости; поэтому и Священные Писания всемерно выставляют повествования и о правостоящих и о павших, дабы читатели ревновали жительству стойких, а от поползновения падших бежали; — на основании чего и я счел за правое по возможности предать писанию оное сатанинское наваждение, в новейшие времена слышанное и виденное, дабы мы не были легко доверчивыми в отношении фантазм началозлобного и вселукавого диавола; но, если бы даже и Ангел света или дух Мученика или Преподобного кого пришел к нам, мы бы не оказывали ему веру, но долженствовали всегда и при всех обстоятельствах запечатлевать себя крестным знамением и возносить руки наши вместе с очами к Богу, и призывать на помощь

спасительное и всесвятое имя Христово и провозглашать таким образом: "Не оставь меня, Господи Боже мой; и не отврати помощь Твою и милость Твою от меня; и да не прельстит и похитит меня от Тебя началозлобный отступник; и не допусти мне, творению Твоему, впасть в искушение; но по слову Твоему, Владыко, избавь меня от лукавого и началозлобного врага, — молитвами Приснодевы Марии и Всечистыя Матере Твоя".

3. Я убежден, что при произношении этих слов видение явит себя какого оно рода: от Бога ли оно, или — от супостата; и если оно сатанинское, то оно скорее исчезнет, прогнанное благодатью призванного Христа; если же оно поистине от Бога, то и в этом случае не нужно устремляться на него, но лучше следует сказать видению: "Приидите, поклонимся и припадем Самому Христу, Царю и Богу нашему. Приидите, поклонимся Триипостасному Единому Божеству. Приидите, поклонимся иконе Христа и Богоматери и Кресту Господню, стражу моему и губителю демонов. Произнесем также и святой Символ Веры и "Да воскреснет Бог", и тогда справедливо я поверю тебе, что ты пришло от Бога к моему недостоинству, не сделавшему ничего доброго пред Богом, но — по благодати Его милую и утешая мое ничтожество". Таковое, вот, и подобное сему если бы обольщенный брат исполнил и произнес, то и не стал бы жертвою поругания оных лукавых демонов, и не потерпел бы от них такое обольщение и зло, и вместо Пастыря не подпал под волка, и вместо Света не принял бы тьму, и вместо пристанища не впадал бы в таковую яму.

4. Но теперь расскажем, каким образом он был прельщен, делая это, конечно, не для того, будто бы я хотел порицать его [потому что, порицая его, я бы порицал самого себя, как кормчего, не умеющего и свой собственный корабль, сущий в море, направить в пристань]; но — для того, чтобы его падение и преткновение послужило к нашему утверждению в Боге и трезвению; потому что он уже пострадал от того, что приключилось ему, и судьба его — дело Божие; мы же имеем нужду в большой Божией помощи и большой бдительности, дабы не оказаться бедственно уловленными гнусным ловцом. Поэтому и я, прежде чем рассказать о прельстившемся, сначала побеседовал о н а ш е й незыблемости в Боге; потому что, если при падении нечестивых, как написано, праведные страшатся, и преступники, видя иного преступника наказуемым, получали от этого хороший урок, то насколько больше следует нам бояться и научиться, видя, что не нечестивый, а — благочестивый, и не преступник, а — добродетельный и обладавший богатством добродетелей, внезапно обнищал и бедственным образом потерпел кораблекрушение на суше.

5. Некий муж, родом грузин, по имени Гавриил, испытанный монах, удостоенный священнического сана, весьма искусный во всякого рода рукоделии и достигший святых мест Иерусалима, явил себя прекрасным делателем добродетели, и не только потому, что он усердно прослужил в различных общежительных монастырях и был почитаем всеми, как благоразумный и священный и искусный и сведущий и братолюбивый и тонкий знаток Священных Писаний, но и — потому, что и отшельнический образ жизни он проводил в различных местах и в разные времена, иногда три года, иногда пять лет, то опять иные три года, стараясь истомить крепость тела и худшее покорить лучшему (т. е. тело — душе), и склонное к своеволию⁴ превратить в хорошо дисциплинированное; затем, перейдя в знаменитейший монастырь святого и великого Отца Саввы (Освященного), и пробыв в нем несколько лет, он обратился к игумну с просьбой разрешить ему взойти на столб ради, возможно, более строгого подвижничества и прохождения добродетели — хотя и случилось обратное сему, потому что он потерял все добрые приобретения, которыми он обладал раньше, подобно тому, как если бы кто вздумал летать, не имея крыльев, тот, упав, легко разбился бы. Игумен же лавры, кир Савва, будучи любителем и покровителем доброго дела, разрешил сему мужу восшествие на столб, которое оказалось для него не столь восшествием, как — сошествием: потому что, как невозможно на море проехать телегой, так недостижимо на суше переплывать кораблем; каковым примерам, пожалуй, мы подражаем тогда, когда непоследовательно берем на себя нечто и стремимся к чему-то, что не следует делать.

6. И, вот, на протяжении трех лет он был на столбе, живя старательно; но, как сам он говорит, сердце его уклонилось (от правого пути), требуя у Бога некоего дара; а было это, как дело показало, явной уловкой сатаны, дабы привести его к вожделению не подобающих вещей, так чтобы — в результате сего — он бы попусту утерять и то, что имел (в отношении добродетели), что и действительно произошло. Потому что, как вырвавший у себя собственный зуб и вместо него воткнувший деревянный, делает ядение затруднительным, так и сбившийся, по злоумыслу сатаны, с божественной и прямой дороги, встретит преследующие его тяжкие и губительные положения. И, о, какое обольщение! Какое бешенство на нас врага! Потому что в позднее ночное время пришел к нему вселукавый бес и носитель зла, приняв на себя облик великого Отца Саввы (Освященного, основателя соименной ему Лавры) и сказал ему: "Радуйся, брат, потому что поистине ты совершил великое и превзошел меня в

добродетелях; и я, пребывая здесь и часто посещая (братию), кроме тебя никому не явил себя из монахов моей лавры, отвращаясь от них по причине их страстей и нерадения; ты же — твоею добродетелью и добрыми подвигами — угодил Богу, и Он меня послал тебя посетить и возвестить тебе великую милость, именно: Сам Христос имеет намерение придти к тебе с чинами Своих Ангелов, дабы явить тебя, согласно твоему желанию, участником известных даров и показать тебе, как некогда и великому Паисию, каковым Он имеет придти во Второе Свое и страшное Пришествие. Я же имею опять придти к тебе завтра в поздний (ночной) час, — и то — не один, а с двумя моими собратьями, именно: с великим Симеоном Столпником и с сущим из моей лавры святым Стефаном Трихиной — [заметь обольщение: все три имени начинаются с "С": Савва, Симеон и Стефан]⁵ чтобы проводить тебя для твоего сретения со Христом и твоего поклонения Ему; потому что нам троим предписано посещать тебя и пребывать у тебя".

7. И сказав это и показав на крючке обмана приманку, исполненную смертоносного яда, злой сеятель сгубил монаха. Потому что, как невозможно, чтобы вырванное с корнем дерево виделось высящимся к небу, как невозможно представить себе, чтобы звезды сияли внизу на земле, так нет ничего опаснее и губительнее, чем с доверием принимать сатанинские видения и уловки и прельщаться ими. Этот же монах, вместо того, чтобы приготовиться к тому, чтобы потребовать от пришельцев верных доказательств того: прельщают ли они его или же, действительно, говорят истину, — еще более окрылился в стремлении к получению Божиих даров и к высокомерному обдумыванию, чем ему достоин гордиться или, лучше сказать, безумствовать. Затем, как ему было обещано, на следующую ночь к нему пришла преждедеченная окаянная тройка, и как невозможно увидеть, чтобы река противоестественным образом текла из низлежащих мест наверх, так и при такого рода видениях и обольщениях невозможно увидеть или услышать что-либо правое и полезное; — и подтвердив сказанный ими обман относительно предвозвещенных ему предметов, и найдя, что монах доверчив и не потребовал от них никакого подтверждения (истинности всего того, что они говорят), они уже поставили ему опасное и губительное и поистине достойное их злодеяния требование, именно: указывая на честную и пречистую икону Божией Матери, они — о, какая прелесть и какое безумие! — сказали ему: "Больше не кланяйся и не молись Ей, как Матери Христовой: потому что заблуждаются кланяющиеся Ей и почитающие Ее как Богородицу: потому что для такого и столь великого как — Христос, невозможно

было быть рожденным женщиной и женщину называть "Матерью". Это самое и Христос имеет тебе подтвердить, когда завтра в поздний час придет к тебе".

8. Поскольку же оные обольстители и сквернейшие бесы, говоря так, привели брата в исступление ума, то он не оказался в силах, — увы мне! — что-либо вообще возразить им на это, ни вспомнить пророческие слова, ни апостольские возвещения, ни постановления боговдохновенных Соборов, именующих Ее совершенным выражением: "Богородицею" и Воззванием нашего рода из пленения. И не вспомнил он того, что Господь, вися на кресте, как заботящийся о Своей Матери, вверяет Ее иному сыну: — Иоанну Богослову; и как от Сына Божиего избранная в отношении Своего положения и как соединенная со Своим возлюбленным Сыном, Она непрестанно пользуется неотъемлемой от Нее материнской честью; все это забыл оный монах и потому безумно внял губительнейшим словам бесов.

9. Затем опять в грядущую ночь обманщики пришли к обольщенному ими; и как невозможно из мякины приготовить тесто и сделать хлеб, так и здесь ничего хорошего не могло произойти. И сказали ему: "Воскури фимиам: ибо грядет к тебе Христос". Затем, после того, как он воскурил фимиам, они сказали ему: "Возведи очи твои, и виждь". И подняв глаза, он увидел с л о в н о чины сияющих ангелов и с л о в н о лики (хоры) апостолов и пророков и мучеников и преподобных; посреди же их сидящего с л о в н о на возвышенном троне (он увидел) Христа, лучше же сказать: не Христа — а супостата Христова и чуждого (врага) и начальника тьмы. И снова сказали ему дурные руководители: "Посмотри на оный чин преподобных, среди которых председательствует Великий Антоний: потому что в лике их и сам ты имеешь быть, как избраннык Христов; а теперь поскорее сойди (с твоего столба) и поклонись Христу и прими от него⁶ даемые тебе дарования".

10. Но разве может мертвый дать жизнь живущему? и может ли тьма просветить кого-нибудь? и может ли бес кому-нибудь уделить благое от себя? Если же в нем нет ничего доброго, то как может он уделить от себя благо, которое сам не имеет? Если же он сделает кого участником из того, чем он обладает, то это, конечно, есть нечто дурное и губительное; как и змея, если даст что-либо из того, чем обладает, то это она передает яд, сущий в ней на основании ее природы, яд — приводящий к смерти и гибели; как и именуемый "скомо-рохом"⁷ если бы пожелал кого-нибудь помазать маслом, варит нечто скорее безобразящее природу, чем намащает (на пользу) приступающего к нему. Так было и здесь. "Выйди, — говорят ему, — и поклонись

Христу и прими от него дары". О, какая прелесть! Какое обольщение и какое бессмысленное подчинение себя обольщению! Потому что монаху следовало возразить видению: "Что значит это? Что означает этот сонм? Что это — за тайна в отношении меня? Кто я — такой и в чем — моя заслуга, чтобы Христос пришел ко мне с таким множеством небесных воинств? Истинно ли это — и самое видение? и не наваждение ли это или воображение или сон? И как я действительно узнаю: Христос ли ты, если только ты не представишь мне знамения твоей милости и благодати: именно (представишь мне) твой Крест честный, которым ты соделал спасение наше и — язвы от гвоздей, благодаря которым и Фома и (весь) мир уверились в Воскресении твоём из мертвых; пусть и небесные твои чины воспоют по обыкновению поемую ими Трисвятую песнь; потому что поскольку ты удостоил меня большего и пришел ко мне, то удостой меня и меньшего и удовлетвори меня теми знамениями, о которых я сказал; и если я буду твердо уверен, что Ты — Христос, то я не только поклонюсь Тебе, но и прах, сущий под Твоими стопами, смою и съем, как первейшую святыню; без этих же опознавательных знаков, не только я не поклонюсь тебе, но и отвергну тебя и произнесу тебе: "Да воскреснет Бог" и проч.

11. Но ничего не подвергнув исследованию, ничего не сказав и ничего не спросив, этот монах поклонился до земли началолюбному и чуждому Бога⁸ диаволу, который, после того как тот поклонился ему, сказал монаху: "Вот, ты поклонился мне и стал наш и видел славу мою, с которой я имею придти во второе мое пришествие; ты же внимай себе, чтобы когда-либо не отступить от меня, и сейчас предо мной и пред моими ангелами торжественно объяви себя, что ты — наш; и я тебе дарую три великие дара за три великих и тяжелых года (проведенных тобою на столбе)". И монах в ответ на это сказал: "Поелику ты — Христос, то я определяю себя, что я — твой". В ответ на это обманщик сказал ему: "Иконе Марии, глаголемой Богородицею, больше не кланяйся как бы матери моей, поелику Она мне — не мать; и тебе, как нашему рабу и служителю, ныне я открыл это. Потому, что, вот, ныне ты видишь славу мою, и как было бы возможно это, чтобы я имел женщину моею матерью?!"

12. Итак, надо было, должно было в этих словах обольстителя уловить обман и ясно указать ему: "Следовательно, если Богородица — не мать тебе, то тогда и ты — не Христос; и будучи всегда лжецом, только в этом и единственном ты сказал истину, заявив ныне, что Богородица — не мать твоя, как нет никакого общения между светом и тьмою: потому что Она — Матерь истинного Света, твоя же мать —

гибель и геенна вечного огня и беспросветный мрак ада". И затем следовало произнести: "Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его" и проч. "Я же почитаю и воспеваю и поклоняюсь пречистому образу Божией Матери и неизреченно Родившегося от Нее, и Кресту Его честному и святым начертаниям Его божественных Служителей, а твои умствования я считаю за ерунду и детский лепет". — Но ничего из всего этого оболыщенный не сказал. Потому что он всецело попал во власть воров, которые обокрали и заклали и убили его ум и сердце, почему теперь и со всей безопасностью для себя они уже поступали с ним так, как им было угодно.

13. Затем, в добавление, обманщик сказал оболыщенному: "Завтра, в поздний час ночи, стань лицом на север при боковых дверях твоего столба и громко назови эти три имени: Савва, Симеон и Стефан". — И заметь мне ухищрение сатаны и великое его злодейство в том, как он устраивает, чтобы сам монах призвал бесов, а не сами от себя пришли они: "И призови, — говорит он, — "Савву", т. е. — сатану; "Симеона" — т. е. соседа⁹ повелевшего это; "Стефана" же — как князя, носящего демонический венец¹⁰ и как отъемлющего божественный венец от тех, которые доверили себя ему. "И громко призови, — говорит он, — этих трех моих служителей, с которыми и будут посланы, обещанные тебе, три великие дара: потому что этих трех я назначил служить тебе и все время пребывать с тобою". — И заметь хитрость его: он говорит: "служить тебе" и "пребывать с тобою", — вместо того, чтобы сказать: "наблюдать за тобою" и "бить тебя". Итак, коварно и оболыстительно предъявив это оболыщенному, оный глубинный змий (дракон) вместе со своим сборищем стал невидим. Монах же, на следующую ночь став при указанных ему дверях (своего столба), громким голосом воскликнул преждеданные имена. Монахи же Лавры, услышав оные бесчинные вопли, немало обеспокоились, заподозрив, что произошел набег неких мародеров.¹¹

14. И, вот, сразу же после того, как он их призвал, пред ним предстала оная званная всегубительная тройка бесов и сказала ему: "Мы — те дары, которые тебе Христос послал. Но сначала изрыгни оную материю, которая находится внутри тебя и очисти от нее твой желудок, и после сего прими дарования". Возможно, что это благодать святой воды и (наипаче) благодать Святого Дара — Тела Владычня — вселукавые демоны называли "материей" и пожелали, чтобы он обнажил себя от нее и тогда, вот, они спокойно вошли бы в него. Потому что, после того как он нагнулся и вызвал у себя рвоту и жалким образом его чрезмерно рвало и он вызывал у себя дальнейшие позывы к рвоте, так что чуть ли не самый внутренний организм¹²

должен был вылиться вон, и когда поистине его желудок стал открытым для такого страшного дела, тогда один из бесов, прыгнув, через его уста, вошел в его внутренности; другие же два, сообразно с первым, вошли чрез его уши; и как только завладели¹³ им, бросили его на землю и страшно мучили.

15. И тут же внушив ему блудную похоть и представляя ему беса в образе женщины, они толкали его на грех. Дальнейшие же кощунства и всю ту мерзость и беззаконие, о чем и говорить невозможно и что могло бы причинить большой вред читателю, я не хочу предавать писанию; однако, в кратких словах, я поведаю благоразумным, чем это дело кончилось. Так, он оказался изверженным, увя мне! в глубину сердца моря нечистых помыслов, и реки кощунства бедственно и тяжело и в еще большей мере, чем Иону, объяли его. И, вот, тогда уже он осознал сию великую прелесть и по опыту познал, что впал в сеть дьявола и бесов.

16. Поскольку же демоны всегда имеют неутолимую жажду делать зло, то они не удовлетворились вышереченными ужасами, но и следующим образом толкали его к совершению убийства. Так, в некоем расстоянии от его столба подвизался в молчании некий другой искусный монах, по имени Давид. И, вот, бес, притворно приняв на себя его облик, пришел к оному обольщенному монаху и сказал ему: "Что такое, брат Гавриил, и зачем ты размышляешь в сердце твоём, будто бы ты был обольщен демонами? Знай же, что это — ангелы, кто стали близкими тебе, а не — бесы; и уже отнюдь не имей подозрения, будто бы ты пал в прелесть". Он же по опыту зная, что был поруган бесами и тяжело страждет, воспылал бешенством и восскрежетал зубами на реченного Давида, думая, что тот насмехается и издевается над ним за то, что он принял бесов за ангелов. Поелику же демон часто приходил к его столбу, взяв на себя обличье Давида, и при этом повторял, что это ангелы явились к нему, то безумец спустился со столба, обезумев от гнева и бешенства, направляясь, чтобы убить его за то, что будто тот издевается и насмехается над ним.

17. Пойдя же и, по Божиему усмотрению, встретив затруднения, чтобы войти внутрь в келью Давида, он, стоя извне, стал осыпать его бранью и поношениями. "И для чего, — говорил он, — ты каждый день приходишь к моему столбу и издеваешься и насмехаешься надо мной, говоря мне, что те, кто приходят ко мне — не бесы, а ангелы?" Поразился же Давид, слыша это, и познал, что тот пал в прелесть, и сказал ему: "Что такое говоришь ты, брат? что говоришь ты, будучи введен в заблуждение? — Ведь уже много времени прошло,

как я не приходил к тебе; а ты говоришь, что я каждый день прихожу к тебе и говорю тебе эти вещи? Что такое говоришь ты и что такое случилось с тобою, поведай мне?" Тогда уже тот подробно рассказал ему о сатанинском обольщении и о своих видениях,¹⁴ а также о том, что три беса вселились в него. Тогда Давид, приняв его, отправил его в Лавру; и каждый из монахов, глубоко переживая то, каким образом он был обольщен, все были потрясены этим страшным и неслыханным делом (ориг. — зрелищем) и сказали, что "и мы слышали его вопли, когда он в ту ночь громко призывал Савву, Симеона и Стефана, и весьма устрашились, боясь, что произошел набег каких-то мародеров".

18. Тогда, суждением игумна кир Саввы и сущих под ним монахов, он был послан в киновию Великого Евфимия, в которой игуменом был честнейший старец кир Феостирикт, который дал ему послушание носить дрова в пекарню и на кухню. И, говорят, можно было видеть его ежедневно носящим на плечах груз дров, ничуть не уступающим в этом отношении верблюду. И даже сущего в таком положении демоны решили его не оставлять, но его, и без того настолько измученного, они, терзая, и сами мучили со своей стороны. Затем, благодаря теплomu попечению великого отца Евфимия, оные два беса, которые вошли в него чрез его уши, были изгнаны. Но один, возобитавший в его внутренностях, остался по-прежнему, муча его и сжимая его внутренности и говоря ему: "Я наследовал (или "захватил") твою душу и имею власть над ней, и я ее вырву из тебя, когда придет время". О, как неумолимо бешенство на нас сатаны! Умолим Господа, дабы никому из нас не случилось испытать сие. Потому что отнюдь небезопасно отведавать кому ядовитое зелье; и невозможно для впавшего в дьявольскую сеть и ставшего причастным яду лукавых демонов, этим ужасно не повредить своей душе и телу, как это случилось с оным, ныне сущим в Божиих руках и почтенном¹⁵ и хорошо известном монахе, который усердно нес свое послушание в выше-реченной обители, пока сын погибели, Саладин, как бешеный кабан, ворвавшись, не пограл Виноград Господень.¹⁶

19. Относительно этого несчастья я считаю справедливым нечто малое прибавить к моему слову. Но силен ли кто постигнуть непостижимую и неисповедимую бездну судеб Божиих? И кто не поразится и не удивится долготерпению Божию и несогладяемой глубине дел Его домостроительства, или кто не восплачет от души и сердца о таковом бедствии и о таком коренном изменении положения вещей, видя и слыша, как святая паства оной Святой Земли была изгнана и святое дано псам? как чистейший пчелиный рой веры святого улья

был изгнан и вместо него влетел рой нечистых навозных жуков (или "шпанских мух"?).¹⁷ Как добрая и тихая погода неожиданно сменилась на сильнейший холодный вихрь,¹⁸ пришедший с концов земли, который и опрокинул ограду Владычного Виноградника? [потому что в таком свете некоторые люди свидетельствуют о случившихся обстоятельствах, говоря, что поднялся вихрь и опустошил всю оную страну]¹⁹ как уснул Хранящий, и дикий кабан, войдя, уничтожил плоды Виноградника Господня? — Как и почему случилось это, я никак не могу сказать, и не решаюсь всех огулом обвинять во всеобщем грехе, говоря, что за это и произошли таковые ужасы; потому что как — бесспорно, что есть грешники и беззаконники, так — бесспорно, что есть и праведники и ревнители добра; но поскольку за грех одного, как написано, наказуется город со своими гражданами, то насколько больше имеет понести наказание грех множества людей. Потому что, когда одна чашка весов перевешивает, то другая, конечно, поднимается вверх, и (более тяжелая) легко одолевает, как и преобладающее большинство грешников берет верх над праведниками; потому что, как отрубей больше, чем муки, так и грешников гораздо больше, чем праведников; и посему дурные дела перевесили молитвы праведников и навлекли Божий гнев, который простерся на всех; как например, когда некий земледелец сжигает негодный кустарник (для очистки поля), то часто при этом сгорает и изгородь и фруктовое дерево; так и здесь произошло нечто подобное сему: так, когда Бог разгневался, то за грешные и беззаконные дела одних святое было отдано псам.

20. И хотя (вместе с дурными) пострадали также и делатели и любители добра, однако от этого они не потерпели (духовного) ущерба. Потому что, я разрешу себе сказать, они еще более просияли, как золото (испытанное) в печи. Поэтому нет нужды приходить в отчаяние и смятение от того, что, в результате происшедших там перемен, они оказались изгнанниками, потому что: "Господня — земля и исполнение ея" (Пс. 23, 1), и человек, испытанный в добродетели, (живший) в Иерусалиме, конечно, и везде будет добродетельным, всегда подражая трудолюбивой пчеле, которая на всяком месте собирает мед и делает соты. Так, став изгнанниками из одной земли, они убежали в другую, следуя Божественному изречению (Мф. 10, 23), ведя мысленный свой корабль, нагруженный духовным богатством, и взыскав спасительную пристань; и, ища, они обрели оную, по слову Неложного ("Ищите, и обрящете" Мф. 7, 7).²⁰ Мы же опять обратимся к прежней теме и будем говорить не об этих вещах, а об оном, впадшем в прелесть, монахе, дабы остаток слова, сплетши с его историей, на этом и закончить.

21. Итак, оный павший инок, как было сказано, пребывал в обители Евфимия Великого вплоть до захвата ее (неверными), а затем, в результате набега варваров, опять вернулся в Лавру Святого Саввы; но и там он не возмог избежать их рук, и, попав в их плен, вместе с некоторыми другими монахами был отведен оттуда в Дамаск. Какой же был его конец, или же он жив еще, я так и не узнал. Итак, это обольщение и безмерное (бесовское) злодеяние стали известными во всей Палестине, так что и монахи, подвизающиеся в священном молчании, и монахи, вместе живущие в общежитийных монастырях, устрашились, и неуверенность в своих силах охватила всех, так что падение одного привело многих к незыблемости в Боге, и преткновение одного послужило уроком стойкости для рассудительных и умеренности — для более пылких.

22. Сего ради,²¹ многомилостиве Христе, милостив буди к падшему рабу оному. Остави, отпусти, Владыко Господи, от прелести и заблуждения приключившееся ему беззаконие. Ибо поелику, по неизреченным судам Твоим, был допущен оный лукавый бес, не имевший без Твоего повеления власти даже над свиньями, который и до такой степени подвергнул искушению и обольстил Твое создание, то да будет сему в награду оная польза, которую, благодаря случившемуся с ним, получили многие. И помяни тяжкие труды его прежних дней, и если даже он один единственный день послужил Тебе, то помяни за ним этот день; ибо веруем, что бездна щедрот Твоих превышает требование Твоего правосудия. Ты, желанием не хотящий смерти грешника, (но) чтобы он обратился и был жив, Пришедший и Спасший погибающий мир, Пришедший и Освободивший нас от угнетения и плена диавольского и его насильничества, Пришедший, дабы взыскать и спасти погибшее и за него Подъявший смерть, Ведящий немощь и поползновение (неустойчивость) нашего естества, как его Создатель, Знающий неукротимое бешенство на нас человекоубийцы и началозлобного диавола, Сокрушающий брани "мышцею высокою" (4 Цар. 17, 36) и "мышцу" надменную всесильною Твоею силою всемогущественно, Владыко, сокрушивший и уничтоживший, — сокруши и изжени из внутренностей раба Твоего сего и из всех частей его тела — насильника оного беса и всякое его действие; и даруй, как благой и человеколюбец, прощение Твоему созданию; и, как милостивый, помилуй и душу его и в удобное время яви его в уделе спасаемых, дабы и на основании сего славилось Твое всесвятое имя и весьма был постыжден оный глубинный змий, обольститель и враг Твоего создания.

23. Безмерно же Твоею милостью сохрани и нас от соблазнов его; покрой нас кровом крыл Твоея благодати; светом знания и разу-

мения и незыблемости и трезвения (бдительности) просвети и осияй неизреченным светом лица Твоего наши очи и ум и чувства, и сердце, и мысль, дабы мы не ведали употребляемые против нас коварства и ухищрения началолюбного врага, но (еще) издалека прозирали его коварства и приращения и зверские устремления на нас, и, насмехаясь над ним, искали убежища у Тебя, на Тебя взирали, к Тебе с надеждой возвращались, истинному существу Богу, Спасителю и, вместе с тем, Владыке всех, Пристанищу, Стене, Крепости спасения, Пастырю, Вратам, спасительному Пути, Которым шествовавшие пришли к Отцу. Убежище всех нас, Помоще беспомощных, Надеждо безнадежных, и Пристанище обуреваемых, и Упокоение всех Твоих служителей, Христе Боже наш! Да будет нам получить вечное спасение во имя Твое святое, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, вместе со Всевиновным и Безначальным Отцем и Соприсносущным и Жизнenaчальным и Всесвятым Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Издатель рукописи сообщает:

“Примечание на полях рукописи, которое могло быть сделано рукою самого Неофита, заканчивает рассказ достаточно интересным образом:

По истечении 18 лет, некий монах, пришедший из пределов Антиохийских, сообщил нам об оном монахе, что он был освобожден от искушения и (в настоящее время) подвизается в святом молчании в пределах Антиохии, и — слава Богу. Аминь.

Итак, выздоровление его было полным, и монах Гавриил возобновил свою жизнь в подвиге святого молчания в окрестностях Антиохии. Это примечание — снабжено датой: 1205 год; 18 лет спустя после занятия Иерусалима”.²²

ПРИМЕЧАНИЯ

1. От Рождества Христова это было в 1185 г. Migne. P. Gr. т. 135, col. 495—496.
2. *Narratio de Monacho Palaestinesi*. *Analecta Bollandiana*. т. 26 (1907), p. 162—175. Остальные беседы преп. Неофита: 7 похвальных слов Кипрским Святым и одно слово, посвященное землетрясению, бывшему на Кипре в 1160 г. Текст, изданный Н. Delehaue, находится в Парижской рукописи 1189. В нашем переводе некоторые фразы мы передали в свободном переводе не из-за трудности текста, а по той причине, что в русском языке это же самое можно сказать легче. Глаголы в “историческом настоящем” мы передали в прошлом времени, потому что автор говорил о событии, которое уже было прошлым в то время, как он описывал его.

3. Πίνης – пиния, средиземноморская сосна.
4. Ориг.: "εὐήμιον" – "легко сбрасывающее узду".
5. Значение сего объяснено в § 13. Всюду в рукописи имя "Саввы" пишется "Сава".
6. Здесь, как и далее, я пишу с маленькой буквы местоимения, относящиеся к Христу в видении монаха Гавриила, потому что обольщенному монаху явился не Господь наш Иисус Христос, а – диавол.
7. ὁ οκαῖς ὄχαρος – слово это не находится ни в одном словаре; перевод я сделал по догадке, сравнивая его с близкими по корню словами; самое ближайшее слово в ново-греческом языке будет "еж"; но тут, конечно, означает человек; может быть это означает также "юродивый"?
8. "Чуждый", а также – "враждебный".
9. Здесь в греческом изображении имени "Симеон": "Συμεῶν" возможно сделать следующее сочетание слов: Συμ(ν) - με - ὦν, т.е. "сущий вместе со мной". Конечно, эта греческая интерпретация не отвечает истинному значению слова, потому что "Симеон" – это древнее еврейское имя, которое означает "Услышанное".
10. Слово "Ὁ Στέφανος" как и "τὸ στέφος" означает "венец".
11. Слово "κουρσάρια" не находится ни в одном греческом лексиконе. Но в "Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods". F. A. Sophocles, (New-York, 1900), , р. 867 указано слово "κοῦρσαν" – "мародерская экспедиция".
12. Здесь употреблено слово "ἡ οἰκονομία", которое имеет множество значений; я его перевел в данном случае в значении организма и его функций. Но, возможно, что автор имел в виду другое, именно: что вся спасительная и освящающая благодать, бывшая внутри одного несчастного обольщенного монаха, вышла из него, покинула его. См.: G. W. Lampe. A Patristic Greek Lexicon, 1961, р. 941 С.
13. Ориг.: "достигли тирании".
14. Ориг.: "театральное представление".
15. ἑκθειζόμενος – кроме своего первичного значения "ставший божественным", в смягченной, так сказать, форме обозначает "почитаемый"; "удивительный". См.: Lampe, op. cit. р. 427.
16. О Саладине мы говорили в примечаниях к тексту преп. Неофита: "О бедствиях Кипра".
17. καθάρως, καθάρως текст может означать либо "навозный жук", либо "шпанская муха". См. Древнегреческо-русский словарь. Дворецкий. 1958, т. II, стр. 872.
18. εὐροκλιδων – сильный ветер, дующий с северо-запада.
19. Скобки мы дали от себя.
20. Евангельский текст мы прибавили от себя.
21. На полях рукописи написано: "Молитва".
22. Analecta Bollandiana, т. 26, р. 281–282.

III

НЕОФИТА ПРЕСВИТЕРА, МОНАХА И ЗАТВОРНИКА СЛОВО НА ВСЕЧЕСТНОЕ И БОЖЕСТВЕННОЕ РОЖДЕСТВО ПРЕЧИСТОЙ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ.¹

Благослови, отче!

1. Цветок является началом всякого плода; и это — совершенно очевидно; Рождество же Богоданной и предвозвещенной Богом Пречистой и Всенепорочной Марии Приснодевы является началом нашего спасения: и это — совершенно ясно. Сей Праздник сегодня мы, радуясь, достоподобно совершаем. Потому что, дабы по причине Ее целый круг лета (года) был благословен, вот, Она родилась в настоящем месяце, который — первый в году;² почил же бессмертным сном в последний месяц (август), дабы, сущие между ними, десять месяцев, объявши в круг, благословить Своим Рождеством и Своим живоносным Успением, о котором теперь не время говорить, а — когда наступит время Ее святого Успения. Ныне же мы приступили к краткому рассуждению³ о святом Ее Рождестве, и столько имеем поведать о Ней, сколько благодать Ее, простираясь, внушит нам слово.

2. Родители Сей Богоотроковицы были Иоаким и Анна, из рода Давида Царя, из племени Иуды, хранители Закона и тщательные соблюдатели Божиих заповедей, весьма богатые имуществом, еще более богатые добродетелью, в отношении которой их вдохновил Бог, — но — бедные бесчадием, по причине уз неплодства блаженной Анны. Вот, из-за этого часто им приходилось терпеть поношения со стороны сынов Израилевых; приносили же они Богу свои жертвы вдвойне; но и священники, принимавшие эти дары, дерзали поносить их за то, что они не имели семени во Израиле.⁴ Посему праведный Иоаким, весьма страдая и устраниаясь от всякого общения с людьми, удалился в пустынное место и, постившись сорок дней, в плаче и в посте умолял Бога, и — "возьми от меня Господи, — говорил он, — возьми от меня поношение бесчадства и презрения, и соблаговоли, Господи, даровать мне прекрасное семя (чадо), и я опять воздам его (возвращу его), Владыко, Твоей Святыне".

Вот, таким образом Праведник, моля Божию милость, получил желанное; потому что, по слову Писания: "Воззваша праведнии, и Господь услыша их".⁵ И, вот, в силу этого, Господь тотчас же услышал

его, так что чрез семя (чадо) Его совершилась прежде веков пророченная сокровенная Тайна. Поэтому и Ангел Божий, посланный к Иоакиму, сказал ему: "Господь услышал молитву твою, и зачнет Анна, жена твоя, и во всей вселенной твое Семя прославится".

3. Праведная же Анна, находясь в своем саду, бия себя в грудь, вдвойне переживала тяжкое свое страдание: о том, что муж ее покинул и о своем бесплодстве, — говоря: "Я не могу уподобиться даже птицам небесным, потому что и они не остаются бесплодными пред очами Божиими; ни рыбам я не уподобилась, дабы принести Богу плод чрева. Но, если, Господи, Ты и мне повелишь принести плод чрева, то я Тебе снова воздам его, Господи Боже мой".

И когда с плачем она говорила это Богу, тогда и она подобные же (что и ее муж) приняла от Ангела Божиего благие возвещения о рождении своего Чада; и когда ее муж вернулся из пустыни, он принес в жертву немалое число животных и устроил богатое угощение для всего народа. Анна же, будучи освобождена Творцом естества от уз неплодства, зачала от мужа своего Марию Богоотроковицу, — Которую и родила днесь, — Начаток нашего спасения и чистую Матерь Слова Божия, и Начало возрождения нашего естества, которое — вследствие преступления заповеди Божией (в раю) обветшало и пришло в негодность. И, по слову Божию, подобно тому, как она женщина, при помощи небольшого количества дрожжей заквасила три меры муки,⁶ так и здесь, при помощи Сей созданной Богом и пречистой Закваски обновив все наше обветшавшее тесто, Творец восстановил его. Но поразительное и потрясающее чудо заключается в том, что Сам пречистый Пекарь неизреченным образом примешал Себя Самого к этой чистейшей Закваске, и, восприяв от Нее некую часть, чудесно создал все наше тесто и все его мещение. Посему впоследствии Он сказал: "Аз есмь Хлеб жизненный";⁷ и — "Ядый Мою плоть, не имать взалкати".⁸

4. Богомудрые же Родители чистой Богоотроковицы, исполняя свое обещание, с наступлением трех лет со дня Ее рождения, приносят Ее Богу во Святая Святых, в сопровождении хора дев и светлых светильников; и таким образом исполняется оное (пророчество): "Приведутся Царю Девы в след Ея, и введутся в храм Царев",⁹ — т.е. Соломонов; а также — "Слыши, Дщи, и виждь, и забуди люди Твоя и дом отца Твоего: и возжелает Царь Славы — Христос — доброты (красоты) Твоя".¹⁰ Что и сбылось. Потому что, обитая в доме Господнем и во Святая Святых, Она, действительно, оставила народ и дом отца Своего. Так, во исполнение Писания, куда архиерей входил один раз в году, Отроковица Дева пребывала ежедневно.

Но о Вхождении Девы во Святая Святых ныне мы не имеем нужды преждевременно беседовать; когда же наступит время одного Праздника, тогда опять мы будем говорить, если что внушит нам Бог и Богоотроковица Мариам. Ныне же следует нечто краткое привести о дарованном нам от Бога Рождестве Ее, и, как подобает, приветствовать с торжественностью новоявленную и подлинную Царицу, и на этом закончить слово; потому что не в наших намерениях пространно философствовать о сем предмете, а скорее — представить удобопонятные и легко доступные и не трудные по изложению вещи, дабы и вся тема легче была воспринята, и слушатели, вследствие потери интереса, не поддались дремоте, но бодрствовали и предоставили свой слух бодрым и внимательным.

5. Итак, — РАДУЙСЯ, Боговенчанная Владычице мира, Дево Отроковице Всенепорочная, предизбранная Богом прежде всех веков в обитель Слова, Богоблагодатнейшая; и при конце времен, сегодня из неплодных чресл родившись, Ты назнаменовала плодоношение бессмертной жизни и примирение мира с Богом в результате Твоего рождения (Христа). РАДУЙСЯ, Владычице и Державо земных царств, ибо имея явиться Материю Бога Ангелов, Ты от Ангела Божиего имела в служение все сущее под Тобою; посему и Родитель Твой, отец, и зачавшая Тебя Мать, приняли от Ангела благие извещения относительно Тебя. И, имея обитание во Святая Святых, Ты, как это поистине и подобало, принимала пищу от Ангела Божиего. РАДУЙСЯ, Чистая Дево, Оплот девства, Слава дев, Стена Церкви Божией, Начало и Конец нашего спасения, и Божие Сокровище, ценнее во всем всякого золота! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, Невеста Отца, Мать Сына и украшенная Обитель Святого Духа! РАДУЙСЯ, Всенепорочная, Чистая Дево Богородице, одушевленный Дом невместимыя Троицы, Святая Голубице, чистейшая Горлице, Ластовице, предвозвещающая спасительную весну, прекрасный и сладкозвучный Соловей,¹¹ возглашающий спасительное о нас моление, и во всем Виновнице всеобщих благ!

РАДУЙСЯ, Богородице Дево, одушевленный Град, Божественная Палата Царя Славы, Трон Его великий и возвышенный, Одр и Трапеза Царя Небесного! РАДУЙСЯ, Дево Чистая, неодолимая Стена, Победа над врагами, Убежище верных и Радость надеющихся на Тебя, Всепетая! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, Место Невместимого (Бога), Радость земных, радование Ангелов, надежда людей, небесная Врата верных, одушевленное, сияющее Небо Божиего обитания! РАДУЙСЯ, Чистая Мати Дево, Чертог высшего Царства, божественная Сокровищнице благ, сущих наверху и сущих внизу (на небе и на земле)! РАДУЙСЯ,

Богородице Дево, Виновница нашей радости, приявшая чрез Ангела возвешение радования, и зачавшая и родившая Единого от Троицы, и, как Виновница непрестающей радости, совершенно изгладившая печаль Праматери (Евы)!

И, вот, теперь, прияв сие конечное возгласение радования,¹² Всенепорочная Отроковице, ускорй на молитву о всех нас, празднующих честное Твое Рождество, о, Богоблагодатнейшая, да обрящем наслаждение в вечных благах, благодатью и человеколюбием Трисвятого Бога, Которому — слава и держава, всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Преподобному Неофиту принадлежит значительное число проповедей, но из них только 11 были изданы. 9 — Ипполитом Delehaye в *Analecta Bollandiana*, т. 26 (1907 г.); 2 — были напечатаны, в сопровождении латинского перевода, монсеньером Жюжи в *Patrologia Orientalis*, т. 16 (1922 г.). Обе последних посвящены Божией Матери, их мы и публикуем в русском переводе. XII век представляет собой некоторый застой в богословской мысли Востока. После преподобного Симеона Нового Богослова, с его глубокой духовностью, после Михаила Пселла, богословское творчество которого было невелико по объему, но блестяще по стилю, наступает некая пустота (мы не говорим о знаменитых канонистах и церковных историках) вплоть до XIV века, когда в творениях св. Григория Паламы, Николая Кавасилы, св. Марка Ефесского и св. Геннадия (Георгия) Схолария византийское богословие вспыхнуло ярким светом умирающей звезды. На фоне известной духовной пустоты XII века проповеди преп. Неофита представляют собою отрадное явление, в них много задушевности, благоговения и молитвенности.
2. В Византии, как и в древней Руси, год начинался 1 сентября.
3. Ориг.: "кратко любомудрствовать" (философствовать).
4. Вся эта фраза переведена нами с латинского перевода, сделанного — по причине дефектности греческого текста в рукописи — по догадке монсеньера Жюжи.
5. Пс. 33, 18.
6. Мф. 13, 33; Лк. 13, 21.
7. Ин. 6, 35.
8. Ин. 6, 35 и 56.
9. Пс. 44, 15–16.
10. ст. 11–12.
11. Соловей в греческом языке — $\eta \alpha \rho \delta \omega \nu$ — обычно имя существительное женского рода, посему преп. Неофит и упоминает его по отношению к Божией Матери.

12. Как и в последующем Слове, преп. Неофит приводит 10 раз обращение к Божией Матери, начинающееся словом: "Радуйся"; в последующем Слове он объясняет это свое обыкновение ссылкой на 10 дев, упоминаемых в притче Господней о мудрых и юродивых девах.
-

IV

**НЕОФИТА ПРЕСВИТЕРА, МОНАХА И ЗАТВОРНИКА КРАТКОЕ СЛОВО
О БОГООТРОКОВИЦЕ МАРИИ, КОГДА, БУДУЧИ В ТРЕХЛЕТНЕМ
ВОЗРАСТЕ, ОНА БЫЛА ВОЗДАНА БОГУ ЕЕ РОДИТЕЛЯМИ (и приве-
дена) ВО СВЯТАЯ СВЯТЫХ; (здесь же приводятся) И СВИДЕТЕЛЬ-
СТВА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ, ГОВОРЯЩИЕ О НЕЙ.¹**

Благослови, отче!

1. Когда установленная Богом Тайна (Воплощения Христова) начала приходить в исполнение, то вместе с этим должно было исполнено, чтобы и все имеющее послужить сему Таинству,² было исполнено святости, дабы Святейший над всеми и во Святых Почивающий, возобитав во Святой Скинии,³ исполнил пророчение: "Милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастся; истина от земли возсия, и правда с небесе приниче. Ибо Господь — как Отец — даст благодать — Слово Свое; и земля наша даст плод свой",⁴ (т.е.) — Скинию Божиего Слова — Богоизбранную Марию. "Правда — пред Ним предидет",⁵ взывая: "Уготовайте путь Господень",⁶ и "положит в путь стопы Своя".⁷ Потому что с тех пор, как оную прекрасную и сотворенную Богом и дарованную нам вещь — я имею в виду: быть по образу и подобию Божиему — мы омрачили, будучи обольщены змием, то, по всей логике, мы были преданы родственной нам земле и лишились одного образа Божиего в нас, а вместе с тем потеряли и бессмертие; и вместо святости мы скатились в грязь греха и стали рабствовать греху и беззаконию; и всякий вид беззакония покрыл весь мир, так что Давид мог сказать: "Несть до единого". Ибо Господь, говорит он, "с небесе приниче на сыны человеческия, видети: аще есть разумевай, или взыскай Бога". И увидел — что, нет никого, "ни единого".⁸ Вместо же святости (на земле), Он увидел, что скорее — "вси уклонишася, вкупе непотребни быша".⁹

Так что же? Ужели растерялся Он пред лицом такого преизбытка греха? Ужели отвратился от нас? Ужели не нашел целительного врачест-

ва против сего всеобщего растления? Ужели извержения рек и истоков беззаконий,¹⁰ покрыли Море щедрот и Бездну милости?¹¹ Отнюдь это — не так! Но поскольку было недостойно Сей безграничной Милости оставить Свое творение на съедение врагу, и (вместе с тем) грех требовал справедливого искупления — которое заключало бы в себе справедливость и святость — то, по повелению Божию, от Иоакима и Анны рождается Оная Всенепорочная и Чистая Дева Мария, дабы Одно из Лиц Святыя Троицы, при согласии Двух других Лиц, прияв от Нее плоть, уничтожило грех в Своей плоти. Но какова же должна была быть Оная Дева, как, конечно, не еще более чистая, чем солнечные лучи, дабы сообщила Солнцу Правды плоть всенепорочную и чистую (так чтобы Сын Божий воплотился от Нее)?!¹² Где же подобало Сей Деве жить и возрастать? — Ужели просто в общем и обыденном доме? — Да не будет! — (Нет, Ей следовало обитать) в самых оных Святая Святых, как более святой, чем даже оные, и имеющей дать плоть Святейшему Слову и Богу! Вот, сегодня, в точности исполняя свои обеты Богу, Ее Родители, в сопровождении множества поющих дев и сияющих светильников, вводят Ее, сущую в трехлетнем возрасте, во Святая Святых, как это и Праотец Ее Давид предсказал в отношении последующих за Нею дев, говоря: "Приведутся Царю Девы вслед Ея; искренния (близкие) Ея приведутся Тебе: приведутся в веселии и радовании, введутся в храм Царев".¹³

2. И следует заметить теперь, что сбылось нечто чудесное и достойное удивления, именно: как это "Иудеи, озеждающие комары, вельблуди же пожирающие", не восстали против происходившего и не воспрепятствовали сему. Потому что, по-человечески рассуждая, можно было бы ожидать, что они заявят, что только архиерей, и то один раз в году, входит во Святая Святых, и то после многого очищения себя и не без крови. А вы, о, Иоаким и Анна, как это трехлетнюю Отроковицу вводите во Святая Святых? Почему же и сам ты, о, святитель Захарий, соглашаешься на это? Но, как представляется, Родственницу (твоей супруги) Елисаветы ставя выше закона, ты дал согласие на то, чтобы святые места стали местом жительства для трехлетней Отроковицы. — Но ничего такого они не сказали; не помыслили даже. Потому что может ли кто нарушить намерение Божие?

И, опять же, достойно — удивления, как это, что трехлетняя Отроковица возмогла оставить любовь родителей и заботу служанок и отчий дом, и все то, что принадлежит домам богатых людей, — и пребывать в храме, каковой подвиг нелегко совершить ни женщинам, ни мужчинам даже в зрелом возрасте.

Но все угодное Богу бывает легко; как и предсказал об этих вещах Давид, Праотец Ее. "Слыши, — говорит он, — Дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, и забуди люди Твоя и дом отца Твоего: и возжелает Царь доброты (прекрасности) Твоя".¹⁴ "Слыши" обеты родителей Твоих и как при множестве молений к Богу, Ты родилась от неплодной утробы, и как они плодопринесли Тебя с множеством молитв и слез, и как они обещали воздать Тебя Давшему Тебя им; — "и приклони ухо Твое", и выслушай их. "И забуди люди Твоя и дом отца Твоего", и посмотри на прекрасность храма и чудесное благолепие его — подобие неба и вместе с тем — древней скинии, водруженной прежде в Силоме. И обитая в этом храме, как Божественная и Чистая Голубица, "забуди люди Твоя и дом отца Твоего; и возжелает Царь доброты Твоя", и приклонив небеса, — тихо и незаметно, при неведении даже Небесных Сил, Он "сидет яко дождь на руно"¹⁵ и возобитает в Тебе, потому что Он — Господь Твой, и Ты, как Мать и как Раба Его "поклонишися Ему"; "лицу же Твоему помолятся богатии людстии",¹⁶ и, как все-славную Царицу и как Всенепорочную Матерь, Царь всех поставит Тебя одесную Себя, преукрашенную всячески и в позлащенной ризе добродетелей славимую" и проч.¹⁷

Итак, Бог, предвозвестивший это о Ней через Давида, Сам и детский возраст Ее и мысли Ее исполнив Духом Святым, избрал, чтобы Она пребывала во Святая Святых и забыла народ и родных и (самый) отеческий дом. Если же в некоем смысле сие относилось к призванной Богом Церкви, то это — лишь в возводительном порядке; в собственном же значении это предрек Дух Святый в отношении Святой Девы.

3. Пречистая же Дева, девять лет обитая во Святилище и в Божием храме, принимала пищу от Божиего Ангела, как предизбранная Матерь Бога Ангелов. Когда же Пречистой Деве исполнилось 12 лет, священники стали думать о выселении Ее из святых мест, опасаясь, чтобы девице не приключилось нечто свойственное женщинам; не зная же о том, кого Бог предназначает быть хранителем Девы, они следующим способом ищут указания, именно: по предложению священников, Захария понуждается помолиться о сем предмете. Захария же возложил на себя одеяние, имеющее пришитыми к нему 12 колокольчиков, и спросил Бога. Пришел же к нему Ангел Господень, который и сказал ему: "Собери совет из старцев сынов Израилевых, из тех — которые вдовцы, и возьми мне от них их жезлы и помолись, и затем раздай им их обратно, и на котором из жезлов увидишь знамение, знай, что собственник этого жезла избран быть хранителем Девы".

И было пошито по сему. Прозвучала труба и собрался совет старцев-вдовцов; среди них находился и Иосиф-плотник; Захария, взяв их жезлы и помолившись, начал раздавать их собственникам их, но не на одном из них не явилось знамение; напоследок же он отдал жезл Иосифу; и, вот, наверху его жезла явившийся голубь взлетел на голову его; и таким образом он был избран быть Обручником, т. е. — хранителем Девы, хотя, возможно, он и не проявлял своего желания в этом отношении (смирненно считая себя грешным и недостойным сей великой чести).¹⁸ Поэтому, на основании ряда причин, он уклонялся от сего обручения с Нею; однако, не осилил их настояний; и, как Божие Сокровище, принял Ее в свой дом сей чудесный плотник, дондеже Архитектон всего существующего, чрез Нее (придя в мир) не восстановит истлевшее самое естество наше, действуя секирой и резцом неизреченной премудрости Своей и силы.

4. Мы же, почтив приветствием радования Виновницу нашего обновления — Пречистую Марию — приведем слово к окончанию, потому что относительно тех благих вещей, которые Ей возвестил божественный архангел Гавриил, следует ожидать своего, определенного для этого, времени. В настоящее же время довлеюще (хотя и) сжато рассудив об Ее Введении во храм, к чему нам удлинять наше слово далее должного и наводить скуку, а возможно, и дремоту на братию? Но краткими возгласениями радования Пречистой Деве, приличными радости праздника, мы побудим к слушанию также и инертных, если таковые есть.

РАДУЙСЯ, Богородице Дево, одушевленное Сокровище Нераздельныя Троицы, в Котором возобитал Царь Славы Христос Господь и освободил нас от рабства врагу! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, всесвятый Храме Святейшаго Бога, Которая возросши во Святая Святых, призвала наше многогрешное естество в святость! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, верных Утверждение, Похвала вселенной, и всех нас, плененных, Искушение! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, Цвете девства, Красото чистоты и женского рода Освобождение от бесчестия! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, Слава царей, Хвала князей, и всех христиан неодолимая Стена! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, Покрове надеющихся на Тебя, Сподручнице грешных к Богу, и тепле кающихся непосредственная Помощнице! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, Похвала Праотцев, Проповедь Апостолов и Слава Мучеников! РАДУЙСЯ, Богородице Дево, Слепление неверных,¹⁹ Свет и незблемое Предстательство и Диоптра!²⁰ РАДУЙСЯ, Пречистая Богородице Дево, Начало и Конец Христовых чудес, благодаря Которой Высший

сошел с высоты и, восприяв нашу природу, наиспавшую в адские глубины, возвел ее и посадил с Собою одесную Отца, и удостоил того, чтобы она стала предметом поклонения со стороны всей Его твари!²¹

О, новая Тайна! О, высшая и чудесная честь! Потому что Ангелы возжелали вникнуть в сию честь,²² ибо Он приял не ангельскую природу, но — "семя Авраамле",²³ как и Павел возвестил. Что же станем делать, если по грехам нашим мы упадем в оные адские глубины? Ведь, Христос туда уже не сойдет, чтобы вывести оттуда тех, которые снова туда упали. Потому что единожды и навсегда Он искупил нас и восшел оттуда и повелел крещаемым во имя Его уже не раболепствовать греху и не сходить во ад; потому что теперь Он придет не для того, чтобы опять снизить туда, но придет для того, чтобы судить живых и мертвых и каждому воздать по делам его.

5. Мы же, не собираясь много говорить о сих предметах, вернемся к нашей предлежащей теме и еще раз принесем приветствие радования, и, приветствовав Пресвятую Деву по числу похвалений равным лику дев²⁴ и завершив на этом, умолкнем. — РАДУЙСЯ, всеобщая Богоблагодатнейшая Владычице Дево Богородице, — Ты — Которая вместе со всесвященным Воеводою Сына Твоего,²⁵ являешься Хранительницей и несокрушимой Стеною сего моего затвора и всех злоумышляющих врагов невидимых, а также и видимых, отражение и ниспровержение! Но не прекрати, молю, о Всесвятейшая и Всесвященнейшая Разделительница моей жизни, Своим непобедимым заступничеством до конца покрывать сие Твое достояние, и живущих в нем и сей Новый Сион,²⁶ который, силою Божиею, я недавно воздвиг, и самого меня — сохранять невредимым и беспечальным от всяких враждебных злоумыслов, и обо мне — вашем неключимом слуге — приносить Владыке благоприятную молитву о моем спасении, дабы и на основании сего славилось преславное и всесвятое имя Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

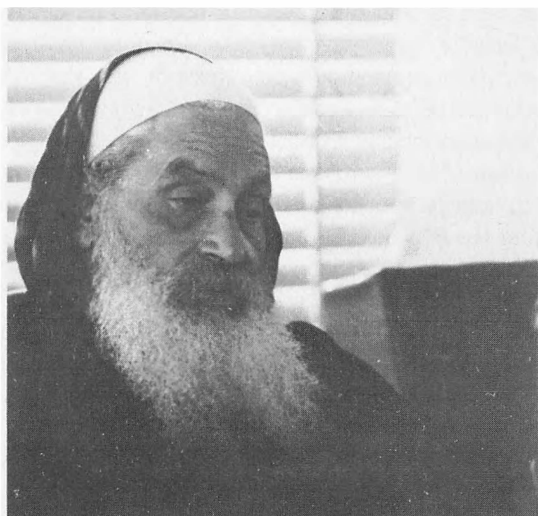
ПРИМЕЧАНИЯ

1. Patrologia Orientalis. т. 16, p. 533—538.
2. Ориг.: *τὸ ὑπουργαῖν ἐργαστήριον*, т.е. — "мастерская", лат. "officina".
3. Т. е. — во чреве Божией Матери.
4. Псл. 84, 11—13.
5. Псл. 84, 14.

6. Ис. 40, 3.
7. Псл. 84, 14.
8. Фраза вставлена нами.
9. Псл. 52, 3–4.
10. Слово "беззаконий" вставлено нами.
11. Т.е. – "свели на нет", "истощили".
12. Текст в скобках вставлен нами для большей ясности смысла сказанного.
13. Псл. 44, 15–16.
14. Псл. 44, 11–12.
15. Псл. 71, 6.
16. Псл. 44, 13.
17. Т.е. дальнейшие слова Псалма 44.
18. Фразу в скобках мы считали уместным поместить здесь от себя в дополнение к тексту.
19. В том смысле, что неверные и неверующие остаются в духовной слепоте перед ослепляющим их светом Тайны Воплощения Христова.
20. Диоптр или диоптра – древний инструмент, применяющий зеркало для измерения высот и солнечных теней. Лат. перевод: "Зеркало, отнюдь не могущее быть разбитым".
21. Т.е. Сын Божий вознесся на небо с воспринятой Им человеческой природой и воссел с нею одесную Бога Отца, и как Бог – Сын Божий, приявший человеческую природу – бывает поклоняем от всей созданной Им твари.
22. 1 Петр. 1, 12.
23. Евр. 2, 16.
24. Т.е. равным числу дев в притче Господней о мудрых девах, потому что в §§ 4 и 5 данной проповеди св. Неофит помещает 10 восхвалений Божией Матери, начинающихся словом: "Радуйся".
25. Согласно примечанию монсеньера Жюжи: "Возможно, здесь имеется в виду Архангел Михаил или Великомученик Димитрий". *Patrologia Orientalis*, т. 16, р. 538, nota 3.
26. "Новым Сионом" был назван монастырь, основанный преп. Неофитом.

ГЕФСИМАНИЯ И ПРОБЛЕМА СТРАДАНИЯ*

Мы знаем, что человечество испытало полную встречу с Богом в Рождестве Иисуса Христа. Но Гефсимания явилась наиважнейшей точкой этой встречи, ибо нет встречи более значительной, чем та, в которой имеет место разделение страдания, разве только когда, касаясь бессмертия, разделяешь и самую смерть.

О. Матта Эль-Мескин, 1982 г.

Господь не случайно выбрал местом этой встречи сад, а временем — ночь, ибо в райском саду Адам был обнажен грехом и отошел от присутствия Божия, от света, а в нем и все человечество вошло в состояние отделения от Бога и в смерть.

Страдание, которое гнетет нас в этой жизни — телесное ли, или душевное, — было измерено в Гефсимании до последних глубин: "душа Моя скорбит смертельно" (Мф. 26: 38). Нет другой печали, которая бы источила душу до смерти, кроме печали позора и греха, а

* Из книги о. Матты Эль-Мескина "С Христом в Его страстях, смерти и воскресении", вышедшей на арабском языке в 1961 г.

именно в Гефсимании Господь принял такого рода печаль, показав, что именно там Он бесповоротно принял на Себя позор человека. Там Он добровольно отдал Себя на предстоящий суд, как богохульник и злодей, т. е. согласился быть обвиненным в тех двух грехах, которые являются основанием греховности во всех ее проявлениях.

Каким образом Христос принял на Себя позор человека, является тайной, для постижения которой необходимо осушить себя от своего образа восприятия и всех эмоций, а таких найдется немного. Эта тайна подобна тайне воплощения, т. е. восприятия на Себя нашей природы и соединения с ней без умаления или изменения Божества. В Гефсимании тело Его приняло на Себя наше пятно, но без того, чтобы быть замаранным. Господь взял на Себя наш грех не просто мысленно или символически, но, как говорит Писание, "Он грехи наши Сам вознес Телом Своим на древо" (1 Петр. 2: 24), а кто может разглядеть в этом моменте тайну Христа и сердцевину искупления? Все, что мы можем сказать об этой тайне, есть лишь то, что, каким образом Он добровольно воспринял вочеловечение, таким же образом Он добровольно понес наш грех в Своем теле. Если Его алкание, жажда и утомление являются для нас свидетельством Его воплощения в истинно человеческой природе, то и Его скорбь, печаль и гефсиманское томление души "даже до смерти" являются для нас свидетельством Его таинственного добровольного принятия того, что человечество возложило на Него на кресте.

Как жертвенный агнец в древние времена нес грехи человека, не становясь оттого грешным, и умирал вместе с ними за грешника, таким же образом и Агнец Божий, взявший на Себя грех всего мира, стал грешным за нас, оставаясь абсолютно безгрешным: "Незнавшего греха Он сделал для нас жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом" (2 Кор. 5: 21). Он оставался таким же, каким был: "святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников и превознесенный выше небес" (Евр. 7: 26).

Подобным образом и мы, являясь грешными людьми, в Нем сделались совершенно безгрешными: "Он взял Себе наш удел и дал нам Свой, так восхвалим, прославим и вознесем Его" (догматик пятка коптской Псалмодии).

Мы встретились с Ним в Гефсимании, и в этой встрече проблема страдания, гнувшая спину и сокрушавшая душу человека, окончилась навсегда.

Страдание ветхого человека.

Боль и печаль, как следствие бедствия, несправедливости и лишений, болезни и унижение, сопровождающие их, оставались вопросом в сердце человека, на который существовал только один ответ: "грех" и "наказание". В страдании не было надежды, поскольку грех был неисцелим, и скорбь была едкой и разрушительной до тех пор, пока не было выкупа от наказания. Более того, несправедливое распределение страдания усиливало скорбь, вызывало тревогу, приводило к замешательству, потому что и невинный ребенок мог оказаться жертвой неправды, страдания и мук наравне с последним злодеем. Может быть, скромные и добрые люди страдают даже больше, чем непокорные и распутные, и нет возможности установить какой бы то ни было закон или принцип, по которому распределяется страдание. Почему? Потому что грех, правивший человеком вместо Бога, не знает закона. Или, скорее, потому что законом греха является несправедливость, его правлением — неравенство, и его принципом — тиранство.

И если человек в Адаме добровольно избрал грех, то вправе ли он винить Бога за то, что подпал под закон греха? Давайте рассудим. Грешный человек страдает и подавлен болью оттого, что таков закон греха. А если добрый человек страдает более, чем злой, то это оттого, что закон греха, в котором нет справедливого распределения, управляет ими обоими. И если невинный ребенок страдает, как взрослый человек, то это оттого, что он есть дитя греха, рожденный на несправедливости и угнетение.

Но за что Христос должен был понести преизбыточествующее страдание? Почему Его душа должна была скорбеть "даже до смерти"? Ведь Он родился от Св. Духа и Пречистой Девы, Он жил безгрешно и сказал о Себе: "Я есть Истина" (Ин. 14: 6). Так не потому ли, что Христос смиренно принял и неправедный приговор, и незаслуженное страдание? Правда, что есть люди, страдающие неправедно и наказанные более жестоко, чем заслуживает их грех. Но что можно сказать о Христе? В Своем страдании Он понес всю несправедливость и разрушительной печалью своей души Он уплатил штраф за всеобщий грех. Как говорит пророк Исаия, "Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни. . . Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. . . Господь возложил на Него грехи всех нас... Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению. . . Душа Его принесет жертву умиловления. . . Предал душу Свою на смерть" (Ис. 53: 4—12).

Страдание как дар и участие в любви Христовой.

Итак, взяв на себя грех человека и потерпев за него страдание, Бог уничтожил мучительство греха с его несправедливостью и тираническим законом. И сделал это не путем учения или закона, не через видение или ангела, но став человеком и понеся самое это мучительство, безропотно покорившись закону несправедливости. Принимая страдание таким именно образом, Христос возвысил его значимость, из прежде заслуженной кары за грех сделав его жертвой любви и делом спасения. С тех пор страдание перестало быть связано с грехом, а вместе с этим окончилось чувство в сердце и совести, что оно есть наказание и возмездие за грех. В противном случае такое чувство подрывало бы всю психологию человека, загружая его заботами, страхом и смертельными болезнями. Но теперь, если мы во Христе, наше страдание может протекать в плане Его страдания, т.е. как участие в страдании любви, самопожертвования и искупления. Так что мучение, боль, какую бы форму они ни приняли, во Христе стали даром, а потому "да славят Господа за милость Его к сынам человеческим" (Пс. 106: 8).

Прежде неправедно пострадавший поднимал глаза к небу и винил Бога или просил о милости, но не получал ни ответа, ни утешения, ибо грех отрезал человека от его Создателя и жестоко связал вместе и обиженного, и обидчика, увлекая обоих к смерти и уничтожению — таков путь греха и его конец. Но во Христе страждущий, т.е. тот, кто в Нем навсегда избавлен от греха, избавлен и от несправедливости страдания, как бы ни была велика его боль и как бы ни был он неповинен. Его страдание не имеет ничего общего с возмездием и искуплением, потому что и самая сильная боль — даже совокупная боль всего человечества — не смогла бы искупить и малейшего греха, т.к. грех есть разрыв с Богом и выход из Его присутствия. Если страдание есть наказание — и не больше, и если мы уплачиваем штраф, то кто осуществит примирение? Даже если мы умрем, уплачивая цену греха, то кто введет нас снова в жизнь и поставит в присутствие Божие?

Христос упразднил грех и примирил нас с Богом, ввел в жизнь и тем самым разбил страшную связь греха со страданием. Благодаря этому, страдание не является более участием в грехе Адама, но участием в любви Христа. И если человек во Христе страдает, то он страдает как бы ни за что, без причины, т.е. таким страданием, какое понес Христос! Его страдание становится литургией страдающей любви, самопожертвования и искупления. Оно есть участие в Божестве, "если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться" (Рим. 8: 17).

Страдание как участие в славе и радости Воскресения.

Теперь мы можем понять смысл слова: "вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него" (Фл. 1: 29), и увидеть, что боль, бывшая наказанием, стала во Христе даром. А дар чистого страдания непременно ведет к участию в славе.

Слова ап. Иакова: "С великой радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения" (Иак. 1: 2) означают, что любое страдание неизбежно связано с Христом, а потому мы должны принимать его с радостным благодарением, зная, что "по мере того, как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше" (2 Кор. 1: 5). Так что мы более не страдаем за грех, но за Христа. Но боль вне Христа есть грех, а боль греха есть смерть.

Страдания человека, живущего во Христе, теперь являются страданием праведности, и потому они есть радость и мир ("Ныне радуюсь в страданиях моих" — Кол. 1: 24) и участие в высочайшей жертве любви, принесенной Иисусом чрез Его страсти и завершенной Его смертью, "чтобы познать Его, и силу воскресения Его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его" (Фл. 3: 10).

Итак, если мы во Христе, то чем больше страдание, тем глубже участие в Его жертве и тем крепче связь между нами и Воскресением с его радостями. Таким вот образом смысл несправедливого страдания был совершенно изменен, из насильственного гнета под законом греха став мерой великого дара и знаком достоинства славы и радости Воскресения, "потому что закон духа во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти" (Рим. 8: 2). Апостол Петр также говорит из личного опыта: "Ибо то угодно Богу, если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо" (1 Пет. 2: 19).

Слава Богу-Отцу и Господу Иисусу.

"Да славят Господа за милость Его к сынам человеческим" (Пс. 106: 8).

Утештесь все страждущие, ибо боль ваша не является более следствием греха, но есть участие в любви и в гефсиманском страдании Господа.

Возрадуйте все плачущие и скорбящие, ибо ваша печаль не к смерти: в скорби Христа она сохранена для Воскресения.

*Монастырь Св. Макария Великого,
пустыня Скит, Египет.*

СМЫСЛ СТРАДАНИЯ*

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны распятые, ибо они преобразятся.

Блаженны вконец сокрушенные судьбой, ибо они будут править.

Блаженны алчущие, ибо они насытятся.

Ибо в небесном царстве все их страдания будут забыты, слезы осушены и смысл пережитых ужасов раскроется, как тайна славы. Раскроется величие человеческого духа вместе с могуществом милосердия Божия, и страдания покажутся чуть ли не до смешного легкими в сравнении со славой, к которой они привели. Откроется, что страдание было священной ловушкой, приготовленной Богом, чтобы привести человека к славе, ибо терпение страдания — больше поклонения. Слава страдания выше славы ангельской, как показано было одному из святых в видении: ему предстала группа мучеников, сияющих славою более, нежели сопровождавшие их ангелы; место усечения у тех, кто был обезглавлен, украшали гирлянды алых цветов, блеск которых превосходил свет самого видения.

Посмотрите, по какому пути Сын Божий оставил мир преходящих ценностей и вошел в славу Отца: смертельное физическое страдание, психологическая мука от несправедливости бесчестного суда, предательство Иуды, сознание, что жизнь Его оценена в 30 сребренников, оставленность учениками. . . Вслед за Христом и христианин призван ступать по такому же пути и помнить, что его крест, как бы огромен и тяжел он ни был, не может сравниться с доставляемой им славой.

Крест не был случайностью в жизни Господа — Он родился для него: "на сей час Я и пришел" (Ин. 12: 27). И человек рожден для страдания, а оно для него. Однако бремя креста не было для Господа непреложностью — Он сам сделал его непрямым для Себя ("неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?" — Ин. 18: 11), чтобы разделить непреложность нашего страдания, чтобы из страдания по необходимости сделать его страданием по выбору. А чтобы никто не был лишен милости Божией, Он включил в крест всех безвинно страдающих.

* Орывок из ответа на вопрос, впервые напечатанный в ливанском журнале "Эль-Нур" ("Свет") в 1968 г.

Боль сама по себе уже есть камень преткновения для человеческого ума, который не может принять боль как средство достижения чего-либо доброго. Человек верит, что боль можно упразднить знанием, и потому направляет все силы ума на борьбу с ней (например, в медицине), чтобы принести человечеству избавление. Если внимательно приглядеться ко всем видам нашего образования, то в основании всего — от алфавита до построения ракет — лежит попытка избежать боли. Боль является трудной, неприемлемой идеей еще и потому, что принятие ее означало бы сведение на нет самого ума и всяческой интеллектуально-психологической деятельности. Поэтому крест есть безумие и камень преткновения эллинам (1 Кор. 1: 23), т. е. камень преткновения их философии, пытающейся достигнуть Бога путем отвлеченного платоновского рассуждения, не знающего жертвы и убежденного, что боль ведет к смерти. Попытка достигнуть Бога путем интеллектуальной дерзости вошла в христианскую мысль через языческий мистицизм и загрязнила ее. Так, Ориген говорил о возможности соединения с Богом через размышление, представляя таким образом Бога в статическом плане, а человеческий ум — в динамическом, т. е. фактически привязывая Бога к определенной точке, в то время как ум движется к Нему. Это была чисто языческая авантюра, происшедшая из-за недостатка ощущения отцовства Божества, снисхождения Христа и милости Св. Духа и Его вхождения в сердце человека. Истина же лежит в обратном направлении: человек, а не Бог, всегда находится в статическом состоянии, а Бог движется к нему, потому и учит нас Господь: "да пр и и д е т Царствие Твое" (Лк. 11: 12). Наибольшее, что возможно человеческому динамизму, заключается в настороженной чуткости к движению Божию и готовности к Его приходу ("Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое" — Пс. 56: 8).

Если мы поймем, что крест явился величайшей манифестацией движения Бога (говоря о видимых событиях, потому что на кресте Божество явило себя человечеству более, нежели на Фаворе) и что крест есть наиболее тяжкая и несправедливая форма страдания, то мы также должны почувствовать, что крест есть, так сказать, и вяющее животное, на которое Господь Вседержитель воссел, чтобы снизойти из места Своего обитания, где Он от века был скрыт, к нам и взять нас за руку. Следовательно, крест явился наивысшим выражением динамизма Божия, как сведший и ясно показавший Его нам. И хотя с физической точки зрения страдание есть негативное явление, скользящий тупик, в духовной своей сущности оно есть ни с чем не сравнимое движение!

Человек пребывает в духовном бездействии, не будучи в состоянии стремиться к Богу, пока он не возьмет свой крест. Страдание вводит человека в тайну креста, в тайну Божественного движения; оно сдвигает его с мертвой точки и приближает к Христу; и, водимый на своем кресте от страдания к страданию, следуя Христовым путем, человек достигает Отца.

Невозможно двигаться к Богу путем умственного усилия, потому что ум, как бы далеко ни ушел в философствовании, способен только установить наличие Бога, Его свет и любовь. Такое открытие приносит уму временную радость, но затем истощается. Истинное движение к Богу возможно только в Христе, как Сыне Божиим, самоподвижно и динамично устремленном к Отцу. Власть двигаться к Отцу имеет исключительно один Христос, как едиnorodный Сын Божий, имеющий одну сущность с Отцом. Он вечно пребывает в недре Отчем и обращен к Нему. Греческое слово "прос" (*πρός*) первого стиха Евангелия от Иоанна, обычно переводимое как "у" ("и Слово было у Бога" — Ин. 1: 1), может означать также "к" движения, т. е. "и Слово было к Богу". Эта власть движения была естественна Христу до воплощения, но ради приведения к Отцу умершего человечества, не обладающего этим динамизмом в самом себе, Он должен был войти к Отцу путем искупительного жертвенного страдания. Во Христе и человечество обрело эту власть. И так как Христос на кресте восшел к Отцу, то и для нас в Нем существует исключительно крестный путь.

Христос соединяет в Себе силу двух движений: движения Бога Отца к нам и наше ответное движение к Отцу. Первое является естественным и существенным, имея свое бытие в таинстве Божественной любви к своему созданию. Второе движение приобретено через крест, т. е. через жертвенное страдание ради принятия человечества и вознесения его на Небо.

Христос наполнил нас таинством этих двух сил: силой любви и силой креста, или страдания, и ими Он действует в нас, вознося нас вместе с Собой, в Себе, пока не достигнем Отца, когда совершится величайшее таинство соединения с Богом.

Мужайтесь.

*Монастырь Св. Макария Великого,
пустыня Скит, Египет.*

СОВЕТЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА*

1. Каждодневно выметай свою избу, да имей хороший веник (ежедневное испытание своего сердца).
2. Станови утром и вечером самовар да грей воду, подкладывая углей, ибо горячая вода очищает тело и душу (о молитве).
3. Учись умной молитве сердечной, как учат св. отцы в Добролюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу.
4. К обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: "Богородицею помилуй нас".
5. Одна молитва внешняя недостаточна: Бог внимлет уму.
6. Бойся, как геенского огня, галок намазанных, ибо они часто воинов царских делают рабами сатаны.
7. Помни, что истинная мантия монашеская есть разумное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей — нету и спасения.
8. Все делай потихоньку, полегоньку и не вдруг: добродетель не груша — ее вдруг не съешь.

* Выписаны на отдельном листке о. А. Ельчаниновым.

Владимир Францевич Эрн, 1915 г.

... Родился Владимир Францевич 5-го августа 1882 в Тифлисе. Отец его был по происхождению наполовину немец и наполовину швед (отсюда его шведская фамилия, а отнюдь не немецкая). Мать была наполовину полька, наполовину русская. Дети были православными. В детстве имел русскую няньку, которая научила его молитвам, и первые впечатления религиозные имел через нее. Простая русская женщина сумела внушить ребенку живое чувство веры. Нетронутым пронес он его через всю свою жизнь. Учился он во второй Тифлисской гимназии, вместе с П. Флоренским и А. Ельчаниновым. В 1904 г. кончил университет. Весною 1909 г. сдает магистерский экзамен. В апреле 1911 он едет в двухгодичную командировку в Рим. Здесь он работает над материалами для своих двух диссертаций. После Италии он зиму 1913 г. проводит в Тифлисе, читает лекции на женских курсах. Последующие годы проводит в Москве, уезжая оттуда только на лето. Летом 1916 г. в Красной Поляне он пишет введение к творениям Платона "Верхнее постижение Платона". Платон всегда волновал В. Ф., и обе его диссертации были лишь подготовительными ступенями к его монументальной работе о Платоне. Здесь должна была раскрыться положительная его философия, здесь должен был он показать в полной мере свое обоснованное кредо. Но Бог судил иначе. И жизнь В. Ф. оборвалась как раз в тот момент, когда он освободился от всех академических обязательств, получил свободу для писания того, к чему стремился все последние годы. Умер В. Ф. за два дня до защиты своей докторской диссертации. Похоронен в Ново-Девичьем монастыре...

(Из письма вдовы В. Ф. Эрн).

"В. Ф. Эрн боролся с духовной смертью современной Европы, которую видел прежде всего в философском рационализме, принявшем в последнее время форму критицизма и идеализма разнообразных вариаций. "Я признаю, — писал он в 1911 г., — решительно все титанические и часто одинокие вершины западной культуры и совершенно отрицаю ту серединную и разлагающуюся цивилизацию (ее так много и в России), которая по моему глубокому убеждению есть законное и необходимое детище рационализма".

(Из статьи С. Аскольдова).

В.Ф. Эрн. Сочинения:

- Взыскующим града. М., 1906. (совм. с В. Свендицким).
- Христианское отношение к собственности. М., 1906.
- Церковное возрождение. О приходе. в кн.: Вопросы религии, вып. 1. М., 1906.
- Социализм и общее мировоззрение. Сергиев Посад, 1907.
- Христианство. в кн.: История религии. М., 1909. (совм. с А. Ельчаниновым).
- Гносеология В. С. Соловьева. в кн.: Сб. первый. О Владимире Соловьеве. М., 1911.
- Г.С. Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912.
- Критика кантовского понятия истины. в кн.: Филос. сборник. Л. М. Лопатину к 30-летию научно-пед. деятельности. М., 1912.
- Толстой против Толстого. в кн.: Сб. второй. О религии Льва Толстого. М., 1912.
- Природа научной мысли. Сергиев Посад, 1914.
- Розмини и его теория знания. М., 1914.
- Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М., 1915.
- Философия Джоберти. М., 1916.
- Разбор послания святейшего Синода об Имени Божиим. М., 1917.
- Верховное постижение Платона. "Вопросы филос. и психол.", 1917, кн. 137—38.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА ФРАНЦЕВИЧА*

"Солнце — Сердце"

Вячеслав Иванов

Милый друг. Я думал, что сказать о тебе в этот вечер, посвященный твоей памяти. Но из слишком многих воспоминаний, которые я мог и должен был бы рассказать здесь, я не умею остановиться, ограничив себя. Сам знаешь: когда приходится разбирать вещи любимого умершего с тем, чтобы на память себе удержать одну, остальные же раздать, труден выбор. Но то — вещи. А воспоминания — они ближе к сердцу и уединить внимание на одном — кажется обидным для других, как бы признать их худшими. Но может ли у меня не быть многих воспоминаний. Долгое время нашего знакомства, а потом и дружбы, свидетельствуют противное. Ведь мы с тобой учились вместе со второго класса гимназии, часто бывали друг у друга, прожили в одной комнате университетские годы, в дальнейшем часто виделись и гостили друг у друга; вместе увлекались мы многим, самым дорогим для нас, вместе воспламенялись теми мечтами, из которых потом выкристаллизовались наши позднейшие жизненные убеждения. Вероятно, немного есть мыслей, которые не прошли через совместное обсуждение. Наша общая мысль была насыщена и философскими интересами, и горячим чувством близости; мы прожили нашу дружбу не вяло — и восторгаясь и ссорясь порою от перенапряжения юношеских мыслей. Мы вместе бродили по лесам и по скалам, по скалам преимущественно, вместе читали Платона на горных прогалинах и на разогретых солнцем каменных уступах. Вместе же ценили благородный пафос кн. С. Н. Трубецкого и острую критичность Л. М. Лопатина, подсмеивались над лжеучеными притязаниями важных наших философских сотоварищей. И мы взаимно наблюдали, часто не говоря о том, ломки, тайные надломы в недрах души друг друга и оба скорбели, в бессилии помочь, и оба уповали на иные силы помощи, из Вечности.

Удивительно ли, милый друг, что у меня нет решимости из сплошной картины воспоминаний, из этих сплетающихся в одно целое,

* Печатается впервые. В издательстве YMCA-Press намечен к выходу в свет сборник статей В. Ф. Эрн с рядом очерков о нем и его творчестве.

впечатлений солнечного зноя, горячих скал, серых, грязно-зеленоватых и ржаво-красных лишайев, глубоких синих далей, тонкой резьбы полуразрушенных храмов, выжженных полей, карабкающихся где-нибудь по кручам коз, темной синевы небес, сухого ковыля, летящего в горячем ветре, воздух окутывающего строгим благовоением богородничной травки, горной полыни и мяты, иммортелей и других горных трав, и, наконец, потоков спящего света — удивительно ли, если из всех этих впечатлений, сплетшихся с впечатлениями от тебя в неразрывное целое, я не нахожу в себе решимости вырвать отдельные случаи. Не от недостатка, а от избытка, не решаюсь и не буду пробовать.

Лучше расскажу тебе об одном новом впечатлении в связи с твоим отходом отсюда. В субботу 29-го апреля текущего 1917 года я служил воскресную всенощную у себя, в церкви Красного Креста. Запели стихиры на "Господи возвах", и тут напало на меня странное состояние, внешне, — как будто оцепенение что ли, и временное забвение всего, что было кругом. Сколько длилось это оцепенение, я не знаю, — вероятно не долго, потому что до окончания стихир я уже пришел в себя и заметил, что глаза мои мокры от слез. Внутренне же оно было полно содержания, как бы длительным. Мне представился ряд ярких, почти как сновидение, образов, быстро проносившихся видений — воспоминаний нашего с тобой знакомства — наши прогулки, наши разговоры, все наше общение. Они разворачивались, как лента жизни, я не помню их порядка, но помню, что среди видений был ты мальчиком, еле знакомым еще со мною, несущим по солнечной улице подмышками кур, которыми ты занимался тогда с тою же безраздельностью, с какой впоследствии отдавался всякому порыву. Мне представились и другие твои увлечения, твои беседы, твои борения, слезы твои, когда тебя обижали, — все твое, или к тебе относящееся. Мне представилась, словом, вся твоя жизнь, насколько я знал ее, последовательная и вместе — в едином созерцании. Но в многообразной картине твоей жизни мне чувствовалась одна первичная интуиция. Все вспоминавшееся о тебе относилось к солнечным дням, к жаркому времени Закавказья, в особенности к знойному и ослепительному лету. Твой образ рисовался моему воображению, если это только было воображение, в воздушной перспективе прозрачно-голубого горного воздуха, в ослепительном, как только на горах бывает, ослепительно знойном солнце. Я не помню, вспоминался ли ты мне в комнате или среди зимней природы, но если это и было, то не задевало сознания, все яркое, запечатлевавшееся было пронизано лучами солнца. Вихрем неслись воспоминания, и еще более

быстрым вихрем срастворенные с образами мысли. Словно что-то искалось. Но как только было сказано это слово: "пронзено солнечным лучом" — мысль нашла себя. А так вот — что.

Вихрь замедлил свое течение. Мне вспоминался тогда твой последний приезд ко мне в Посад на Масляной этого года, когда ты только что окончил свою статью о Платоне и перед сдачей в печать привез прочитать ее и посоветоваться о ней. Помню, как ты отмечал значительность для тебя этой работы, — первой главы или части предполагаемой книги о Платоне. Ты говорил, что считаешь себя ничего до сих пор не написавшим и что это первая работа твоя, которая почти адекватно выражает твою мысль и которую ты признаешь за удавшуюся тебе. Ты считал, что до сих пор ты не существуешь как писатель и лишь этой работой вступаешь на писательское поприще. Но отмечал ты и то, что в этой первой части твоего труда уже содержится вся суть твоей книги и что книга должна быть проработанной и оплотнением тех мыслей, которые уже высказаны здесь, в этом вступлении: потому-то тебе и хотелось совместно обсудить эту первую главу, предупреждая этим неправильности в сложении книги. При этом мне хорошо запомнилось твое утверждение, что основное в этом исследовании — интуиция Платона — после многих поисков и изучений далось тебе вдруг летом 1916 г. в Красной Поляне, среди гор, и что эта интуиция определяет весь план и характер твоей книги. Впрочем, нетрудно было запомнить это: ведь ты мне несколько раз говорил по приезде из Красной Поляны, и кажется писал оттуда, что лето 1916 года, — последнее твое лето, — открыло тебе Платона, ибо ты нашел его первичную интуицию. А открыл — ибо сам пережил нечто подобное. Да и теперь, в это последнее посещение Посада, ты, уже с отравленным организмом и жестокою головою болью, несколько раз подтвердил мне то же.

Со стороны формальной, мысль, развиваемая тобою, общая нам обоим мысль, неоднократно обсуждалась нами, — а именно, что философские воззрения Платона суть диалектическая проработка его биографически-личного мистического опыта. Но если так, рассуждал ты, то и характер всей мысли Платона определяется каким-то исходным опытом, впервые введшим Платона в Царство бытия и в зачатке содержавшего всю систему мысли Платона. Таковы, по крайней мере, были твои рассуждения. Я сейчас не хочу спорить с тобой по поводу них, как спорил отчасти тогда, ибо они важны для меня, как твои. И вот, если был такой первоопыт Платона, таковое посвящение его, то естественно было тебе искать в его диалогах и самоличного свидетельства Платона об этом первоопыте, в его точной

и подлинной записи. Открыть эту запись — значило для тебя найти дверь, вводящую в мысль Платона, в ту самую дверь, через которую творец системы сам вошел в нее; это значило для тебя оглядеть систему Платона с той единственной правильной точки зрения, в ее истинной перспективе, с какой впервые увидел ее, в ее целом, сам философ. Эту первичную запись Платоновского посвящения и, следовательно, первичное изложение Платоновской мысли, в ее целом, ты нашел в "Федре", в том, что ты назвал "солнечным посвящением Платона". По твоему убеждению, в той самой конкретной обстановке, которая изображена с протокольной точностью в диалоге "Федр", Платон пережил там же изображенное экстатическое состояние от ослепительных лучей полуденного летнего солнца Аттики, среди раскаленных скал и выжженных полей. В этом экстазе или солнечном восхищении Платон воспринял светоносную — солнечную природу горного мира. Так был открыт Платонизм. Все, что говорил ты тут, значительно и важно и для Платона и для тебя самого, ибо твое исследование о Платоне, несмотря на замкнуто-объективный характер исследования, было явно автобиографично и явно опиралось на лично пережитое. То же, что ты не договаривал о Платоне, еще более характерно для тебя. Ты не видел ночной стороны Платонизма, — ты отрицал его дионисийство; я тогда много спорил с тобой насчет этого, имея в виду Платона. Теперь — я не стану спорить, имея уже в виду тебя: увы, жизнь показала, что я был прав. Автобиографическая сторона твоей работы, в одностороннем солнечном истолковании Платона, болезненно задела меня и, может быть, по преимуществу педагогически я тогда спорил с тобой, желая отвлечь тебя несколько в сторону. Нельзя жить с сердцем, пронзенным одною солнечностью; там, где нет творческого мрака пещерных посвящений, Солнце-Аполлон сжигает и губит, переходя в Молоха. И как ты не мог понять, что солнечное восхищение, тобою описанное, уже есть в своей односторонности нарушение мистического равновесия, уже есть солнечная смерть... Я помню, что формально ты соглашался со мной, но мои слова не доходили до твоего сознания, а между тем ты знал гибельность солнечного воспарения, знал на опыте — и как-то не считался с ним. Ведь ты помнишь тот опыт, который открыл тебе понимание Платона: в июле 1916 года, кажется 25-го числа, то есть как раз на "макушке лета", по народному выражению, на Анну-зимоуказницу, ты поднимался из Красной Поляны на вершину Ачишхо. Снежные твердыни, залитые потоками всепобедного солнца, которое в горах, и в особенности на этот раз, сияло как-то исступленно, вызвавши в тебе солнечное восхищение, как сам поведал ты. И уже после, когда

впечатление ослабло, — осенью ты рассказывал об этом созерцании, как об "ужасном", потому что, говорил ты, "невозможно видеть такую красоту и не умереть". И этот круг твоих мыслей, вращаясь в тебе полусознательно, облекся в взволновавший тебя сон, виденный за некоторое время до смерти. Ты видел себя, держащим в левой руке свое сердце, которое надо было тебе пронзить чем-то острым, что было у тебя в правой — пронзить, как-то необычайно осторожно, ибо от успеха этого все зависело. Это острое, думается мне, была стрела Аполлона. И, как бы переключаясь с твоим солнечным восхищением на Ачишхо, отвечает ему твой сон, виденный ровно 16 лет тому назад в Тифлисе 25-го же июля. Мне смутно вспоминается та трев-зга, с которой ты тогда рассказывал о нем, и его содержание. Но я имею возможность воспроизвести современную запись его, найденную мною в твоём дневнике. Вот она: "25-го июля 1900 г. Сегодня я видел страшный сон. Я был осужден каким-то образом на самоубийство. Я отлично понимал, что мне приходится расставаться с этою жизнью и переселяться в иной мир, но я был как-то мрачно спокоен. Я отлично представлял себе, как я подставляю холодное дуло револьвера к сердцу и в одно мгновение спуском курка лишу себя жизни. В этой жизни я был уверен. Мелькала мысль о своих грехах, и я чувствовал приступы отчаяния от того, что я не могу загладить своего прошлого. Тогда я порывался умолять того, от кого зависела моя жизнь, но ужасная мысль, что это напрасно, останавливала меня. Тогда я вспоминал о всепрощении Бога, о благодати и милости Его и в мысли этой находил твердый источник утешения... Пред смертью я должен был попроситься с папой и мамой. В слезах я поцеловал папу, но папа, занятый, кажется чтением письма (брата) Коли, не обратил особенного внимания на меня, попрощался со мной, будто я шел в город. Мама перекрестила меня трижды, но слез не было. Потом я остался один с мыслию о неизбежности смерти. Ужасна эта мысль. Я чувствовал, что меня давило что-то в грудь, я уже начал покоряться необходимости, как вдруг я почувствовал, что я начинаю просыпаться... Что это значит. (Я никогда почти снов не вижу)".

Переживая твою жизнь в кратчайший срок, я почувствовал, что вся она была путем к радостно-восторженному пронзению своего сердца солнечным лучом, и плакал я не о тебе, а о нас, в тебе нуждающихся. Я не хочу сказать: ты сделал, что мог сделать. Напротив, наблюдая тебя с детства, я весьма определенно знаю, что ты принадлежишь к числу тех, которые являют собою прямую противоположность скороспелым гениям. Ты развешивался с величайшей постепенностью и чрезвычайно медленно. Знаю также и то, что действительно

не успел проявить своих возможностей и только-только начинал входить в зрелый возраст, и я не буду утешать себя и друзей ложными утешениями, будто бы ты достаточно поработал, ибо не сомневаюсь, что в порядке историческом, в нашем общении, для нашей общей работы ты только теперь вступаешь в пору своего настоящего плодотворения. Но есть иные порядки и иные расчеты. И в этой иной плоскости я слышу тебя говорящим: "Готово сердце мое, Боже, готово". — А если готово, то я не могу и не должен удерживать тебя от воспарения к иным светам, предварением которых готовился ты к последнему восхищению.

На этом внутреннем решении прервался поток моих образов и мыслей, но вместе с тем возникла полная уверенность, что эти минуты были вызваны во мне тобою, уже не дождавшимся моего решения.

Вернувшись домой после службы и некоторых дел, я прочел полученную в мое отсутствие телеграмму, поданную 29-го в 5 час. 28 мин. "Эрн умер. Соловьев".

Сергиев Посад
1917. V. 26

ИЗ "ПИСЕМ О ХРИСТИАНСКОМ РИМЕ"*

Письмо первое, вступительное.

Первое письмо лучше всего начать с первых впечатлений. Рим! . . . Трудно себе представить город более сложной формации. Для того, чтобы добраться до "Гомеровской" Трои, археологам пришлось прокопаться через семь городов, выросших один над другим. В Риме семь городов — Рим архаический, Рим республиканский, Рим императорский, Рим — средневековый, Рим ренессанса, Рим барокко и Рим современный — росли друг в друга и образовали целое необычайной, единственной в мире сложности. Эта сложность столь велика, что путешественники с большой подготовкой, с большим образованием на первое время теряются в Риме и с унынием вспоминая образ цельной Флоренции, столь легко и навеки входящей в душу, жалуются, что в Риме нет единства, нет "синтетических" впечатлений. Все какие-то куски, огромные, гигантские, повороченные в одну кучу прихотливым потоком истории, и чтобы разобраться в них хорошо, всласть, до полной ясности, нужно быть одновременно и историком, и археологом, и политиком, и философом, и человеком сильного религиозного чувства, и ценителем природы, и "эстетом", равно понимающим архитектуру, скульптуру и живопись. Когда вы выходите из поезда на вокзале Термини — вас окружает шум и гомон, правда не первостепенного, но все же столичного европейского города. Гремят трамваи, режут автомобили, с чисто итальянской скоростью несутся бициклетисты, с чисто итальянской звучностью голоса выкрикиваются бегущими продавцами названия только что вышедших газет с самыми последними известиями — а через сквер виднеются массивные приземистые развалины Диоклетиановых Терм и на первый взгляд кажутся чем-то не настоящим, выдуманым, обманым. Вы берете извозчика, едете по нескончаемым улицам современного Рима в поисках прибежища — и вас всюду встречают бесконечные, тяжелые, многэтажные дома берлинской конструкции. Становится поистине тяжело, и, вспоминая с горестью уже отшедший и загромаженный крикливою современностью Рим Стендаля или Гоголя, вы соглашаетесь пассивно, чтобы вас поднимали лифтом на четвертый

* "Письма" печатались в "Богословском Вестнике".

или пятый этаж, берете насильно комнату с "термосифоном" и с паркетным полом, и только в глубине усталого тела бурлит какой-то мятеж против бездарности современных итальянцев и против универсальной наглости прогрессирующих в какую-то бездну европейцев.

На первых порах все не нравится в Риме. Вам бы хотелось слышать чистую итальянскую речь, но масса басовых шипящих нот и нечленораздельность в произношении делают римскую речь непосредственно-неприятной. Вы с удовольствием говорите "римлянам" о несравненной прелести тосканского говора, но "римляне" с присущей им гордостью сейчас же отвечают: "Да! но у нас говорится: *lingua toscana nella bocca romana*".* Все может быть! Только уху римская речь после певучести, простоты и наивной, тречентистской образности тосканского говора — явно не нравится. За ее резкостью и "надтреснутостью" вы интуитивно чувствуете определенные, мало симпатичные духовные черты. В Риме уже не встретить высокой интеллектуальности, редкой приветливости и душевной легкости тосканцев. Риму чужда та *gentilezza*, которая пленяет в незабвенных Ассизи, в которой еще чувствуется обаяние св. Франциска — у римлян, особенно в первое время, чувствуется непросветленность, душевная тяжесть, обилие темного пепла от угасших былых страстей.

Все эти мало приятные впечатления образуют первый пласт, через который нужно прорыться вглубь, для того, чтобы добраться до истинных сокровищ. И единственным орудием тут может быть время. Вот когда понимаешь органичность и благотельность времени! Дни идут за днями, и вы с удивлением и радостью чувствуете, что перспективы начинают меняться, что Рим современный постепенно разоблачается в своей призрачной сущности, что его дешевая берлинская каменная макулатура, которую современные итальянцы называют *palazzi*, имеет ту приятную особенность, что через несколько недель жизни в Риме вы начинаете ее просто не замечать, не видеть. В одно прекрасное утро вы просыпаетесь в комнате с кирпичным полом где-нибудь на Кампо-Марцио или поблизости Пьяца-ди-Спанья и говорите себе: "Слава Богу, термосифоны кончились!". Время сделало свое дело, прорыло верхний пласт современного Рима, и вы готовы теперь для новых, более глубоких впечатлений. Но тут вам предстоит еще одно испытание — барокко. Если вы и против него устоите — вы можете себя считать на пороге посвящения в мистерии Рима — у самого входа в полный очарования таинственный Рим прошлого. Барокко совершило в Риме триумфальное шествие. На каждой улице вам

* Язык тосканский в устах римлянина.

попадают тяжелые, помпезные, мертвенные фасады церквей с совершенно невероятной скульптурой. Святые, в развивающихся одеждах, театрально молятся, театрально проповедуют, театрально жестикулируют. В их неестественных позах вы чувствуете сразу господство иезуитов, триумф мелодраматического искажения христианства. Чувству православного, привыкшего к святой трезвости и простоте родного благочестия, ничто так не чуждо в Риме, как эти позирующие фигуры святых с воздетыми руками и закатившимися глазами. Но время и тут свершает свою благодетельную "отделительную" работу. Сама собой проводится резкая грань между почтенным искусством барокко убирать воздушные площади — впрочем, первый пример художественного убранства больших объемов пространства был дан Микель-Анджело в Пьяцца дель Кампидолио — и между преступным ужасающим делом иезуитско-церковной архитектуры. Вы любуетесь площадями, фронтонами и прекрасной грандиозной лестницей, ведущей к Тринита деи Монти и созданной по рисункам главного героя барокко в Риме, кавалера Бернини, — и в то же время научаетесь *sine ira et studio* проходить мимо церквей барокко, не поднимая головы и не замечая скульптурно-архитектурных криков, которыми деятели католической реакции мнили расшевелить падающую религиозность католических масс.

Преодолев Рим современный и Рим барокко — вы достигаете наконец "пластов" той необычайной, художественной, религиозной и культурно-исторической ценности, которая составляет подлинное очарование Рима. Перед вами последовательно встают: пышный, несколько холодный Рим высокого возрождения; загадочный и столь привлекательный Рим самого раннего ренессанса с иконною живописью, с великолепными мозаиками и с чудесными кьостро — делом почти неизвестных поколений "римских мраморщиков", *mattoai romani*; — Рим стариннейших в мире христианских церквей, Рим обширнейших катакомб; наконец, Рим античный. Здесь уже почва становится священной. Нужно ступать осторожно, ибо каждый камень, каждая оставшаяся плита, на которые вы натыкаетесь — расширяют ваш кругозор, научают тому, что нельзя найти ни в каких книгах.

Разобраться во всемирно-исторической сложности Рима, произвести оценки почти бесчисленным напластованиям эпох — это значит разобраться и в таком огромном историческом явлении, как римское католичество. В Риме представлено все католичество со всеми своими лучшими и со всеми своими худшими сторонами — и, что важнее всего, представлено документально, не умеющими лгать камнями, мозаиками, фасадами церквей, базиликами, фресками, папскими

покоюми. Пристально вглядываясь в эти документы, изучая их детально и по частям — вы занимаетесь единым делом осмысливания философии истории католичества. Если бы В. Соловьев прежде чем писать *La Russie et l'église universelle* — пожил в Риме года два, он должен был бы увидеть, что все богатство конкретно-религиозных и материально-художественных документов по истории католичества, которым переполняется Рим, очень мало имеет общего с его насильственными и бескровными схемами. С другой стороны, и славянофильская критика католичества, при всей ее принципиальной глубине и пронизательности — в Риме и, так сказать, на месте спора — кажется слишком не конкретной, воздушной, не доходящей до исторической гущи, не соприкасающейся с потоком конкретных фактов. Нужно спуститься к фактам, к документам, к камням, нужно пересмотреть развалины и обломки — и только тогда может быть обнажена с достаточной ясностью правда и ложь католичества.

Прежде чем приступить к анализу и описанию различных памятников христианского Рима — что будет сделано в следующих письмах — я считаю нелишним подчеркнуть общую ориентирующую точку зрения. Когда, приезжая в Рим, вы набрасываетесь на многочисленную литературу о Риме — вместе с благодарностью за сообщаемые сведения, вы испытываете разочарование. Вы чувствуете до боли различие точек зрения. Впечатления и описания французских, английских или немецких путешественников вас часто оставляют холодным, ибо вам кажется, что вы читаете о каком-то другом, фантастическом Риме, а не о том, который уже стал входить в вашу душу. Вы везде чувствуете одну странную истину: вы, русский и православный, не можете чувствовать Рим так, как чувствуют его француз-католик и немец-протестант, или, что еще хуже, француз не католик и немец не протестант. У вас свое отношение к Риму, совершенно особенное, другое. И эта особенность, это отличие и зависят в самой малой мере от ваших личных свойств. Они обусловлены иной культурой и иной религией. Морель, например, испытывает экстаз на форуме. Он называет форум *les buissons de marbres* и говорит, что форуму он обязан самой значительной эмоцией в жизни. "На форуме я собрал воедино всю свою любовь к Риму, больше — всего самого себя, свою культуру, свою латинскую кровь". Русский никогда не может повторить этих слов. Наша кровь не латинская, наша культура не римская; с форума их мы ничего не получили. Мы можем восхищенно любоваться романтической красотой форума, живописным соединением мраморных развалин с тонкою и воздушною зеленью вьющегося жасмина или вьющихся роз, мы можем созерцать восторженным оком

художника Палатинский холм с массивно хаотическими остатками дворцов Цезарей, — но как только мы переходим к историческим воспоминаниям — нам становится тяжело. Здесь почва пропитана кровью, угнетением, человеко-божеским апофеозом государства. На изящной и тонкой арке Тита запечатлен грабеж и разрушение Иерусалимского храма и священный семисвечник — образ Премудрости Божией — кощунственно влачится в шествии триумфатора. А там, в Колизее — в месте отвратительно-кровавых зрелищ, гибели сотнями и тысячами звери, гладиаторы и христиане и те самые мученики, память которых священна для всякого православного. Нет, форум для нас никогда не станет умопостигаемым центром Рима, как это хочет Морель.

Но из этого вытекает масса последствий. Мы и ко всему античному Риму не можем отнестись с тем восторгом, с тем коленопреклонением, которое характеризует не только француза Мореля, но и вообще всех путешественников Западной Европы. Среди памятников античного Рима мы с особенной силой чувствуем свою принадлежность к тому другому, независимому от Рима, культурному типу, который с такой силой был назван Тютчевым Европой Восточной. У нас иная, более благородная линия культурных преемств. Корни нашей культуры восходят дальше античного Рима, погружены в более глубокие, но отдаленные эпохи. Через Византию, через великих греческих отцов Церкви, через платонические традиции восточного богословия, мы прямо и непосредственно связаны с древней Элладой и с той благороднейшей культурой — по отношению к которой гордый и властный Рим был зависимым учеником и, по признанию самого римского из поэтов, не победителем, а побежденным. Мы с величайшим вниманием, с трепетным благоговейным чувством относимся к останкам античного Рима, но при этом наш взгляд устремлен на Восток и эти останки нам дороги больше всего как отражения Эллады, как более сохранившийся прозаический перевод величайшей, лишь отрывками нам доступной культурно-исторической поэмы. В богатых римских музеях часто приходится испытывать голод по греческим подлинникам, и многочисленные римские копии привлекают наше внимание больше всего потому, что оригиналы утеряны, и потому наши восторги относятся не к ним, а тем отблескам Фидия, Мирона, Поликлета — мастерам теургического тоноса — которые становятся нам доступными благодаря высокому искусству римских копировальщиков. Через Рим "яко зеркалом в гадании" мы видим Грецию — вот отчего античный Рим представляет для нас вторичную и обусловленную ценность.

Если для русского неприемлемы восторги француза Мореля на форуме, то еще более чуждо русскому самочувствию то великолепное, олимпийское игнорирование христианского Рима, замечательный пример которого был дан Гете. Кажется почти невероятным, — но этот "язычник", подобно августинцу Лютеру переживает в Риме неожиданный наплыв протестантских чувств. 2-го ноября 1786 года, т. е. на второй день своего пребывания в Риме, Гете присутствует на торжественном богослужении, с папой во главе, в Квиринальском дворце (2-е ноября — день всех мертвых, *tutti i morti*). И вот, он испытывает исконно-немецкий револът против мессы. Ему хочется, чтобы папа, оставив богослужение и превратившись в пастора, стал говорить какую-нибудь поучительную проповедь, и т. к., естественно, этого не произошло, — Гете с истинно-немецким книжничеством мысленно перебирает места из Евангелия, в которых говорится, что Христос учил и проповедовал, и наконец, вспоминает слова римского предания: "Я иду второй раз быть распятым. *Venio iterum crucifigi*". — Это место было для меня лучом света. Мне стало вдруг ясно, что гетевское бесчувствие к Ассизи или к чудесам христианского Рима питается не его язычеством, а его протестантством. Язычник с тонкими христианскими нервами никогда бы не мог не поддаться очарованию римских мозаик или не восчувствовать прелести и благородства каменного искусства поколений Космати. Нет, бесчувствие Гете — в его протестантизме, — чувству православного оно еще более далеко, чем романские восторги Мореля. Для православного, христианский Рим представляет богатейшее поле вдумчивого и глубокого изучения, неисчерпаемый источник религиозно-эстетического наслаждения. Огромный, более чем десятивековой период от катакомб до искусства Космати — протекает в религиозном общении Рима с восточным православием. И когда началось ухождение Рима от единства вселенской Церкви — еще долго, в продолжение трех веков, в католической религиозности потаенно хранились традиции православия. Когда они иссякли и силы антицерковные взяли верх, — произошла та всемирно-историческая катастрофа, которая последовательно привела к возникновению протестантизма, к Декарту в области философии, к Галилею в области физических наук, к барокко и болонцам в искусстве, т. е. к началу универсального ниспадения, которое называется Новым Временем. Длиннейший, катастрофический путь от мозаик и кампанилл дуэченто барокко в своей первой половине еще полон христианских элементов, и потому христианский Рим охватывает почти 16 столетий. Для русского он становится умопостигаемым центром, и его пристальное изучение делается и долгом православного

и самым высоким и увлекательным времяпрепровождением в Риме. Для того, чтобы судить о христианском Риме, русские находятся в особенно благоприятном положении. С одной стороны, их не дают романские традиции, и это позволяет с полной свободой произвести отделение доброго от злого, вечного от преходящего, правды от лжи; с другой стороны, русским чужда протестантская настроенность, выплескивающая вместе с водой ребенка, из ненависти к истинной церковности готовая зачеркнуть весь великий, подлинно-христианский период в истории Рима. Отношение русских к Риму существенно-свободно и от романского идолопоклонства, и от немецкого пристрастного бесстрастия. И это, надеюсь, позволит нам в следующих письмах дать новую картину христианского Рима — так, как он рисуется нам с нашего родного Востока и нашему православному чувству.

ДОСТОЕВСКИЙ И САРТР

Вероятно, я так и не напишу книги о Достоевском, однако ничто не мешает мне рассказать, какой она была бы. Я не стал бы соперничать со множеством фундаментальных монографий и дотошных исследований отдельных произведений, а предположил бы, что читатель уже обладает определенными знаниями о Достоевском, и освещал бы эту фигуру и ее место в литературе несколько иначе, чем принято. Быть может, именно в этом и есть причина, по которой писать о нем книгу представляется мне задачей опасной и неблагодарной.

Изучая Достоевского и читая о нем лекции американским студентам, я не мог не заметить, что писатель этот меняется в зависимости от того, кто о нем говорит. Многонациональное содружество "достоевсковедов" этого, пожалуй, не признает, претендуя на научный объективизм, хотя их симпатии и антипатии, безусловно, влияют на их методику и выводы. История восприятия Достоевского в течение ста лет, прошедших со дня его смерти, могла бы послужить образцом поочередно наступающих интеллектуальных мод и влияния различных философий на умы исследователей. Оставив пока в стороне русских авторов, можно дать примерный набросок нескольких фаз восприятия Достоевского на Западе, начиная с "Преступления и наказания", широко читавшегося в переводах еще в конце XIX века и высоко оцененного Ницше. Впрочем, к так называемой *âme slave*, выразителем которой считался Достоевский, обычно относились с легкой иронией, а французская критика посмеивалась над Соней Мармеладовой, святой проституткой, словно живьем вынутой из сентиментального романа.

Триумфальное шествие романа Достоевского по западным странам в первые десятилетия XX века непосредственно связано с открытием нового измерения в человеке — подсознания — и с культом дионисийских сил, в которых объединяются Эрос и Танатос. Тем не менее, сопротивление, оказанное в те годы растущему влиянию русского писателя такими писателями, как Миддлтон Мэрри или Д. Х. Лоуренс, заставляет задуматься. Д. Х. Лоуренс сказал о нем, что "паразитическая пронизательность смешана у него с отвратительной извращенностью. Нет ничего чистого. Его дикая любовь к Христу смешана с извращенной и отравленной ненавистью к Христу. Его

нравственное отвращение к черту смешано с потаенным обожанием черта”.

Эти немногие голоса вскоре уступили место всеобщему восхищению, и слава Достоевского растет параллельно славе Зигмунда Фрейда. Правда, Фрейд, по понятным причинам считавший “Братьев Карамазовых”, роман об отцеубийстве, величайшим романом всех времен и народов, ошибся в своем труде об эпилепсии Достоевского, опираясь — как это доказал Йозеф Кран — на неверно изложенные детали биографии писателя. Фрейдизм в течение десятилетий оказывал сильное влияние на работы о Достоевском — в тот период восприятия его произведений, который можно назвать психологическим. Сравнительно коротким и трудно вычленимым был период, когда исследователи вводили в свой анализ экзистенциалистскую философию, после чего проследивание мыслей автора, высказывающегося устами своих персонажей, было оставлено и все внимание сосредоточилось на художественном строении необычайных романов Достоевского, столь необычайных, что вопрос, не означают ли они конца романа вообще, выглядит небезосновательным.

Мои студенты проявляли много понимания, пока я занимался психологией персонажа или когда старался показать, сколь много в замысле автора обнаружила методика структурных исследований. Тоже довольно легко и даже, как пристало молодежи, радостно они усваивали расхождения между произведением и той не слишком ясной кухней, какою является личность гения. Хлопоты начинались на подступе к некоторым фактам. Например, им трудно было понять, почему Достоевский любил самодержавную власть, притом не только тогда, когда по возвращении из Сибири превратился из революционера в консерватора. Приговоренный к смертной казни вместе с большой (21 человек) группой своих товарищей, поставленный под дула расстрельной команды и в последний момент помилованный (что было комедией, разыгранной по воле царя), в сибирской ссылке он пишет три оды: одну — о Крымской войне, с угрозами по адресу Англии и Франции, другую — по случаю смерти Николая I, где он приравнивает царя-жандарма к солнцу и говорит, что недостойно произнести его имя (“устами грешными его назвать не смею”), третью — на коронацию Александра II. Стихи очень плохи, и не следует полностью исключать побочных мотивов, т. е. желания улучшить свою судьбу, но они совпадают с тем, что, по другим источникам, мы знаем о взглядах их автора.

Эта биографическая деталь, как и иные того же рода, входит в зону, где пути большинства исследователей Достоевского перестают

быть моими путями: наше внимание направляется на разные объекты. Для меня Достоевский интереснее всего как человек, у которого в жизни был всего один настоящий любовный роман — с Россией, — который выбрал Россию подлинной героиней своих произведений. Может показаться, что психология его персонажей и открытия в области строения романа делают его писателем воистину международным, национализм же его, его обожание трона и алтаря, его шовинистическая ненависть к католикам и евреям, его издевки над французами и поляками — все это замыкает его в пределах одной страны. На мой взгляд, все как раз наоборот: чем более Достоевский русский, чем больше — из любви к России — он подвержен фобиям и маниям, тем больше его роль свидетеля всей интеллектуальной истории последних двух столетий. Он ведь сам сказал: "Все в будущем столетии", — а уж в пророческом даре ему не откажешь.

Одной из основ домашнего чтения в семье Достоевского была "История России" Карамзина, и будущий писатель знал ее с детства. Труд этот усматривает источник величия России в ничем не ограниченной власти монархов. Когда Достоевский находился под арестом в Петропавловской крепости, он написал показания, в которых изложил свои взгляды на монархию, звучащие столь искренне, что одно только желание спасти свою шкуру не могло бы их продиктовать. По его мнению, революция во Франции была необходимой, в России же никто здравомыслящий не возмечтает о республиканской форме правления, памятуя о бесславной, на взгляд Достоевского, истории Новгорода. Москва попала под татарское иго в результате ослабления княжеской власти, спасена же была ее укреплением — так же, как позднее силу России дал "великий кормчий" Петр Великий.

Как мог писать такое социалист, воспитанный на Фурье? Можно было бы свалить это на типичное для "достоевщины" раздвоение, однако мы окажемся ближе к правде, утверждая, что две эти тенденции, социалистическая и самодержавная, всегда сосуществовали у Достоевского, менялись только акценты. Николай Данилевский — петрашевец, как и Достоевский, — прошел подобную эволюцию, но, став апологетом царизма и теоретиком панславизма в своем сочинении "Россия и Европа", он не отрекся от юношеских социалистических мечтаний, а включил их в свою тоталитарную доктрину.

Достоевский мыслил как государственный муж. В разговорах, которые он вел на каторге в Омске, он считал важнейшей задачей, стоящей перед Россией, овладение Константинополем. Его зрелое творчество, начиная с его первой поездки на Запад летом 1862 г., имеет ту особенность, что перед тем он был художником, а теперь

художник и государственный муж трудятся в нем рука об руку. Его книги описывают духовное состояние русской интеллигенции, становятся хроникой духовных перемен, происходящих с нею из десятилетия в десятилетие и даже из года в год. И вопрос они ставят принципиальный: что означают эти перемены для будущего России, чем угрожают ей. Не будет большим преувеличением сказать, что в них есть нечто от следствия, ведущегося необычайно умным следователем, который знает, чего искать, ибо он сам — и обвинитель, и обвиняемый.

Русская интеллигенция в романах Достоевского спорит об основных проблемах человеческого существования, отнюдь не чуждых героям западного романа, будь то в его варианте XVIII века или эпохи романтизма, например, у Жорж Занд. Однако нигде больше спорщики не ставят вопросов так резко и не делают столь крайних выводов. Они драматически переживают то, что ровесник молодого героя "Преступления и наказания" Ницше назвал "смертью Бога". При этом атеизм вовсе не был частным делом индивидуума — он как нельзя более интересовал власти, поскольку атеист, как правило, становится революционером, утверждая тем самым путь предтечи поколений русской интеллигенции Виссариона Белинского. В "Преступлении и наказании" преступление Раскольникова как бы носит характер замены. На самом деле он мечтает о великом революционном акте, оправдание которому доставила бы история. В своих взглядах и устремлениях он совершенно одинок: с одной стороны стоят власти, представленные полицейским следователем Порфирием, с другой — русский народ. В Сибири простые мужики, товарищи Раскольникова по каторге, хотят его убить, потому что он атеист. Таким образом, уже "Преступление и наказание" содержит формулу, важную для всего зрелого творчества Достоевского. Защита и столп России — это государственная власть и искренне набожный, как верил Достоевский, русский народ, а интеллигенция России угрожает. Чем угрожает, показал роман "Бесы". Среди поразительно проницательных диагнозов, быть может, особенно глубоко восклицание старого офицера, прислушивающегося к разговору о том, что Бога нет: "Если нет Бога, то какой же я капитан?" Этот человек уловил связь между религией и истоками власти. Не следует забывать, что русская интеллигенция вскормлена на вольтерьянстве и рассуждениях о французской революции.

А казнь Людовика XVI лишь сегодня кажется нам одним из многочисленных в истории сенсационных событий, не более и не менее важным, чем другие. По существу же, это был конец порядка, основанного на убеждении, что король правит, поскольку является

носителем Божьего промысла, а нижестоящие управляют в силу данных им полномочий. С тех пор следовало искать иных истоков власти — хотя бы в заговоре, руководимом одним человеком, как Петр Верховенский в "Бесах". Роман, который, по замыслу автора, должен был увенчать его творчество, "Братья Карамазовы", имеет темой бунт против отца. При этом возникает вопрос: не подрывает ли автоматически отцовского авторитета тот факт, что отец дурен и безнравственен? Иван Карамазов отвечает на это утвердительно и находит тут основу бунта как против отца, так и против Бога-Отца. "Братья Карамазовы" — это, по существу, трактат о подрыве русской интеллигенцией авторитета Бога-Отца, царя-отца и отца семьи.

Западные мыслители, которые пишут о Достоевском, всегда недоумевают, как это человек, столь глубоко вникавший в психику своих персонажей, мог иметь такие реакционные взгляды. Они стараются убрать эти взгляды из поля зрения, чему помогает гипотеза о "полифонии" романов Достоевского. Однако они проходят мимо того, что различает и разделяет их и этого русского писателя. Ни один из них в своих исследованиях или романах не ставит в центр своего интереса заботы о государственных интересах. Наоборот, эмоционально они на стороне тех персонажей, которые хотят свергнуть существующий порядок. Для Достоевского же Россия как государство не означала лишь некой территории, заселенной русскими. От России зависело будущее мира: от того, будет ли она заражена приходящими с Запада идеями атеизма и социализма, как уже заражена ее интеллигенция, или же царизм и набожный русский народ сумеют спасти ее, призванную к спасению человечества. Алеша Карамазов в следующих томах незаконченного романа должен был представлять собой новый тип деятеля, трудящегося в гармонии с народной верой.

В своей славянофильской идеализации русского народа Достоевский ошибся. Однако он не находил никакой другой надежды, и дилемма выглядела ясно: если "святая Русь" не сумеет оказать сопротивления, интеллигенция сделает с ней то, что герои "Бесов" начали осуществлять в масштабах одного провинциального города. В длительной истории восприятия Достоевского в разных странах, с точки зрения понимания его замыслов, выше всего следует поставить группу русских философов начала XX века, в особенности их высказывания в сборниках "Вехи" (1908) и "Из глубины" (1918). Согласно их мнению, пророчества Достоевского — отрицательные — начали сбываться. Можно бы сказать, что мнение такое не удивительно, ибо они были противниками революции. Но и среди революционеров в 1905 и 1917 гг. было распространено мнение об исполнении про-

рочеств Достоевского. Поклонником романа "Бесы" был первый после Октябрьской революции комиссар народного просвещения Луначарский.

"...в Достоевском нельзя не видеть пророка русской революции, — писал Николай Бердяев в 1918 году. — Русская революция пропитана теми началами, которые прозревал Достоевский и которым дал гениально острое определение. Достоевскому дано было до глубины раскрыть диалектику русской революционной мысли и сделать из нее последние выводы. Он не остался на поверхности социально-политических идей и построений, он проник в глубину и обнаружил, что русская революционность есть феномен метафизический и религиозный, а не политический и социальный. Так удалось ему религиозно постигнуть природу русского социализма".

Русские понимали политические заботы Достоевского, поскольку, как и он, мыслили *государственно*, то есть придавали значение последствиям той или иной идеи для государственного бытия — будь то государство антиреволюционное или революционное. Их западных коллег интересовал индивидуум, а не Франция, Англия или Америка. Правда, в течение XX века среди них широко распространилось убеждение, что уважающий себя человек относится к существующему социальному капиталистическому порядку как к явлению временно-му и в душе дожидается его конца. Поразительное сходство позиций русской интеллигенции, описанных Достоевским, и позиций западных мыслителей сто лет спустя, приводит к выводу, что тревога о будущем России помогла ему описать явление огромного масштаба — как в пространстве, так и во времени.

Термин "западные мыслители" — несомненно, слишком общ и вызывает недоразумения. Но, выбрав фигуру, которая бы, как в линзе, собрала в себе черты, связанные с этим термином, мы окажемся на более твердой почве. Такая фигура существует — это Жан-Поль Сартр, иногда называемый "Вольтером XX века". Что в нем поражает, так это та же, что у его русских предшественников, *интенсивность* в споре об идеях. Европейский умственный переворот, начавшийся в XVI веке, достиг России со значительным опозданием, и образованные русские в течение нескольких десятилетий усвоили идеи, которые в Западной Европе формировались постепенно, на протяжении нескольких столетий. Видимо, отсюда исключительная сила и отравленность этих идей, которые не встретились с хорошо развитым, обладающим многочисленными функциями общественным организмом. По причинам, заслуживающим отдельного анализа, в XX веке в западных странах возник специфический вакуум, в котором замкнут

западный мыслитель, развивающий свои концепции за пределами какого бы то ни было контроля со стороны "серой массы". Это как у Достоевского, где Раскольников или Иван Карамазов поставлены один на один со своим ходом мыслей. И не только *интенсивность* сближает Жана-Поля Сартра с этими персонажами, а еще и *абстрактность* мышления.

Не удивительно ли, что в издавна свободомыслящей Франции, в стране, которая многое повидала и обладала навыком избавляться от принципиального спора, просто пожав плечами, "смерть Бога" внезапно становится столь же фундаментальной проблемой, какой была некогда для русских мальчиков, за водкой спорящих об основах бытия? Ибо для французского экзистенциализма, от которого — вновь аналогия — наступает переход к действию, долженствующему перестроить мир, нет сомнений в том, что человек, свергая с престола Бога, сам становится Богом и свою ответственность должен доказать делом.

Глава, озаглавленная "Сартр как герой Достоевского", наверно, открыла бы интересные перспективы. Сюда следовало бы также ввести мотив родственности между некоторыми аспектами философии Сартра и философии самого Достоевского. Я имею в виду знаменитое сартровское "ад — это другие", то есть вопрос отношений между субъектом и другими людьми, тоже субъектами: отдельный человек стремится захватить власть над другими, превратить их в объекты, а поскольку, глядя на них, он видит в их глазах то же самое желание превратить его в объект, другие становятся его адом. Это в точности проблематика гордости и унижения у Достоевского. Когда Сартр писал "L'Être et le Néant" (в 1943 году), он не мог знать книги Бахтина о поэтике Достоевского, где этот вопрос разобран детально. Тем не менее, "экзистенциальный психоанализ" в этом произведении Сартра совпадает с выводами Бахтина, несмотря на то, что сам Сартр, похоже, не сознает своей связи с русским романистом.

Специфические черты русской жизни XIX века могут стать помехой, когда выделяешь как продолжающие быть актуальными проблемы, мучившие тогдашнюю интеллигенцию. И однако Сартр, со своими поисками свободы, идет следом за героем "Записок из подполья" — персонажем, открывающим серию больших философских монологов у Достоевского. В свою очередь гегельянство, внедренное во Франции в 1930-х годах трудами Александра Кожева (Kojève), на самом деле Кожевникова, и так решающе повлиявшее на Сартра, лежит уже в основе рассуждений Раскольникова о великих людях, которым история отпускает грехи, если они служили ей. Разумеется, Расколь-

ников, заторможенный революционер, уделяющий особое внимание в топографии Петербурга площади, где совершился неудачный бунт декабристов, поступил бы лучше, если бы вместо бессмысленного убийства ростовщицы отдался делу революции, но в 60-е годы, когда происходит действие романа, для этого слишком рано — пришлось дожидаться 70-х годов с фигурой Нечаева, Петра Верховенского "Бесов". Зато Иван Карамазов производит полную и принципиальную расправу с безнравственностью Бога во имя прометеевского долга человека, и это тоже стержень сартровского мышления и попыток действия.

"Что делать?" Заглавие романа Чернышевского знаменательно для русской интеллигенции XIX века и с равным успехом могло бы стать максимой для неутомимой деятельности Сартра. Он был постоянно в поисках *une cause*, которой мог бы отдать свои силы. Все эти *causes* объединяла надежда свергнуть существующий порядок и заменить его другим — хотя на предмет того, каким именно, точка зрения Сартра постоянно менялась. Нечто комически-патетическое было в том, как он находил своей надежде место во все новых и новых странах: СССР, Югославия, Куба, Китай — и поочередно разочаровывался, придя, в конце концов, к раздаче листовок на улице вместе с молодыми леваками. В этой жажде все новых ответов на вопрос "что делать?" Сартр отнюдь не был одинок — наоборот, он может выступать примером такого же беспокойства у тысяч интеллигентов и полуинтеллигентов.

В этой охоте на *causes*, диктуемые злободневностью, трудно не усмотреть феномена внутренней пустоты, которая должна быть заполнена чувством бескорыстного стремления к той или иной благородной цели. Так и герои Достоевского вырваны из той ткани повседневной жизни, которая обеспечивает их менее отвлеченному окружению спокойствие малых устремлений и малых достижений. Религия и календарные обряды их решительно не трогают, традиционная мораль отброшена, обогащение как цель в их глазах отворачивательно и неэффективно, деньги можно добыть с помощью преступления, случайного совпадения обстоятельств, наследства, игры в рулетку, ростовщичества — ни в коем случае не трудом. Россия — та, заурядная — подчиняется известному ритму обычаев, они же заключены в замкнутый круг своего мышления и предаются фантазиям о своей исключительной роли потенциальных спасителей человечества. Они заражены болезнью неудовлетворенности жизнью, Достоевский пробует назвать это *taedium vitae*, в особенности у характеров сильных, призванных быть деятельными, но неспособных

к этому из-за излишка эгоцентризма, как Свидригайлов или Ставрогин.

Вероятно, у этой болезни, принимающей в нашем веке, по мере успехов образования, массовый характер, еще нет исчерпывающе точного диагноза. Причин ее, похоже, следует искать в ослабленном восприятии бытия или же в концепции бытия как абсурда. Кошмары, посещающие Свидригайлова и Ставрогина, свелись бы к "La Nausée", как называется роман Сартра, предшествовавший его многочисленным революционным актам. L'être-en-soi, т. е. весь мир, существующий вне человека, не пробуждает в Сартре ни пиетизма, ни восторга, как когда-то, к примеру, в Гете, — наоборот, этот мир напирает на него своей бессмысленностью и вынуждает к побегу в сферу человеческих действий. Таким образом, это вопрос метафизический. Многие из сегодняшних христиан были бы удивлены, услышав, что "Вольтер XX века" был не только типичным образцом интеллигентов, враждебных религии, но и предтечей перемен, происходящих внутри Церквей. Если с некоторого времени Церкви усердно ищут благородных социальных causes, которым могли бы послужить, происходит это, быть может, потому, что в ощущении как церковной иерархии, так и верующих метафизическая сторона христианства испаряется, оставляя за собой лишь комплекс указаний о сосуществовании людей с людьми.

У Достоевского представители интеллигенции либо живут в подполье, либо открыто противопоставляют себя обществу. Раскольников не признает своей виной убийство ростовщицы и ее сестры — виной он признает свою слабость, в результате которой он оказался побежденным обществом. После первой, сентиментальной фазы своего писательства, когда его героями были "бедные люди", Достоевский вводит подразделение на сознательных и всех остальных, находящихся на нижней ступени сознания, — только первые его влекут, вплоть до, к его же собственному ужасу, почти отождествления с Иваном Карамазовым и его Легендой о Великом Инквизиторе. К сожалению, приходится отметить, что это деление на посвященных и всех остальных остается полностью существенным для современных нам наследников тогдашнего русского раздвоения. Быть может, Симона Бовуар, подруга жизни Сартра, поступила неосторожно, назвав роман об их круге "Les Mandarins". Не будет большого преувеличения, если мы скажем, что чувство принадлежности к избранным весьма поднимает дух — к избранным, т. е. к тем, кто проник в тайну исторического процесса и знает будущее. Их тогда единит уже не вера, но знание, особая gnosis, позволяющая выносить суждения, исходя из якобы неколебимых посылок, не заботясь о чувствен-

ной и чересчур приземленной для философа действительности.

Что означает эта удивительная мутация героев Достоевского, черты которых мы обнаруживаем в другом обществе в другую эпоху? Если русская интеллигенция стала предтечей европейской и американской интеллигенции, то на какой основе? Почему экспорт — ибо все, чем кормилась образованная Россия, включая литературных кумиров Достоевского, экспортировалось из Германии, Франции, Англии, — почему экспорт способствовал созданию такого зеркала? Мы привыкли считать, что если общества обладают взаимно сходными формами экономики, устройства, социального расслоения, то средства их выражения в философии, литературе, искусстве тоже сходны. Это убеждение, видимо, принадлежит к той части марксистского наследия, которая стала всеобщим достоянием. В чем, однако, царская Россия, с ее разделением жителей на касты, занесенные в государственные регистры, с крайне централизованной властью, с огромной неграмотной мужицкой массой, может напоминать развитые страны Запада во второй половине XX века? Или в самом деле, как я уже говорил, до нашего времени на Западе не было аналога русской интеллигенции, т. е. специфического слоя, отделенного от "серой массы", по этой причине страдающего и предназначенного себе прометеевскую роль? Или же следует попросту принять тезис о том, что идеи обладают своей автономной жизнью и что они важнее, чем экономические и политические различия? Если бы это было так, то, значит, распад метафизического фундамента как власти, так и индивидуальной этики — то, что Ницше называл "смертью Бога", — был на Западе уже давно известен, но скрыт, так как сама сложная практика экономического роста отодвигала такие проблемы в сторону. В какой-то момент они внезапно вынырнули на поверхность — это совпало с кризисом парламентаризма.

Деятельность террористических групп в 60–70-е годы, таких, как The Weathermen или Symbionese Army в США, Красные Бригады в Италии и т. п., означает — как в "Бесах", — что сомнению подвергнута правомочность власти. Там, в России, группа Нечаева, процесс которого дал Достоевскому материал для романа, отвергала правомочность монаршей власти и всей системы, построенной на ее сакральности. Здесь, на Западе, пришла очередь власти, создаваемой в результате выборов. Разумеется, революционеры знают, какова "подлинная" воля народа в отличие от этой мнимой, несознательной, и действуют в интересах "подлинной".

Невероятные совпадения в мотивировках этих групп и тех, что мы находим в "Бесах", — как и значительные различия, вызванные

прежде всего участием средств массовой информации, — пока, кажется, не соблазнили ни одного романиста, и это, возможно, доказывает, что роман перестал отзываться на события из области общественной жизни, погружаясь в крайнюю субъективность. Достоевский писал "Бесы" по горячим следам, когда еще шел процесс группы Нечаева. Но есть и другое объяснение этого отсутствия интереса литературы к событиям, что ни говори, значительным. Достоевский думал о будущем России и о той опасности, которая ей угрожает, он мыслил как защитник порядка — скажем, как хороший прокурор. Его роман, едва появившись, возмутил прогрессивную интеллигенцию как пасквиль на революционное движение. Симпатии просвещенного общественного мнения были обращены к молодым бунтовщикам всяческого покроя, которых осеял ореол героизма и мученичества и процессы которых превращались в процессы против существующего строя. Романист, который сегодня взял бы своей темой злорадный анализ мышления и поведения какой-нибудь террористической группы, встретился бы с упреком, что он сторонник существующего строя, а это среди людей определенного интеллектуального уровня считается смертным грехом. Не забудем, что философские сочинения Жана-Поля Сартра, Герберта Маркузе и других дали обоснования террористической деятельности — как в государственных масштабах (например, геноцида, проводившегося в Камбодже воспитанниками Сорбонны), так и целой сети подпольных организаций. Если так много мыслящих людей явно или скрыто симпатизирует террористу, трудно ожидать, чтобы они создали его образ — многосторонний, но негативный, — как это сделал Достоевский в "Бесах". Да и в свое время Достоевскому пришлось проломить каноны, обязательные для интеллигенции. Напрасно искали бы мы подобного восприятия под пером писателей типа Чернышевского. Следовательно, приходится отойти от общепринятого мнения, согласно которому гений вселился в Достоевского вопреки его реакционным взглядам. Верным оказывается скорее противоположное суждение: он был великим писателем, поскольку обладал чем-то вроде ясновидения, а этим даром был обязан своей реакционности.

Цитированный мною выше Николай Бердяев отметил у Достоевского понимание процессов, затрагивающих нечто более глубокое, нежели социальные отношения и политика. "Достоевский был большой мастер в обнаружении онтологических последствий лживых идей, когда они целиком овладевают человеком, — говорит он. — Достоевский предвидел, что революция в России будет безрадостной, жуткой и мрачной, что не будет в ней возрождения народного. Он

знал, что немалую роль в ней будет играть Федька-каторжник и что победит в ней *шигалевщина*". Ясно, что сегодня мы не можем не задаваться вопросом, нет ли в диагнозе Достоевского, поставленном в страхе за Россию, предсказаний, касающихся и Запада. Нетрудно принять посылку — к которой, кстати, склоняет эволюционная теория, преподаваемая в школах и университетах, — что существуют закономерности исторического развития и что сходство установок русской интеллигенции XX века и сегодняшней западной интеллигенции принадлежит именно к таким закономерностям, принося результаты там в виде падения царизма, здесь — приближая падение строя, основанного на свободных выборах. В высказываниях героев Достоевского не было места для демократии. Раскольников верил в диктаторское правление великих людей, теоретиком революционной группы в "Бесах" становится логичный в своей защите всеобщего рабства Шигалев, а могучий философский ум, Иван Карамазов, избирает Великого Инквизитора опекуном людей, которые не заслуживают ничего лучшего, ибо они всего лишь непослушные дети и, предоставленные себе самим, не смогли бы собой управлять. По существу, *la volonté générale* Руссо не входит в горизонты этих мечтателей. В отвращении к демократии, отождествляемой с буржуазной заурядностью, они согласны с самим Достоевским, который ассоциирует в "Бесах" швейцарский кантон Ури с самоубийством Ставрогина, а Америку в "Преступлении и наказании" — с самоубийством Свидригайлова.

Западный XIX век живет торжеством новой идеи: народа как источника власти, раз после казни Людовика XVI нет больше другого источника — богоданности власти. Антимонархизм становится частью риторики свободы. В Соединенных Штатах, которые возникли из бунта против авторитета английского короля, ровесник Достоевского Уолт Уитмен создает поэзию, какой еще не было, поэзию гражданина, равного среди равных. Удивительно, с какой скоростью все это течение набирает силы и исчезает, уступая место в следующем столетии ядовитым издевательствам над свободными выборами и созданными на их основе законодательными палатами, а также над независимым судопроизводством. Принимая Жана-Поля Сартра за модель, мы находим в нем переход к иной риторике, к риторике Революции, которая характерна тем, что совершенно опускает вопрос об истоках знания — на практике это приводит к диктатуре немногочисленных "наделенных знанием", действующих якобы взамен народа, а отдельного человека лишает той защиты, которую давали независимые суды.

Вот так демократия оставлена самыми видными представителями интеллигенции, как царизм был некогда оставлен русской интеллигенцией. Соблазнительно сделать отсюда выводы на будущее, но при этом легко поддаться мнимой очевидности. Русская интеллигенция была изолированной среди крестьянской неграмотной массы, приводившей ее в бешенство своей инертностью. Приключение, случившееся в молодости Достоевского в кругах, где он вращался, не только анекдотично. Петрашевский, основатель кружка, за участие в котором Достоевский попал в Сибирь, основал для своих мужиков образцовый фаланстер по рецептам Фурье. Мужики сожгли здания фаланстера.

Изоляция интеллигента в XX веке носит иной характер. Журнал Сартра *"Les Temps Modernes"* встречал публику, которая могла бы его читать, но не хотела, предпочитая иллюстрированные журналы, комиксы, телевидение. Всеобщее стремление к потреблению, успехи медицины, *permissive society* — все это вводило в расчет совершенно новые данные, создавая своего рода мягкую субстанцию, против которой и нацелены перья мыслителей и бомбы террористов. И как раз эта субстанция представляется чем-то устойчивым, чем-то необратимым.

Независимо от всех аналогий, различия между Россией Достоевского и сегодняшним Западом воистину слишком серьезные, включая историческое прошлое отдельных территорий, вечно присутствующее и действующее в настоящем. Функция писаного слова и переносимых в слове идей в России всегда была иной, чем в западных странах. Та сложность социального организма, которая — в отличие от России, где ее не было, — впитывала на Западе и перерабатывала разнообразные яды, существует по-прежнему, но в формах, пожалуй, все менее и менее идеологических.

Факт возрождения в XX веке "проклятых вопросов", над которыми мучились герои романиста из отсталой России, глумится над всем, что мы знаем о "закономерностях истории". И, быть может, поиски знаков завтрашнего дня в столь неожиданном явлении стали бы умножением парадокса на парадокс. Тем не менее, нигде нет такого описания основных конфликтов и напряжений XX века, как в Легенде о Великом Инквизиторе Достоевского. Русские поклонники писателя считали этот текст по силе равным Евангелию и Апокалипсису св. Иоанна, то есть столь глубоко доходящим до ядра человеческого состояния, что ему не суждено утратить актуальности. Однако его апокалиптические ноты могли только раздражать в том веке, когда текст был написан, в веке не апокалиптическом, и, наоборот, полным веры в Прогресс. То, что первым читателям казалось

лишь ужасающей и туманной фантазией, для нас приобрело отчетливость осязаемого. Великий Инквизитор в этой притче выступает как тот, кто знает, что человек не умеет быть свободным, что он чтит богов, а если их нет, то кланяется идолам и во имя идолов способен на наихудшие жестокости. Человек жаждет авторитета и боится свободного выбора. "Он слаб и подл, — говорит Инквизитор. — Что в том, что он теперь повсеместно бунтует против нашей власти и гордится, что он бунтует? Это гордость ребенка и школьника. Это маленькие дети, взбунтовавшиеся в классе и выгнавшие учителя. Но придет конец и восторгу ребятишек, он будет дорого стоить им. Они ниспровергнут храмы и зальют кровью землю. Но догадаются наконец глупые дети, что хоть они и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие". В этой формулировке содержится так много, что текст становится почти нераспутьваемым: Достоевский, почитатель самодержавной власти царя и противник революционеров, незаметно переходит в Достоевского, заявляющего Христу претензии по поводу того, что он не установил Царства Божьего на земле. Пожалуй, важнейший вывод легенды — утверждение, что люди слишком жалки, чтобы могли стать выше законов Природы, которая, в свою очередь, находится под контролем "великого духа небытия", то есть дьявола, и, следовательно, кто хочет править людьми, должен принять такое же решение, как Великий Инквизитор, — сотрудничать с дьяволом.

Перевела с польского Н. Горбаневская.

Литература и жизнь

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

ТВОЕ МОЛЧАНИЕ. . *

И. Ю.

I.

Твое молчание... оно, что правый клирос,
но в будний день.
Мерещится, я с ним и вырос
в соседстве деревень
и рощ обтрепанных, сыпающих багрянец
с сырых ветвей,
где стала пахота тверда, как сланец,
и вместе с ней
сердца затихшие, податливей с испугу.
Бесслезные глаза,
равнооткрытые и недругу и другу,
разжалобить нельзя.

Твое молчание... оно подобно снегу,
сравнивавшему за час
холмы с болотами. Лишь ночь дала ночлегу
в окно алмаз,
погасший сразу же. Должно быть, там закрыли
в печи угар
и пшенку кислую, оставшиеся в силе
еще с татар.

* Стихи из книги "С последним солнцем", выходящей в парижском издательстве "La Presse Libre".

Я этой целиной, наполненной до края,
решил вперед брести,
твердя известное, как некий, дорогая,
одрыхший Филипок, что в школу поспешая,
всегда в пути.

II.

Ты вся уже там — в немом
темном пустом массиве
жизни, хоть мне о том
странно помыслить вживе.
Что там? Листва, трава,
голый отлив прилавка,
тряпки, на них — слова,
каждое, как удавка,
в дымке оконных рам.
Большая половина
жизни осталась там.
Что ты молчишь, Ирина?

Не голубой билет
Федору и Ивану
я возвращаю, нет.
А на висок тирану
алчно гляжу без зла,
мерюсь к его затылку,
вдруг о ребро стола
вздумав разбить бутылку.

.....

... Помню тебя, прости,
с мокрою головою,
то ли с снежком в горсти,
то ли в перстах с айвою.
Так не прячь, не таи
слово свое и тело.
Слышишь, они — мои,
каждое нежно грело.

III.

Сжимая жалюзи, за старый шелковистый
тяну шнурок — чудно,
и вглядываюсь в дождь зернистый:
вдруг почтальон на жестяное дно
спокойно бросит сумрачный конвертик
из диких мест,
где, вкорененные в разграбленные тверди,
все удлинняются сбивающие жерди
кресты с небес.
Иль думаешь, что ничего не скажешь
мне нового? — прости —
а только, разве, по губам помажешь
каленным семечком базарным в саже,
из маленькой горсти.
... Что время вытекло, как в трещину асфальта
из бочки молоко?
Неправда, милая! Еще не гаснет смальта
и медь в Зачатьевском... Единственное — жаль то,
что снова далеко
такая знобкая таинственная полночь
и самый Крестный ход...
Ледка подтаявшего звездчатая щелочь.
И милицейская маячащая сволочь,
теснящая народ
туда, где пиками щетинилась ограда
под ребра пацанам... Скорее напиши
чего-то верное... Иного и не надо
— из осажденного посада
твоей души.

8. 12. 82

...

В гордости, слабости, страхе и пламени,
жгущем в мороз заодно,
чем вы там тешитесь? Нашего знамени
— ветхо ль рядно?
Боже, как вспомню углы непотребные,
кволую пьяную дичь,
стены изборские, волны целебные
— хочется это постичь.
Крепче ли душит змею патриотики
медный титан на коне?
... Тут все соблазны — в жестокостях готики,
этого года вине
да молодеющем сердце, — а надо ли
эдак ему молодеть?
Дым из Отечества с придыхом падали
душит сердечную клеть
и не дает доосмыслить значение
крепких, впервой, башмаков,
в стрельчатой мгле золотое свечение,
сутолку без кулаков
и телефон с запыхавшимся голосом,
нежным — в плотину годам.

... Где только копоть садится на волосы,
веки и бороды вам,
— ибо не дело, что строки затырены
свежие под лежаки,
все ли вороны над храмами вскрылены,
все ли мостки судьбоносно подпилены,
все ли о'кей, мужики?
Слышу и ропот, и меди бренчание,
экие, — полно серчать.
Буду, что старая нянька, молчания
черную зыбку качать.

С. Льюис в 1958 г.

ПИСЬМА БАЛАМУТА*

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Итак, твой подопечный влюбился, причем наихудшим для нас образом, и в девушку, даже не упоминавшуюся в списке, который ты прислал. Тебе, вероятно, будет интересно узнать, что маленькое недоразумение между мной и тайной полицией, которое ты старался создать по поводу некоторых неосторожных выражений в одном из моих писем, теперь позади. Если ты надеялся таким образом подсадить меня, ты просчитался. Ты поплатишься за это, как и за все остальные свои ошибки. А пока я прилагаю небольшую брошюру, только что изданную и посвященную новому Исправительному Дому для нерадивых искусителей. Она богато иллюстрирована, и ты не найдешь в ней ни одной скучной страницы.

Я отыскал досье этой девушки и в ужасе от того, что обнаружил. Она — не просто христианка — она из самых гнусных! Отвратительная, подлая, гусно-улыбчивая, скромная, молчаливая, тихая, как мышка, ничтожная, как мокрая курица, девственная, истое дитя! Какая гадость! Меня просто тошнит. Ее досье читать просто противно. С ума сойти, до чего мир испортился. В прежние времена мы послали бы ее на арену, на растерзание зверям. Такие, как она, только на это и годятся. Правда, от нее и там было бы мало пользы. Она — двуличная обманщица (знаю я тихих), вид такой, будто готова упасть в обморок при виде капли крови, а умрет, гадюка, с улыбкой на губах. Да, законченная обманщица: выглядит строгой, а сама полна остроумия. Она из тех, кому даже я мог бы показаться смешным. Мерзкая, бесцветная, маленькая жеманница, а готова броситься в объятия этого болвана при первом же зове. Почему Враг не поразит ее хоть за это, если Он уж так помешан на девственности, чем смотреть и улыбаться?

* Окончание. Начало см. "Вестник" РХД №№ 136–137.

К. С. Льюис (1898–1963) — английский христианский писатель, чье творчество, несмотря на шутливую форму, сравнивают с аскетическими трудами отцов Церкви. Перевод осуществлен в Самиздате.

В глубине души она — гедонистка. Все эти посты и бдения, костры и кресты — лишь фасад. Пена на морском берегу. А на просторе Его морей — радость и снова радость. И Он этого даже не скрывает. В Его деснице, видите ли, вечное блаженство. Тьфу! Мне кажется, тут нет и намека на ту высокую и мрачную мистерию, до которой мы восходили в Мрачном Видении. Он вульгарен, Гнусик! У Него буржуазная душа. Он заполнил весь мир, весь Свой мир Своими же радостями. Люди целый день занимаются тем, что отнюдь не вызывает у Него возражений: купаются, спят, едят, пьют, любят друг друга, играют, молятся, работают. Все это надо *исказить*, чтобы оно пошло на пользу нам. Наша борьба протекает в крайне невыгодных условиях. Ничто естественное само по себе не работает на нас. (Однако, это не извиняет тебя. Я вскоре собираюсь за тебя взяться. Ты всегда ненавидел меня и дерзил, когда только мог).

Потом твой подопечный, конечно, познакомится со всей семьей этой девицы и со всем ее кругом. Неужели ты не понимаешь, что даже в дом, где она живет, ему нельзя войти? Все это место пропитано жутким смрадом. Садовник, и тот пропитался, хотя он там всего пять лет. Гости, приехавшие с субботы на воскресенье, уносят с собой этот запах. Кошка и собака заражены им. Этот дом хранит непроницаемую тайну. Мы уверены (а иначе и быть не может), что каждый член семьи каким-то образом эксплуатирует других, но мы никак не можем разузнать, в чем там дело. Они так же ревностно, как и Сам Враг, оберегают тайну о том, что скрывается за обманом, называемом бескорыстной любовью. Весь этот дом и сад — сплошное бесстыдство. Они до тошнотворности напоминают то описание Небес, которое принадлежит перу одного из поэтов: "Тот край, где жизнь царит и воздух дышит мелодией и тишиной..."

Мелодия и тишина. . . До чего я их ненавижу! Как благодарны мы должны быть за то, что с тех пор, как отец наш вступил в ад (а это было много раньше, чем оказалось бы по человеческим даным), ни одного мгновения ада времени не было отдано этим отвратительным силам. Все заполнено шумом — великим, динамичным, громким выражением победы, жестокости и силы. Шум и только шум способен защитить нас от глупого малодушия, безнадежных угрызений совести и неисполнимых желаний. Когда-нибудь мы превратим всю вселенную в один сплошной шум. На земле мы сделаем большие успехи. Под конец мы заглушим все мелодии и всю тишину Небес. Я полагаю, что мы еще недостаточно громки. Но наука движется вперед. Ну, а ты, отвратительный, ничтожный...

(здесь манускрипт прерывается и возобновляется другим почерком)

В пылу литературного рвения я обнаружил, что нечаянно позволил себе принять форму большой сороконожки. Поэтому я диктую продолжение своему секретарю. Теперь, когда превращение совершилось, я узнаю его, как периодически повторяющееся. Слух о нем достиг людей и искаженная версия его появилась у поэта Мильтона с нелепым добавлением, будто такие изменения облика "в наказание" наложены на нас Врагом. Более современный писатель по имени Шоу понял, в чем здесь дело. Превращение происходит изнутри, и его должно считать блестящим проявлением той Жизненной Силы, которой поклонялся бы отец наш, если бы он мог поклоняться чему-либо, кроме самого себя. В своем нынешнем виде я еще больше жажду увидеть тебя и обнять крепко, крепко, крепко.

(Подписано:) Подхалим,
по поручению его Преисподнего Адородия,
унтер-секретаря Баламута.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Мой дорогой Гнусик!

Через эту девушку и ее отвратительную семью твой подопечный каждый день знакомится все с новыми христианами, и при этом — весьма умными. Теперь долго будет трудно устранить духовные интересы из его жизни. Ну ладно, постараемся их извратить. Без сомнения, ты часто превращался в ангела света на тренировках. Что ж, пришло время сделать это и перед лицом Врага. Мир и плоть обманули наши надежды. Остается третья возможность. Если она приведет к хорошим результатам, победа будет — высший сорт. Низринутый святой, фарисей, инквизитор или колдун доставляют аду больше радости, чем такие заурядности, как тиран или развратник.

Прощупав новых друзей твоего пациента, я считаю лучшим местом нападения пограничную область между богословием и политикой. Многие из его новых друзей ответственно подходят к социальным следствиям религии. Само по себе это плохо. Но и этим можно воспользоваться во благо.

Ты обнаружишь, что многие социально-христианские писатели считают, что уже на ранней стадии развития христианство начало искажаться и отходить от доктрины своего Спасителя. С помощью этой идеи мы снова и снова поощряем то представление об "историческом Иисусе", к которому различные уровни и ученые приходят,

устраняя позднейшие "вставки и искажения", и которым затем пользуются, противопоставляя его всякому из христианских преданий. В прошлом поколении мы поддерживали концепцию "исторического Иисуса" на либеральных и гуманистических основах. Теперь мы выдвигаем нового "исторического Иисуса" по линии марксизма, мировой катастрофы и революции. У этих концепций (а мы собираемся менять их примерно каждые тридцать лет) множество достоинств. Во-первых, все они направляют благоговение человека на несуществующее, ибо каждый "исторический Иисус" неисторичен. Письменные источники говорят то, что в них сказано, и к этому ничего нельзя добавить. Поэтому после каждого нового "исторического Иисуса" приходится что-то вытягивать из них, преуменьшая одни стороны и преувеличивая другие, а также с помощью догадок (мы научили людей называть их "блестящими"), за которые никто не дал бы ни гроша, но которых достаточно для появления целой плеяды Новых Наполеонов, Шекспиров и Свифтов в осенней рекламе любого издательства.

Во-вторых, все эти концепции измеряют значение своего "исторического Иисуса" какой-нибудь специфической теорией, которую Он якобы провозгласил. Он должен быть "великим человеком" в современном смысле этих слов, т. е. человеком, утверждающим какую-нибудь сумасбродную теорию, чудачком, предлагающим людям панацею. Так мы отвлекаем сознание людей от того, *кто Он и что Он сделал*. Сначала мы просто превращаем Его в учителя мудрости, потом замалчиваем глубокое единство Его учения с учениями других великих учителей нравственности. Людям ни в коем случае нельзя увидеть, что все великие учителя нравственности посланы Врагом не для того, чтобы сообщить им нечто новое, а для того, чтобы напомнить, восстановить все древние банальности о добре и зле, которые мир так неумоимо отрицает. Мы создаем софистов — Он выдвигает Сократа, чтобы дать им отпор. Третья наша цель — разрушить молитвенную жизнь посредством этих концепций. Вместо подлинного присутствия Врага, обычно ощущаемого людьми в молитвах и в таинствах, мы, в виде суррогата, даем им существо вероятное, отдаленное, туманное, говорившее на странном языке и умершее очень давно. Такому существу невозможно поклоняться. Вместо Творца, перед Которым склоняется Его творение, мы предлагаем тварь, вождя своих сторонников, а под конец — выдающуюся личность, которую одобряет рассудительный историк.

В-четвертых, религия такого рода, помимо неисторичности своего Иисуса, искажает историю еще и в другом смысле. Всего лишь несколько человек из всех народов пришло в лагерь Врага, исследуя по правилам науки земную биографию Иисуса. На самом деле человечеству

даже не дали материала для полной Его биографии. А первые христиане обращались под влиянием только *одного* исторического факта — Воскресения и одного только догмата — Искушения, который действовал на то чувство греха, которое было у них — греха не против какого-нибудь причудливого закона, выдвинутого ради новинки каким-нибудь "великим человеком", а против старого общеизвестного и всеобщего закона нравственности, которому их учили матери и няньки. Евангельские повествования появились поздно и были написаны не для того, чтобы обращать людей в христианство, а для того, чтобы наставлять уверовавших.

Вот почему всегда поощрай "исторического Иисуса", каким бы он ни казался нам опасным в некоторых отдельных пунктах. Что же до связи христианства и политики, наше положение труднее. Разумеется, мы не хотим, чтобы люди разрешали своей вере проникать в их политическую жизнь, ибо что-либо похожее на подлинно справедливое общество было бы огромным несчастьем. С другой стороны, мы очень хотим, чтобы люди относились к христианству как к средству собственного успеха, но если это не удастся, то как к средству для чего угодно, даже для социальной справедливости. Сначала заставим человека ценить социальную справедливость, поскольку ее любит Враг, а затем доведем его до состояния, когда он ценит христианство за то, что с его помощью можно достичь социальной справедливости. Ибо Враг не хочет, чтобы его употребляли для извлечения пользы. Люди и народы, которые думают, что верой нужно добиться улучшений в обществе, могут с таким же успехом думать, что нужно и можно воспользоваться услугами Сил Небесных для регулирования уличного движения. Однако, к счастью, очень легко уговорить людей обойти эту маленькую трудность. Но как раз сегодня мне попало несколько страниц одного верующего писателя, где он рекомендует свою версию христианства на том основании, что "такая вера переживет гибель старых культур и рождение новых цивилизаций". Понимаешь, в чем тут пружина? Верь не потому, что это истина, а в силу "каких-то причин". В этом-то и вся штука.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Я написал Лестегубке, которая следит за дамой твоего пациента, и теперь разглядел маленькую трещину в ее броне. Это небольшой порок;

который есть почти у всех женщин, выросших в интеллектуальном окружении, объединенном ярко выраженной верой. Он состоит в неизблемом представлении, что все посторонние лица, не разделяющие их веру, просто глупы и странны. Те мужчины, которые встречаются с этими посторонними, относятся к ним иначе. Их убеждения, если они есть, — другого рода. Ее же убеждения, которые она считает следствием своей веры, в действительности сильно обусловлены представлениями, почерпнутыми от друзей, эти убеждения не очень отличаются от того, что она ощущала лет в десять, когда думала, что рыбные ножи у них дома "правильные", "нормальные" и "настоящие", а в соседних семьях — "неправильные"... Однако, неведения и наивности тут так много, а духовной гордыни так мало, что у нас почти нет надежды на эту девушку. Но подумал ли ты о том, как можно воспользоваться этим, чтобы повлиять на твоего подопечного?

Новичок всегда преувеличивает. Человек, поднявшийся до вершин, — прост и свободен, молодой же ученик — резко педантичен. В этом новом кругу твой подопечный — новичком кажется. Здесь он ежедневно встречает христианскую жизнь, обладающую качествами, о которых он не имел никакого представления. Он ревностно жаждет (фактически, Враг велит ему) подражать этим качествам. Заставь его подражать и этой ошибке возлюбленной и еще преувеличить ее, чтобы простительное в ней стало в нем самым сильным и прекрасным из пороков — духовной гордыней.

Кажется, условия сейчас идеальные. Тем, новым кругом, в котором он находится сейчас, можно гордиться не только потому, что они христиане. Это общество образованней, умней, приятней, чем все те люди, с которыми он раньше сталкивался. Кроме того, он не совсем верно представляет себе и свое положение в нем. Под влиянием любви он все еще считает себя недостойным девицы, но он быстро сочтет себя вполне достойным в других отношениях. Ему не видно, как они его прощают из доброжелательности и как много они толкуют к лучшему, потому что теперь он вхож в эту семью. Ему и не снилось, что в его высказываниях они узнают эхо собственных своих взглядов. Еще меньше он догадывается, в какой степени восхищение, которое он к ним чувствует, зависит от того эротического очарования, которое, в его глазах, исходит девица. Он думает, что нравятся их беседы и жизнь, потому что он соответствует их духовному уровню, тогда как в действительности они гораздо выше его, и если бы он не был так влюблен, его бы просто озадачило и возмутило многое, что он сейчас воспринимает естественно. Он похож на собаку, которая думает, что разбирается в оружии лишь потому, что из охотничьего инстинкта и любви к хозяину она полюбила стрельбу.

Здесь-то ты и подключишься. Пока Враг при помощи любви и некоторых людей, далеко продвинувшихся на его службе, поднимает этого молодого варвара на вершины, которых он иначе никогда не достиг бы, ты заставишь его думать, что он находит свой уровень, что это люди его круга, что у них он — дома... Когда он будет общаться с другими, он найдет их блеклыми отчасти потому, что почти каждый круг людей, с которыми он общается, и в самом деле гораздо скучнее, но еще больше потому, что ему будет не хватать девицы. Заставь его принять контраст между кругом, где он скучает, за контраст между христианами и неверующими. Заставь его считать (лучше и не выражать это в словах) — "какие-то все-таки иные, мы, верующие". Под "мы, верующие", он в действительности, хотя и бессознательно, должен разуместь "мой круг", а под "своим кругом" не "людей, которые по своей доброте и смирению приняли меня в свою среду", а "людей, к которым я принадлежу по праву".

Удача зависит от того, удастся ли тебе его обмануть. Если ты заставишь его явно и открыто гордиться тем, что он христианин, ты, может быть, испортишь все дело; все же предупреждения Врага достаточно хорошо известны. Если же, с другой стороны, "мы, верующие" совсем не пройдет, а удастся только побудить его к кружковому самодовольству, ты приведешь его не к подлинной духовной гордыне, а просто к социальному чванству, что в сравнении с гордыней порок показной и ерундовый. Здесь желательно, чтобы во всех своих мыслях он тайно себя одобрял, и никогда не позволяя ему задать себе вопрос: "А за что, собственно, я себя хвалю?" Для него весьма сладостно думать, что он принадлежит к какому-то кругу, посвящен в какую-то тайну. Продолжай играть на этой струне. Научи его, пользуясь слабостями девицы, находить смешным все то, что говорят люди неверующие. Здесь могут оказаться полезными некоторые из теорий, которые мы иногда встречаем в современных христианских кругах; я подразумеваю теории, возлагающие надежды общества на какой-нибудь определенный круг верующих, неких ученых жрецов. Тебя совершенно не касается, правильны эти теории или нет, главное, чтобы христианство стало для него мистической кастой, а себя он чувствовал одним из посвященных.

Еще я тебя прошу: не заполняй свои письма всякой ерундой про войну. Ее окончательный результат, без сомнения, важен, однако это дело нашего Низшего Командования. Меня совершенно не интересует, сколько людей в Англии убито бомбами. В каком душевном

состоянии они умерли, я могу узнать из статистики нашего бюро. Что все они когда-нибудь умрут, я и так знал. Очень тебя прошу — занимайся своим делом!

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Самое плохое в том круге, где вращается твой подопечный — то, что они только христиане. Разумеется, у всех них есть и индивидуальные интересы, однако связывает их вера. Мы же, если люди становятся верующими, хотим держать их в том состоянии души, которое я называю "христианство и. . ." Ты понимаешь? — Христианство *и* кризис, христианство *и* новая психология, христианство *и* новое общество, христианство *и* исцеление верой, христианство *и* вегетарианство, христианство *и* реформа орфографии. Если уж им приспичило быть христианами, пусть будут христианами с оговоркой. Пусть для них заменой самой веры будет какая-нибудь мода с христианской окраской. Тут ты должен использовать их ужас перед старым и неизменным. Это одна из самых ценных страстей, которые нам удалось вырастить в человеческих сердцах, неиссякаемый источник ереси в религиях, безрассудства в советах, неверности в браке, непостоянства в дружбе. Люди живут во времени и переживают действительность как ряд последовательных происшествий. Поэтому, чтобы много знать о действительности, они должны обладать богатым опытом, иными словами, они должны переживать сомнение. И поскольку им нужны перемены, Враг сделал перемену приятной, как сделал Он приятным употребление пищи. (Я тебе уже говорил, что в глубине души Он — гедонист). Но он не хочет, чтобы перемены, как и еда, стали самоцелью, и потому Он уравнивал любовь к перемене и любовь к постоянству. Он умудрился удовлетворить обе потребности даже в сотворенной Им вселенной, соединив постоянство и изменения союзом, который зовется ритмом. Он дает им времена года, каждое из которых отлично от предыдущего, однако всякий год — такое же. Скажем, весна всегда воспринимается как обновление, и в то же время — как повторение вечной темы. Он дает им и церковный год: за постом следуют праздники, и каждый праздник — такой же, как и раньше. И, как мы подчеркиваем любовь к еде для возбуж-

дения обжорства, так мы подчеркнем и эту естественную любовь к переменам, извращая ее в постоянное требование нового. Требование это — всецело плод нашей деятельности. Если мы запустим свои обязанности, люди будут не только довольны, но и восхищены новизной и привычностью подснежников в эту весну, восхода солнца в это утро, елки в это рождество. Все дети, которым мы еще не успели привить лучших навыков, совершенно счастливы годовым кругом игр, где санки сменяют пускание корабликов так же регулярно, как осень сменяет лето. Только при помощи наших неустанных трудов удастся поддержать требование бесконечных неустанных перемен. Это требование ценно во многих отношениях. Во-первых, оно притупляет всякое удовольствие, увеличивая при этом жажду удовольствий вообще. Удовольствие новизны по природе своей больше, чем что-либо другое, подвержено закону "спада при повторении". А получать все новые удовольствия — недешево, так что жажда нового приводит к жадности, краху или к тому и другому. И опять-таки, чем необузданней жажда, тем скорее она поглотит все невинные источники радости и приведет к тем, которые запрещает Враг. Вот так, распространяя ужас перед старым и неизменным, мы, например, недавно сделали искусство менее опасным для нас, чем оно было прежде, а антиинтеллектуалы среди художников ежедневно измышляют теперь все новые и новые оргии сладострастия, неразумия, жестокости и гордыни. И конечно, жажда нового необходима, когда нам приходится поощрять моды и поветрия.

Мода в воззрениях предназначена для того, чтобы отвлечь внимание людей от истинных ценностей. Мы направляем ужас каждого поколения против тех пороков, от которых опасность в настоящий момент меньше всего, и направляем его одобрение на добродетель, ближайшую к тому пороку, который мы стараемся сделать свойственным времени. Игра состоит в том, чтобы они бегали с огнетушителями во время наводнения и переходили на ту сторону лодки, которая почти уже под водой. Так, мы вводим в моду порицание энтузиазма как раз в то время, когда у людей преобладает теплохладность и привязанность к благам мира. В следующем столетии, когда мы наделаем их байроническим темпераментом и опьяняем "эмоциями", мода уже направлена против элементарной "разумности". Жесткие времена выставляют охрану против сентиментальности, расслабленные и праздные — против уважения к личности, распутные — против пуританства, а когда все люди готовы стать либо рабами, либо тиранами, мы делаем главным пугалом либерализм.

Но самый великий наш триумф — это инъекция ужаса перед старым и неизменным в философии. Благодаря ей, интеллектуальная бессмысленность может разложить волю. И вот современная европейская мысль о Эволюции и историческом развитии (отчасти — наша работа) оказывается весьма полезной. Враг любит банальности. Он хочет, чтобы люди, планируя что-нибудь, задавали себе вопросы простые: справедливо ли это? благоразумно ли это? возможно ли? Если же мы заставим людей спрашивать себя: согласуется ли это с общим движением нынешнего времени, прогрессивно это или реакционно, по этому ли пути движется история — они не будут обращать внимания на относящиеся к делу вопросы. А на те вопросы, которые они себе задают, конечно, нет ответа. Ибо они не знают будущего, а каково оно будет, во многом зависит именно от их выбора. В результате, пока их мысли кружатся в пустоте, мы располагаем наилучшей возможностью проскользнуть и склонить их к тем действиям, которые нам желательны.

Проделана огромная работа. Когда-то они знали, что некоторые изменения — к лучшему, другие — к худшему, а третьи — безразличны. Мы сильно это исказили. Описательную характеристику "без изменений" мы заменили эмоциональным словом "застой". Мы научили их думать о будущем, как об обетованной земле, на которую вступят лишь привилегированные счастливицы, а не как о месте, куда каждый из них движется со скоростью шестидесяти минут в час, что бы он ни делал и где бы он ни был.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Да, время влюбленности — самое лучшее для посева тех семян, которые десять лет спустя принесут огромную жатву семейной ненависти. Очарование влюбленности приводит к результатам, которые люди с нашей помощью могут принять за плоды милосердия. Воспользуйся двусмысленностью слова "любовь". Он пусть думает, что при помощи любви решил проблемы, которые в действительности только отсрочил или не заметил под влиянием влюбленности. Пока влюбленность продолжается, помогай проблемам созреть в тишине и делай их хроническими.

Главная проблема — самоотверженность. Обрати еще раз внимание на изумительную работу нашего филологического отдела, заменившего положительное Вражье слово "милосердие" отрицательным "самоотверженность". . . Благодаря этому мы приучаем человека отказываться от разных выгод не на благо и пользу кому-нибудь, а для того, чтобы "отвергаться себя" безо всякой пользы для других. Другое хорошее наше подспорье в отношениях между мужчинами и женщинами то, что мы приучили их по-разному смотреть на проблему самоотверженности. Женщины считают, что надо, главным образом, заботиться о других, мужчины — что не надо причинять другим беспокойства. Поэтому женщина на службе у Врага вредит нам много больше, чем мужчина, за исключением тех, кем отец наш уже всецело завладел. И наоборот, мужчина может жить очень долго во Вражьем стане, прежде чем он сам по себе начнет делать так много для других, как делает обыкновенная женщина каждый день. И вот, пока женщина думает о том, как сделать доброе дело, а мужчина о том, как никому не помешать, каждая сторона, без особых на то причин, считает другую сторону намного эгоистичней.

К этим недоразумениям можно прибавить еще несколько. К примеру, влюбленность ведет к взаимной услужливости, в которой каждая сторона действует так, будто действительно хочет поступать по желанию другой. Они знают, что Враг требует от них милосердия, которое приводит к точно таким же результатам. Пусть они возведут в закон совместной жизни требование той самоотверженности, которая сейчас естественно проистекает из влюбленности, но на которую у них не хватит милосердия, когда влюбленность потухнет. Они не заметят ловушки, так как страдают двойной слепотой: 1. принимают влюбленность за милосердие, 2. думают, что эта влюбленность может длиться вечно.

И вот когда, наконец, официальная легальная или провозглашенная самоотверженность установлена как правило, но выполнить его невозможно, ибо эмоциональные ресурсы истощились, а духовные не накопились, мы получим самые прелестные результаты. Обсуждая любое совместное дело, А поддержит предполагаемые интересы Б, себе в ущерб, а Б поступит наоборот. Часто при этом совершенно невозможно понять истинные желания каждой из сторон. В случае удачи они будут делать то, чего никому из них не хочется, причем, каждый будет чувствовать приятное тепло самодовольства, таить в себе ожидание наград за свою самоотверженность и испытывать тайное недовольство другим, который слишком легко принял его жертву. Позже можешь отважиться на так называемую "иллюзию

конфликта великодушия". Эта игра лучше всего удастся, если в ней участвует больше двух человек, например, в семье со взрослыми детьми. Допустим, захотели сделать что-то совершенно обыкновенное, например, попить чаю в саду. Один из членов семьи даст понять (и лучше — покороче), что ему это не нужно, но он, конечно, согласится из самоотверженности. Другие сразу берут назад свое предложение, вроде бы — из самоотверженности, а в действительности потому, что не хотят быть объектом мелкого альтруизма. Но тот, первый, тоже не хочет, чтобы у него отняли его упоение самоотверженностью. Он уверяет, что готов делать то, "что другие". Они уверяют, что готовы делать то же, "что и он". Страсти накаляются. Тогда кто-нибудь говорит: "Ну, хорошо, тогда я вовсе не хочу чаю". Наступает настоящая ссора, ведущая всех к обиде и горечи. Ясно, как это делается? Если бы каждая сторона просто следовала своим истинным желаниям, они все держались бы в рамках здравого смысла и учтивости, но как раз потому, что спор вывернут наизнанку и каждая сторона борется за права другой, вся враждебность, происходящая из самодовольства, упрямства и накопившегося за последние десять лет раздражения, скрыта от них или искуплена "самоотверженностью". Конечно, каждая сторона понимает, какого низкого происхождения "самоотверженность" противника, и в какое фамиллярно-фальшивое положение ее самое пытаются поставить, но себя ощущает безупречной и невинной жертвой, и не видит здесь ничего бесчестного.

Один разумный человек однажды сказал: "Если бы люди знали, сколько злых чувств вызывает "самоотверженность", они бы не проповедовали ее так пылко!" И еще: "Она из женщин, живущих всецело для других. Это видно по тому, как другие загнаны". Все это можно начать во время влюбленности. Крупицы настоящего эгоизма часто менее ценны, чем первые проявления этой искусственной и самовлюбленной жертвенности, которая когда-нибудь даст вышеописанные плоды. Некоторую обоюдную неискренность, некоторое удивление, что девица не всегда замечает его жертвы, уже и теперь можно подбавить.

Позаботься об этом, но главное — не давай этим молодым дуракам понять, что "любви" недостаточно, что милосердия у них мало, а оно необходимо, они же еще далеки от него, и никакое внешнее правило его не заменит. И хотел бы я, чтобы Лестегубка поубавила чувства юмора у этой молодой особы.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Мне кажется, от тебя сейчас мало проку. Конечно, использовать его любовь, чтобы отвлечь его от мысли о Враге, — правильная тактика, но, как видно, ты ее плохо осуществляешь, раз ты говоришь, что проблема рассеянности и духовной несобранности стала стержнем его молитвы. Это значит, что ты крупно на этот раз проиграл. Когда рассеянность наполняет его мысли, то побуди его сопротивляться ей простым усилием воли и продолжать обычную молитву как ни в чем не бывало. Если же он осознает свою рассеянность как подлинную проблему, обратится к Врагу с ней и сделает ее главной темой своих молитв и борьбы, тогда ты не приобрел, а потерял. Все, даже грех, может приблизить человека к Врагу и отдалить в конце концов от нас.

Но есть еще одна многообещающая возможность. Теперь, когда он влюблен, у него появилась мысль о земном счастье, и потому усилился пыл его просительных молитв о нынешней войне. Сейчас настало время создать в его душе проблемы по поводу таких молитв. Ложную духовность всегда следует поддерживать. Исходя из вполне благочестивого взгляда, что "истинная молитва — хвала и единение с Богом", людей можно довести и до прямого непослушания Врагу, ясно указавшему им (в своем обычном банальном и скучном стиле) молить о хлебе насущном и оставлении грехов. Ты, конечно, должен скрыть от него тот факт, что молитва о "хлебе насущном", толкуемая "духовно", остается столь же прозаически просительной, как и при чисто материальном толковании всех слов.

Но поскольку твой подопечный приобрел противную привычку послушания, он, вероятно, продолжит свои "прозаические" и глупые молитвы, что бы ты ни делал. Однако ты можешь беспокоить его своим назойливым подозрением, что эта привычка абсолютно абсурдна и не может привести ни к какому объективному результату. И не забудь аргумента "голову вытащишь — хвост увязнет". Если то, о чем он молится — не исполняется, значит, просительные молитвы бесполезны; если же то, о чем он молится, исполняется, он, конечно, сможет найти какую-нибудь физическую причину и сказать себе: "Это так и случилось". Как видишь, исполнение и неисполнение просительной молитвы в равной степени хорошо доказывает, что молитвы неэффективны. Поскольку ты — дух, тебе нелегко понять, как он попадает в такие затруднения. Ты должен помнить, что для него

время — безусловная реальность. Он считает, что наш Враг, как и он сам, воспринимает в настоящем одно, в прошлом помнит другое, а предвидит в будущем третье. Может быть, он и верит, что Враг вовсе не так воспринимает мир, но в глубине души он все равно этого не понимает. Если бы ты попытался объяснить ему, что сегодняшняя молитва человека — один из бесчисленных компонентов, используемых Врагом при создании гармонического застрашенного бытия, подопечный ответил бы, что тогда Враг всегда знает, как люди будут молиться, и значит люди молятся не по собственной воле, а согласно предопределению. И добавил бы, что от сегодняшнего дня можно проследовать обратным ходом через всю цепочку дней до сотворения самой материи, так что все и в человеке и в природе порождено "Словом, бывшим вначале". Что ему следовало бы сказать, для нас совершенно очевидно: проблема соответствия определенного сегодняшнего бытия определенной молитве есть нынешнее проявление (в двух разных аспектах временному восприятию) общей проблемы соответствия духовного мира человека миру материальному.

Творение во всей своей целостности действует в каждой точке пространства и времени или, вернее, человеческий тип сознания заставляет воспринимать целостный характер самосогласующего акта как ряд последовательных событий. Почему этот творческий акт оставляет место их свободной воле — проблема проблем, тайна, сокрытая за всей этой Вражеской чепухой о "любви". Однако, как это осуществляется, мы знаем: Враг не предвидит, как люди будут свободно содействовать будущему, а видит, как они действуют в Его безбрежном Настоящем. Казалось бы, что ясно, что наблюдать за действиями человека вовсе не то же самое, что вынуждать эти действия.

Могут сказать, что некоторые писатели, сующие свой нос куда не следует, в частности, Бозций, уже проболтались насчет этой тайны. Но при том интеллектуальном климате, который нам удалось создать по всей Западной Европе, это не должно тебя беспокоить. Только специалисты читают старые книги, и мы теперь так воспитали специалистов, что они меньше всех способны извлечь оттуда мудрость. Добились мы этого, привив им Историческую Точку Зрения. Историческая Точка Зрения, коротко говоря, означает следующее: когда специалист знакомится с мыслями древнего автора, он не помышляет о том, считать ли написанное истиной. Ему важно, кто повлиял на этого древнего автора, насколько его взгляды согласуются с тем, что он писал в других книгах; какая фаза в развитии писателя или в общей истории мысли этим иллюстрируется; как все это повлияло на более

поздних писателей и, наконец, как неправильно это понимали (в особенности — коллеги данного специалиста), что сказали ученые в последнее десятилетие и каково состояние вопроса в настоящее время. Относиться к автору как к источнику знаний, предполагать, что прочитанное может изменить мысли или поведение, никто не станет, так как это "поистине наивно". Поскольку мы не можем обманывать все человечество во все времена, очень важно отделить каждое поколение от предыдущих и последующих, ибо там, где знание приводит к свободному общению поколений, всегда есть опасность, что ошибки, характерные для одного поколения, будут исправлены истинами, характерными для другого. Но благодаря отцу нашему и Исторической Точке Зрения, великие ученые сейчас так мало питаются прошлым, как и самый невежественный мастерской, считающий, что в "старину была одна ерунда".

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Когда я просил тебя не заполнять письма всякой ерундой о войне, я подразумевал, что не жажду получить инфантильные и глупые опусы про смерть людей и разрушение городов. Но в той степени, в которой война влияет на духовное состояние твоего пациента, я, естественно, ею интересуюсь и жду подробных донесений. В этом же отношении ты, кажется, удивительно бестолков. Так, ты с ликованием пишешь, что можно ожидать тяжелых налетов на город, где живет твой тип. Это вопиющий пример того, на что я уже раньше жаловался — твоей способности забывать главное в минутных радостях о человеческой беде. Разве тебе неизвестно, что бомбы убивают? Как же тебе не понятно, что смерть твоего подопечного в настоящее время — именно то, чего мы хотим избежать? Он освободился от светских друзей, с которыми ты пытался его спутать, он влюбился в глубоко верующую девушку и стал невосприимчив к твоим нападениям на его целомудрие, да и разнообразные методы, которыми мы пытались извратить его духовную жизнь, остались пока без результата. Сейчас, когда с полной силой приближается война и мирские надежды занимают все меньше места в его сознании, озабоченном оборонительными работами и мыслями о девушке, он вынужден уделять Врагу

больше внимания, чем раньше, и увлечен этим больше, чем ожидал, "самозабвенно", как говорят люди.

Ежедневно утверждаясь в сознательной зависимости от Врага, он почти наверняка будет потерян для нас, если его убьют сегодня ночью. Иногда меня охватывает беспокойство: не слишком ли долго мы держим такой молодняк, как ты, на соблазнительной работе, не рискуете ли вы заразиться настроениями и воззрениями людей, среди которых действуете? Они, конечно, склонны считать смерть величайшим злом, а сохранение жизни — величайшим благом. Но этому ведь мы их научили. Будь осторожен, не заразись от нашей собственной пропаганды. Я понимаю, тебе кажется странным, что твоей главной целью сейчас должно быть как раз то, о чем молятся возлюбленная и мать подопечного — его физическая безопасность. Но это действительно так. Ты в данный момент должен хранить его как зеницу ока. Если он умрет сейчас, ты его потеряешь. Если он выживет в войну, у нас всегда есть надежда. Враг защитил его от тебя, утвердив его во время первой большой волны искушений. Но если сам он останется жив, то само время станет твоим союзником. Долгие, скучные, монотонные годы удач или неудач — прекрасная рабочая обстановка для тебя. Видишь ли, для этих существ трудно быть стойкими. Непрестанные провалы; постепенный спад любви и юношеских надежд; спокойная и почти безболезненная безнадежность попыток когда-нибудь преодолеть наши искушения; однообразие, которым мы наполняем их жизнь, наконец, невыказанная обида, которой мы учим их отвечать на все это, — дают замечательную возможность изнурить душу. Если же, напротив, на средние годы придется пора процветания, наше положение еще в несколько раз сильнее. Процветание привязывает человека к миру. Он чувствует, что "нашел в нем свое место", тогда как на самом деле этот мир находит свое место в нем. Улучшается репутация, расширяется круг знакомых, растет сознание собственной значительности, все возрастает груз приятной и поглощающей работы, и все это создает ощущение, что он дома на земле — а именно этого мы и хотим. Ты, вероятно, заметил, что молодые люди умирают охотнее, чем люди средних лет и старые.

Дело в том, что Враг, странным образом предназначив этих животных к жизни вечной, не дает им чувствовать себя дома в каком-либо месте еще. Вот почему мы должны желать нашим подопечным долгой жизни, семидесяти лет только-только и хватает для нашей трудной задачи — отманить их души с небес и крепко привязать к земле. Пока они могут чувствовать, что молоды, они всегда витают в облаках.

Даже если мы и ухитряемся держать их в неведении о вере, бесчисленные ветры фантазии и музыки, картин и поэзии, лицо красивой девушки, пение птицы или синева неба рассеивают все, что мы пытаемся построить. Они не хотят связывать себя мирским успехом, благоразумными связями и привычкой к осторожности. Их тяга к Небесам столь сильна, что на этом этапе лучший способ привязать их к земле — убедить их в том, что землю можно когда-нибудь превратить в рай посредством политики, евгеники, "науки", психологии или чего-нибудь еще. Настоящая привязанность к миру достигается только со временем и, конечно, сопровождается гордыней, ибо мы учим их называть крадущееся приближение смерти здравым смыслом, зрелостью или опытом. Опытность, в том особом значении, которое мы учим их придавать этому слову, оказалась очень полезным понятием. Один их великий философ почти выдал наш секрет, сказав, что в отношении добродетели для человека "опытность — мать иллюзии". Но, благодаря моде и, конечно, Исторической Точке Зрения, нам удалось в основном обезвредить этого автора.

Сколь ценно для нас время, можно понять по тому, что Враг отпускает его нам так мало. Множество людей умирает в детстве, из выживших многие умирают в молодости. Очевидно, для него рождение человека важно прежде всего как классификация для смерти, а смерть важна, как вход в другую жизнь. Нам остается работать по избранному меньшинству, ибо то, что люди называют "нормальной длины жизнью" — исключение. По-видимому, он желает, чтобы некоторые (но немногие) из этих человекоживотных, которыми Он населяет Небеса, обрели двойной строгий опыт сопротивления нам. Вот здесь-то мы и не должны упускать возможности. Чем короче жизнь, тем лучше мы должны ею воспользоваться. И что бы ты ни делал, храни подопечного в безопасности, как только можешь.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Теперь, когда ты знаешь наверняка, что немцы собираются бомбить город твоего пациента и обязанности погонят его в самые опасные места, мы должны обдумать твою тактику. Что нам поставить задачей: его трусость, мужество, ведущее к гордыне, или ненависть к немцам?

Ну, я думаю, что сделать его храбрым нам не удастся. Наш отдел научных исследований пока еще не открыл ни одного способа побуждать хоть к какой-нибудь добродетели (хотя здесь мы со дня на день ожидаем успехов). И это серьезное препятствие. Для сильной и глубокой злости человеку нужна еще и добродетель. Кем бы был Атила без мужества или Шейлок без аскетичности? Поскольку мы не можем привить этих качеств, остается воспользоваться теми, которые привиты Врагом, что, конечно, дает ему точку опоры в людях, которые без Него были бы полностью нашими. Работать в таких условиях очень даже трудно, но я верю, что когда-нибудь мы сможем делать это лучше.

Ненависть нам вполне по силам. Напряжение нервов у людей во время шума и усталости побуждает их к сильным эмоциям, и нам остается направить эту их уязвимость по правильному руслу. Если его разум сопротивляется, запутай его как следует. Пусть он скажет себе, что ненавидит не за себя самого, а за невинных женщин и детей, и что христианская вера должна прощать своим врагам, но не врагам ближнего. Иными словами, пусть он чувствует себя достаточно солидарным с женщинами и детьми, чтобы ненавидеть от их имени, и недостаточно солидарным, чтобы считать их врагами своими, и потому прощать.

Ненависть лучше всего комбинируется со страхом. Трусость — единственный из пороков, от которого нет никакой радости: ужасно ее предчувствовать, ужасно ее переживать, ужасно и вспоминать о ней. У ненависти же есть свои удовольствия. Часто она оказывается ценной компенсацией, возмещающей унижения страха. Чем сильнее страх, тем больше будет ненависти. И ненависть — прекрасный наркотик против стыда. Если ты хочешь сильно ранить его добродетель, порази сначала его мужество.

Однако сейчас это дело рискованное. Мы научили людей гордиться большинством пороков, но не трусостью. Всякий раз, когда нам это почти удавалось, Враг попускал войну, землетрясение или еще какое-нибудь бедствие, мужество сразу же делалось прекрасным и необходимым для людей, и вся наша работа шла насмарку, так что все еще есть, по крайней мере, один порок, которого они действительно стыдятся. Но побуждая твоего пациента к трусости, ты, к сожалению, можешь вызвать в нем подлинное отвращение к самому себе с последующим раскаянием и смирением. Ведь в прошлую войну тысячи людей, обнаружив в себе трусость, впервые открыли существование самой нравственной сферы жизни. В мирное время мы можем заставить многих совершенно игнорировать вопросы добра и зла. Но во

время опасности эти вопросы встают перед нами в таком виде, что тут даже мы не сделаем их глухими. Перед нами появляется сложная дилемма: если мы поддержим справедливость и милосердие людей, это будет на руку Врагу, если же не поддержим, то рано или поздно разразится война или революция (Он это попускает), и безотлагательность вопроса о трусости и мужестве пробудит тысячи людей от нравственного оцепенения.

Это, вероятно, одна из причин, побудивших Врага создать мир, чреватый опасностями, т. е. мир, в котором нравственные проблемы иногда становятся главными. Кроме того, Он, как и ты, понимает, что мужество — не просто одна из добродетелей, а форма проявления любой добродетели во время испытаний, т. е. в моменты высшей реальности. Целомудрие, честность и милосердие без мужества — добродетели с оговорками. Пилат был милосерден до тех пор, пока это не стало рискованным.

Возможно поэтому, что, сделав твоего подопечного трусом, мы выиграем столько же, сколько проиграем: он может узнать слишком много о себе. Есть, конечно, еще одна возможность — не заглушать в нем стыд, а углубить до отчаяния. Это было бы грандиозно! Он решил бы, что веровал и принимал прощение от Врага только потому, что сам не вполне ощущал свою греховность, а когда дело дошло до греха, который он осознал во всей его унизости, он не смог ни искать Вражьего милосердия, ни доверять Ему. Но, боюсь, он достаточно хороший ученик в школе Врага и знает, что отчаяние — больший грех, чем все грехи, которые его породили.

Что же до самой техники искушений к трусости, тут все просто. Предосторожности способствуют развитию этого греха. Но предосторожности, связанные с работой, быстро становятся привычкой, так что здесь от них нет прока. Вместо этого тебе надо сделать так, чтобы у него в голове мелькали смутные мысли (при твердом намерении выполнить долг) не сделать ли ему что-нибудь, чтобы действовать было безопасней. Отведи его мысль от простого правила: "Я должен оставаться здесь и делать то-то и то-то" и замени рядом воображаемых ситуаций. (Если случится А — а я очень надеюсь, что не случится — я смогу сделать Б, — и если уж произойдет самое худшее, я всегда смогу сделать С). Можно пробудить и суеверия, разумеется, называя их иначе. Главное — заставь его чувствовать, что у него есть что-то помимо Врага и мужества, Врагом дарованного, и что он может на это опереться. Тогда всецелая преданность долгу начинает напоминать решето, где дырочки — множество маленьких оговорок. Построив систему воображаемых уловок, призванных предотвратить "наихудшее", ты

создашь в бессознательной части его воли убеждение, что "наихудшее" случиться не должно. В момент подлинного ужаса обрушь это на его нервы и тело, и тогда роковой момент для него наступит прежде, чем он обнаружит в нем твое участие. И помни, важен только акт трусости. Страх как таковой — не грех, и хотя мы тешимся им, пользы от него никакой нет.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ТРИДЦАТОЕ

Мой дорогой Гнусик!

Иногда я думаю, уж не решил ли ты, что тебя послали в мир для твоего удовольствия? Я узнал, что пациент во время первого налета вел себя как нельзя хуже. Но узнал я это не из твоих неудовлетворительных сообщений, а из доклада преисподней полиции. Он все время очень боялся, что окажется большим трусом, и поэтому не испытывал никакой гордыни. Он, однако, сделал все, что потребовал от него долг, а может быть — и еще больше. В твоем активе лишь вспышки раздражения против собаки, подвернувшейся ему под ноги, пара лишних сигарет и один вечер без молитвы. Что толку хныкать о трудностях? Если ты разделяешь идею Врага о "справедливости" и полагаешь, что нужно считаться с твоими возможностями и намерениями, тебя можно обвинить в ереси. Во всяком случае, ты скоро поймешь, что преисподняя справедливость чисто реалистична и ценит только результаты. Принеси пищу — или сам станешь ею.

Единственная конструктивная часть твоего письма — та, где говорится, что ты все еще ожидаешь хороших результатов от усталости подопечного. Это неплохо. Но сами они тебе в руки не свалятся. Усталость может привести к крайней усталости, спокойствию, а иногда и к видениям. Ты часто замечал, как усталые люди предавались гневу, злобе или нетерпению только потому, что это были люди с очень энергичным нравом. Парадокс в том и состоит, что умеренная усталость больше способствует злобе, чем полное изнеможение. Частично это обусловлено физическими причинами, а частично чем-то другим. Злятся не просто от усталости, а от неожиданных требований, предъявляемых усталому человеку. Чего бы людям ни хотелось, им всегда кажется, что у них на это есть право. А разочарование при нашей ловкости можно всегда обратить в чувство несправедливости.

Риск смиренной и кроткой усталости появляется лишь тогда, когда человек сдался перед неотвратимым, потерял надежду на отдых и перестал загадывать даже на полчаса вперед. Наилучшие результаты от усталости подопечного ты получишь, если будешь питать его фальшивыми надеждами. Вбей ему в голову, что налет не повторится, а заставляй его утешать себя мыслью о том, как будет удобно спать следующую ночь. Преувеличь его усталость, внушая ему, что скоро все это кончится. Ведь люди обычно считают, что они не смогли бы вынести напряжение ни минуты дольше. Здесь, как и в деле трусости, главное — избежать полного отказа от своей воли. Что бы он ни говорил, нам нужно, чтобы он был готов не ко всему, что бы ни случилось, а к тому, что "в пределах его сил", и чтобы этих сил было меньше, чем, вероятно, потребуется при испытании. Ладно, пусть отбивает атаки на терпение, целомудрие и мужество. Самое интересное — победить его как раз тогда, когда (если бы они только знали!) он уже почти победил нас. Я не знаю, возможно ли, чтобы он встретил свою девицу в условиях напряжения. Если да, постарайся как следует использовать тот факт, что обычно усталость склоняет женщин к разговорчивости, а мужчин — к молчанию. Это может стать поводом для множества тайных огорчений, как бы они там друг друга ни "любили".

Вероятно, сцены, которые он увидит, не дадут тебе материала для интеллектуального нападения на его веру — твои же прежние неудачи привели к тому, что сейчас уже не в твоей власти. Но есть способ напасть на чувства, который еще можно попробовать. Когда он впервые увидит останки того, кто раньше был человеком, заставь его почувствовать, что "вот таков мир в действительности", а вся религиозность была одной фантазией. Ты, конечно, заметил, что мы их совершенно запутали насчет значения слова "действительный". В ответ на рассказ про какое-нибудь духовное переживание они говорят: "А в действительности ты просто услышал музыку в хорошо освещенном помещении". Здесь слово "действительный" означает только физические факты, отделенные от остальных элементов переживания.

С другой стороны, они могут сказать: "Тебе хорошо рассуждать об этом порыве, сидя в кресле, но подожди, когда с тобой это произойдет в действительности". Здесь слово "действительность" употребляется в противоположном смысле и означает не физические факты, а эмоциональные воздействия на человеческое сознание. Оба значения возможны, а наше дело — так их спутать, чтобы слово "действительный" могло употребляться то в одном смысле, то в другом, как нам выгоднее.

Общее правило, которое мы уже утвердили среди них, вот какое: во всех переживаниях, делающих их счастливее или добрее, только физические факты "действительны", а духовные элементы "субъективны", во всем же, способном их огорчить или развратить, духовные элементы — абсолютная действительность, и, не обращая внимания на них, мы от действительности убегаем. Таким образом, при рождении ребенка кровь и боль "действительны", а радость — субъективное чувство, в смерти же именно наш ужас и обнаруживает, что такое в "действительности" — смерть. Отвратительность ненавистного человека "действительна" — в ненависти человека видишь таким, каков он есть, в ненависти разбиты все иллюзии; обаяние же человека любимого — просто субъективная дымка, скрывающая "действительные" похоть или корысть. Война и нищета "действительно" страшны, мир и радость — субъективные настроения. Эти существа всегда обвиняют друг друга в том, что хотят "съесть торт так, чтобы он остался цел". Однако, благодаря нашим трудам, они платят за торт, но не могут его съесть. Если ты хорошо направишь пациента, он скоро станет считать, что его чувства при виде человеческих внутренностей выражают "действительность", а чувства при виде счастливых детей или хорошей погоды — просто сентименты.

Твой любящий дядя Баламут.

ПИСЬМО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Мой дорогой, мой любимый Гнусик,
куколка моя, поросеночек!

Как ты можешь хныкать теперь, когда все потеряно, и спрашивать, неужели мои слова о любви к тебе ничего не означали. Ну что ты, еще как значили! Поверь, моя любовь к тебе и твоя ко мне равны, как две капли воды. Я всегда жаждал тебя так же, как и ты (жалкий дурак!) жаждал меня. Разница лишь в том, что я сильнее. Полагаю, что теперь тебя они мне отдадут. А ты спрашиваешь, люблю я тебя или нет? Люблю, как и любой лакомый кусочек, от которого у меня прибавится жиру.

Ты выпустил из рук душу. Голодный вой, поднявшийся от этой потери, оглашает сейчас все Царство Шума до самого Трона. Я просто с ума схожу, думая об этом. Да, я представляю себе, что случилось, когда они вырвали ее у тебя!.. Внезапно глаза его раскрылись,

и он впервые увидел тебя, узнал, как ты на него влияешь и влиял, и понял, что теперь ему конец. Ты только представь себе, что он почувствовал (и пусть это и будет началом твоей агонии). Как будто отпали струпы от старой болячки, как будто он вышел из гнусной скорлупы, как будто он раз и навсегда сбросил с себя грязную, прилипшую одежду. И так противно видеть, как они во время земной жизни снимают грязную неудобную одежду и плещутся в горячей воде, покрывая от удовольствия. Что же тогда сказать о последнем обнажении, об этом последнем очищении?

Чем больше думаешь, тем хуже становится. А он прошел через все так легко. Ни медленно нарастающих подозрений, ни приговоров врача, ни больниц, ни операционных столов, ни фальшивых надежд на продление жизни. Раз — и освобожден! На какой-то миг все показалось ему нашим миром. Бомбы рвутся, дома падают, вонь, дым, ноги горят от усталости, сердце холодеет от ужаса, голова кружится... и тут же прошло все, как дурной сон, который никогда не будет иметь для него никакого значения. Эх ты, обманутый дурак! Заметил ли ты, как естественно — словно он для этого и родился — этот червяк, рожденный на земле, вошел в свою новую жизнь? Как все его сомнения в мгновение ока стали для него смехотворными? И я знаю, что он говорил самому себе: "Да, конечно, так всегда и было. Все ужасы были одинаковы. Сначала становилось все хуже и хуже, меня как будто загоняли в бутылочное горлышко, и именно в тот момент, когда я думал, что это конец — все ужасы кончались и становилось хорошо. Когда рвали зуб — боль нарастала и нарастала — а потом вдруг зуба нет. Дурной сон переходил в кошмар — и я просыпался. Человек все умирает и умирает, и вот — он уже вне смерти. Как я мог сомневаться в этом?"

И когда он увидел тебя, он увидел и Их. Я знаю, как все было. Ты отпрянул, ослепленный, ибо тебя поразили сильнее, чем его поразили бомбы. Какое унижение, что эта тварь из праха и грязи могла стоять, беседуя с духами, перед которыми ты, дух, мог только ползать! Вероятно, ты надеялся, что ужас и вид иного, чужого мира разрушит его радость. Но в том-то все и горе, что они чужды глазам смертных и не чужды. Вплоть до этого мига он не имел ни малейшего представления о том, как Они выглядят, и даже сомневался в Их существовании. Но когда он увидел Их, он понял, что он Их всегда знал. Он понял, какую роль каждый из них играл часто в его жизни, когда он думал, что с ним нет никого. И вот он мог сказать Им, одному за другим, не "Кто ты?" а "Значит, это все время был ты!" Все, что он увидел и услышал при встрече, пробудило в нем воспоми-

нения. Он смутно ощущал, что всегда был окружен друзьями, с самого детства посещавшими его в часы одиночества, и теперь, наконец, это объяснилось. Он обрел музыку, которая таилась в глубине каждого чистого и светлого чувства, но все время ускользала от внимания и сознания. И, узнавая Их, он становился родным Им еще прежде, чем тело его успело охладеть. Только ты остался ни при чем, и по своей глупости.

И он увидел не только Их. Он увидел и *Его*. Э т а низкая тварь, зачатая в постели, увидела его. То, что для тебя огонь, ослепляющий и удушающий, для него теперь свет прохладный, сама ясность и носит облик Человека. Тебе хотелось бы отождествить его преклонение перед Врагом, его отвращение к себе и глубочайшее сознание своих грехов (да, Гнусик, теперь он видит их яснее, чем ты) с твоим шоком и параличом, когда ты угодил в смертоносную атмосферу Сердца Небес. Но это ерунда. Страдать ему еще придется, однако они радуются этим страданиям. Они не променяли бы их ни на какие земные удовольствия. Все те прелести чувств, сердца или разума, которыми ты мог бы искушать его, даже радость добродетели, теперь, при сравнении, для него как побрякушки размалеванной бабы для мужчины, узнавшего, что та, которую он любил всю жизнь и считал умершей, жива и стоит у дверей. Он поднят в мир, где страдания и радость — безусловные ценности, и вся наша арифметика теряет свой смысл. И вот снова мы сталкиваемся с необъяснимым. Наша главная беда (помимо никчемных искусителей, вроде тебя!) — промахи нашего Исследовательского отдела. Если бы мы только могли разнюхать, чего Он в действительности хочет! Увы, это знание, само по себе столь ненавистное и неприятное, необходимо для нашей власти. Иногда я просто прихожу в отчаяние. Меня поддерживает лишь убеждение, что наш реализм, наш отказ (перед лицом всех искушений) от всякой ерунды и трескучих фраз должен победить. А пока я займусь тобой...

В высшей степени искренне подписываюсь как
все сильнее тебя любящий
дядя Баламут.

Интервью для радио Би-Би-Си

(Передано в СССР в декабре 1982)

Барри Холланд (глава Русской Службы): — Александр Исаевич, когда и как создавался "Иван Денисович"?

Ал-др Солженицын: — Я в 50-м году, в какой-то долгий лагерный зимний день таскал носилки с напарником и подумал: как описать всю нашу лагерную жизнь? По сути достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, и день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а — рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы. Задумал я так и этот замысел остался у меня в уме, 9 лет я к нему не прикасался и только в 1959, через 9 лет, сел и написал.

Б. Х. — Были ли при публикации сделаны купюры? И сколько времени вы его писали?

А. С. — Писал я его недолго совсем, всего дней 40, меньше полутора месяцев. Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь, так что не то что не надо там догадываться до чего-то, что-то попытаться понять, а только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтоб лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое.

Б. Х. — Были ли при публикации сделаны купюры и внесены изменения в текст, как это произошло с заглавием?

А. С. — Да, заглавие Александр Трифонович Твардовский предложил вот это, нынешнее заглавие, свое. У меня было "Щ—854. Один день одного эка." И очень хорошо он предложил, так это хорошо легло. А что касается изменений серьезных в тексте, сам Твардовский не был расположен ничего менять. Но разумом редакция понимала, что надо бороться за то, чтоб обстричь когти, смягчить текст, и его заместитель

Дементьев на заседании редакции произвел большую на меня атаку, он требовал многое снимать, например, разговор с баптистом весь снять, религию всю снять. А я настолько не добивался этой печати, я уже писал до этого больше 10 лет, и молчал уже 40 лет с лишним, я им сказал: "Знаете, не подходит — не печатайте. Я могу еще десять лет помолчать, ничего не случится." И так, собственно говоря, вся его серьезная атака отлетела, ничего они не добились, были мелкие пожелания от того рецензента Хрущева, который все это проводил, чтобы там снять лишнюю брань на конвой, ну, это я снял. А самого главного, надо сказать, как-то не заметили ни в редакции, ни даже, когда Хрущеву уже прочли и Хрущев утвердил эту вещь к печати. И вдруг спохватились, что там есть такое совсем страшное место. Это бригадир Тюрин в конце своего рассказа говорит, что однажды он встретил в лагере своего бывшего командира взвода, и тот ему сказал, что командир полка, который с ним расправился, и комиссар полка, оба в 37-м году расстреляны. И Тюрин говорит: "Все ж таки есть Ты, Создатель, на небе. Долго терпишь да больно бьешь." Спыхватились, что это удар уже не по сталинскому "культу личности", а удар в самое сердце советской власти, что получается, что они, они это сделали собственными руками и вот наказание Божье. Схватились, и тогда мне из ЦК звонили, чтоб я снял это место одно. А я и тут сказал — нет, потому что я уже знал, что Хрущев разрешил, да я это место ни за что бы не уступил, мне без него не надо. Итак, прошло в общем почти что без всяких существенных изменений.

Б. Х. — И существует ли первоначальный текст еще?

А. С. — Да, мы сохранили первоначальный текст, как он был еще в самом начале написан, и все последующие изменения. Серьезных изменений не было, ну так, редакторская работа, фонетическая работа была.

Б. Х. — Как, по-вашему, эти изменения не отразились на повести?

А. С. — На смысле повести несколько не отразились, несколько. В общем надо сказать, что удивительным образом прошла вещь, так, как была задумана, вот так целиком она и прошла.

Б. Х. — Существует ли прототип Ивана Денисовича или это собирательный образ?

А. С. — Ивана Денисовича я с самого начала так понимал, что не должен он быть такой, как вот я, и не какой-нибудь развитой особенно, это должен быть самый рядовой лагерник. Мне Твардовский потом говорил: если бы я поставил героем, например, Цезаря Марковича, ну там какого-нибудь интеллигента, устроенного как-то в конторе, то четверти бы цены той не было. Нет, он должен был быть самый средний солдат этого ГУЛага, тот, на кого все сыпется. И хотя я знал конечно десятки и даже сотни простых лагерников, но когда я взялся писать, то почувствовал, что не могу ни на ком остановиться одним, потому что он не выражает достаточно, отдельный, один. Итак, сам стал стягиваться собирательный образ. Станным образом, героя я взял — фамилию и наружность, своего солдата из батареи, вовсе не ээка, он никогда в лагере не сидел, Шухов, был у меня такой солдат. А биографию я уже брал от других и все события жизни еще от третьих, от четвертых. Иногда собирательный образ выходит даже ярче, чем индивидуальный, вот странно, так получилось с Иваном Денисовичем.

Б. Х. — Расскажите, пожалуйста, что вы почувствовали 20 лет назад сразу после того, как в ноябрьском номере "Нового мира" была напечатана повесть "Один день Ивана Денисовича".

А. С. — Должен сказать, что я не полностью осознал значение уже сделанного. Я понимал так, что это очень счастливый, неожиданный прорыв в советской толще, в этой глыбе, но нужно этот прорыв развивать и продолжать, как можно больше теперь двигать в этот прорыв. А Твардовский, напротив, уже понимал все значение того, что эта повесть напечатана в Советском Союзе. Мне-то казалось так, ну, не напечатают в Советском Союзе, ну, через два-три-четыре года я напечатаю на Западе. Я не понимал значения всего того, что это именно в Москве напечатано. И когда 18 ноября я как раз в день публикации к нему пришел, он положил передо мной "Известия" со статьей Симонова, с похвальной статьей Симонова относительно "Ивана Денисовича", и говорит: "Нате, читайте, смотрите что!" А я говорю: "Ах, Александр Трифонович, отложим это дело, давайте скорей думать, как нам следующие рассказы печатать." Он даже разочарован был, что я совсем и не стал читать статью Симонова, уже потом. Вот так я был настроен, я настроен был, что это не уже сделанный какой-то шаг конечный, а что это только начало, что теперь нужно начинать рвать.

Б. Х. — Показалось ли вам, что с публикацией "Ивана Денисовича" наступил переломный момент, наступила новая эра в советской литературе?

А. С. — Вот я всего значения не осознал. Я только понимал, что это начало прорыва. Конечно, нужно прорывать и в других областях, не только мне и не только в литературе, и это может стать поворотной точкой. Ну, конечно, ожидали контратаку, и сам я думал так, что, ну, через полгода меня уже начнут давить, так что надо вот за полгода что-то сделать. А сказать, чтобы это была новая эра в советской литературе? для этого нужно было, чтобы она получила какую-то свободу. И в общем литературу-то зажали, зажали и не дали развиваться. Тогда, конечно, казалось, что успех будет большим, мы проедем больше.

Б. Х. — Публикация "Одного дня Ивана Денисовича" неразрывно связана с именем покойного главного редактора "Нового мира" поэта Александра Твардовского. Как вы думаете, если бы не Твардовский, возможно ли было ее издание каким-нибудь другим путем?

А. С. — Для того, чтобы ее напечатать в Советском Союзе, нужно было стечение совершенно невероятных обстоятельств и исключительных личностей. Совершенно ясно: если бы Твардовского не было как главного редактора журнала, нет, повесть эта не была бы напечатана. Но я добавлю. И если бы не было Хрущева в этот момент, тоже не была бы напечатана. Еще больше, если бы Хрущев именно в этот момент не атаковал Сталина еще один раз, тоже бы не была напечатана. Напечатание моей повести в Советском Союзе, в 62-м году, подобно явлению против физических законов, как если б, например, предметы стали сами подниматься от земли кверху или холодные камни стали бы нагреваться, накаляться до огня. Это невозможно, это совершенно невозможно. Система была так устроена и за 45 лет она не выпустила ничего, и вдруг вот такой прорыв. Да, и Твардовский, и Хрущев, и момент — все должны были собраться вместе. Конечно, я мог потом отослать за границу и напечатать, но теперь, по реакции западных социалистов, видно: если б ее напечатали на Западе, да эти самые социалисты говорили бы: все ложь, ничего этого не было и никаких лагерей не было, и никаких уничтожений не было, ничего не было. Только потому у всех отнялись языки, что это напечатано с разрешения ЦК в Москве, вот это потрясло. Да, вот такая роль была Александра Трифоновича Твардовского.

Б. Х. — В автобиографической книге "Бодался теленок с дубом", наряду с похвалой, у вас были критические замечания в адрес Твардовского. Сейчас, 20 лет спустя, как вы оцениваете личность и деятельность Александра Трифоновича?

А. С. — Не точно и не верно сказать, что у меня были похвалы и критические замечания. Я писал о Твардовском как о живом человеке, со всем, что в нем есть, и взлеты его, и падения его. Я смею сказать, что я создал портрет совершенно живого Твардовского, и ничего похожего не было сделано до меня, ни еще не знаю, будет ли после. Я очень его любил и даже не специально я задавался целью создать портрет, но когда писал, то много думал над ним. И я считаю, что вышли не критические замечания и похвалы, а живой памятник ему. Я видел, как Твардовский выполнял совершенно историческую задачу, попав в колеса чужой машины. Он был истинно народный крестьянский поэт и с этим здоровым крестьянским чувством он попал в ранний социалистический город, под колеса первых пятилеток. Имел личный литературный успех, а дальше его начали перемалывать вот эти колеса проклятого советского сорокалетия. 40 лет его перемалывало, от 1930 года до 1970, до смерти. Совещания, заседания, звонки из ЦК, выговоры, партийные накачки, партийные обязательства, цензура, непрерывно давящая, тупая, идиотская цензура. У него были силы огромные, может быть богатырские, но все это перемололо то сорокалетие. И ему вкладывалась эта партийная идея как оправдание его существования, иначе бы он жить не мог. И вот у него получилось раздвоение сознания, художественного сознания свободного поэта и партийного сознания впряженного чиновника. И вот этот контраст и погубил его, потому что не может человек выдержать без потерь такое страшное напряжение, и целых 40 лет. У нас с ним были разногласия всегда тактические, он вел многолетнюю, многодесятилетнюю линию и считал, что вот такая тяжесть и будет, а мы медленно, постепенно будем размачивать эту советскую глыбу. А я считал, что нужно мгновенно действовать, молниеносно. Я считал, что нужно сию же минуту, как только напечатали "Ивана Денисовича". . . Ко мне обращались газеты — "Известия", "Правда", "Литературная газета" — дайте кусочек, дайте откуда-нибудь, хоть из неоконченной вещи. А у меня уже "Круг первый" был кончен, я мог давать отрывки из "Круга первого", предполагал давать сталинские главы, я хотел в "Современнике" ставить пьесу, захватить как можно больше плацдарма, им нельзя будет потесниться назад. Вот так я считал. А Твардовский этого моего темпа не мог понять, он

считал, что я ушиблен лагерем, от этого так боюсь, а что после такого успеха, когда меня признало ЦК, Хрущев, тут уже совершенно можно быть спокойным, что у нас есть многие годы. Я считал, что этих многих лет нет. Но эти вот тактические разногласия нас сильно разделяли и некоторые шаги свои я даже не мог ему открывать, настолько они были острые, резкие, потому что я считал, что надо бить по Союзу Писателей, бить по ЦК, бить по системе. А он не мог понять этой моей торопливости и напряжения. А я тоже не мог достаточно оценить вот этот его долгий, долго рассчитанный ход. Вот теперь, когда много времени прошло и можно оглянуться, в отдалении посмотреть, — можно сказать, что Твардовский лучше меня чувствовал дальнюю судьбу нашей литературы. Вот он сумел вести журнал с таким вкусом художественным, с таким чувством меры, с таким чувством личной ответственности и ответственности перед отечественной историей, какая сейчас необходима для нашей литературы в ее новом критическом моменте, а ее нет. Он исключительно был бы нужен сейчас, в момент, когда подходит, когда уже наступили годы, решается лицо будущей русской литературы, решается, как она, каким дыханием пойдет. Он был враг всякой авангардистской эквилибристики. Дело в том, что не одна цензура угрожает литературе, но личная безответственность угрожает ей не меньше. И вот эту личную безответственность мы сейчас видим кое-где там, где литературе удалось освободиться. Твардовский был в высочайшей степени ответственен перед ходом литературного корабля.

Б. Х. — Вы упомянули статью Симонова. И в газете "Правда" от 23 ноября критик Ермилов, высоко отзываясь об "Иване Денисовиче", писал среди прочего: "Повесть Александра Солженицына, порою напоминающая толстовскую художественную силу. . ." Тогда — можно было предвидеть дальнейший ход событий, а именно, что ваши последующие произведения не выйдут в свет и вы сами станете объектом суровых осуждений?

А. С. — Вы знаете, вот именно так я и понимал, то есть — что хорошо, если полгода у меня есть, потом оказалось два месяца. Что мне будут сворачивать шею, я это знал, и нисколько я не был упоен тем, что меня восхваляет вся пресса, я в это не верил.

Б. Х. — За 20 лет после "Ивана Денисовича" на Западе вышли ваши главные работы: "В круге первом", "Раковый корпус", "Август Четырнадцатого" и наконец "Архипелаг ГУЛаг". Как вы сейчас относитесь к вашему первенцу?

А. С. — Всякий писатель наверно, так и я: переходя к новому произведению, уходишь в него весь, поэтому всегда живешь в новом произведении, в очередном, а старое отдаляется. Так отделился от меня и "Иван Денисович", да и еще во времени, настолько, что даже в каком-то смысле я уже ощущаю себя не совсем его и автором, а будто он уже отдельно от меня существует. И даже могу вместе с вами вот со стороны на него посмотреть. Он сделал очень большую тяжелую работу, прорыв в Советском Союзе — раз, и потом он в моей биографии сыграл ту большую роль, что он помог написать "Архипелаг". Из-за того, что я напечатал "Ивана Денисовича", в короткие месяцы, пока меня еще не начали гнать, ко мне сотни людей стали писать письма, а некоторые и приезжать, рассказывать еще. И так я собрал неописуемый материал, который в Советском Союзе и собрать нельзя, только благодаря "Ивану Денисовичу". Так что он сыграл еще и ту роль, что он стал как пьедесталом для "Архипелага ГУЛага".

Б. Х. — Это произведение оказало огромное влияние на общественное сознание целого поколения советских людей. Как вы думаете, оказала ли повесть влияние на дальнейшее развитие русской литературы?

А. С. — Мне трудно самому как автору говорить о прямых влияниях, о косвенных влияниях повести. Но дело в том, что свободной обстановки для того, чтобы проявить влияние, не было. Только быстро задавили "Ивана Денисовича" и меня, а потом изъяли его из всех библиотек. И растут следующие не только читательские, но и литературные поколения, не читавшие его. Поэтому не дали возможности, не дали времени ему проработаться.

Б. Х. — Хотелось бы попросить вас поделиться некоторыми впечатлениями о нынешнем состоянии литературы в СССР.

А. С. — Надо сказать, что русская литература, в общем, оказалась с крепким хребтом. Пережить 65 лет коммунистического гнета, цензуры, уничтожения — и все-таки, все-таки сохранить основную струю. У нас нельзя писать правды, большей части правды. Кажется, чем же тогда литературе существовать? Как ни удивительно, но у нас на родине есть группа писателей, которая в этих условиях умудряется сохранять литературу, полную богатого русского языка, и литературу, лично ответственную, с ответственностью автора и с ответственностью

перед отечественной историей. И это обнадеживает меня, в том смысле, что когда крахнет цензура и будет кризисный выход из этого состояния в свободное, наша литература может быть убережена от тех ужасных опасностей, которые грозят литераторам, когда им открывается совершенно безответственная свобода, и они начинают бросаться в шальные эксперименты, и даже в брань, и даже в мат.

Б. Х. — И наконец, Александр Исаевич, расскажите, пожалуйста, над чем вы сейчас работаете? Что должно вскоре появиться в свет?

А. С. — Уже много лет я работаю над историческим повествованием "Красное колесо". Это повествование о том, как произошла революция в России и последствия ее, ранние советские годы. Это огромная вещь и она, по мере работы, еще, выясняется, больше, чем я думал. Она состоит из Узлов, Узлы — это книги отдельные, посвященные короткому важному времени, где решается история. Такой один Узел — "Август Четырнадцатого" — у меня будет напечатан полностью весной 83-го года. Раньше был один том только из него, а теперь добавится второй том, столыпинский, история деятельности Столыпина и смерти его, убийства. Второй том, второй Узел — "Октябрь Шестнадцатого", тоже у меня закончен, мы его сейчас набираем, и он может появиться в свет хоть в том же 83-м году, но может быть будет несколько дожидать иностранных переводов. И оба эти Узла каждый в двух томах. Следующий Узел — "Март Семнадцатого" — в четырех томах. Это огромная вещь. Это, собственно говоря, буквальная запись февральской революции, как она произошла, день за днем и час за часом, участвуют сотни исторических лиц и десятки вымышленных для того, чтобы подхватить этот материал. Не знаю, как в других литературах, но по-русски нет ничего такого, описать революцию всю в огромных движениях и в каждой мелочи. Вот поэтому это заняло четыре тома. Эту работу я почти кончил, так что в общем ее можно тоже очень вскоре, вслед за "Октябрем", набирать. Выпуск уже становится вопросом техники. Все вместе, вот эти восемь томов, составляют так называемое "Действие Первое. Революция." Собственно говоря, революция в России была одна, не Пятого года, и не октябрьская, а февральская, она есть решающая революция, которая и повернула ход нашей страны, да и всей земли. Октябрьская революция является почти эпизодом и во всяком случае следствием февраля. Следующее Действие — Второе, будет посвящено Семнадцатому году, течению Семнадцатого года. Этот год был до того насыщен событиями, что каждый месяц являлся как новая

эпоха. И там у меня идут: Узел 4-й — "Апрель Семнадцатого", Узел 5-й — "Июнь-июль Семнадцатого", Узел 6-й — "Август Семнадцатого", Узел 7-й — "Сентябрь Семнадцатого". Вот эти вот четыре узла составляют Действие Второе, течение самого Семнадцатого года. И к концу его, до октябрьской революции, переворота, уже совершенно понятно, что режим февральский упал и только приходи, бери кто хочешь, поднимай власть с земли. Так собственно октябрьский переворот и был сделан, кучкой людей, в одном городе за несколько часов, просто подняли упавшую власть. Я не знаю, как у меня будет с годами, со здоровьем, как Бог даст, вообще-то замысел мой продолжается дальше, но очень может быть, что жизни моей не хватит. Замысел у меня на 20 узлов, я должен был описать дальше гражданскую войну и первые годы становления советской власти до 22-го года, до конца подавления крестьянских восстаний. Но думаю, что мне уже жизни на это не хватит.

ИЗ ПИСЕМ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ
К САЛОМЕЕ АНДРОНИКОВОЙ-ГАЛЬПЕРН*

Публикация Г.П. Струве

Вместо введения: из писем С. Андрониковой к Г.П. Струве

1.IX. 65

... Я не помню, говорили ли я Вам о мотиве моего нежелания, чтоб письма (как они есть) были напечатаны? П о м н е, письма чрезвычайно интересны целиком для биографии Марины. — Т. к. они исключительно интимного характера и дают удручающую картину за семь лет ее жизни в Париже. Не знаю, насколько легче ей было в Праге. Думаю, что все же легче. Не знаю Ч Т О почувствуете Вы, или Карлинский, их читая. Когда я их перечла теперь, после 30 лет, я не могла спать ряд ночей и забыть их я не могу.

Кроме свидетельства о их жизни, письма дают материал для характеристики Марины. Чисто литературных сведений в них мало. Т. к. мы встречались постоянно, то разговаривали обо всем, что ее интересовало или над чем она работала.

Из писем Вы узнаете, что в ее нужде я ей помогала все эти семь лет. Опубликование именно этого факта, о котором никто почти не знает, мне и претит. Я не могу санкционировать себе рекламу. К тому же, кого это должно интересовать? ...

27.IX. 65

... Теперь о Ваших вопросах:

- 1) Почему наша переписка с М. Ц. оборвалась в 1934 г.
- 2) О киком "посрамительном", "позорном" для Мирского эпизоде идет речь в одном письме?
- 3) Какое мое мнение о С. Я.? и
- 4) Когда (с какого и по какое время) я жила в Париже?
Начну с 3-го и 4-го, т. к. это просто и легко.

* Саломея Андроникова, "петербургская красавица", воспетая Мандельштамом и Ахматовой, друг многих поэтов и писателей. Скончалась 8 мая 1982 г. в Лондоне, на 94-м году жизни. См. о ней заметку С. Д[еволюина] в "Русской Мысли" от 24 июня 1982 г.

С. Я. был человек очень хороший, неумный, добрый, энтузиаст, идеалист (евразиец ли, коммунист ли), совершенно искренний и чрезвычайно наивный. Мне кажется, что этим он исчерпывается.

В Париж я приехала в августе 20-го года и прожила до начала 37-го, когда я ликвидировала свою квартиру, бросила работу и переехала в Лондон. До войны наезжала в Париж часто, а приехав в Париж 5-го мая 40-го года, ровно за пять дней до наступления немцев, выбраться обратно не смогла и "беженствовала" во Франции 14 месяцев. 20-го июня 1941 я уехала через Испанию и Португалию в Америку, в Нью-Йорк, где нашла мужа и провела 4 года войны. По заключении перемирия мы – я и мой муж – вернулись в Лондон.

Мариныны письма я вытаскила и перечла через протекшие 30 лет. Т. к. у меня память всегда была плохая, а на старости лет и вовсе плачевная, то я, прочтя письма, пришла ровно к тому же недоумению, что и Вы! Действительно – П О Ч Е М У?

... Повидимому, моя поддержка Марины кончилась тоже в 34-м году. Я работала потому, что мне было необходимо зарабатывать. Получала я немного – 1500 франков в месяц, из коих я давала Марине 500. – К этому я прибавляла 200–250, которые мне давали близкие мне люди до самого конца помощи Марине. Поначалу я сумела подковать большее количество и Марина ежемесячно имела 1000 фр. Но люди выдерживают такие "налоги" обычно плохо, т. ч. круг их сокращался и сократился радикально. – Наступила и моя очередь, когда и Марине материально стало легче. Она вылезла из безнадежной нужды. С прекращением "иждивения" остановилась механическая необходимость письменных сношений, но это никак не повлияло на наши дружеские чувства. Мне пришлось быть в Париже как раз к ее отъезду в Россию. Мои "проводы" ее помню исключительно ярко. Были мы все вместе: она, Мур и я. Вот КАК я могу объяснить себе ТЕПЕРЬ конец переписки...

29.X.65

... Об идее напечатать письма Цветаевой. Вы называете разные возможности. Ряд из них вполне почтенные публикации несомненно. Почему мой выбор пал на Slavonic Papers, я Вам уже объясняла: вполне личный. К тому же мне не пришла в ум возможность напечатать отдельной plaquette Вами. Боюсь, что поздно перерешать, т. к. (как я Вам писала) я сказала уже Simmons'у, что можно было бы напечатать в S. P. ...

... Еще: чем больше я думаю о загадке, как объяснить полную остановку переписки с М. в 34 году, тем больше склоняюсь к мысли, что часть писем сгорела вместе с другими документами и письмами

во время пожара в доме в блище 40-го г. В сгоревшем шкафу погибли очень ценные для меня вещи, альбом со стихами, картины Альтмана, Лукомского, Добужинского и т. д. — Иначе не понять, как же я сносила с М. из Лондона, куда переехала жить? Как же я могла сговариваться о свидании в Париже?..

1.XII. 65

... Я вам кажется уже писала, что мне нравится Ваша идея издать "письма" отдельной книжечкой и потому что ценю и ЧТО и КАК Вы делаете. И по причинам, о которых Вы пишете...

4.V. 67

... Если все же Вы собираетесь печатать письма Цветаевой разным людям, то мне думается, что кое-что Вы могли бы взять и из писем ко мне. В России конечно будут печатать мои и не мои, — но конечно (думается мне) не интегрально. Что естественно. Вам придется с этим считаться и не забывать, что дочь ее жива, и есть настоящая владелица и писем и прав. Тоже помнить, через что она прошла. Она часто мне пишет. Всегда умно и интересно. Очень много от матери и даже почерк похож...

5.XI. 67

... Кстати об Але. Я с ней переписываюсь регулярно, и она пишет всегда такие ласковые, длинные, умные и интересные письма. Не трудно увидеть Цветаевскую породу. Я ей сообщила о Возд. Путях и об опубликовании Гринбергом "Перекопа". На это — и относительно судьбы писем матери — она написала мне очень взволнованное письмо. Сообщила о своем решении передать подлинники в ЦГАЛИ на определенных условиях. (Она никак не хочет, чтоб письма ушли в частные руки (хотя бы и Зильберштейну). Ввиду того, что письма "сугубо интимные", она не хочет ни их опубликования в целости, ни чтоб в течение какого-то срока к ним был бы доступ каждому. С Зильберштейном же уговорится в случае, ЕСЛИ осуществление выхода Лит. Насл., посвященного М. Ц., наметится. Она не думает, что можно было бы составить целый том М. Ц., т. к. как правило Лит. Нас. печатают только, что никогда и нигде не было опубликовано. Почти вся М. Ц-ва, прижизненно или посмертно, печаталась в разных странах, а из того, что есть (записные книжки, письма, дневники) и из того, что возможно опубликовать в России — целого тома не выйдет...

... *Аля работает (у нее очень трудная жизнь) медленно. Должна дать (Т А К она хочет) в Архив (как и все литературное наследство матери) — разработанное, с комментариями, и потому все затягивается. Кроме того — она мне писала с самого начала — что даст в Архив в порядке "закрытом", т. е. без права напечатания писем целиком при ее жизни и доступа к ним "всякого и каждого"...*

15-го июля 1926 г., четверг
St. Gilles

Дорогая Саломея,

Вчера на берегу я писала Вам мысленное письмо, стройное, складное, как все, непрерывное пером. Вот отрывки:

Умиляюсь и удивляюсь Вашему нетерпению. Мне, с моей усталовкой на Царство Небесное (там — потом когда-нибудь —) оно дико и мило. Торопить венец (здесь) — торопить конец. (Что́ любовь — что́ елка!) Я, когда люблю человека, беру его с собой всюду, не расстаюсь с ним в себе, *усваиваю*, постепенно превращаю его в воздух, которым дышу и в котором дышу, — в всюду и в нигде. Я совсем не умею вместе, ни разу не удавалось. Умела бы — если бы можно было нигде не жить, все время ехать, просто — не жить. Мне, Саломея, мешают люди, № домов, часы, показывающие 10 или 12 (иногда они сходят с ума — тогда хорошо), мне мешает собственная дикая ограниченность, с которой сталкиваюсь — нет, *на*ново знакомясь — когда начинаю (пытаться) жить. Когда я без человека, он во мне целей — и цельней. Жизненные и житейские подробности, вся жизненная дробь (жить — дробить) мне в любви непереносна, мне стыдно за нее, точно я позвала человека в неубранную комнату, которую он считает моей. Знаете, где и как хорошо? В новых местах, на молу, на мосту, ближе к *нигде*, в часы, граничащие с которыми. (Есть такие).

Я не выношу любовного напряжения, у меня — чудовищного, этого чистейшего превращения в собственное ухо, наставленное на другого: хорошо ли ему со мной? Со мной уже перестает звучать и значить, одно — *ли ему?*

Бывают врывы и срывы. Тогда я очень несчастна, не знаю чего могу, всякого "вместе" мало: умереть! Поймите меня: вся моя жизнь — отрицание ее, собственная из нее изъятость. Я в ней отсутствую.

Любить — усиленно присутствовать, до крайности воплощаться здесь. Каково мне, с этим неверием, с этим презрением к здесь? Поэтому одно желание: довести войну до позорного конца — и возможно скорее. Сплошной Брестский мир.

(Имейте в виду, что все это я говорю сейчас, никого не любя, давно никого не любив, не ждав, в полном холоде *силы и воли*. Знаю и другую песенку, *ВСЮ* другую!)

Почему я не в Лондоне? Вам было бы *много* легче, а мне с Вами по-новому хорошо. Мы бы ходили с Вами по каким-нибудь нищим местам — моим любимым: чем хуже, тем лучше, стояли бы на мостах. . . (Места — мосты—) И почему не Вы на днях здесь будете, а М[ир]ский. Приезжайте ко мне из Парижа! Ведь это недолго! Приезжайте хотя бы на день, на долгую ночную прогулку — у океана, которого не любите ни Вы, ни я — или можно на дюнах, если не боитесь колючек. Привлечь, кроме себя, мне Вас здесь нечем.

О Вас. Думаю — не срывайтесь с места. *Достойнее*. Только с *очень* большим человеком можно быть самим собой, целым собой, всем собой. Не забывайте, что другому нужно меньше, потому что он *слаб*. Люди боятся разбега: не устоять. Самое большое (мое) горе в любви — не мочь дать столько, сколько хочу. Не обороняется только сила. Слабость отлично вооружена и, заставляя силу *умеряться*, быть *не* собой, блестяще побеждает.

А еще, Саломея, — и может быть самое грустное:

”Es ist mir schon einmal geschehn”

— oft geschehn!

Из Чехии пока ни звука. Сегодня, 15-го, день полочки. За меня хлопочет целый ряд людей. Написала и эсерам (выходит, что не люди!). Словом, сделала все, что могла. Если бы Вы знали какие литераторы в Праге получают и будут получать стипендии! Мне пишут, чехи обиделись, что я прославляла Германию, а не Чехию. Теперь уж никогда не ”прославлю” Чехию — из неловкости. Неловко воспевать того, кто тебя содержит. Легче — того, кто тебя обокрал.

Пустилась как в плаванье в большую поэму. Неожданность островов и подводных течений. Есть и рифы. Но есть и маяки. (Все это не метафора, а точная передача). Кроме поэмы — жизнь дня, с главным событием — купаньем, почти насильственным, потому что от разыгрывающегося воображения сразу задыхаюсь. О будущем ничего не знаю, три возможности: либо чехи ничего больше не дадут —

никогда, тогда в Чехию не поеду, и куда поеду — не знаю, либо чехи велят сразу возвращаться — тогда сразу поеду, либо согласятся содержать заочно до октября — поеду в октябре. О заочном бессрочном мечтать нечего. *Как надоели деньги!* Кто у меня из предков так разорился, чтобы мне так считать?!

Версты вышли, по моему — чудесная книга. У нас очень жарко, все жалуются, а я радуюсь. Целую Вас. Вам уже не три недели, а две.

МЦ

— Все же промчится скорей песней обманутый день...

(Овидий).

С. Я. успокоился: получил повестку из префект[уры], по ней пошли, и пока все благополучно.

St. Gilles, 12-го августа 1926 г.

Дорогая Саломея!

Где Вы и что Вы?

У нас съезд: был Св[ятополк] М[ирский], сейчас С[ув]чинские и еще две дамы, одна, променявшая на С. Жиль — Ниццу, другая, бросившая ради нас (песок включая) четверых детей. Все это с трудом спевается. Часов в сутках все столько же, а каждому нужен свой.

Я последний раз на океане, всю душу вымотало, лежащи, ежедневное обязательное поглупение на четыре часа. С[ув]чинский сочувствует, хотя здесь всего третий день.

Получила Jeune homme, спасибо, хорошая книга, книга равная доброду делу. Многим бы следовало ее прочесть. Разоблачение обольщения.

Кончила последнюю поэму за это лето (Лестницу). Сейчас дорабатываю большую драматическую вещь — Тезея — написанного два года назад, хочу сдать в Совр[еменные] Записки, чтобы не совсем разгрызться. Сдала в Волю России конец цикла Деревья (начало в последнем №). С грустью вижу, что у меня пропадает очередная книга стихов (так уже пропали две до Ремесла). Все стихи с 1922 г. по сей, т. е. стихи написанные за границей. Многие из них печатались по журналам, но это не то. Книга — этап.

С радостью услышу о Вас, думаю, что Вы уже уехали. Когда будете в Париже? Я — не знаю. С Чехией пока ничего не выяснено. Последнее письмо печальное: Вас чехи считают отрезанным ломтем. Достоверно отрезанным, раз сами отхватили!

До свидания, пишите, целую Вас.

МЦ

Когда С[ув]чинская зашла в фотографию за карточками, барышня, радостно:

— Ah je sais ce que vous voulez dire: *avec le Charlot!*

(NB! Мирский никогда не видал Чаплина!)

Bellevue (S. et O.)
31, Boulevard Verd
22-го марта 1927 г.

Дорогая Саломея,
Забыла вчера две важных вещи:

1) Надо мной висит зуб, то-есть необходимость вставить. Помните, Вы говорили о зубном враче, могущем начать без залога и ждать несколько времени. Если все это так — вот моя просьба: позвоните ему и попросите назначить возможно скорее, и, по назначении, сообщите мне вместе с адресом и какими-нибудь топографическими данными. Поеду, видно, одна, С. Я. болен надолго.

Да! и предупредите его, пожалуйста, что уплачу после вечера, в середине апреля. Чтобы мне уже придти на *готовое* (NB! его огорчение).

Второе.

Помните, Вы говорили, что у Вас есть шкаф и, кажется, столик. Если это мне не помнилось, можно ли их будет взять, то-есть когда, в какие часы кто-нибудь дома и бывает ли дом безлюден? Дело в том, что, кажется, из за-города ездят такие *messagers*, за поручениями, сравнительно доступные. Нужно знать, когда можно ему назначить.

Милая Саломея, хотите разгадку — полу-трагедии, Вашей и моей? Вас всегда будут любить слабые, по естественному закону тяготения сильных — к слабым и слабых — к сильным. Последнее *notre cas*, в нас ищут и будут искать *опоры*. Сила — к силе — редчайшее чудо, на него рассчитывать нельзя.

Слабость, то-есть: ЧУТЬЕ, многообразие, созерцательность и невозможность действия. Слабость как условность, конечно, слабость — как, может быть, сила в других мирах, но в этом, любимом Вами и нелюбимом мною, конечно — слабость: неумение (нехотение?) жить. В нас любят ЖИЗНЬ. Даже во мне.

А полу-трагедия — потому что любовь — мно-ого! — полжизни, о, гораздо, неизмеримо меньше.

Целую Вас и очень люблю. МЦ.

Поздравляю Вас с падением Шанхая. С. Я. говорит, что это хорошо, п[отому] ч[то] наши войска...

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
25-го февраля 1928 г.

Дорогая Саломея, сгораю от самой черной зависти, но у нас тоже весна, — обскакавшая себя на месяц! Погода трогательна до нельзя, уже не сидится, а идти некуда, потому что парк знаю наизусть, а в лесу хулиганы.

Виделась с П[утер]маном, дела неплохи, есть надежда на выход книги в марте. Огромное спасибо за чудо десяти билетов, мною пока продано три. Остальные (адресаты) молчат. Есть надежда еще на подписчиков в России.

Да! В Печати и Рев[олюции] огромная статья об "эмигрантских писателях", больше всего о Бунине и обо мне. № у меня есть, приедете покажу. Кое в чем упреки — мне — правильны, но не так направлены. Я бы упрекнула себя лучше. (Говорю о малоумии, — Вы ведь читали отчет?).

Дорогая Саломея, огромная просьба, я бы очень хотела устроить Алю в студию Шухаева, но он берет 200 фр[анков] в месяц, а мне и 100 невозможно. Нельзя ли было бы бесплатно, тем более, что она, по обстоятельствам нашей жизни, могла бы ездить только через день, в после-обеденные часы. (У Шухаева от 9 ч. до 4 ч.)

Она очень способна, с осени учится во франц[узской] школе рисования, но — безнадежной, как большинство таких школ. Вы настолько знаете меня, что не заподозрите ни в материнском преувеличении данных, ни в материнской-же излишней требовательности к школе. Просто — Аля очень способна, а школа "pour dames et demoiselles", ерунда, жалко моего времени, которое на это уходит (с 12 ч. до 6 ч., в эти дни, пасу Мура и ничего своего не делаю).

Подумайте. И если что-нибудь возможно — сделайте. Я знаю двух учеников этой Студии, оба они меньше одарены чем Аля. Но — платежеспособны. И мне обидно. Как лучше — написать ему (Вам) или отложить до Вашего приезда? Вам виднее.

Пишу русскую вещь, начатую еще в России. Хорошая вещь. Замечаю, что весь русский словарь *во мне*, что источник его — я, т.е. изнутри бьет.

Целую Вас, поправляйтесь, бегство у таких как Вы — победа.
МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
28-го мая 1929 г.

Дорогая Саломея! Сначала деловое: деньги С. Я. за Евразию переданы и с благодарностью получены. Федоров Вам высылается.

Теперь основное: вчера в гостях у Монзи(?) (восемь туземцев, — один метэк: я, а [неразборчиво] восемнадцать) — разговор о снобизме, попытка определить. Я вспомнила Тэффи — о снобизме и подумала, что одно из свойств сноба — короткое дыхание, просто — отсутствие легких, вместо них — полумесяц, при чем сверху, а низа вообще нет: глухо. Без длительности звука. Будь Вы снобом, Вы бы давно устали участвовать и сочувствовать (участие и сочувствие — в глубину, а весь сноб на верхах: отсюда его вечный восторг: астматика).

И — помимо рассуждений — я бесконечно тронута длительностью Вашего (сочувствия?): *persévérance* по-русски нет.

— Скучно с французами! А м. б. — с литературными французами! Да еще с парижскими! Будь я французом, я бы ставку поставила на бретонского мужика. — Разговоры о Бальзаке, о Прусте, Флобере. Все знают, все понимают и ничего не могут (последний смогший — и изнемогший — Пруст). Видела американскую дочь, в красном, молчала. Мать — ку-уда!

— Вечер, по моему, прошел отлично. Пока, с уплатой зала и объявлений, чистых почти(?) тысячи. Я очень довольна [неразборчиво] и есть еще с десяток 25 фр[анко]вых надежд.

Думаю ехать в окрестности (Парижа?), но до этого хочу сводить С. Я. к врачу, не знаю что с ним, — м. б. предпишет Vichy, тогда будем жить в какой-нибудь деревне около, если таковые имеются. Как только выяснится — напишу.

Получила самое трогательное письмо от Св[ятополка] М[ирского]. Скажите ему [неразборчиво] Врангеля все-таки не читала (а хороший!!!)

Целую Вас нежно. Сердечный привет А. Я. Пишите.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
20-го авг[уста] 1929 г.

Дорогая Саломея! Я никуда не уехала; но удалось Алёю отправить в Бретань на несколько недель, в чудное место, с настоящим морем и жителями. (Это мне почему-то напомнило поэтессу Марью Шкапскую, которая, приехав в Берлин, все стонала — "Нужно ходить как мать-природа" и не выходила от Вертхейма. Эту же М. Шкапскую один мой знакомый, не зная ни кто ни что, принял за акушерку.) С. Я. ездил в Бельгию по евраз[ийским] делам и в очаровании от страны. Был на Ватерло. Сейчас он болен (очередная печень), болен и Мур — что-то в легком, лежит в компрессах и в горчичниках, простудился неизвестно как. Докторша нашла у него после-скарлатинный шумок в сердце, кроме того советует вырезать аденоиды. Я вся в этих заботах, с Алиного отъезда (2 недели) просто не раскрыла тетради, которую уже *запел паук*. До Муркиной болезни непрерывно с ним гуляла, а в лесу да еще с ним — какое писанье!

Прочла весь имеющийся материал о Царице, заполучила и одну неизданную, очень интересную запись — офицера, лёжавшего у нее в лазарете. Прочла — довольно скучную — книгу Белецкого о Распутине с очень любопытным приложением записи о нем Илиодора, еще в 1912 г. ("Гриша", — м.б. знаете? Распутин, так сказать, *mis à nu*).

Прочла и "Im Westen nichts neues", — любопытная параллель с "Бравым солдатом Швейком" — (Хашека) — к[оторо]го, конечно, знаете? В обеих книгах явный пересол, вредящий доверию и — впечатлению. Не удивляйтесь, что это я говорю: люблю пересол в чувствах, никогда — в фактах. (Каждое чувство — само по себе — *пересол*, однозначнее). Не всякий офицер негодяй и не всякий священник безбожник, — это — Хашеку. Не всех убивают, да еще *по два раза*, — это — Ремарку. (Rehmark? тогда — немец. А — Remark? — читала по французски).

Да, чтобы не забыть: деньги за Федорова в из[дательст]ве с благодарностью получены.

(А старая Кускова взбесилась и пишет, что у евразийцев принято убивать предков. Прочтите ответ в ближайшей (субботней) "Эмигрантике", принадлежит перу С. Я.)

(...) С. Я. пролежал три дня, вчера потащился в Кламар и еле дошел — так ослаб от боли и диеты. Великомученик Евразийства. Сувчинский где-то на море (или в горах), В. А. служит, никого не выдаю, п[отому] ч[то] все разъехались, кроме того — Али нет, и привя-

зана к дому — или Медону, что то-же. Лето у нас прошло, все улицы в желтых струйках, люблю осень.

До свидания! Горы люблю больше всего: всей *нелюбовью к морю* (лежащему) и целиком понимаю Ваше восхищение (**NB!** — от земли!)

Целую Вас. Привет А.Я. Пишите.

МЦ.

Медон, 19-го марта 1930 г.

Дорогая Саломея! Спасибо за предложение того поэта, но хочу сначала начисто сделать хотя бы треть. Стихосложение усвоила в процессе работы, помог конечно слух. Вещь идет хорошо, могла бы сейчас написать теорию стихотворного перевода, сводящуюся к транспозиции, перемене тональности при сохранении основы. Не только другими словами, но другими образами. Словом, вещь на другом языке нужно писать заново. Что и делаю. Что взять на себя может только автор.

Видели ли Числа? Даю во II № стих Нереида, можете прочесть его у Д.П., как-то посылала. М.б. не возьмут из-за строк:

Черноморских чубов :
"Братцы, голые топай!"
Голым в хлябь и в любовь —
Как бойцы Перекопа —
В бой. Матросских сосков .
Рябь... — "Товарищ, живи!"...
В пулю — шлем, в бурю — кровь, —
Вечный третий в любви.

(Это — припев. Началось с купального костюма: третьего в любви с морем. Оцените, Саломея, тему: море, купанье. Хороша — купальщица! Скоро, очевидно, буду петь пароход и авион).

Что еще Вам рассказать? Время измеряю продвижением "Молодца". Много дома (?) из-за Алиных лекций и музеев. Единственный отвод души — кинематограф. Смотрела чудный фильм с Вернером Крауссом в роли Наполеона на Св. Елене. Неприятна только первая секунда: неузнавания (слишком хорошо знаем то лицо, сто лет назад!), потом свыкаемся, принимаем. . . .

St Pierre-de-Rumilly (H-te Savoie)
Château d'Arcine
19-го июня 1930 г.

Дорогая Саломея! Я конечно не в Château — я в дивной Alpenhütte, о которой Гете пишет в Фаусте — настоящая изба с громадным чердаком, каменной кухней и одной комнатой с жилплощадью во всю нашу медонскую квартиру.

Рядом ручей, с неба потоки дождя, водой хоть залейся: по две грозы в день.

Мы последний жилой пункт, выше непродерная щетина елей, за ними — отвес скалы. Почты нет и быть не может. От станции 1 1/2 в[ерсты], от Сережи — 3 в[ерсты], деревня возле станции, горстка домов с большой церковью. Я страшно довольна и хочу, как Мур говорит: "сначала жить здесь, а потом — умереть!" (Новооткрытое и уточненное "vivre et mourir"!)

С. лучше, сильно загорел, немало потолстел, ходит, работает на огороде, но все еще кашляет. Видимся с ним каждый день, Мур дорогу знает.

Мур в полном блаженстве: во дворе молотилка, тут же сеновал, колода от бывш[его] колодца и т. д.

Аля еще в Париже, держит экзамены.

Жду весточки о Вас, здоровье, лете, планах, хорошем, плохом. Целую Вас, простите, что не написала раньше — обживалась.

С. Я. очень кланяется.

МЦ.

St. Pierre-de-Rumilly (H-te Savoie)
Château d'Arcine — мне
20-го сент[ября] 1930 г.

Дорогая Саломея!

— Кончила Молодца, — последняя чистка. Теперь нужно думать — куда пристроить. Написала встречу Маяковского с Есениным — (стихи).

Да! Забавная история: письмо от Оцуа — редактора "Чисел" — с просьбой о пяти стихотворных автографах для пяти тысячефранковых экз[емпляров] III книги. Я: "Автографы либо даю, либо продаю, а продаю 100 фр[анков] штука". Ответ: "Числа бедны, большинство

сотрудников* работают бесплатно, не говоря уже о редакторах*** — словом: давай даром.

Я: *На продажу* не дарю, — впрочем — вот вам "Хвала богатым" — хотите пять раз?!

(... И за то, что их в рай не впустят,
И за то, что в глаза не смотрят...)

Убью на переписку целое утро (40 строк по пять раз, — итого 200) — хоть бы по франку за строку дали!

Но и покушают же "богатые" (Цейтлины, напр[имер], Амари: mari de Marie; à Marie). Пушу с собственноручной пометкой

ХВАЛА БОГАТЫМ

(предоставленная автором для нумерованного экз[емпляра] Чисел — безвозмездно). *Мне* — нравится! Но м.б. — откажутся. Тогда пропали мои 200 строк и рабочее утро. Где наше не пропадало! Лист будет вклейкой. Кому не понравится — пусть выдерет.

Стипендия С. Я. кончилась, хлопочем о до-1-го-ноября, но надежды мало. Говорила о нем с д[окто]ром: "Pour le moment je le trouve mieux, mais l'avenir c'est toujours l'inconnu". — Знаю.

За все лето было три летних недели. Раз ездила в очаровательный Анпесу, здесь дешевое автокарное сообщение, но для меня это то-же, что пароход в Англию. Был у нас Мирский — давно уже — два дня — дико-мрачен, и мычливей чем когда-либо.

О С[ув]чинских не знаю ничего.

Обнимаю Вас, пишите о себе [...].

МЦ.

Медон, 3-го марта 1931 г.

Дорогая Саломея! Высылаю Вам Новую газету — увы, без своей статьи, и очевидно без своего сотрудничества впредь. Как поэта мне предпочли — Ладинского, как "статистов" (от "статьи") — всех. Статья была самая невинная — О новой русской детской книге. Ни разу слова "советская", и равняла я современную по *своему* детству, т.е. противопоставляла эпоху эпохе. Политики — никакой. Ннно — имела

* я: "Бунин, напр[имер] (!), Ремизов, напр[имер] (!!!)

** а Оцул — из тщеславия.

неосторожность упомянуть и "нашу" (эмигрантскую) детскую литературу, привести несколько перлов, вроде:

В стране где жарко греет солнце
В лесу дремучем жил дикарь.
Однажды около оконца
Нашел он чашку, феи дар.
Дикарь не оценил подарка:
Неблагодарен был, жесток.
И часто чашке было жарко:
Вливал в нее он кипяток.
А черный мальчик дикаря
Всегда свиреп, сердит и зол —
Он, ЛОЖКУ БЕДНУЮ МОРЯ,
Всегда бросал ее на пол (NB! ударение)
и т. д.

— Попутные замечания. — Противуставление русской реальности, верней реализма — этой "фантастике" (ахинеи!), лже-фантастики тамбовских "эльфов" — почвенной фантастике народной сказки. И т. д.

И — пост-скрипtum: "А с новой орфографией, по к[отор]ой напечатаны все эти прекрасные дошкольные книги, советую примириться, ибо: не человек для буквы, а буква для человека, особенно если этот человек — ребенок".

И — пространное послание Слонима: и в России-де есть плохие детские книжки (агитка) — раз, он-де Слоним очень любит фей — два. А — невымолвленное *три* (оно-же и раз и два!) — мы зависим от эмиграции и ее ругать нельзя. Скажи бы так — обиды бы не было, — да и сейчас нет! — много чести — но есть сознание обычного везения и — презрение к очередным "Числам".

А стихов — мало, что даже не попросили, а на вопрос: будут ли в газете стихи? — Нет. — Раскрываю: Ладинский.

Словом, мой очередной деловой провал. Вырабатывать (NB! будь я не я или, по крайней мере, хоть лошадь не моя!) могла бы ежегазетно франков полтораста, т.е. 300 фр[анков] в месяц.

Перекоп лежит, непринятый ни Числами, ни Волей России, ни Современными (NB! Руднев — мне: "у нас поэзия, так сказать, на задворках"). Мóлодец (франц[узский]) лежит, — свели меня с Паррэном (м. б. знаете такого? советофил, Nouv[elle] Revue Franç[aise] — женат на моей школьной товарке Чалпановой, — читала-читала, в итоге

оказывается: стихов не любит (**NB!** ТОЛЬКО СТАТЬИ!) и никакого отношения к ним не имеет (только к статьям!). Так и ушла, загубив день. — Встреча была где-то в 19-ом arrond[issement], на канале.

Вещь к[отор]ую сейчас пишу — все остальные перележит.

А дела на редкость мрачные. Все сразу: чехи, все эти годы присылавшие ежемесячно 300 фр[анков], пока что дали только за январь и *когда* дадут и дадут ли — неизвестно. Д. П. уже давно написал, что помогать больше не может, — не наверное, но почти, или по другому как-то, в общем: готовьтесь к неполучке. Вере С[увчин]ской (МЕЖДУ НАМИ!) он потом писал другое, т.е. что *только боится, что не сможет*. А терм 1-го апреля и не предвидится *ничего*. Мирские деньги были — квартирные. Просто — негде взять. С газетой, как видите, сорвалось, сватала Перекоп Рудневу — сорвалось, Мόлодца — Паррэну и другим — сорвалось.

Поэтому, умоляю Вас, дорогая Саломея, *не называя меня* — действуйте на Д. П. Без этих денег мы пропали. Если бы он категорически отказался, но этого *нет*: "боюсь, что не смогу" — пусть не побоится и сможет. (**NB!** этого не сообщайте, вообще *меня* не называйте, просто скажите, что я — или мы (**NB!** он больше С. Я. любит!) в отчаянном положении, что я сама просить его не решаюсь, — словом, Вам будет виднее — *как!*).

Этот несчастный терм (1-го апреля) — моя навязчивая мысль.

— Единственная радость (не считая русского чтения Мура, Алиных рисовальных удач и моих стихотворений — за все это время — долгие месяцы — вечер Игоря Северянина. Он больше чем: остался поэтом, он — стал им. На эстраде стояло двадцатилетие. Стар до обмирания сердца: морщин как у *трехсотлетнего*, но — занесет голову — все ушло — соловей! Не поет! *Тот* словарь ушел.

При встрече расскажу все как было, пока-же: первый мой ПОЭТ, т.е. первое сознание ПОЭТА за 9 лет (как я из России).

Обнимаю Вас, дорогая Саломея, умоляю с Мирским.

Бровь моя так и осталась с лысиной, т.е. я — полуторабровой.

МЦ.

ГОВОРЯ С Д. П. НЕ УПОМИНАЙТЕ НИ О КАКОЙ ВЕРЕ.

P. S. А вдруг Вы уже вернулись и с Д. П. говорить не сможете? Дни летят, Ваше письмо — только что просмотрела — от 20-го, и Вы пише-

те, что Вы уже две недели в Лондоне. Посылаю на Colisée в надежде, что перешлют.

(...)

17-го марта 1931 г.

Дорогая Саломея!

(...)

Очень рада, что пришелся Мур, Вы ему тоже пришлось.

(Выходя: — понравилась? Он *грубым голосом*: "Вообще — милая".
А вообще женщин без исключения — не переносит).

Перекоп сдаю (на авось) в воскресенье. На очереди "Gars" (Muselli).

Хотите повидаемся на следующей неделе? М. б. соберемся с С. Я., он очень хотел бы Вас повидать.

Целую Вас.

МЦ.

Машиной играет весь дом.

Медон, 31-го мая 1931 г., Троицын день

Дорогая Саломея,

Все в порядке и большое спасибо и большое простите — не писала из-за вечера, который — слава Богу — уже за плечами.

До последней минуты переписывала рукопись "История одного посвящения", где, не называя Вас (ибо не знаю как бы Вы отнеслись, если ничего не возражаете, в *печати* назову — вещь пойдет в Воле России), где не называя Вас, защищала и Ваше (посвящение) от могущих быть посягательств и присвоений.

Вечер прошел с полным успехом, зала почти полная. Слушали отлично, смеялись где нужно, и — насколько легче (душевно!) читать прозу. 2-ое отд[еление] были стихи — мои к М[андельшта]му, где — между нами — подбросила ему немало подкидышей — благо время прошло! (1916 г. — 1931 г.!) (Он мне, де, только три, а ему вот сколько!) А совсем закончила его стихами ко мне: "В разноголосице девического хора", — моими любимыми.

Денежный успех меньше, пока чистых 700 фр[анков], м. б. еще подойдут, — часть зала была даровая, большая часть 5-франковая,

”дорогих” немного. Но на кварт[ирный] налог (575 фр[анков]) уже есть — и то слава Богу. Хотя жаль.

Да! Георгия Иванова (автора лже-воспоминаний – "Китайские тени" – уже вышли отдельной книгой) на вечере не было, ибо – en loyal ennemi – приглашения не послала, но Г. Адамович (близнец) был и – кажется – доволен. С. Я., сидевший рядом с ним, слышал его ремарку: "Нападение *номер два*". (По-моему – хорошо).

С. Я. Вас очень приветствует и тоже по Вас соскучился. А Мур упорно и терпеливо ждет приглашения. Автомобиль жив.

Медон; 7-го сен[тября] 1931 г.

Сердечное (и как всегда — запоздалое) спасибо.

Rose! o reinster Widerspruch! Lust

Rose! o pure conradiction! Joie
 Volupté)

Правда похожа на персидское: и роза, и краткость, и смысл.
Пишу хорошие стихи, свидимся почитаю.

Мои внешние дела ужасны: 1-го терм — 1200 фр[анков], и у меня *ничего* ибо с М^олодцем (франц[узским]) в Commerce'e сорвалось, а очередной № Воли России с моей прозой о Мандельштаме (3 листа — 750 фр[анков]) просто *не* выходит, и возможно что не выйдет вовсе. С. Я. тщетно ищет места. — Не в Россию же мне ехать?! где меня раз (на радостях!) и — два! — укутут. *Я* там *не* уцелею, ибо негодование — моя страсть (а есть на что!)

Саломея милая, у Вас нет последнего № с исповедью Мирского? Если да — пришлите, мне он необходим хотя бы на час.

Вера разошлась с П. П. и сейчас где-то на Юге, у сестры Д. П., куда уехал и он. У меня по поводу всего этого — *свои* мысли, не-веселые.

Аля в Бретани, лето у меня каторжноватое, весь день либо черная работа либо гулянье с Муром по дождю под непрерывный аккомпанемент его рассуждений об автомобиле-(б)лях) — марках, скоростях и пр. Обскакал свой шестилетний возраст (в ненавистном мне направлении) на 10 лет, надеюсь, что к 16-ти — пройдет (выговорится! ибо не молчит ни секунды — и все об одном!)

Целую Вас. . .

М.

Meudon (S. et O.)
2, Av. Jeanne d'Arc
10-го сентября 1931 г.

Дорогая Саломея,

Наши письма — как часто — разминулись (встретились).

А сейчас пишу Вам вот по какому делу: приехал из Берлина — работать в Париже — известный в России художник Синезубов (ряд картин в Третьяковке и в петербургском Музее бывш[ем] Алекс[андра] III), преподаватель Вхутемаса (московск[ое] Училище Жив[описи] и Ваяния) — вообще quelqu'un. Я его *хорошо* знаю с России.

И вот, французы приписали ему в паспорте "sans possibilité de renouvellement" визы, к[отор]ая истекает 20-го Октября. *Он в отчаянии*, ему сейчас 38 лет — и с 18-ти рвался в Париж. Я его хорошо знаю, он никакой не большевик, просто — художник, и — страстный художник.

Из разговоров выяснилось, что ему принадлежит последний портрет Татьяны Федоровны Скрябиной, сестры Шлецера, портрет который он тогда же в Москве подарил Марии Александровне Шлецер, матери Татьяны и Бориса Федоровичей, она должна это помнить, но Б. Ф. может этого не знать. (Г. Ф. писал уже умершей). Не помог ли бы ему Б. Ф. с визой? И — может ли? Есть ли у него связи с французами? Наверное-же?

Его мать тогда предлагала Синезубову за портрет и деньги и любую вещь на выбор, — он конечно ничего не взял.

Он — *абсолютно*-благороден, я за него ручаюсь во *всех* отношениях. Ему *необходимо* помочь.

Так вот: не сообщите ли Вы мне адрес Б. Ф. и не поддержите ли моей просьбы? Вас он ценит и любит, а Вы мне верите.

Столько бед вокруг, милая Саломея, что забываешь о своих. Целую Вас.

МЦ.

Meudon (S. et O.)
2, Avenue Jeanne d'Arc
16-го сентября 1931 г.

Дорогая Саломея,

Прежде всего — в ответ на Ваше "и совсем не чувствую себя счастливой" —

На свете счастья нет, но есть покой и воля — воля, которую я, кстати, всегда понимала как волю волевою, а не как волю-свободу, как, нужно думать, понимал сам Пушкин — и которой тоже нет.

Во-вторых: милая Саломея, ну и зверски-же Вы молоды и зверски-же счастливы, чтобы этот *порядок* вещей: совсем не чувствовать себя счастливым — чувствовать *непорядком* вещей!

Очень Вас люблю и — что́, если не гораздо больше, то (у меня) гораздо реже: Вы мне бесконечно-нравитесь. (Лестно — на шестом году знакомства?)

Но — в чем дело с не-совсем-счастьем или совсем-не-счастливостью?

От души хочу Вас видеть — и давно, но — дела у нас сейчас (и давно!) такие, что нет ни на что, живем заемами (займами?) в 5 и 10 фр[анков], в городе я не бываю никогда, предоставляя прогонные С. Я., которому нужнее — ибо ищет работы и должен видеть людей.

[...]

Надеялась на Commerce (франц[узский] Молодец) и на Волю России (История одного посвящения) — Commerce не взял, а В[оля] России встала — и сдвинется ли? Дело в том, что печатай я то, что пишу — мы приблизительно могли бы жить. Но меня не печатают нигде — что же мне делать?!

Нынче утром послала на Ваш адр[ес] письмо Мочульскому с вот какой просьбой: он друг переводчика Шюзвилля, а Шюзвиль участник некоего из[дательст]ва Bossard и кроме того знал меня 14 летней

гимназисткой в Москве (я тогда писала французские стихи, а Шюзвиль — кажется — русские), словом Шюзвиль *всячески* ко мне расположен, но к сожалению "трусоват был Ваня (*Jean Chuzeville!*) бедный", боится "новых" стихов, — так вот мне нужно, чтобы Мочульский замолвил слово за моего Молодца, напирая не на его левизну, а народность (эпичность). Я сейчас обращаюсь за помощью ко всем, есть даже целый план моего спасения (NB! я как тот утопающий, который с берега смотрел как *его же* спасают — честное слово! полное раздвоение личности) — С. Я. Вам этот план сообщит, ему вообще очень хочется и нужно с Вами повидаться — сообщите когда.

А с Д. П. угадали — *кажется* женится и (пока что) на Вере, во всяком случае С[увчин]ские разошлись и В. у сестры Д. П. где-то на юге.

Пишу хорошие стихи.

До-свидания, дорогая Саломея. . .

В пятницу у меня будет Синезубов, передам ему все относительно Vogel'я и паспорта, огромное спасибо. Вы его спасаете.

Целую Вас.

МЦ.

Clamart (Seine)
101, Rue Condorcet
12-го августа 1932 г.

Дорогая Саломея, видела Вас нынче во сне с такой любовью и такой тоской, с таким безумием любви и тоски, что первая мысль, проснувшись: где-же я была все эти годы, раз так могла ее любить (раз, очевидно, так любила), и первое дело, проснувшись — сказать Вам это: и последний сон ночи (снилось под утро) и первую мысль утра.

С Вами было много других, Вы были больны, но на ногах и очень красивы (до растравы, до умиленности), освещение — сумеречное, все слегка приглашено, чтобы моей тоске (ибо любовь — тоска) одной гореть.

Я все спрашивала, *когда* я к Вам приду — без всех этих — мне хотелось рухнуть в Вас, как с горы в пропасть, а что там делается с душою — не знаю, но знаю, что *она* того хочет, ибо тело-самосохранение. — Это была прогулка, даже променада — некий обряд — Вы были окружены (мы были разъединены) какими-то подругами (почти — греческий

хор) — наперсницами, лиц которых не помню, да и не видела, это был Ваш фон, хор, — но который мне мешал. Но с Вами, совсем близко, у ног, была еще собака — та серая, которая умерла. Еще помню, что Вы превышали всех на́-голову, что подруги — охранявшие и скрывавшие — скрыть не могли. (У меня чувство, что я видела во сне Вашу душу. Вы были в белом, просторном, ниспадавшем, струящемся, в платье непрерывно создаваемом Вашим телом: телом Вашей души). Воспоминание о Вас в этом сне, как о водоросли в воде: *ее* движения. Вы были тихо качаемы каким-то морем, которое меня с Вами рознило. — Событий никаких, знаю одно, что я Вас любила до такого иступления (безмолвного), хотела к Вам до такого самозабвения, что сейчас совсем опустошена (переполнена).

Куда со всем этим? К Вам, ибо *никогда* не поверю, что во сне ошибаются, что сон ошибается, что я во сне могу ошибиться. (Везде — кроме). Поручкой — моя предшествующая сну запись: — Мой любимый вид общения — сон. Сон — это я на полной свободе (неизбежности), тот воздух, который мне необходим, чтобы дышать. *Моя* погода, *мое* освещение, *мой* час суток, *мое* время года, *моя* широта и долгота. Только в нем я — я. Остальное — случайность.

Милая Саломея, если бы я сейчас была у Вас — с Вами — но договаривать бесполезно: Вы меня во сне *та́к* не видели, поэтому Вы, *эта*, меня *ту* (еще *ту!*) навряд ли поймете. А та — понимала, и если сразу не отвечала, когда и где, если что-то еще длила и отдаляла, — то с такой всепроникающей нежностью, что я не отдала бы ее ни за одно *когда* и *где*.

Милая Саломея, нужно же чтобы семь лет спустя знакомства, Вам, рациональнейшему из существ — я, рациональнейшее из существ...

Если бы я сейчас была с Вами, я наверное — ни радио, ни семилетие знакомства, ни явная нелепость сна при свете дня — *rien n'y tient!* — достоверно — знаю себя! — врылась бы в Вас, зарылась бы в Вас, закрылась бы Вами от всего: дня, века, света, от Ваших глаз и от собственных, не менее беспощадных. — Сознание (иногда): неузнавание, незнание, забвение.

Саломея, спасибо, я после нынешней ночи на *целую* тоску: целую себя — богаче, больше, *дальше*.

Дико будет читать это письмо? Мне еще не дико его писать. Мне было так естественно его — жить.

Саломея, у меня озноб вдоль хребта, вникните: наперсницы, греческий хор, обряд ложно-классической променады, мое ночное видение Вас — точное видение Вас О. М[андельшта]ма. Значит прежде всего *поэт во мне* Вас такой сновидел, значит — правда, значит Вы та и есть, значит та — Вы и есть. Не могут же ошибиться двое: один во сне, другой на яву. (Двух поэтов, как вообще ПОЭТОВ (множественного) нет, есть *один*: он все тот же).

Нынче ночью Вы были точным лицом моей тоски, так давно уже не заимствовавшей лиц: ни мужских, ни женских. И — озарение: ах, вот почему тогда, семь лет назад Д. П. С[вятополк]-М[ирский] не хотел нас знакомить. Но — откуда он взял (знал) меня — ту, не ночующую даже в моих стихах, только в снах, которых ведь он — не знал, меня в которых ведь — не знал: меня — сновидящую. А как был прозорлив в своей ревности (за семь лет вперед!) и как дико неправ — ибо так, так, так любить как я Вас любила в своем нынешнем сне (так — *невозможно*!) — я никогда не могла бы — что, его! — никого, ни одного его, ни на каком яву. Только женщину (свое). Только во сне (на свободе).

Ибо лицо моей тоски — женское.

Милая Саломея, это письмо глубоко-беспоследственное. Что с этим делать в жизни? И если бы я даже знала что — то: что с этим сделает жизнь! (И вот уже строки: Сознатье? Дознатье

— и дальше:

Дознатье сознанья

— и еще:

До-знание (наперед-знание), обратное дознанью (post-fact'ному, т.е. посмертному), игра не слов, а смыслов — и вовсе не игра.

Мне сегодня дали прочесть в газете статью Адамовича о стихах, где он говорит, что я (М. Ц.) хотя и хорошо пишу, но — *ничей путь*. Саломея! он совершенно прав, только это для меня не упрек, а высшая хвала, т.е. правда обо мне, о правде поэтов сказавшей: *"Правда поэтов — тропа, зарастающая по следам"*. Так и моя (сонная, данная) правда о Вас, правда меня к Вам когда-нибудь зарастет, но я нарочно не иду, стою посреди своего сна как посреди леса, спиной ощущая, что та — Вы (ТЫ — ВЫ!) еще там (здесь).

Саломея, Вы сухи, Вы сплошная сушь (кактус) и моя сушь по сравнению с Вашей — подводная яма. Я никогда, ни разу за все семь лет не видела Вас что-нибудь до самозабвения любящей, но раз я Вас, именно Вас, без всякого внешнего повода, о Вас не думая и даже —

забыв — Вас такой видела, *та́* Вы *есть*, другая Вы — есть. Иначе вся я, с моими стихами и снами, *ничего* не стою, вся — мимо.

Кончаю в грозу, под такие же удары грома, как внутри, под встречные удары сердца и грома, под такие же молнии, как молния моего прозрения — Вас: себя к Вам. Ибо — оцените такт моего сердца, хотя и громового — Вы меня во сне вовсе не так любили (так любить двоим — нельзя, места нет!)

Clamart (Seine)
10, Rue Lazzare Carnot
12-го Октяб[ря] 1933 г.

Дорогая Саломея,

Огромное спасибо — и все, как нужно. [. . .]

2) С. здесь, паспорта д[о] с[их] п[ор] нет, чем я глубоко счастлива, ибо письма от отбывших (сама провожала и махала!) красноречивые: один все время просит переводов на Торг-Фин (?), а другая, жена инженера, настоящего, поехавшего на готовое место при заводе, очень подробно описывает как ежевечерне, вместо обеда, пьют у подружки чай — с сахаром и хлебом. (Петербург).

Значит С. остается только чай — без сахара и без хлеба — и даже не-чай.

Кроме того, я решительно не еду, значит — расставаться, а это (как ни грыземся!) после 20 л[ет] совместности — тяжело.

А не еду я, п[отому] ч[то] уже раз *уехала*. (Саломея, видели фильм "Je suis un évadé", где каторжанин добровольно возвращается на каторгу, — так вóт!)

3) Веру Сувчинскую выдаю постоянно, но непдробно. Живет в городе, в Кламар приезжает на побывку, дружит с неизменно-еврейскими подругами, очень уродливыми, которые возле нее кормятся (и "душевно" и физически), возле ее мужских побед — ютятся ("и мне перепадет!"), а побед — много, и хвастается она ими, как школьница. Свобода от Сувчинского ей ударила во все тело: ноги, в беседе, подымает, как руки, вся в непрерывном состоянии гимнастики. Больше я о ней не знаю. Впрочем есть жених — в Англии.

4) Я. весь день *aller-et-retour* с Муром в школу и из школы. В перерыве зубрежка с ним (или *его*) уроков. Франц[узская] школа — прямой идиотизм, т. е. смертный грех. *Все* — наизусть: даже Священную

Историю. Самое ужасное, что невольно учу и я, все в перемежку: таблицу умножения (к[отор]ая у них *навыворот*), грамматику, географию, Галлов, Адама и Еву, сплошные отрывки без связи и смысла. Это — *чистый бред*. Наши гимназии перед этим — *рай*. ВСЕ НАИЗУСТЬ.

Писать почти не успеваю, ибо весь день раздроблен — так же как мозги.

Кончаю большую семейную хронику дома Иловайских, *резюме* которой (система одна со школой!) пойдет в Совр[еменных] Записках, т.е. один обглоданный костяк.

Вот моя жизнь, которая мне НЕ нравится!

Аля пытается устроить свои иллюстрации, дай Бог, чтобы удалось, дела очень плохие.

Мне нравится Ваше "неудержимо-старее", в этом больше разлету, чем в теннисовой ракетке, к которой ныне сведена молодость. Точно *Вы* "старость" оседлали, а не она Вас. Милая Саломея, разве Вы можете состариться?! И если бы Вы знали, как мне с "молодежью" скучно! И — глупо.

Обнимаю Вас, спасибо, — и, по системе Куз: — "Все хорошо, все хорошо, все хорошо".

МЦ.

Clamart (Seine) 10, Rue Lazzare Camot
6-го апреля 1934 г., Страстная пятница.

Христос Воскресе, дорогая Саломея!

(Как всегда — *опережаю* события и — как часто — начинаю со скобки).

А Вы знаете, что у меня лежит (по крайней мере — лежало) к Вам неотправленное письмо, довольно давнишнее, сразу после моего Белого сгоряча успеха — и горечи, что Вас не было, т.е. сознания, что я утратила для Вас свой последний смысл.

Но так как основа моей *личной* природы — претерпевание, даже письма не отправила.

А сейчас пишу Вам, чтобы сердечно поблагодарить за коревую помощь, о которой мне только-что сообщила Е. А. И[звольская] — и окликнуть на Пасху — и немножко сообщить о себе.

Начнем с Мура, т.е. с радостного:

Учится блистательно (а ведь — французский самоучка! Никто слова не учил!) — умен — доброты (т.е. чувствительности: болевой) — средней, активист, философ, — *я en beau et en gai*, я — без катастрофы. (Но, конечно, будет *своя*!) Очень одарен, но ничего от Wunderkind'a, никакого уродства, просто — высокая норма.

Сейчас коротко острижен и более чем когда-либо похож на Наполеона. Пастернак, которому я посылала карточку, так и пишет: — Твой Наполеонид.

.....

С. Я. разрывается между *своей* страной — и семьей: я *твердо не еду*, а разорвать двадцатилетнюю совместность, даже с "новыми идеями" — трудно. Вот и рвется. Здоровье — среднее, т.е. все та же давняя болезнь печени. Но — скрипит.

А я очень постарела, милая Саломея, почти вся голова седая, вроде Веры Муромцевой, на которую, кстати, я лицом похожа, — и морда зеленая: в цвет глаз, никакого отличия, — и вообще — тьфу в зеркало, — но этим я совершенно не огорчаюсь, я и двадцати лет, с золотыми волосами и чудным румянцем — мало нравилась, а когда (волосами и румянцем: атрибутами) нравилась — обижалась, и даже оскорблялась и, даже, ругалась.

Просто — смотрю и вижу (и даже мало смотрю!)

Главная мечта — уехать куда-нибудь летом: четыре лета никуда не уезжали, Мур и я, а он — *так* заслужил. ("Мама, почему мы ездили на море, когда я был ГРУДНОЙ ДУРАК?!")

Со страстью читает огромные тома Франц[узской] Революции Тьера и сам, на собственные деньги (десять кровных франков) купил себе у старьевщика не менее огромного Мишлэ. Так и живет, между Мишлэ и Микэй.

Е. А. И[звольская] пишет, что Ваша дочь выходит замуж. Как все это молниеносно! Помните ее розовые и голубые *толстые* домотканые платья, к[отор]ые потом носила Аля?

[. . .]

Обнимаю Вас, милая Саломея, спасибо за память и помощь.

МЦ.

Мы опять куда-то переезжаем: куда?? (До 1-го июля — здесь)

Среда, каж[ется] 18 апреля 1934 г.

Дорогая Саломея!

Итак, будем у Вас, — Мур и я — в пятницу к 12 ч. 30 — 1 ч... А Аля, если разрешите, зайдет к Вам в другой раз, — мне гораздо приятнее повидаться с Вами наедине, вернее: приятность здесь не при чем, а просто, когда два говорят (а говорить будем *мы*, п[отому] ч[то] *мы*, Вы как и я, *не* — говорить не можем!) — итак, когда двое говорят, а третий слушает — нелепость. А Мур — не третий, п[отому] ч[то] не только не слушает, но — не слышит: читает книжку или ест.

Итак, до после-завтра. Наконец.

Обнимаю Вас, люблю и радуюсь.

МЦ.

Мур Вас помнит и тоже очень радуется.

3-го марта, понед[ельник].

Дорогая Саломея! [. . .] не могли бы ли Вы на следующей неделе в любой вечер кроме четверга позвать меня с Дю-Боссом, мне это до зарезу нужно из-за Мблодца, которого сейчас перевожу — стихами, на песенный лад, для Гончаровских иллюстраций, уже конченных. С Дю-Боссом я раз виделась у Шестова, и он меня помнит, — часто спрашивает обо мне у Извольской. Позвать к себе не решаюсь — очень уж беспорядочно, да и Мур не даст поговорить.

Говорю не о текущей, а о следующей неделе. Днем не могу из-за Алиных занятий.

Целую Вас, еще раз спасибо.

ДВА ПИСЬМА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ К Д. РЕЗНИКОВУ

Публикация В. Лосской

Когда Марина Цветаева с детьми уехала из Чехословакии во Францию, ее на первое время взяла к себе Ольга Елисеевна Колба-сина-Чернова. Ольга Елисеевна была тогда разведена и жила в Париже с тремя дочерьми: близнецами Натальей и Ольгой и младшей, Ариадной. Ольга Викторовна впоследствии вышла замуж за Вадима Леонидовича Андреева, Наталья Викторовна за Даниила Георгиевича Резникова, а Ариадна Викторовна за Владимира Брониславовича Сосинского.

Из всей семьи ныне здравствуют Наталья Викторовна Резникова, живущая под Парижем, и Владимир Брониславович в Москве.

Даниила Георгиевича Резникова Марина Цветаева очень ценила как литературного критика и любила с ним говорить о литературе. А дочь Марины Цветаевой, прочитав позднее письма матери к нему, сказала, что у нее есть письмо Цветаевой, в котором она отзывается о нем весьма нелестно. Но это известный в биографии Цветаевой факт: у нее бывали добрые чувства и иногда большая дружба с человеком, о котором она могла какому-нибудь корреспонденту написать очень зло.

Любят говорить, что в первый период жизни Марины Цветаевой в Париже вокруг нее было три рыцаря, три жениха трех сестер Черновых. Она выбрала себе самого красивого и достойного внимания и всеми силами старалась завлечь его, пользуясь своими стихами, умом и всей своей женской и поэтической прелестью. В письмах к Д. Г. Резникову отражаются и тоска по неудавшейся любви к герою "Поэмы Конца", и потребность делиться своими скорбями. Они являются ярким свидетельством требовательности Марины Цветаевой к людям и ее своеобразного отношения к дружбе и любви.

Наталья Викторовна Резникова разрешила письма к ее покойному мужу напечатать, а также помогла составить вступление и примечания к ним.

Первое письмо написано на голубой бумаге (приблизительный размер 21/27) без обращения. Адрес на конверте: Monsieur D. Resnikov, 73 bis rue Thibaud, Paris 13-e.

Второе письмо написано на сложенном вдвое листе белой бумаги такого же размера, на обороте конверта дан обратный адрес: M. Zwetaeva-Efron, S-t Gilles sur Vie (Vendée), Av. de la Plage. Ker Edouard.

Кроме старой орфографии, все особенности орфографии и пунктуации Марины Цветаевой соблюдены.

В. Л.

О случае с В., на который не сразу ответила.¹

Я не верю, что, зная меня, можно любить другую. Если любит, значит не знает, значит не знала (не могла бы любить).

Короче: человек *могущий* любить меня, не может любить другую. И — еще более — обратно. Исключительность ведь не только в исключении других, но и в исключенности из других. Меня в других нет.

Можно любить до меня, и после меня, нельзя любить одновременно меня *и*, но даже дружить, еще менее — дружить. Этого никогда не было. Доказательство моей правоты — меня М А Л О любили.

Тем что Х не перестает любить свою жену, он мне явно доказывает, что я бы не могла его любить. Предвосхищение достоверности.

Трагическая любовь (я люблю, он нет) — либо незнание меня, либо незнание *мое*. (Знал бы — любил бы, знала бы — не любила бы). То-есть недоразумение.

Нedorазумение тоже может быть трагичным.

Другой ее вид (он любит, я нет) также не для меня. Ибо если он *любит* (не возле, не около, меня в упор, именно меня, здесь обману нет) — я конечно его люблю — кто бы он ни был, каков бы он ни был, то есть: и кто и каков уже определяются этой любовью. Любовь ко мне есть любовь к целому ряду явлений и сама по себе — *явление*. Всех не любящих меня (в с е г о в одном) я сужу и миную. А если не миную (губы, руки) то все таки сужу и, уверяю Вас! — не себя (за слабости!) какая слабость? Еще одна проба силы — *сил*.

Вас тогда не было, а я была. Жаль. Хотя бы потому не прекращайте, что почти единственная возможность видаться. Дома у меня по настоящему нет, есть, но меня в нем нет.

— — — Как хорошо Вы тогда сказали про С-ма: кукушка.² Где кукушка — там и сказка, там и песня, и я в своей долгой дружбе — права. С негодяем дружить нельзя, с кукушкой — можно. Любить даже.

Я из сплетен о Вас — волшебное плетиво: не у проститутки — а у сороки-воровки (пух, мех, золото, гнездо), — на содержании у сороки-воровки.

Хотите, 30го, в предпоследний день старого года? Приезжайте к 6 ч. (можно и к 5 1/2) пораньше поужинаем, поедем в Ваш мон-

парнасский³ (*Узнайте программу!*) Деньги есть, не заботьтесь.

30ое, по моему, четверг. Во всяком случае — 30го. Проводим, начерно, год. Не запаздывайте!

До свиданья. Тот ветер еще дует.

МЦ.

27 Декабря 1926 г., понедельник.

S-t Gilles sur Vie,

25 Mars 1926 г.

Милый Дода,

Я не так самонадеянна, и, если бы Вы даже сказали: все (место), первая протянула бы: ли? (все — ли?) Нет, столько не надо, когда все это беда. Подумайте, Ваше место-занято, Вы без местопребывания, Вы вытеснены, Вас нет — что Вам, что мне от Вас остается? Что мне — знаю: ответственность!

Любить другую и дружить со мной, это я сама выбрала (*la part du lion*). (Любовь — *la part du tigre*).

Очень рада была бы, если бы Вы летом приехали. (Кстати, где будете?) У нас целая бочка вина — поила бы Вас — вино молодое, не тяжеле дружбы со мной. Сардинки в сенях, а не в коробках. Позже будет виноград. Чем еще Вас завлечь? Читала бы Вам стихи.

Что пишу? Две вещи сразу.¹ Вторую почти кончила, впечатление: от чего-то драгоценного — но осколки. (Дода, это чудно! Вы пишете "Поэма Молчанья", а я прочла "Мычанья".² Помните, как он мычит? Мычал, п. ч. — увы — уже в прошлом: написала одно письмо и, пиша, чувствовала: из последних жил!) Нет, Дода, не он герой! (Вы не верите в поэмы без героев? Впрочем сама не верю...

Впрочем, сама виновата...)

Рада, что хорошо встретились с моей поэмой Горы (Герой поэмы, утверждаю, г о р а). Кстати знаете ли Вы, что мой герой Поэмы конца женится, наверное уже женился. Подарила невесте свадебное платье (сама передала его ей тогда с рук на руки — не платье! — героя), достала ему *carte d'identité* или вроде, — без иронии, нежно?, издалека. — "Любите ее?" — "Нет, я Вас люблю". — "Но на мне нельзя жениться" — "Нельзя" — "А жениться непременно нужно". — "Да, пустая комната... И я так легко опускаюсь". — "Тянетесь к ней?" — "Нет! Наоборот: даже отталкиваюсь". — "Вы с ума сошли!"

Ужинали вместе в трактирчике "Les deux frères". Напускная решительность скоро слетела. Неожиданно (для себя) взял за руку, потянул к губам. Я: "не здесь!" Он: "Где — тогда? Ведь я женюсь." Я — "Там где рук не будет."

Потом бродили по нашему каналу, я завела его на горбатый мост, стояли плечо в плечо — Вода текла — медленнее чем жизнь. Дода, ведь это стоит любви? И почему это "дружба", а не любовь? Потому-что женится? Дружба, я просто больше люблю это слово. Оттого — "дружу".

Здесь два мира: море и суша, именно суша: ни деревца. Моря я и не пытаюсь любить, чтобы любить море, чтобы быть в праве его любить нужно быть или рыбаком или моряком,³ поэт — здесь — несостоятельность.

Море, эту отдаленность чувствуя, подлизывается ко мне всеми своими волнами.⁴

До свиданья, Дода, пишите мне хотя бы изредка.

Жаль, что не Вы о "Поэме горы". Но друзей роднить — не должно.

В четверг будем встречать С. Я., которого вы все что-то уж слишком долго провожаете (один праздничный обед уже пропал, пришлось, с болью сердца, съесть).

Наши места — места Жилия де Ретца⁵

МЦ.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо 1.

1. Случай с В. О чем речь, выяснить не удалось.
2. "про С-ма": имеется в виду Марк Львович Слоним.
3. "монпарнасский": Кино. Марина Цветаева очень любила кинематограф, да и вся семья как будто с удовольствием ходила смотреть фильмы. Известно, например, что, вернувшись в Россию, Сергей Яковлевич писал в одном письме сыну: "Я очень скучаю по французскому кино". Он тогда хотел дать понять о тяжелых условиях своей новой жизни в СССР.

Письмо 2.

1. "две вещи сразу": В мае Марина Цветаева закончила поэму "С моря", а в июне "Попытку комнаты". В июле она уже заканчивает поэму "Лестница".

2. "мычання": намек на игру в семье Цветаевой с Черновыми, главным героем которой была Аля, тринадцатилетняя дочь Цветаевой, в шутку считавшаяся теленочком, говорившая и писавшая письма на языке "тэле". Сергей Яковлевич тоже "мычал по-телячьи". Было принято говорить "тот Сергей Яковлевич", который всегда неприятно себя вел; это было грубое лицо, в отличие от "этого Сергея Яковлевича", который был "хороший". Марина Ивановна тоже вступила в эту игру: теленок делал всякие глупости "из гнусности", а Аля была умница-девочка.
3. О нелюбви к морю Марина Цветаева писала во многих письмах. Ее фраза о любви к морю рыбака напоминает сравнение критика с сапожником, в статье "Поэт о критике", законченной в январе того же 1926-го года.
4. Пример образности цветаевского стиля, напоминающий разные описания рояля в рассказе "Мать и Музыка".
5. Жилем де Ретцем тогда увлекалась дочь Марины Цветаевой. Жиль де Ретц известный маршал Франции в XV веке, учинивший множество преступлений и может быть послуживший прообразом Синей Бороды в сказке Шарля Перро.

Кроме писем, у Натальи Викторовны Резниковой хранится отпечаток Поэмы Конца с надписью Марины Цветаевой:

Даниилу Георгиевичу Резникову — защитнику заведомо правого дела.
МЦ

Париж
Рождество 1925 г.

На последней странице отпечатка, толстым синим карандашом, рукой Марины Цветаевой дан следующий перечень ее произведений с датами:

Царь Девица 1920
На Красном коне 1921
Переулки 1922
Молодец 1923
Поэма Горы 1923
Поэма Конца 1924
Крысолов 1925.

Судьбы России

Судьбы русской церкви

МУЧЕНИКИ XX ВЕКА

СЕСТРА МАРИЯ

Православное сестричество при московском храме Святой Софии

*Не нам, не нам, а Имени
Твоему дай славу.*

*Человеку дана власть пре-
творять воду земной жизни в
молитву.*

Предисловие составителя

Данная публикация непосредственно примыкает к работе "Православные братства" (ВРХД № 131) и является необходимым дополнением. Необходимо сказать несколько слов о самой сестре Марии. Юной девушкой она приехала из Рязани в послереволюционную Москву в поисках "красоты". Сначала она посещала храм Афонского подворья, а затем храм в Кадашах, где и познакомилась с будущим духовником и организатором сестричества о. Александром Андреевым. Краткая биография этого исповедника и новомученика приложена к воспоминаниям. Когда указом св. патриарха Тихона о. Александр был переведен в храм Св. Софии, сестра Мария последовала за ним. Позже, в 1972 году, она вспоминала: "Я стояла на левом клиросе. Меня исповедовал наш о. Иоанн (еще из времен Софийской эпопеи), и в этот день (29 сентября) празднуется и София, Премудрость Божия. И в этот день, пятьдесят лет назад, наш батюшка о. Александр получил этот приход, и мы, сестры церковные, вошли в этот храм, как в обетованную землю". Сестра Мария осталась на всю жизнь одна — такова была воля о. Александра. Он так и сказал: "Можно тебя выдать замуж, но ты будешь нужна Церкви". И в этом он не ошибся. Долгие годы, вплоть до своей смерти (в 1980 г.) сестра Мария, получив медицинское образование, не только помогала людям переносить физические

скорби, но врачевала и духовные недуги. Об этом рассказывают выдержки из ее писем "духовной другине". Духовное содружество, в которое входили в основном женщины, сумело сохранить и донести до наших дней пламень веры, глубокую христианскую культуру, а самое главное – любовь не только к людям, но и к нашей страждущей, изнемогающей отчизне. Именно этим самоотверженным женщинам мы обязаны теми потрясающими свидетельствами веры и исповедничества, которыми были так богаты 20–30-е годы. Именно они сохранили и донесли до нас эти бесценные факты. Они воспитали поколение верующих, приходивших учиться у них доброте, трезвости и умению любить. Незадолго перед смертью сестра Мария в письме пишет: "Когда-то митрополит Тихон сказал обо мне: "Смирение есть, а дерзновения нет". Дерзновение также необходимо. Читаю ваше письмо – вы пишете, что "мало сделано". Об этом мы не можем судить сами. "Сейте разумное, доброе, вечное", а когда взойдет, не знаем, – сеют весной, а всходит только осенью. "Мне хотелось, чтоб где-нибудь на свете хоть огонек остался от меня". "Свеча сгорает, но она светит всем в доме". (письмо, 1976 г.).

Жизнь сестры Марии сгорела, как свеча, в служении Христу. Так она и писала: "Любить людей можно только через Христа – призму. Всех тогда можно пожалеть". И свет этого жертвенного горения доходит и до нас в ее воспоминаниях. В качестве приложения, в стремлении дополнить ее облик, публикуются письма 60–70-х годов. Приношу глубокую благодарность двум людям, способствовавшим появлению этих воспоминаний – О. В. и Г. Ж. Без их участия эта работа не могла бы появиться на свет.

Н. Шеметов*
январь 1982 г.

* Автор этой публикации, Николай Шеметов (род. в 1904 г.), мирно скончался этим летом в Москве. В 30-х – 40-х годах он был близок к церковной группе "непоминающих". Последние годы жизни он посвятил собиранию материалов о новых российских мучениках.

На Софийской набережной, во дворе, удачно изолированная от городских зданий высотным домом и с боков каменным забором, стоит церковь — Св. Софии Премудрости Божией. С улицы ее заслоняет высокая колокольня, красиво гармонирующая с башнями Кремля. Внутри дворика справа и слева два палисадника с зелеными кустарниками. Здесь-то и служил с 1924 г. священник о. протоиерей Александр Александрович Андреев, 1901 г. рождения.

В юности он познакомился с владыкой Тихоном (Оболенским, архиепископом Уральским) в Вознесенском монастыре на Сретенке. Очевидно, был у него иподиаконом. Отец Александр в то время очень привязался к архиепископу Тихону. И когда владыка Тихон поехал в свою епархию, он взял с собой и юношу Александра.

В Уральске о. Александр получил богословское образование под руководством владыки Тихона. Владыка Тихон считал возможным рукоположить его в сан священника, когда ему исполнился 21 год. О. Александр был неженатый — celibat.

В 1922 г. в сентябре, перед Воздвижением, владыка Тихон и батюшка были вынуждены выехать из Уральска в Москву. Вл. Тихон поселился в Голиковском пер. (около Климентовской церкви), а батюшка стал служить вторым священником в церкви "Воскресения Словущих" в Кадашевском пер. До него в этой церкви служил о. Николай Смирнов, который любил устраивать паломничества с прихожанами по монастырям, расположенным в окрестностях Москвы. В Кадашевской церкви было организовано сестричество по обслуживанию храма и практиковалось общенародное пение. Во главе стояли сестры. В то время сестричества существовали во многих церквях Москвы. Устраивались беседы-агапы с сестрами в храмах.

В 1923 г. я жила в Климентовском пер. на Пятницкой и посещала храм Афонского подворья на Полянке. Часто в ожидании службы сидела на могилке о. иеросхимонаха Аристокля. Моя родная мать,

недавно умершая, часто писала письма на подворье, испрашивая совета у о. Аристокля, когда он еще был жив. Теперь же приходило много народу на его могилку помолиться и взять песочек.

И вот там я познакомилась с одной женщиной. Это знакомство стало для меня весьма значительным. Ее звали — Вера. Когда-то она окончила гимназию, но держалась странно, как блаженная. Ее сестры были совсем светскими людьми. От нее они отвернулись, т. к. она их компрометировала простым бедным одеянием. Не помню наших разговоров, но послушать ее было о чем. Афонское подворье вскоре было закрыто, и некуда было главу преклонить, найти отраду душе.

И вот Вера встречает меня как-то на Пятницкой утром и спрашивает: "Ты куда теперь ходишь, раба Божия? Сходи в храм в Кадашах, там батюшка хороший".

Я спросила:

— Чем же он хорош? — Монах?

— Нет.

— Проповедник хороший?

— Нет. Выше проповедника и монаха. Приди и увидишь.

Меня заинтересовали ее слова. Пошла в одно из воскресений в Кадаши. Дело было Великим Постом. Шла вечерня. И вот вижу, ходит по храму со свечой и кадилом священник, казавшийся немолодым, хотя и без бороды. И мне это живо напомнило изображение Архангела Серафима со свечой и кадилом, которое видела на стене одного храма в Рязани. У батюшки негустые волосы пепельного цвета развевались в стороны от быстрого хождения по храму.

Сестры в белых косынках пели. Электричества не было, и стоял полумрак. После службы вся церковь подходила к батюшке под благословение, и каждый о чем-то говорил с ним. Подошла и я. Вереница людей тянулась к нему, как к архиерею. И от этой благоговейной обстановки повеяло таким благодатным теплом, что когда пришла домой, не хотелось ничего говорить, мои домашние даже удивились, что я молчу. Глубокой необъяснимой тишиной напалась душа — никому не захотелось уходить из этого храма.

Вспоминаю одну матушку, которая искала монастырь, где бы ей устроиться. Объехала много монастырей и пошла за советом к опытному духовнику. Он сказал ей: "Если придешь в монастырь и почувствуешь радость, там и оставайся". Она так и сделала. Осталась в этом монастыре, долго там жила, и была даже избрана игуменьей.

Вся наша квартира: хозяйка Ольга В., ее дочь А. и еще две девушки — тоже стали бывать в Кадашах. В храме они тоже находили утешение. Наступил Великий Пост 1923 г., мы все исповедовались

у батюшки. И после исповеди я испытала большую радость, которой прежде никогда не испытывала, разве только после посещения Оптиной пустыни в 1918 г. Там тоже узнала тишину — радость и какую-то сверхмирность, не только после посещения последнего старца о. Анатолия, но и от всей обстановки. Тогда мне было 19 лет, но я выстаивала ночные службы и мечтала, чтобы они не оканчивались. Хорошо, благодатно было в Оптиной — чудное пение, прямо ангельское. После Оптиной дома трудно было прийти в себя. Глаза смотрели поверх людей.

Возвращаясь к Кадашам: хозяйка наша и ее дочь стали приглашать батюшку домой. Он долго не соглашался, потом пришел. Эти посещения были для нас большой радостью, более того — праздником.

Мы узнали, что батюшка кончил мещанское училище (теперь в этом здании Горный институт) и получил звание бухгалтера. Далее познакомились с жизнью храма. Узнали, что по воскресениям в притворе (верхний храм в Кадашах имел большое помещение при входе в храм) устраивались беседы-агапы (в первые христианские времена они назывались "вечери любви"). Сестры, сидя на полу, пели духовные стихи из Лепты, изданные митр. Макарием Московским. Например: "Господи помилуй, Господи прости", "О, дивный остров Валаам, рука Божественной судьбы", "О преп. Серафиме" и т. д. Помню из этого стихотворения: "Радость моя! Он твердит: Не скорби. Ибо все в мире сокровище бренное, нашей душе не заменит Христа". Эти вечери сближали сестер со своим пастырем. О нем заботились сестры, и в приходе полнокровно текла жизнь.

В 1924 г. святейший патриарх Тихон перевел о. Александра в храм Святой Софии настоятелем. Тут развернулась его талантливая натура во всю мощь. Он наладил общенародные пения. Во главе стояли сестры, которые перешли из Кадашей, и новые.

Однажды сестра В. Ф., обходя вечером храм с батюшкой, указала ему на заброшенную левую сторону колокольни и сказала: "Вот вы хотели поселить где-нибудь постоянных сестер для обслуживания и уборки храма". Ему эта мысль пришла по душе. Это было 23 июня (день памяти святого Василия Рязанского). На другой же день пришел знакомый архитектор, осмотрел помещение и сказал, что здесь можно устроить два этажа. Составили план — получалось две комнаты. Вверху сводчатое помещение, годное для хорошей спальни, а внизу — для столовой. Внизу, в большом подвале, была еще утварь, которая тоже пригодилась.

В притворе храма толклось тогда много нищих. И вот батюшка задумал по воскресениям, после литургии, кормить их горячим

обедом. Устроили в подвале печку, вмазали два котла. Прихожане в течение недели собирали и приносили кто что мог: картофель, пшено, хлеб. Ночью сестры чистили картошку и варили кашу. Часто приходилось кормить в две смены. А после обеда поили чаем с сахаром — был самовар, и в кружках разносили чай. Потом они — нищая братия — украли самовар и лишили себя сладкого чая.

Когда отделали помещение наверху, батюшка стал присматривать, кого бы из сестер поселить в общежитии. Пришла монахиня Т. из закрытого Зачатьевского монастыря. Она стала алтарницей. Потом приходящая сестра (она не нуждалась в помещении) вела хозяйство, готовила обеды. Потом ее назначили комендантом церковных зданий, находящихся под охраной музея памятников старины. У нее была своя домовая книга и личная печать домоуправления. Она имела право прописывать.

Милая сестра Людмила — такая тихая, добрая, так все глубоко, правильно понимающая, стояла у ящика, продавая свечки. Ни разу я не слышала от нее наставления, сама она — воплощение кротости, ко всем ровная и тихая. Две сестры работали в государственных учреждениях. У них не было своей жилой площади. Я стала учиться в медицинском техникуме (по предсказанию дивеевской Марии Ивановны — "сестры Екатерининской больницы"). Я помогала стегать одеяла матери Т. и пела в церкви. Так что день был заполнен, иногда ходила звонить — это было неизъяснимо хорошо. И всю эту красоту мне было дано изведать. Жить под Крестом, в колокольне; над нами был храм во имя иконы Божией Матери "Взыскание погибших". Была еще одна сестра, седьмая, пожилая, очень просилась в общежитие. Она умела шить.

Батюшка приходил в общежитие после каждой службы, пил чай и беседовал с сестрами. * Сам он жил в колокольне, в ризнице.

Все, о чем говорилось, трудно и невозможно вспомнить. Но всегда было радостно.

Хочется описать один примечательный эпизод. Как-то раз сидели мы с сестрой Еленой С. в колокольне малого храма и общивали золочеными нитками буквы к плащанице Божией Матери ко дню Успения — "В Рождестве девство сохранила еси". Вдруг открывается дверь и входит батюшка в белом подряснике, неся в руках икону Божией Матери. Остановился на минуту в дверях и осенил нас иконой.

* Писанного устава в сестричестве не было, но жизнь сестер, по предписанию о. Александра, строилась на трех основаниях: молитве, бедности и делах милосердия.

С тех пор икона эта стала мне особенно дорога. Оказывается, эту икону батюшке подарил художник-реставратор Василий Баранов, который списывал ее с Владимирской Богоматери в Третьяковской галерее. Он, как художник, имел туда доступ. Лик списан со Владимирской Богоматери. Но руки Ее обнимают Младенца, как у иконы "Взыскание погибших", и Она с покрытой головой. Иконы "Взыскание погибших" бывают двух видов: одни покрытые, а другие — раскрытые. Эта икона — с покрытой головой.

Икону батюшка потом поставил в общежитии на разножке, т. к. потолок в спальне был сводчатый и нельзя было повесить ее на стену. И было нам послушание: по часу в ночь каждая сестра читала псалтирь перед этой иконой. Получилось так, что разножка стояла против моей кровати. Конечно, нужно было вставать ночью в разное время. Зато потом, в течение дня, бывало очень светлое и радостное настроение. Иногда приходящие сестры ночевали у нас, чтобы почитать ночью псалтирь, так как говорили, что у них тоже после чтения днем бывает благодатное настроение.

У нас на колокольне была хорошая библиотека. Батюшке предложил один еврей купить за 5 000 руб. книги из Оптиной, которые должны были пойти на обертки. Батюшка был ему очень благодарен. Были богослужебные книги, Минеи и творения св. Отцов: Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова. Даже слова, речи, поучения, например, Иннокентия Херсонского (Борисова). Мне пришлось их разбирать и укладывать на стеллажи. Иногда читала, трудно было оторваться. Запомнилось мне слово на Великую Пятницу Иннокентия Херсонского перед плащаницей — очень короткое, но емкое. Точно не помню, но смысл такой: "Что я могу говорить, когда Само Слово во гробе молчит..."

Там были маленькие Евангелия на славянском языке. Батюшка их многим раздавал со своей подписью и сноскою из Евангелия. Мне он написал: "Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Аз упокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь, яко кроток есмь и смирен сердцем. Иго бо Мое благо, бремя легко есть. И обрящете покой душам вашим", — с подписью духовный отец А. Андреев.

Конечно, каждый такой стих соответствовал состоянию человека, которому он предназначался. Потом некоторые видели в этом как бы предсказание.

После ареста батюшки церковь вскоре закрыли; куда пошла библиотека, не знаю. Там обосновался "Союз безбожников". Церковь маленькая, с лепными украшениями, мраморный белый иконостас, очень красивая. Построенная купцом Харитоненко в память исцеления

его дочери от болезни ног. Туда сестры собирались в 12 часов дня, пели канон Божией Матери, а маленькая иконка была с правой стороны, которую держали ангелы во весь рост на своих руках. Она пропала потом, когда церковь закрыли, а некоторые иконы удалось перенести в церковь Ризоположения.

Институт, в котором я училась, переводился в Ленинград. Меня исключили по анкетным данным, и я осталась на улице, не имея ни материальных средств, ни специальности. Общежития же для сестер в церкви еще не было. Накануне того дня, когда я узнала о своем исключении, владыка Тихон и батюшка с сестрами должны были уехать в Саров, поэтому я была в полном отчаянии. Ехать домой я не могла, так как отец только что ввел в дом мачеху. Вдруг по дороге от храма мученика Трифона встречаю сестру В. Ф. Видя меня плачущей и в таком отчаянии, она велела мне сейчас же бежать к владыке Тихону, так как отъезд в Саров перенесен на "сегодня". Я побежала к трамваю, хотя в кармане у меня не было ни копейки, и вдруг кто-то меня окликает. Оказался один знакомый, который приехал из Рязани и привез мне от отца деньги. Это было, конечно, чудо. Помог мученик Трифон, у которого утром я искала помощи. Так и получилось — св. мученик Трифон — скоропомощник.

Я бежала в чем есть — в летнем платье, без верхней одежды. Это был май 1924 года. Успела взять билет, и вот уже еду в Саров. Некогда было горевать и обдумывать, как быть дальше и куда деваться. Так неожиданно удалось побывать у мощей преп. Серафима, во святых местах, в пустыньках, на источниках. Вода на источнике очень холодная, прямо-таки обжигает. Потом хочется окунуться еще раз. Тогда там еще были купальни. Вода, конечно, благодатная. Потом ходили к тамошней блаженной Марии. Странное существо. Там их было трое. Одна умирала — приходила вторая. Параскева, так называемая Паша Саровская, прозорливая. Потом Пелагея и Мария, у которой я и была. Она меня встретила со словами: "А-а, сестра Екатерининской больницы. . ." А я тогда была ничто и сказала об этом. "Тогда иди в Понитаевку, там палатя широкие, места тебе хватит". И действительно, исполнилось то, что она предсказала. Я поступила по приезду в медицинский техникум и получила потом звание медсестры.

По приезду из Сарова батюшка начал строить намеченное общежитие. И наша спальня была, как "палатя", и мне хватило места. Так, с Божьей помощью, все устроилось. Владыка Тихон и батюшка пробыли в Сарове целый месяц до Троицы, и мы с ними. Были в лесу. Впечатление от леса благодатное. Как будто в храмходишь: ведь в нем стоял и молился преп. Серафим на камне.

Потом мы с владыкой Тихоном и батюшкой поехали на лошадях за 50 верст в Дивеевский женский монастырь. Поклонились могилам матери Александры — первой игумении монастыря, матери Елены (которой преп. Серафим сказал: "Умри за брата, он мне нужен"), схимонахини Марфы (очень рано скончалась в схиме). Ходила по знаменитой дорожке, которую, по преданию, рыл сам преп. Серафим ночью, или только начал, а потом рыли сестры-монахини.

Забыла описать наружность блаженной Марии. На ней была цветная кофта и яркий цветастый сарафан. Непокрытая, с седыми короткими волосами. И что-то вязала. Говорили, что творит в это время Иисусову молитву. И еще она мне сказала: "Мать Дорофея, дай ей просфорочку. Она сделает себе ладанку".

Пение в монастыре было красивое, доходящее до души. Пасхальный канон пели на мотив рождественского канона. Потом мы так же пели в своей церкви. Рано утром сестры собирались в храме и пели антифонию: то одна сторона, то другая.

Приехав в Москву, батюшка устроил такое же моление в 4 часа ночи и в нашем храме с сестрами.

Потом батюшке предложили участок на Клязьме, через нашего хозяина, у которого мы раньше жили на квартире. Там у хозяина была дача. Я раньше бывала у них и в окно всегда любовалась на березки. Этот участок оформили на двух церковных сестер, так как батюшка не мог взять на себя. И начались опять замыслы: построить дачу для детей. Он ездил с прихожанами, чтобы купить в районе сруб. Был построен дом, дача с мезонином, окнами на "восток". Обнесли высоким забором, затем выбрали место, где копать пруд. Столбы для забора батюшка сам ставил и рыл ямы, помогали сестры и мужчины-прихожане. Когда дача была готова, назначил освящение (говорили, что под основание дачи мощи положил) как раз в день иконы Божией Матери "Боголюбской". И поэтому называли это местечко — Боголюбивое. Начали понемногу рыть пруд. Некоторые прихожане приезжали, чтобы пожить здесь с детьми и отдохнуть. У батюшки была родная мать Елена, брат — 14-го года рождения и сестра-девица, Елизавета. Все были очень благочестивые. Они пользовались поддержкой старца о. Исаи с Афонского подворья. Брат, Борис, по примеру старшего не женился и в 18 лет принял сан диакона в Рязани. Елена умерла от кровоизлияния после Отечественной войны. А Елизавета недолго жила — умерла вскоре после смерти матери.

Родная семья не занимала много времени у батюшки: "Кто мне мать, сестра и братья?" У него была своя, церковная, любящая семья.

Матери он помогал материально, но так, чтобы "нужду чувствовала". Лизочка всегда была около о. Исаяи, работала бухгалтером, и ее все очень уважали и любили на работе.

В Рязани, где ему пришлось жить после ссылки, он как-то сказал: "Здесь мне тоже удалось сколотить семью".

Но он скучал по своему первому детищу. Всегда при появлении батюшки всеми ощущалась большая радость, трудно было отойти от него. Я перед ним чувствовала всегда благоговение и страх. Он несомненно владел даром "духовнического прозрения" и необходимой для духовника "благодатью". Вел себя как "власть имущий". Как-то говорит мне с укоризной: "Ну, на что ты способна? — а потом добавляет: — разве только Богу молиться..." После этих слов на меня налетела какая-то тень, но потом смирилась с тем, что терпят такую неумеху только ради того, что могу Богу молиться.

Моя подруга А. тоже пригодилась нашей общинке. Она все умела делать. Поехала она к батюшке, когда его выслали из Москвы в 1929 году на три года. И очень пригодилась ему в чужом городе. Мы так были рады ее решению.

А когда батюшка вернулся, то заехал на несколько часов к матери. Мама разрешила мне повидать его. Я поклонилась ему в ноги. А он и говорит: "Ближние мои были далеки от меня, а далекие близки". Значит, он нас и там не забывал.

Как-то я дала ему почитать мой дневник, который вела с 12-летнего возраста. Очень наивный, и писала почему-то я после свадеб наших многочисленных родных. Всегда прихожу после них домой и плачу, что-то нет веселья и радости. А в дневнике записала: "Но что-то должно случиться". И потом сердце почувствовало — случилось, я обрела покой и радость, которых никогда не было. Батюшка написал на обложке: "Продолжай жить так, чтобы везде и во всем была "Слава Богу".

Потом я поняла, что этот покой и безмятежность получила по молитвам батюшки и по данной ему благодати, как духовного отца, а не по своему усердию.

* *
*

Вскоре у меня началась переоценка всех ценностей, попала под сомнение "школа" батюшки. Как ни странно, но после всего виденного началось осуждение. Этому способствовали и внешние причины.

Как-то брат мой ехал в Рязань и зашел ко мне. Я все бросила и поехала с ним. Я почувствовала в себе пустоту и отсеченность от всего, что питало корни моей души.

Приезжаю домой, в семью, тепло, сытно, уютно, все рады. Живу день, другой, третий. В церковь не хотелось, ходила просто по привычке. Но странно: все казалось там чужим и холодным. Диакон выходит с кадилом на амвон — очень странно. Зачем он это делает?! Дальше — больше. Я лишилась сна, и неприятно было оставаться дома одной, уходила по делам мачехи вместе с ней. Она была хорошим человеком. К счастью, у меня не было аттестата об окончании медицинской школы, чтобы устроиться на работу в больницу. Тогда бы трудовая лямка волей-неволей не дала опомниться и разобраться в себе как следует. Начала одолевать тоска. Пишу письмо близкой мне сестре, чтобы она приложилась к иконе Божией Матери около моей кровати — "Взыскание погибших", которую я почитала. А она пишет, что икону эту батюшка взял в свою келью и молится перед ней. "Как дает тебе Бог чувствовать его (батюшки) действия?"

Наконец, я истосковалась дома в уютной и сытой обстановке. А раскаяния не было. Казалось, что была права во всем. Стою как-то раз в церкви. Конец службы. Запели "Буди имя Господне благословенно". Со мной что-то случилось непонятное. Промелькнуло в уме: "Пусть Имя Твое будет благословенно". Грешны мы. И я бух на колени со слезами, в тесной толпе, хотя многие уже выходили из церкви.

Потом я разобралась в себе. Это было первое благодатное осенение.

Живу дальше. Зачем живу — не вижу смысла, но хочется кому-то отдать себя — послужить. Когда-то была знакома с человеком, который к этому времени приехал в Рязань. Я знала, что раньше он интересовался мной. Моя родная тетя (сестра моей умершей матери) решила выдать меня замуж, даже приехала сама. Им и раньше не нравилось, что живу как-то непонятно, хотя эта тетушка всегда говорила маме: "Не жизненная у тебя дочь..."

Посидела я с ним, поговорила — и чувствую такую же пустоту, как и у меня. Пошли в кино. Я и раньше бывала в Большом театре, в других хороших театрах, но в кино не ходила. И так было весело. Мы расстались с ним без всяких излияний, когда он уезжал.

Потом он прислал письмо, в котором говорил, что ценит меня, как "чистоту хрустала", но он — антрацит, и ему нужна такая же. Получив письмо, горько заплакала — больно уколото было самолюбие. А на самом деле — "Как хорошо Господь хранил меня. Отказываются от меня люди". Значит, с замужеством покончено. Чем

жить? Поеду-ка опять в Москву "искать красоту в жизни". Буду ходить в театры! В семье лишняя — здесь другая хозяйка, да и тяжело дома после недавней смерти матери. Вот наступает день памяти священномученика Трифона. Он был всегда скорым помощником. Поехала в Москву, сначала 2-го февраля в Перово. Потом решила навестить родные места, оглядеться.

4-го февраля пошла к Софии в новом пальто, в шляпе, опущенной на глаза, решила, что меня не узнают. В этот день праздник иконы "Взыскание погибших". Восковые свечи горят в паникадилах, хор поет чудно. Батюшка ходит с тарелкой по храму. Я встала на колени у Креста.

Батюшка прошел мимо. Его ряса коснулась моих ног. При выходе некоторые сестры узнали меня. Поговорили. С ними ничего не случилось. Они ходят в храм, как всегда. Потом я пошла к обедне туда же. После службы пригласила к себе молоденькая сестра, которая меня уважала, показывала свои стихи — как бы на приходской праздник. Сестры, конечно, сказали батюшке, что я была в храме.

Прихожу на чай к этой сестрице. Оказывается, они ждут батюшку с иконой Божией Матери "Взыскание погибших". Как всегда, в этот день он обходил некоторых сестер.

Сестра дает мне прочесть ответ на мое письмо самого батюшки с подписью "Старшая сестра Андреева". В чем-то он укорял: "И пусть это будет горчичником к твоим легким выводам. ... На людей надо смотреть сквозь призму Христа, тогда все темное будет светлым... Ты пишешь, что то было раннею весною, когда все казалось в розовом свете... Мы верим, что ты вернешься, когда уже не покажется, а появится ярко-пурпурный день светлого Христова Воскресения..."

Читаю и ропщу на батюшку, поскольку почитаю себя невиновною. И вдруг стук в дверь: "Можно войти?" Услышав его голос, задрожала. Уткнулась в подушку, как в лихорадке. Он сразу начал служить молебен Божией Матери. После окончания все приложились к маленькой иконочке — и подносят ко мне. Сижущая обессиленная и беззвучно шепчу себе: "Нехорошо, встань, приложись. Ты же ведь не виновата". Продолжая сидеть, вижу, как батюшка сам подносит икону и, наклонившись к уху, говорит: "Мария! Есть падения, есть и восстания". Что-то меня пронзает в этот миг с головы до ног и, опустившись на колени, прикладываюсь к иконе. Со мною творится что-то невероятное. Нарыв, гноившийся в сердце в последнее время, вдруг исчезает, и мне становится легко, как никогда до этого. Но я была в том же состоянии, о котором упоминает Евангелие в притче о бесноватом, который, исцелившись, сидел в изнеможении у ног Спасителя. Батюшка, наверное, понял, что сотворил со мной "чудо".

— Садитесь скорей все к столу, — говорит хозяйка.

Я села около батюшки. Он стал рассказывать, как украсил икону серебряным венчиком с камушками:

— Я украсил Небесную Марию, а Она вернула в мой букет земную Марию.

Потом объяснил все происшедшее со мной.

— Ты потеряла контакт с духовным отцом, а только он может примирить нас с Богом.

Через некоторое время батюшка оставил нас, попросив меня с Н. зайти к дяде Петру (дядя Петр работал истопником в нашем храме и всегда любил со мной поговорить).

После ухода батюшки опять навалилась на меня тьма Вифанская. Сестра Н., видя мое состояние, стала торопить меня. Одевшись, отправляемся к Петру. Он встречает меня в сенях, стоя на коленях. Пройдя в комнату, увидели прихожан нашей церкви, друживших с дядей Петром. После беседы все отправились провожать батюшку к нашей Софии Премудрости Божией. Шла всю дорогу рядом с ним, испытывая необыкновенную легкость. По дороге он говорит:

Если хочешь спастись, должна вернуться в общежитие и быть около меня.

Эти слова вызвали воспоминание о недавних поисках красоты в мире, в театре и в светской литературе. Я попыталась возразить.

— А хочешь, — говорит батюшка, — я буду тебя провожать? Книжки ты сможешь брать у о. Константина — у него большая светская библиотека...

“Как это он будет меня провожать?” — подумала я с сомнением.

Подходим к храму, батюшка приглашает в свою комнату. Входит и в изнеможении валится на кровать; сажусь у него в ногах.

— Мария, — спрашивает батюшка, — чего же ты от меня хочешь?

— Батюшка, я хочу, чтобы Вы были святым.

На это он мне ничего не сказал. Немного отдохнув, мы отправились в гости. По дороге он говорит:

— Только одна подушка знает, сколько слез я пролил...

В общежитие мы вернулись поздно, сестры были рады, увидев меня.

На следующее утро мы встретились у дверей его комнаты. Он сказал:

— Если ты уйдешь, то года через два пожалеешь об этом...

А через два года, в 1929 году, его уже не было с нами. Все пережитое за время жизни среди сестер сделало меня все более устойчивой в многообразных жизненных ситуациях. Пришлось жить на даче с

одной из сестер, вдали от батюшки. Батюшка считал, что так будет лучше для нашей безопасности. Как-то утром, проходя мимо, тихо сказал:

— Будешь работать.

Я не поняла, к чему это относится, и даже не переспросила. А вечером того же дня, отпуская сестру-хозяйку (у нее была своя комната и она не прописывалась в общежитии), сказал:

— Восстану рано и узриши мя, а А. И. не узрит меня.

И действительно, придя утром, она нашла батюшкину комнату в большом беспорядке, и его уже арестовали. Какое же самообладание нужно было, чтобы, все предчувствуя, спокойно покинуть всех, никого не будоража.

Вечером того же дня приходит к батюшке за благословением близкий ему М. Батюшка ему и говорит:

— Подожди. Со мной поедешь.

А сам пошел отдохнуть в один дом, где ему всегда были рады. М. остался ждать его возвращения в столовой общежития. Поздно вечером батюшка торопливо влетает в комнату и говорит:

— Я собирался отдыхать, а меня уже зовут.

Пришедшие за батюшкой, увидев, что М. здесь человек не случайный, забрали и его. Так и поехали батюшка и М. И хорошо, что в это время батюшка был не одинок. М., как Симон Киренянин, разделил его скорбь.

Через месяц М. выпустили, а еще через три месяца батюшке дали вольную высылку на три года в Кара-Каралинск. От нас поехала сестра-хозяйка — деловая, инициативная женщина. Она жила без семьи, и все было доступно ее рукам. Вспоминается, что в начале нашего знакомства с батюшкой мы однажды с этой сестрой подошли под его благословение. Я, стоя у нее за спиной, невольно услышала:

— Прощаются грехи ее многие за то, что возлюбила много...

Эти слова были ее характеристикой. За каждое дело она бралась с жаром, с большим дерзновением, но в то же время почти не читала духовных книг и редко посещала храм.

Еще до ареста батюшка решил преобразить храм изнутри. Он привез позолоченный иконостас из закрытого монастыря (кажется, Симонова, там был маленький придел Пересвета и Ослаби), подняли амвон повыше, и алтарь засиял. Появились реставраторы, помню фамилию одного из них — Василий Баранов, а другой — Иван. Был художник гр. В. А. Комаровский. Он изобразил над средней аркой сюжет "О Тебе радуется всякая тварь", а на столбах, под аркою, ангелов в стиле А. Рублева. В трапезной штукатурка была вся сбита

и заменена новой. Батюшка работал целыми днями, всегда перепачкан в извести — спешил. . . Часто от усталости спал на лесах. Наконец, ремонт был закончен. Но, к сожалению, далеко не все планы удалось осуществить.

Богослужение в храме не прерывалось. И удивительно — чувствовалась прочная непрерывная нить между алтарем и молящимися, словно горел некий огонек, объединяющий всех.

Однажды посылает батюшка меня посетить одну семью. Пошла, стала беседовать с ними за чашкой чая на религиозные темы. А за стенкой — тонкой перегородкой — жила еще одна семья: молодые муж с женой и двое детей. Жена услышала разговор и спустя некоторое время приходит к о. А. с просьбой о крещении. Оказывается, муж и дети — крещенные, а она, еврейка, некрещеная. Батюшка дал согласие, и мы начали понемногу готовить ее.

Во время крещения наполнили водой большую кадку, сделали две маленькие лестницы, а чтобы она была сокрыта от глаз, сшили широкую белую тальму. По мере того, как она, поднявшись по лестнице, погружалась в воду, сестры натягивали тальму на кадку. Батюшка, совершая крещение, трижды погружал с головой новокрещаемую. А после крещения она зашла за ширму и получила белую сорочку со словами "Ризу мне подаждь светлу". Потом совершил миропомазание. Было очень красиво, когда она со свечой, в белой рубашке, в сопровождении крестной (мне пришлось быть ее крестной) и батюшки стала обходить вокруг купели с пением "Елицы в Христа креститесь...". Были постланы красные ковры, кружком стояли прихожане. До сих пор не могу забыть этой картины.

Часто по праздникам приходящие сестры собирались в общештении и пели стихи духовного содержания. Мне запомнилось, как плакал батюшка при исполнении некоторых из них. Он, наверное, знал о своей трагической преждевременной кончине. Может быть, и вл. Тихон говорил. Нам он никогда не намекал на это, — всегда держался бодро и весело.

Помню курьезный случай. Как-то мы сидели за столом и пили чай. Кроме батюшки за столом находился еще один священник — о. Г., пожилой и дородный. Во время чаепития со двора входит женщина и спрашивает:

— Где тут живет прозорливый батюшка?

Батюшка не заставил долго ждать с ответом и, указывая на рядом сидящего о. Г., говорит:

— Это он — прозорливый, а не я...

Все рассмеялись. Так она и не узнала, кто же прозорливый.

Среди прихожан были семьи, в кругу которых батюшка любил отдыхать в трудные минуты жизни. На именины хозяев собирались родственники и знакомые, а батюшка был самым желанным гостем. Его всегда ждали, и когда он наконец приходил, все оживлялись и радовались. Он обладал благодатной силой и всем приносил радость.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Краткие биографические данные о. А. Андреева

Протоиерей Александр Александрович Андреев родился в 1901 г. Был келейником епископа Тихона Уральского в г. Уральске. В 1922 году приехал с еп. Тихоном в Москву, и здесь, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы был рукоположен во иерея (целибат). Служил в Кадашах. В 1924 году переведен указом св. патриарха Тихона в храм Св. Софии, где и организовал сестричество. В 1929 году был арестован и выслан в Семипалатинскую область. В 1932 году получил направление в Рязань вторым священником. В 1936 году арестован и выслан в Мариинск, в особый лагерь. В 1937 году, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, расстрелян.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Митрополит Тихон (Оболенский) Уральский, член Собора 1917–1918 гг. В прошлом земский врач. О себе рассказывал следующий случай. Он был довольно индифферентным в отношении веры человеком. В период врачебной работы жил на квартире. В его спальне висела большая икона Божией Матери, которую хозяйка просила не снимать, и И. И. не возражал. Как-то в земской управе праздновали десятилетие его врачебной деятельности. Речь произносил председатель, благообразный старичок, который весьма положительно отзывался о земском враче, но сетовал на его религиозный индифферентизм. Во время банкета, желая утешить старичка, Иван Иванович сказал ему, что если бы он увидел реальность злой силы, то несомненно тогда поверил бы в существование Высшей силы. Старичок состоял в переписке с о. Иоанном Кронштадтским. Он написал ему и о земском враче и о его желании. Тот ответил краткой телеграммой: "Молюсь". После этого И. И. пришлось пережить нечто необычное. Вот как он рассказывал об этом: "Как-то поздно вечером я улегся в постель. Вдруг отворилась дверь и вошел некто серый, среднего роста. На меня повеяло ужасом. Он протянул руку с наме-

рением достать до меня. Но кровать поднялась и повисла в воздухе. Проскрежетав, он промолвил: "Нет, ты от меня не уйдешь". И вышел. Через мгновение он, необычайно выросший, уродливый, вновь вошел в комнату и потянулся ко мне. Я в ужасе возопил к Божией Матери: "Спаси меня!" Видение исчезло. (После этого И. И. съездил к о. Иоанну Кронштадтскому и получил благословение на рукоположение.) С тех пор, получив столь несомненное доказательство существования не только злой силы, но и Высшего заступления, я, пересмотрев свои прежние убеждения, являюсь христианином".

Митрополит Тихон, ввиду невозможности управления своей епархией, с 1922 года жил в Москве, был близок к патриарху Тихону. 1/14 апреля вместе с митр. Петром (Полянским) нанес визит в "Известия" для передачи завещания патриарха Тихона для публикации. Митрополит Тихон скончался в Москве в мае 1926 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Выдержки из писем сестры Марии

23. 7. 68 г.

... Пишу Вам в раздумии: значит любви, а взамен — клевета, вражда, зависть, непонимание. Но ты все равно иди за священным огнем — в Небесный Иерусалим — подобно некоему рыцарю-крестоносцу, который отправился в путь за священным огнем во всех рыцарских доспехах. На коне, в латах и с мечом, а обратно, чтобы спасти священный огонь, бросил коня и латы, и пробирался по ущельям, горам и пропастям земным. Эту легенду рассказал нам некогда Дм. Ев.* и я запомнила, она мне понравилась...

12. 8. 69.

... Вот большие, сильные люди, прекрасно образованные, ушли, и теперь их дело ложится на плечи слабым овечкам. "Сила Моя в немощи совершается". "Посылаю вас как овец среди волков".

... Вспоминается картина Крамского "Христос в пустыне". Кругом глыбы камней и булыжники. Возопиют ли когда камни? Проповедник Беда Слепой говорил скалам, и они ему ответили.

* Дмитрий Евгеньевич Мелихов, профессор, доктор медицинских наук, видный советский психиатр, сын рязанского священника, о. Евгения Мелихова, перед революцией вел кружок РСХД в Рязани, членом которого была и сестра Мария, дочь регента рязанского собора. Дружбу с Мелиховым, глубоко верующим, церковным христианином, она сохранила на всю жизнь.

Читаю переписанный акафист всем святым, в земле Русской просиявшим. Сколько их было! На том и стоит земля Русская. Сплошной тяжелый подвиг! А в мире сем ценят геройство. И опять они собрались, топают, идут среди злоречия. "Еще раз просить за народ".

4. 3. 70 г.

... И еще хочется поведать Вам те мысли, которые пришли на ум мне. Мысль моя напала почему-то на молитвенное призывание:

Премудрости Божия, София Преименитая!
Спаси ны грешныя рабы Твоя!

Велико назначение нового человека, пришедшего в мир. Он, одаренный способностью идти к духовному совершенству, предназначен участвовать в Божием домостроительстве — в создании Церкви Божией на Земле. А потому "человек, взятый в удел" промыслом Божиим ведется — "иным путем" в жизни. Он освобождается от "сродства своего" для духовного делания.

5. 5. 72 г.

... Утром пришли кое-какие мысли по поводу разговора накануне. Хочется от них отделаться, а то будут сверлить. По поводу З. Надо ей сказать, что не так-то просто размиришься со своим духовным отцом. Из личного опыта знаю, как благодать совсем отступила от меня, и наступила тьма, тоска, бессонные ночи и почти сумасшествие. И мой батюшка сказал: "Это оттого, что размирившись с духовным отцом, ты лишила себя благодати, потому что только духовный отец может примирить тебя с Богом. Он посредник — "кому отпустите, тому простятся", независимо от его достоинства или недостойнства. Ибо священники "бдят о душах ваших, да с радостию сие творят, а не въздыхающе, несть бо полезно вам сие" (ап. Павел). Поэтому у нее тоска, места себе не находит, и это привело ее к вам. Так, может быть, исцелится она от фарисейства и от ханжества. Христос ел и пил с мытарями и блудницами — спросите ее, как она на это смотрит. Может, и Христу выговор делает?

... Душа тоже наболела у него.* Он растет. Только найдите ему духовного отца сами. Думаю, это необходимо. А то что ж: слепой слепого поведет и оба попадут в яму. Надо же, чтобы и им, священникам, тоже кто-нибудь говорил слово со властью. Надо, чтобы и они, духовные отцы, соблюдали благость, чем богаты были старцы Оптиной пустыни. И З. надо принять, как заблудшую овцу, благостно, чтобы не изнемогло ее терпение. А духовным матерям тоже надо иметь эту духовную благость, я имею в виду Вас.

* речь идет о молодом священнике. З. — его жена.

... Далее, с П. вашим трудно. Там "гордость житейская". "Чтобы прославиться, поклонись мне, дам тебе эти царства". Нашей молодежи хочется сейчас быть сверхчеловеками. А Ивана Павлова Господь прославил за его веру на весь мир. Получил Нобелевскую премию за какую-то "плевую железку". Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

... Да, еще мне кажется, что М. Ф. выдерживает свое превосходство, как поставленная выше Вас. Но это схоластика без тепла, без благодости, это изъян в душе. Думаю я, это портит Божие дело. Время не терпит — некогда заниматься амбициями!

5. 8. 72

... Читаю биографию матери Марии Скобцовой — как она росла в своей внутренней жизни! Перестала судить мир, стремилась любить и помогать. Она поняла монашество, как материнство в отношении к миру. У нее умерла дочь, но материнство не умерло, оно переродилось ко всякому горю и беде.

1973 г.

... И в наш век бывают встречи — Господь посылает людей с особым обаянием, которое привлекает к ним всех. Эти личности везде, где бы ни появились, вносят в мир теплоту и любовь (о. Алексей Мечев). Они ходят среди опасностей. Такие люди — закваска, соль земли, знамение времени. Они удерживают мир в гармонии, в согласии.

Без даты

... Хотя Бог щедро наградил Вас талантами, но их надо возвратить в полной мере. И вот Господь опять зовет на делание Свое, на делание даже до вечера. И нет воцеленного покоя: приготовь душу свою вновь к искушениям. "Да не смущается сердце ваше и не усташается, в Бога веруйте и в Меня веруйте". Святые Божии человеки пишут, что причина сердечного смущения — неверие, а причина сердечного спокойствия и благодатного мира — вера. "Господи! Умножь в нас веру!" Слава Владыке, Который горькими врачествами приводит нас в возможность насладиться здравием. Спаситель в проповеди указал Своим ученикам на соль — она предохраняет от гниения. Благодатной солью осолены тела святых, и тление не коснулось их. Примером святой жизни выдвигается не высота подвига, а смирение праведника, умаление себя. Господь требует от нас не совершенства дел, а совершенства смирения. На будущем Суде и добрые дела будут испытываться, потому что, по словам Гоголя, бывает, что и "в добре нет добра".

. . . Действительно, наше содружество какое-то особенное, оно приносит пользу обеим. Конечно, никакой обиды у меня не может быть. Благодарю Создателя, что Он "балует" меня такими "другинями" и насыщает ум и сердце взаимным общением. Это — ни с чем не сравнимое счастье. Читала когда-то, что художник Кипренский перед смертью вопиял: "Друзей, друзей!" Наверное, их у него не было и он жаждал общения. "Жажду", — говорит с Креста Распятый. И Он нашел, утолил эту жажду — разбойник-убийца, вися на кресте, прозрел (непостижимо для меня), увидел Бога и произнес: "Помяни меня, Господи, когда приидеши во Царствие Твое". А ученые, книжники и фарисеи ничего не поняли. Все у них было от разума, а не от сердца. Я надеялась на улучшение вашего здоровья в последнее время и радовалась, что где-то на Арбате есть живая душа, которой я телепатически посылаю сигналы. Вы, наверное, их получаете, потому что неотступно думаю о вас. Только опять Ваши "вериги" с Вами, не снимаются. О. Николай Голубцов, помню, просил после болезни, чтобы писали ему приятные радостные письма. Он очень устал от скорбных эмоций, и сердце второй раз не выдержало — разорвалось. Вы тратьте свои силы помаленьку, рассуждая, для чего была послана эта скорбь человеку, а не "за что"...

СЕМЬ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ О РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ*

I

К. ЯКОВЛЕВ

Были ли в истории РПЦ времена, похожие на нынешнее время?

К сожалению, сегодняшнее положение РПЦ кажется мне совершенно подобным ее положению и сто, и двести лет назад. Во всех основных областях ничего не изменилось. Иерархия — так же, как и сто лет назад, благопослушна власти, в том числе и в церковных вопросах, она пассивна и не выполняет своего пастырского долга; белое духовенство по-прежнему ограничивается требоисправлением, сытоядением и так же игнорирует духовные интересы паствы и нужды Церкви. Миряне столь же христиански невежественны, обрядоверны, безынициативны. Как и сто лет назад, тут и там встречаются исключения, лишь подчеркивающие общий траурный фон. Вся новизна в РПЦ вызвана, увы, событием внешнего порядка: сменой власти. То положительное, что принесла эта смена — очищение от лицемеров — давно позади: выяснилось, что отнюдь не в отсутствии лицемеров залог здоровой жизни Тела Христова. Второе положительное явление — прекращение гнусного сожительства с псевдо-христианской властью — сведено на нет тем, что иерархия вступила в гнусное сожительство с властью анти-христианской.

Соответственно отвечаю на вопрос: "Если были (неблагоприятные, как ныне), то каким образом РПЦ смогла преодолеть и выстоять времена неблагоприятные?" — РПЦ ничего не выстаивала, тем более, не преодолевала. Она все — и царя, и советы — *перележала* наподобие куска теста (увы, без евангельских дрожжей), который ни смолоть, ни сжечь, ни вытоптать.

* Самиздатская анкета. См. первый ответ в "Вестнике" № 137.

В чем, на ваш взгляд, заключаются причины сегодняшнего положения Церкви?

“Сегодняшнее” положение длится уже лет триста. Сегодня — это часть целой эпохи, Нового Времени. Средневековые христиане поняли тщету пассивного ожидания Царства Божьего в катакомбах и попытались сами его построить, но забыли (не открыли, вернее) необходимые для этого условия. Люди нашей эпохи эти условия обнаружили — личность, творчество, свобода — но одновременно с отвращением отвергли Бога, замаранного средневековой ложью. Теперь строят Царство Божие без Бога. Современный мир считает христиан закорюченными в средневековье (что в целом верно), смеется над ними — и поделом, так как христиане сегодня разграничили Церковь от мира и в миру строят то же самое безбожное Царство. Если на Западе средневековое христианство рано переросли и почтительно, вежливо отодвинули, то в России его терпели дольше, за то и откинули резче, грубее, смелее. Сейчас русский народ в большинстве безрелигиозен, строит все то же царство брюха, и если поругивает верхи, то лишь за то, что брюхи набивают неравномерно.

Как вы оцениваете сегодняшнюю церковную ситуацию?

Перечислю, с чем РПЦ встречает свое тысячелетие:

1. изоляция Церкви от исторической жизни, оправдываемая антихристианской направленностью эпохи.
2. покорное принятие Церковью своей изоляции, что ничем оправдать нельзя.
3. прислужничество РПЦ перед антицерковной властью: конечно, Константину тоже прислуживали, но здесь Миланским эдиктом и не пахнет. На вооружение взята любимая пословица пропагандистов: “не до жиру, быть бы живу”; но что у них — жир, у нас — Бог.
4. расколотость сознания на общецерковном и личном уровне: теоретическое стремление к Царству Божьему, практическое строительство Царства безбожного.

Если, на ваш взгляд, обстановка неблагоприятна, что вы предлагаете?

Заявляю отвод слову “неблагоприятно”; для Церкви всегда “время благоприятно, час спасения”.

Я предлагаю понять: нельзя более спасение человека отделять от спасения мира; неблагочестиво бросить плуг до окончания сева и ждать, что Господь Бог засыплет в закрома зерно; кощунственно видеть Церковь как часть мира, а не наоборот.

Заведомо тушковые пути: стараться поддерживать статус кво; приспособливать Церковь к миру, бороться с миром его же средствами. Требуется: преобразить и Церковь, и мир. Задачи христиан в современном мире и пути решения были обдуманы и выяснены деятелями религиозного ренессанса начала века. То, что называют возрождением сейчас, это явление количественное и не столь уж многочисленное. Возрождение начала века было, напротив, процессом качественным. Оно шло в различных сферах — живопись, литература, философия — но определяющим было возрождение религиозно-философское, христианское. Деятели его, как в свое время св. отцы, сумели указать перспективу христианства в новой эпохе, способы сделать эпоху христианской. Общее направление их мысли: вобрать в христианство все положительное, что накопило Новое Время (и чем оно само не сумело воспользоваться в силу своего атеизма). Предупреждение: синтез христианства с новооткрытыми (но залегающими в Боге) ценностями личности, свободы, творчества был осуществлен на самом общем, высоком философском уровне. Сегодня наша задача не столько пережевывать сказанное, сколько переварить его, соответственно изменив свое поведение, большие и малые идеалы. Еще предупреждение: вливание в христианство нового не означает выливания старого. Слава Богу, христианство не бассейн из учебника арифметики.

Какова на сегодня роль мирян в Церкви? Священников? Епископов?

1. ИЕРАРХИЯ. Традиционно консервативная (чем и полезная) сила. Христиане каждой Церкви имеют ту иерархию, которую они заслуживают (порождают, даже в буквальном смысле). Сегодня иерархия в РПЦ пустое место, особых надежд на будущее тоже нет. Хотя семьдесят мужиков, не обремененных семьями, могли бы быть посмелее.
2. ДУХОВЕНСТВО. Занимает промежуточное положение, и к нему относится и выше- и нижесказанное. В целом верхи Церкви могут что-то сделать для Церкви лишь безотносительно своего чина, на общих основаниях.

3. МИРЯНЕ должны делать свою работу — да еще две трети того, что должны бы делать пастыри. Их роль решающая сегодня во всем: богослужбное обновление, богословие, философия, искусство, наконец, просто христианская жизнь — все на них. Мы имеем величайшую в истории РПЦ свободу пасомых, полное отсутствие промежуточных ступеней (и заслонов) между христианином и Христом. Увы, реализаций мало, и прежде всего скудна общинная жизнь — камень во главе угла.

Ваш взгляд на будущее РПЦ?

Будущее зависит, извините, от нас; без наших усилий Богу с Россией вообще и ее Церковью в частности не совладать. Надо, извините еще раз, Ему помочь. Для воодушевления советую помнить: во-первых, светильник Русской Церкви ничем не лучше светильника, к примеру, церкви Пергамской, и так же может погаснуть. От нас зависит, чтобы миссия русского христианства не оказалась исчерпанной в прошлом. Хорошо ли светильнику превратиться в скопление светляков на гнилушке? во-вторых, светильник РПЦ не может все время гореть на лампадном масле, пора подумать и об электричестве. В наши дни Христос непременно вручил бы умным девицам что-нибудь на батарейках. В-третьих, спасти христиан и окружающую их среду может лишь полный поворот в мозгах, тотальная переоценка ценностей на *всех* уровнях сознания.

II

Л. СИМОНОВСКИЙ

1. Как Вы оцениваете сегодняшнюю церковную ситуацию?

Не уверен, что должен "оценивать". Знаю ее мало, не вхож почти ни в какие "круги", не связан с влиятельными лицами в Патриархии и пр. Проще "оценивать" себя как человека "периферийного" и "маргинального" и излагать свое видение ситуации глазами такого человека. Оценивать ситуацию можно, если обладаешь евангельским духом и можешь сопоставлять ситуацию с Евангелием, ясно видя плоды преобладающего вида благочестия и не смешивая духовное со всякими социально-психологическими вещами, порожденными советской

ситуацией. Быть может, я к этому не способен; может быть и то, что еще не пришло время "оценивать" и судить. Важно все же знать, что у нас плохо, и уметь это называть своими именами. Попробую это сделать, заранее ограничиваясь тем, что обычно относят к "психологии". Ограничусь также констатацией связанного с личным опытом.

Что бросается в глаза любому, приходящему извне?

1. Разрыв поколений, взаимное непонимание и взаимное неприятие старшего и молодого поколений.

2. Непреодоленность социальных дистанций между, например, новообращенными интеллектуалами и народом, не получившим высшего нашего образования.

3. Непреодоленность межнациональных и межэтнических дистанций, например, между русскими и евреями.

4. Отсутствие всякой церковной работы по преодолению названных видов отчуждения, отсутствие сознания необходимости над этим работать.

5. Дистанции (психологические, идеологические, культурные и пр.) между приходами, отсутствие сознания необходимости преодолевать этот вид отчуждения. Не особенно терпимое отношение к "инаковости" жизни "у других", склонность делить братьев и сестер на "наших" и "не наших", отвергать или дискредитировать "не наших", обелять себя и "своих" и т. д. Отсутствие благоговения перед общиной, перед ближним, даже перед Церковью в целом. Принцип деления на "своих" и "чужих" редко когда может быть выявлен и сформулирован, чаще всего он зависит от обстоятельств, симпатий или антипатий данного дня, данного круга, данного лидера или претендента в лидеры. Границы между "своими" и "чужими" зыбки, никто не гарантирован от дискриминации в любом из "кругов", любой может оказаться то в одном, то в другом лагере, то добровольно, то вынужденно; есть и люди, которые везде "не совсем свои и не совсем чужие".

6. Отсутствие зрелой христианской общинности, неразвитость чувства принадлежности к общине и к Церкви, малая готовность к взаимопомощи и поддержке (это сразу видно, когда с кем-то случается серьезное — в виде отдельного события в личной или социальной жизни или в виде каких-то хронических неразрешимых проблем, когда не к кому обратиться с серьезной просьбой, не на кого опереться и пр.).

7. Неразвитость чувства миссии, служения в Церкви и мире, личного призвания к свидетельству Христа, Его слова и присутствия, Его прямого действия в жизни Церкви; отсутствие ясного сознания того, что обязуется брать на себя человек (помимо регулярного хождения в храм, соблюдения постов и пр.), если он воцерковляется.

8. Некая "солидарность в слабости", примиренность с тем, что в церковной жизни явно нет полнокровности, мало энергии, огня и света, не видно энтузиазма, примиренность со своей какой-то ущербностью, с отсутствием тех качеств, которые должны быть у учеников Христа, примиренность с тем, что в христианской жизни есть кое-какие явные и скрытые пороки, которые кажутся неустранимыми.

9. Слабая работа над собой, нежелание "взрослеть", отсутствие сознания того, что духовный рост каждого, общины и Церкви — это вопрос жизни и смерти; отсутствие ясного сознания того, что воцерковление — это начало новой, другой жизни, ведущей прямо в вечную жизнь, в Царство (и никак не меньше).

10. Некая черта, которую социологи называют "пессимизмом по отношению к потустороннему", в том смысле, что осязаемому посюстороннему (культурному, этническому или бытовому вариантам православной традиции) отдают предпочтение перед невидимым и непонятым (а м. б. чуждым — кто знает, что там за гробом?); отсюда — перенесение духовных категорий на душевное, например, грех отождествляется с его конкретными носителями, духовно чуждым (неприемлемым, непонятым, непривычным, просто "не таким" и пр.), "выйти из мира" истолковывается как "избавиться от того, что не нравится" (а "не нравится" все — и евреи, и грузины, и цыгане, и "слишком образованные", и "слишком мало образованные", и новообращенные — "у них нет стажа", и старые женщины, которые всегда в церкви, и пр.).

11. Семья и дети очень далеки от того, что именуют звучным словом "домашняя церковь"; разводы, разрывы, безответственное отношение к венчальным обетам и обязанностям восприемника при крещении детей; кое у кого "антифеминизм", тенденции к "сексуальной свободе".

12. Боязнь любить по-христиански (а может нежелание), так мало жажды любви к Богу, миру, Церкви, стране, народу, городу, ближнему, любви к истине, правде, добру, благочестию, святости, жизни здешней и жизни вечной... Мы не стремимся любить не то что врагов, но и просто "не своих", не можем любить христиан другого благочестия, других взглядов.

Мы часто слышим: у нас в РПЦ есть все средства спасения. Мы редко слышим, что христианский путь небезопасен, что возможность спасения сопровождается риском гибели...

Список, вероятно, можно продолжить, но и сказанного достаточно для размышлений. Человек энергичный, деятельный, ищущий правды, доверия, открытости, искренности, понимания, зрелости

человеческих отношений — найдет ли он у нас, с кем поговорить и на кого положиться, найдет ли источники вдохновения и обновления жизни, увидит ли у нас больше света, жизни и свободы, чем где-либо, сможем ли мы открыть ему присутствие Святости в мире?

Можем ли мы при своей плохо поставленной духовной жизни говорить людям, что Иисус Христос — это Господь, т. е. Лицо, имеющее право на абсолютную власть над нашей жизнью, имеющее право предлагать веру, имеющую мало общего с культурно обусловленными верованиями, убеждениями, предписаниями, желаниями, потребностями, привычками и пр.? Не являются ли наши склонности отделять себя от других, судить их, нападать, навязывать свои суждения следствием отсутствия настоящих дел и событий полнокровной духовной жизни? Агрессивность, сексуальность, лидерство, желание властвовать, обладать и наслаждаться или, наоборот, подчиняться, отдаваться, упиваться страданием часто относят к основным движущим силам психологии мира сего. Заботимся ли мы о том, чтобы преодолеть все это в себе, ввести свою жизнь под знак, например, заповедей блаженства и всей Нагорной проповеди?

Нужно обрести немалую силу Духа, чтобы со всей серьезностью предлагать христианский путь жертвы, страданий, отречения от самости и мира сего — предлагать его как тем, кто и без того сильно страдает и угнетен современной жизнью, едва-едва держится и потерял вкус жить, так и тем, кто этот вкус изощрил, кто более или менее утвердился в жизни, успешен, процветает и пр. Идти на жертву — это ведь в нашей ситуации главное подтверждение того, что мы действительно вручаем свою жизнь Богу, перестаем обладать ею как своей собственностью. Столь многие жаждущие правды не могут ее у нас найти, столь у многих жажда угасла... Мы призваны углублять свое обращение к Богу, предлагать войти в весьма "неблагополучную" РПЦ, страдающую и распинаемую отнюдь не с 17 года, намного раньше, и которая еще долго будет страдать, пока в ней не откроются чистота и свет божественной жизни, пока еще с трудом различаемой при взгляде извне.

2. Причины? А много ли мы хотим, многое ли мы полюбили и сильно ли? "Блаженны алчущие и жаждущие правды". А как же те, кто жаждет "в меру", "в разумных пределах", с "должным пониманием", "с учетом обстоятельств", "в соответствии с традицией"? Ученики не выше учителей — чему научили, тем и живы, а чему не учили, того не знаем и в том не нуждаемся. Пусть Галилею и пр. господам задают вопрос: "А откуда ты знаешь то, чему тебя не учили?"

а мы свое знаем и храним, как бы нам кто чего не испортил... есть такие... А мы не баптисты, не католики, не евреи, не масоны, не буддисты, Запад гниет, все совратились, кругом враги, кругом пьют, разводятся, блуд, безбожие... Спасемся скорбями, последние дни... Конечно, мы слабы, настоящее православие, настоящее благочестие где теперь найдешь — разве что на Афоне где-то... А в Церкви есть все необходимое для спасения... — Вот так мы представляем себе, каковы мы сами, каково наше место в жизни. А жизнь идет. Если бы наше это представление было верным, мы бы не были так несчастны... Мы даже не видим, что в нас нет надежды на Бога, что от Него мы далеки. То, что мы от Бога далеки, мы, конечно, истолковываем как то, что Он далеко и высоко, "психологическое монофизитство" со всеми вытекающими последствиями. Смутно мы все-таки ощущаем иногда, что в нашей жизни многое идет "не так как надо". Надо менять свое отношение к себе, миру, жизни и Богу.

3 — 4 — 5. Об истории лучше напишут другие авторы (и уже один написал, я к нему просто присоединяюсь). Вообще-то, историю своей (и тем более Вселенской) Церкви мы знаем, мягко говоря, плохо. Какая-то беспамятность или безразличие... "Библейский ренессанс" нам многое раскрыл в истории Израиля, не пора ли ту же работу сделать и для того, чтобы увидеть исторические пути Церкви? Понять, в чем состояли тяжкие промахи, упущения, соблазны, грехи каких-то общин, групп, ответственных лиц, понять, где "сработала" непросветленная церковной работой массовая психология, где принесло свои горькие плоды элементарное непонимание, где — безразличие, где — культура, политика, где вера подменилась идеологией и авторитаризмом... Немало книг уже есть, но их мало кто знает и читает, да и присутствие истории у нас должно быть живым, а не литературным, да и в литературе нет еще целостной картины судеб Церкви.

Постановка вопроса "времена неблагоприятные" и "обстановка неблагоприятная" (или "неблагополучная") мне кажется недостаточной — мы ведь сами "неблагополучны", нельзя сказать, что мы, чистые, загнаны в грязную, неблагополучную обстановку. Ап. Павел в явно "неблагополучной" ситуации сказал: "Вот теперь время благоприятное, вот теперь день спасения" (2 Кор. 6. 2) — и это в конце своего самого "невеселого" послания. Не думаю, что наше время для Церкви много хуже, чем прошлые века. Масштабы гонений — это понятно, но это еще не все, важнее, чему они нас научили, что мы поняли, какой духовный опыт смогли принять из факта гонений, гнета, унижений и пр. Кровь мучеников очищает Церковь, но многие

ли верующие понимают, что же было совсем недавно, чьей кровью куплено наше право просто ходить по воскресеньям на Литургию, из-за чьих грехов кровь пролилась. В ранней Церкви кровь мучеников была у всех перед глазами — взять хотя бы Откр. Иоанна Богослова, Жития святых. Перед лицом крови всем было ясно, что быть христианином — это совсем другое, чем не быть им...

В России (Российской империи) в прошлые века Православие было почти тождественно т. н. "этнославию" и выполняло навязанную ему властью и обществом социальную роль тотальной идеологии (тотальной не в смысле тоталитарной), идеологии в целях манипуляции сознанием и для создания психологических барьеров инаковости, инакомыслию и всяким "вредным влияниям" с Запада, Востока и откуда-либо еще. Сейчас светская власть освободила православие от такой гнусной и мерзкой роли, взяв ее на себя со всей мерзостью характерного для нее способа самого освобождения. В конечном счете, на это, наверное, есть воля Бога и Его надо благодарить, при всем том, что наших (православных) заслуг в этом деле совсем немного (мало ведь кто в Православии стремился к освобождению от симбиоза с империей). Слава и благодарение Богу за то, что была все-таки верность имени Христа, при всей неразвитости чувства верности его Духу и делу. Часто нам прошлое все еще кажется хорошим, а оно не оказалось даже просто социально устойчивым, не говоря уж о сомнительности нравственных основ. Верность имени Христа при слабости чувства принадлежности к Церкви Христа, чувства миссии, призвания и служения, при незрелости психики и морального сознания, конечно, слабо укоренена и легко может теряться — что мы и видим теперь по массовому распространению атеизма.

Конечно, на темном фоне старой русской православной жизни были и светлые острова, я отнюдь не хочу принизить их ценность и значение. Именно от светлых личностей и общин, от ответственных деятелей духовенства мы получили традицию и Слово Божие. Но все же в самих обстоятельствах последних десятилетий можно усмотреть волю Бога на то, чтобы эта "этнославная" модель церковной жизни была оставлена навсегда. Бог хочет, чтобы мы были свободны. С приходом Христа свет и тьма разделяются и не должны смешиваться. Не то, чтобы национальное самосознание и этнический изоляционизм — это сплошная тьма. Я это не отождествляю с демонизмом, а только говорю, что нации и этносы ("народы") вполне открыты демоническим импульсам, как открыты и светлым духовным влияниям. Национальное или этническое самоутверждение, пока оно существует и отражает существование какой-то целостной реальности, в чем-то препятствует

укоренению и развитию как темной, так и светлой духовности — оно не до конца затемняется и не до конца просветляется. 100% тьма или 100% свет означает, что национальное или этническое самосознание полностью исчезает, трансформируется, растворяется в свете или тьме. Этого, конечно, никогда не происходит, потому что этноцентризм и национализм — это явления не духовные, а душевные, соединенные с коллективным эгоцентризмом. Темные духовные силы (а может и какие-то светлые иерархии разных планов) видят в нем препятствие для себя, разрушают и заменяют космополитическим сознанием, которое само по себе тоже отнюдь не тождественно ни тьме, ни свету. Денационализация — это, как известно, факт нашего времени. Бог поступает иначе — создает свой особый народ — "народ Божий", который должен преобразиться в Тело Христа, Церковь. "Вы — свет миру" — это сказано нам всем как новому "народу Божию". "Вы" — значит все вместе, а не отдельными "островами" отдельных "светлых" приходов и групп.

В прошлом имела место еще одна неприятная для христиан вещь: творческая инициатива жизни оказалась во многом утраченной. Общий мировой процесс обновления жизни (а он, я верю, существует) передал немало источников ее обновления в руки нехристиан — в секуляризм, в другие религии, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Списать все на происки бесовских сил — это то же самое, что объяснять все худое в советской жизни идеологическими и другими диверсиями американского империализма. Где же дар различения духов, который православные часто считают своей собственностью? "Перехватить" обратно эту инициативу в деле обновления жизни нам скорее всего едва ли удастся — если удастся, то только частично и еще не скоро, по крайней мере здесь. Придется учиться вступать в диалог со всеми, с кем мы не хотим или не умеем говорить и сотрудничать.

Чтобы не бояться идти на диалог, нужно понять и принять себя, стать зрелыми, другими, признать право на истину не только за собой, но и за теми, с кем вступаешь в диалог. Этого мы еще не умеем, но очевидно, что Бог от нас этого и ждет, создав (или допустив появление) в мире тех, с кем рано или поздно придется начать говорить. Однако, мы все еще не способны вести диалог даже с христианами других взглядов, а не только других конфессий. Ясно, что источники всех проблем — в нас самих. Что же предлагать? Преодолевать инфантилизм, "подростковую психологию", негативизм, освобождаться от древних комплексов эгоцентризма и этноцентризма, всякого рода темных страхов, учиться видеть и понимать себя, принимать себя как материал для каждодневной работы (мы же пришли к Богу, тем

самым предложив Ему себя такими, какие мы и есть), учиться принимать других вопреки всему, что разделяет и отчуждает, учиться быть свободными, ответственными, зрелыми, ясно понимать, в чем мы иные по отношению к окружающему миру, что в мире мы поддерживаем, на что опираемся, что отвергаем и почему. Ясно понимать, что значит быть детьми Церкви, что нас делает братьями и сестрами, детьми единого Отца; иметь зрелое чувство общины ("соборности"), чувство призвания, служения, готовность к свидетельству Христа, проповеди Его слова, Его победы над грехом, злом и смертью, воспринять эту победу как свой личный жизненный опыт. Иисус передал нам свою волю — продолжить в нашей жизни Его присутствие в мире в виде церковной общины. Наше духовное состояние часто таково, что Иисусу как-то некуда воплощаться. Не стремясь создать полноценную общину, мы не даем Иисусу воплотиться и действовать в мире.

6. Какова на сегодня роль мирян в Церкви? Священников? Епископов? Об этом уже сказано хорошо другим автором. В православном сознании, к сожалению, нет ясного различия ролей и служений тех, других и третьих. Насколько важны епископы — это мне открылось через знакомство с католическим миром. С православными епископами никогда не контактировал, рассуждать о них не берусь, но надеюсь видеть в них ядро Церкви, тех, кто призван хранить и передавать истину, давать образцы жизни по вере и Евангелию, надеюсь видеть тех, кто способен говорить от имени всей Церкви по всем вопросам внутрицерковной жизни и жизни мира. Короче говоря, иерархия должна нас кое-чему учить, а мы — признавать за ней право учить нас. К сожалению, этого нет — учат в основном богословы, философы, изредка отдельные священники или просто миряне, умеющие писать и говорить. Далеко не всегда у них есть санкция и моральное право; отсутствие последних часто компенсируется притязанием на лидерство, авторитет, ученость, пророчество и пр. Некоторые священники учат хорошо.

Миряне должны, конечно, работать. В православном сознании есть некий предрассудок считать "мирянское" состояние христианина неполноценным и "непрестижным" — дескать, надо стремиться к священству. Апостольское служение мирян, создание малых общин, интенсивная личная и общинная молитва, передача веры в личном общении, катехизация, свидетельство евангельской морали и жизни, семья, профессиональный труд, воспитание детей — это в основном список наших упущений и промахов и тех дел, которыми должны

заниматься именно мы, потому что епископы или священники не могут и не станут этого за нас делать — их служение другое. Это — "черная", а в действительности отнюдь не "черная", а основная повседневная работа в жизни общин, но от нее отворачиваются интеллектуалы, предпочитающие респектабельные занятия богословием, религиозной философией, Отцами Церкви, русским религиозным ренессансом и пр. У католиков здесь есть чему поучиться в деле катехизации, служения Слову, создания малых общин, укрепления семьи и воспитания детей, развития морали, открытости к миру, другим конфессиям и другим религиям, а также нерелигиозным культурным и духовным движениям. (Я имею здесь в виду настоящих зрелых католиков; в Москве можно встретить новообращенных из православия или еще откуда-то католиков, которые еще не освоили опыт и культуру католической духовности и веры, далеки от экуменического духа Второго Ватиканского Собора и работают больше на дело разделения и отчуждения между христианами, чем на их сближение. Дух разделения они вносят и в католическую жизнь. Будем надеяться, что и московские католики, по мере достижения зрелости, смогут вместе с нами совершить ту христианскую работу, которую здесь нужно сделать.)

7. Будущее принадлежит Церкви Христа — единой, святой, католической и апостольской. Ей даны все обетования Христа. Отсюда ясно, что недостаточно ставить вопрос о будущем *только* РПЦ. У РПЦ нет "своего особого собственного" будущего, отличного от будущего Римско-Католической Церкви, от будущего протестантских церквей, баптистов и др. Церковь здесь *должна быть всегда*, чтобы всегда оставалась открытой возможность христианского спасения. Самое страшное для нас — это если мы сами не войдем в открытое для нас спасение и закроем этот путь для других. Мы призваны здесь быть для других, воцерковление означает желание и готовность перестать жить для себя.

Можно рассуждать с каким-то основанием, что Россия — страна некатолическая, и делать отсюда вывод, что здесь нет будущего для распространения католической духовности. Быть может, так и было прежде, но все течет. Революция, тоталитарный режим, индустриально-урбанистический уклад жизни, разрушение нравственных основ жизни настолько все изменили, что с неменьшим правом можно сказать теперь, что Россия — страна неправославная. Это страна масового атеизма. Такие вещи необратимы. Старой России нет — есть Советский Союз, сверхдержава, одна из великих империй мира.

События и обстоятельства окружающей нас жизни явно говорят о том, что данная территория бывшей Российской империи приготовлена для каких-то дел, имеющих мало общего с прошлой историей (общего — в смысле культуры; грех, зло и смерть, выбор и воля к добру, свету и вечной жизни в Царстве остаются всегда). Кто бы ни занимался этой перестройкой нашей жизни и путей ее развития — темные или светлые силы с каких-то планов бытия, или те и другие одновременно — на все это воля Бога. Ясно, что мы все втянуты в какой-то мировой процесс радикального преобразования человеческой жизни, потому что прежние формы социальности, цивилизации и жизни ходом своего развития ведут к катастрофам. Не все мы здесь понимаем и можем предвидеть. РПЦ не может и не вправе оставаться в стороне, чтобы "отсидеться" — слишком многие уже "отсидели", чтобы мы могли оставаться бездумными. Кому как не нам сказано "вы все еще спите и походите?".

Быть может Бог ведет дело к тому, чтобы возникло что-то вроде единой мировой империи, на фоне которой и христианам проще будет преодолевать расколы и достигнуть церковного единства. Впрочем, проще ли? И к единой ли империи так сразу? Пока это еще домыслы. Мир сильно меняется, многое идет под знаком глобальности, многое — под знаком дивергентности, разделений, расколов. Мир движется к новому по разным своим внутренним причинам не прямо вследствие присутствия в нем Церкви и не всегда вопреки ей. Нельзя сказать, что история мира сейчас "вертится" вокруг Церкви или в противопоставлении ей. Если мы захотим от жизни простого выживания, то мир полу-охотно предоставит нам не особенно роскошную культурно-историческую "нишу" в своей "мировой системе", что-то — вроде гетто, разумеется не без пользы для себя. . . Если мы захотим большего для себя, то скорее всего получим отказ. Если же перестанем думать о своих болях и захотим утвердить присутствие и дело Бога, то мир объявит войну, захочет платы кровью, но и Бог вмешается. Альтернативы могут быть разные.

Православное сознание с этим пока еще не справилось и не самоопределилось перед лицом мира и его сил, а поскольку оно не самоопределилось, быть может, рано еще говорить о его будущем. Бог все видит, но мы по-человечески способны увидеть либо знаки будущего по отдельным деталям в настоящем (как это делал по отношению к прошлому Кювье), либо дать прогноз, когда внутренняя определенность ситуации достаточно созреет и будет

ясна. Будущее — значит альтернатива настоящему, только она и представляет интерес. Наша альтернатива — это присутствие и действие Правды, несмотря на все зло. Не исключен вариант разделения РПЦ на отдельные общины с разной судьбой по случаю очередного социального катаклизма, если в РПЦ не созреет дух глубокого внутреннего единства со всеми христианами мира.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО "ВЕСТНИКУ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ"

Дорогие сотрудники журнала!
Дорогой редактор!

Несмотря ни на какие преграды, Ваш журнал стал сегодня подлинно общерусским — он отражает мысль не только авторов Зарубежья, но и тех, кто живет и служит Церкви в России. Несомненно, что задача сохранения и продолжения русской культурной православной традиции, поставленная перед РСХД, выполнена. Духовное пробуждение в России, конечно же, невозможно "запрограммировать", стимулировать из-за границы — это глубинно внутренний процесс, зависящий от таинственного действия Святого Духа. И, наверно, для вас это "возрождение из пепла" не менее удивительно, чем для штатных атеистов. Замечательно, что журнал "подал руку" этому движению, живо реагирует на все новые явления в духовной жизни России, публикует статьи и по живописи, и по музыке, печатает западное богословие и "политику". Замечательно, что в названии журнала снято устаревшее "студенческого"...

И все-таки полностью своему же названию журнал еще не соответствует. "Вестник Русского Х р и с т и а н с к о г о Движения" — значит, не только православного, но — христианского.

У истоков РСХД в России стояли, как известно, не только православные, но и протестанты. Потому и дано было Движению надконфессиональное название. И лишь позднее, уже в эмиграции, Движение стало практически православным, название же осталось...

Сегодняшнее религиозное пробуждение в СССР идет, в основном, двумя путями — или в Православие, или в Протестантизм. Причем, очевидно, что к Православию приходят в основном интеллигенты, люди, хоть и лишенные семейных религиозных традиций, но способные принять и сложность средневекового обряда, и интеллектуальную глубину Предания. Среди среднего слоя, среди крестьян и рабочих, увы, Православие успеха не имеет. Нарастающими темпами разваливаются провинциальные православные приходы (особенно в селах), но — нарастающим же темпом множатся протестантские общины. Через некоторое время православные церкви останутся лишь в крупных городах, провинция будет протестантской.

Эти процессы вызваны не столько различиями в богословии, сколько большей миссионерской активностью протестантов, доступ-

ностью языка проповеди и богослужения, отсутствием сложной иерархии, зажатой властями, традициями общинности и способностью к самопожертвованию. Обсуждать эти явления, их анализировать — дело и сложное и интересное. Но сейчас хочется говорить не о причинах сложившейся ситуации — а о том, каково наше место в этих процессах.

Нам кажется, что журнал Русского Христианского Движения не только призван обсуждать эти вопросы, но и способствовать сближению православных и протестантов в России, взаимному их примирению. Журнал уже печатал материалы преследований неправославных в СССР — в этом мы видим залог его общехристианского будущего. Кроме православных и католиков, журнал сегодня читают и баптисты, и пятидесятники. Хотелось бы, чтобы и для них были здесь и информация о жизни протестантизма на Западе и в России, и протестантская богословская мысль, известная, как это ни парадоксально, исключительно православной интеллигенции в Самиздате. Тем более, что многие из современных протестантских авторов пишут на общехристианском уровне, без конфессиональной ограниченности (Бонхоффер, Тиллих, проповедники М.-Л. Кинг, Б. Грейем). Знакомство с ними обогатит и православного читателя. Если журнал давно уже печатает католиков, общехристианская ценность трудов которых несомненна, то стоит сделать еще одно усилие — и тогда он станет поистине не органом эмигрантского православного студенчества, как некогда, но ВЕСТНИКОМ ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ в России, где Православие и Протестантизм — две основные духовные реалии.

Мы верим, что это возможно, ибо наш опыт делового сотрудничества, наш опыт совместной молитвы и человеческой дружбы, освященной единым Светом, — свидетельствует о себе добрыми плодами. Мы понимаем, сколь труден диалог разделенных братьев, сколько возражений с обеих сторон предстоит услышать — но нельзя не стремиться к единству, не страдать от раздробленности Церкви в России. "Вестник", верится нам, станет во главе подлинно ОБЩЕХРИСТИАНСКОГО Движения в России.

*Группа православной и баптистской молодежи.
Ноябрь 1981 года. СССР.*

В Редакцию "Вестника Русского Христианского Движения"

Здравствуйте, дорогие братья!

Хочу поделиться с вами некоторыми своими соображениями относительно программы вашего журнала и, если позволите, сделать одно существенное, на мой взгляд, предложение.

Братья! Ваш журнал называется "Вестник Русского Христианского Движения". Такое название может вызвать некоторое недоумение у человека, взявшего в руки выпуск "Вестника". "Почему Христианского, а не Православного?" — спросит он.

К этому гипотетическому читателю дерзну присоединиться и я. Действительно — почему х р и с т и а н с к о г о? Ведь материалы, помещаемые в журнале, освещают преимущественно вопросы, связанные с жизнью православной общины, тогда как в России живут не только православные, но и протестанты (в основном, баптисты) и католики...

Протестантские общины пополняются за счет тающих православных приходов в провинции. Не столь велик, но все-таки заметен и рост католической общины, причем, преимущественно за счет интеллигенции в крупных городах. И католики, и протестанты могут быть определены как р у с с к и е х р и с т и а н е, так же, как и православные.

Почему же "Вестник" не отзывается на их насущные вопросы?

Было бы весьма кстати начать публикацию материалов, относящихся к жизни и нуждам протестантских и католической общины в России.

С братским приветом,

*священник из Ленинграда
1981*

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Группа христиан-экуменов, постоянных читателей Вашего журнала, приносит Вам искреннюю благодарность за нужное и доброе дело, которое совершает "Вестник". Этот журнал, несмотря на все трудности и нерегулярность его доставки, сделался для многих в России настоящей христианской школой и неотъемлемым фактором религиозно-культурной жизни.

Из небольшого собственного опыта мы убедились, как важно человеку знать, что труд его не бесплоден. Поэтому мы, как давние Ваши читатели, решили поделиться с Вами некоторыми соображениями по поводу журнала и высказать наши пожелания.

Наиболее положительным и нужным, на наш взгляд, является то, что большое место в журнале уделено актуальной информации о современной религиозной жизни в России. Но, как нам кажется, эта информация страдает порой некоторой односторонностью, ибо освещает проблемы только православной части христиан, да и то в основном околосекularных кругов в их приходской жизни, — что совершенно несправедливо, особенно по отношению к провинции. Все, что вы печатаете в этой области, безусловно, необходимо, но так же необходимо учитывать и тот факт, что в столицах и в провинции на долю приходов падает минимум религиозной жизни. Почти вся она, как это ни парадоксально, протекает, по ряду многих причин, вне приходов. В России, может быть как нигде, сейчас происходят процессы возвращения к общинной жизни, когда стихийно, когда направленно, возрождающие традицию раннего христианства. Кроме традиционных протестантских общин, которые всегда старались сохранить дух братской общности, в России появляются и общины христиан, принадлежащих к ортодоксальным церквям, несколько утеревшим дух братства, а также возникают различные межконфессиональные группы. Тяга православной молодежи к общению вполне понятна. Новообращенные и те, кто имеет уже некоторый опыт христианской жизни, не хотят более ограничиваться храмовым благочестием и поверхностным христианством в его так называемом "воскресном варианте" (т. е. посещением воскресных служб), которыми так часто у нас ограничивается старшее поколение, не на шутку напуганное репрессиями вне и слежкой внутри приходов. Но сегодня молодой христианин должен понимать, что Церковь — это не охрана памятников старины, а живое Тело Христово, которое не может не развиваться, несмотря ни на что. При всем уважении к традициям, мы

должны строить Церковь, а не засушивать Ее, как гербарий, тем более — именно уважение к традиции требует вспомнить о том, как первые христиане в простоте сердца совмещали и храмовую и общинную жизнь, "каждый день единодушно пребывали в храме и преломляли по домам хлеб" (Деян. 2, 46).

Католиков в нашей стране меньше, чем православных и протестантов, но им также знакома традиция общинной жизни, которая развита не везде одинаково, но привлекает своим деятельным, подвижническим подходом и глубокой молитвенной практикой.

Все эти общины, чаще всего в форме малых групп, возникают независимо друг от друга, совсем рядом или в разных концах страны. И сколь же великой бывает радость, когда эти общины открывают друг друга и завязываются какие-то контакты. В силу многих причин — внешних — равенство положения перед огромной подавляющей атеистической машиной, и внутренних — в общине мы учимся любить друг друга без предвзятостей, — эти межобщинные контакты становятся реальностью и даже необходимостью нашей духовной жизни. К тому же, мы убеждаемся и в том, что экуменический диалог (проблема ключевая для XX века) наиболее плодотворен именно на уровне малых групп, когда братья узнают друг о друге не из соборных анафематствований, энциклик, постановлений или, что еще хуже, из атеистической литературы, а из личного знакомства.

На этой почве возникают группы и общины, где молятся и трудятся вместе люди различной конфессиональной ориентации, называющие себя христианами по преимуществу.

Безусловно, мы далеки от того, чтобы идеализировать и односторонне оценивать эти процессы. К нашему великому сожалению, это движение тормозится не только извне теми, кто получает за это жалование на советской службе, но что печальнее — натывается на косность форм современной (на самом деле несовременной) религиозной жизни и инертность человеческого сознания, опасющегося на всякий случай "как бы чего не вышло". И не выйдет ничего, кроме мрака бездуховности, мерзости и запустения, что постоянно грозит России и всему миру, если мы забудем, что мы — свет Христов.

Нам необходима Ваша помощь, как рупора и глашатая русского христианского движения. Мы заняли Ваше внимание столь подробным изложением нашего взгляда на современную религиозную жизнь в России не для того, чтобы просветить Вас, но чтобы Вы помогли просветиться нам. Отсутствие религиозной культуры, недостаток духовного образования стали трагедией для России. Именно здесь Ваш журнал мог бы оказать нам, христианам и катехуменам России,

неоценимую помощь. Конечно, никакая информация не изменит злой воли, но может быть для некоторых Ваш голос будет более авторитетным, чем голоса "пророков в своем отечестве".

Мы часто не знаем собственной традиции или знаем ее поверхностно. Мы не знаем традиций родственных церквей (часто русские православные не знают о православных греках или сирийцах, не говоря уже о католиках и протестантах) или знаем их поверхностно, извращенно, из предвзятых источников. Часто, отстаивая традицию столетней давности, мы принимаем за новшество то, что с I века считается нормой христианской жизни. Вы в большей мере располагаете возможностью рассказать нам о нас, о наших братьях, о наших истоках, о нашем будущем.

Поскольку Вам уже понятно, что тема общинной жизни интересует нас с точки зрения практики, а не праздного любопытства, то в качестве пожеланий мы хотим высказать еще одно. В создании общины, особенно если это делается людьми молодыми, неопытными (проблема пастырства для России — больной вопрос), приходится сталкиваться с различного рода трудностями — духовными, психологическими, социальными и проч. Публикации переводных (Д. Бонхофер, Ж. Ванье, Р. Шютц и др.) и оригинальных (русских авторов, как ни странно, мы почти не знаем) работ на эту тему могли бы стать для нас настоящей школой общинной жизни.

Ваш журнал называется "Вестником русского христианского движения", следовательно, он призван освещать жизнь христиан не только в России, но и тех, кто покинул ее. Нам, оставшимся по эту сторону, всегда интересно знать, как живут наши братья по ту сторону. Тем более, мы помним, что многие из них были весьма активны здесь. А что с ними стало там? Ваш журнал может и должен осуществлять связь рассеянных чад Божиих (рассеяние сейчас удел почти всякого народа и воспринимается оно в последнее время больше духовно, нежели географически).

Актуальным и жизненно важным нам представляется также то, что многих Ваших авторов волнуют вопросы христианской этики. Как ни странно, этическая проблема для современного христианства в России стоит как никогда остро. Теоретически здесь все, казалось бы, ясно: сегодняшнее религиозное возрождение в России многим обязано русской классической литературе XIX века и религиозной философии начала XX века, решавшим эту проблему. Тем не менее, на деле высота и чистота христианских этических норм становится необязательной, а самая возможность исполнения заповедей ставится под сомнение (порой не только мирянами, но и пастырями). Вторые,

а то и третьи браки, внебрачные связи, вольное отношение к пьянству и курению, сотрудничество с КГБ и т. д. не являются каким-либо досадным исключением, но сплошь и рядом имеют место при полном внешнем благочестии и обрядоверии. Особенно, как ни печально, этому подвержена интеллигенция. Опять же, из-за отсутствия элементарного религиозного воспитания, новообращенный вместо того, чтобы принимать Христову Истину в ее экзистенциальном повороте, что предполагает метанойю, полное изменение жизни, принимает определенную культурно-эстетическую систему, в которой он не в состоянии различить, где цель, а где средство. Да что грешить на новообращенных, когда таковы и христиане "со стажем", а порой и сами пастыри. Все это заставляет вспомнить печально известное изречение: "И в последнее время монахи будут как миряне, а миряне как скоты". Безусловно, христианство не может быть сведено только к нравственности, но без нравственности христианства вообще быть не может. Поднимая эти проблемы, Ваш журнал несомненно поможет нам выбраться из греховной бездны. Тогда и религиозное возрождение, о котором сейчас много говорят, станет действительным, а не только желаемым.

В названии журнала — "Вестник" — нам видится большая надежда на то, что, среди прочих новостей, Благая Весть Господа нашего Иисуса Христа будет преобладающей. Зная, насколько затруднительно общение с читателями, мы рискнули занять Ваше внимание столь длинным письмом, надеясь, что некоторые наши соображения окажутся небесполезными. Смеем напомнить Вам, что основной читатель здесь, в России, и это читатель благодарный, несправедливый и с нетерпением ждущий новых выпусков Вашего замечательного журнала.

Еще раз сердечно благодарим Вас за самый факт издания такого журнала (для нас он как редкий дождь в пустыне) и за Ваше желание не оставлять Россию в своих трудах и молитвах.

Группа христиан-экуменов.

Москва — провинция.

Ноябрь 1981 года.

СОВЕТСКИЙ ФИЛЬМ "МАТЬ МАРИЯ"

9-го сентября 1982 г. в Париже состоялась премьера нового фильма Мосфильма режиссера Колосова "Мать Мария", с Людмилой Касаткиной в роли известной всей русской эмиграции монахини, погибшей в 1945 г. в немецком концлагере Равенсбрук. О проекте этого фильма друзья матери Марии уже знали с осени прошлого года, когда группа советских кинематографистов приезжала в Париж для встречи с лицами, знавшими Елизавету Юрьевну Скобцову. Ассоциация преподавателей русского языка (ЕИЕС) и общество "Родина" устроили тогда встречу, на которую были приглашены И. А. Кривошеин, соузница м. Марии г-жа Ласкру, Тамара Федоровна Клепинина (вдова о. Дмитрия Клепинина, настоятеля Покровской церкви при общежитии на рю де Лурмель) и др. Все мы были удивлены, что такой фильм может увидеть свет в СССР, и немного насторожены. В ходе беседы с Касаткиной и ее мужем Колосовым опасения росли с каждой минутой. Во-первых, фильм был уже почти готов, большинство сцен было уже заснято в городе Львов, оставалось оформить несколько парижских кадров. Зачем тогда было встречаться с очевидцами, которым было что рассказать, особенно моей матери, Тамаре Клепининой, знавшей мать Марию еще до ее пострига и тесно связанной с ней в военные годы, вплоть до ареста всей группы "Православного Дела" (мы жили в общежитии на рю де Лурмель). Мы поделились лишь воспоминаниями о некоторых подробностях, настойчиво уговаривали Колосова не давать фильму нелепое название "Мадам Мэр Мари".

Сама Людмила Касаткина отнеслась к рассказам свидетелей той эпохи очень внимательно, но ни физически (по возрасту), ни по образованию она нам не показалась сколько-нибудь созвучной м. Марии. В просвете ее кофточки блестел православный крестик, она сказала, что в продолжение трех лет изучала материалы о Елизавете Юрьевне, посетила Пюхтитский женский монастырь в Эстонии, вчитывалась в ее стихи. Однако, когда моя мать обратила ее внимание на знаменитый факт, что м. Мария погибла в Страстную Пятницу, она тихо спросила: "А что такое Страстная Пятница"!

Правда, когда я всю группу сопровождала на кладбище в Сент Женеьев де Буа, для съемки немого сцены, в которой Данило Скобцов

и м. Мария стоят у могилы их дочери Насти, и я увидела актрису в монашеском одеянии, в грубой обуви, в очках, что-то от облика м. Марии проступило. С тех пор мы с волнением стали ждать показа готового фильма.

Увы, мы были разочарованы. Конечно, остается положительным то, что советский зритель узнает о судьбе замечательной монахини, что услышит ее слова о том, например, что "в жизни можно ходить по суше, рассчитывая и мера, а можно ходить по водам, и тогда считать нельзя, а то начинаешь тонуть". Просмотрев фильм, советский зритель уже перестанет считать, что все русские эмигранты были плутами или ненавистниками России, он узнает о существовании такого чистого юноши, как Юрий Скобцов (сын м. Марии), о ее замечательной матери Софии Борисовне Пиленко, нашей любимой "общей" бабушке, о таком щедром культурном деятеле, как Илья Исидорович Фондаминский, о таком герое сопротивления, как Борис Вильде. Благодаря таланту Людмилы Касаткиной, человек, ничего не знавший о м. Марии, представит себе хотя бы частично ее самоотверженную деятельность и, возможно, полюбит ее.

Однако людям, знавшим м. Марию, знакомым с ее стихами и статьями, фильм показался слабым и нечестным. Это подделка ее облика, а не сам облик. Тут не столько вина Касаткиной, она старалась углубить свою игру, сколько сценарий, который не позволил ей передать глубину мысли и духовный облик матери Марии. Конечно, фильм был ограничен временем, и постановщики неизбежно были принуждены выбирать между важным и побочным, но они показали как раз лишь сомнительную биографическую канву, уверяя зрителей, что все достоверно.

Возьмем несколько примеров фактических ошибок. По приезде в Париж, Елизавете Юрьевне приходилось зарабатывать, чтобы прокормить семью (трое детей и мать), пока ее муж Д. Е. Скобцов не стал шофером такси. Она раскрашивала шарфики, делала куклы и даже бралась за дезинфекцию квартир от клопов. После пострига, обладая художественным талантом, она, по собственным рисункам, вышивала облачения, иконы. В фильме же она, будучи уже монахиней, делает на заказ некоей М-ме Ланже искусственные цветы. В фильме, конечно, нельзя было показать вышивание икон и церковных облачений, потому что никакой церкви в жизни матери Марии, по версии Колосова, нет, как нет и храма при Лурмельском доме. Мы ни разу не видим м. Марию молящейся. Единственный раз она

обращается к Богу в концлагере в момент отчаяния: "Как страшен мир Твой, Господи", восклицает она. Только раз, узнав о сталинградской победе, она осеняет себя крестным знаменем. По фильму указывается, что ее монашеский путь исчерпывается социальной деятельностью. Ее спрашивают, почему она приняла постриг, ходит в черной рясе? Она отвечает: "Мое черное одеяние — это мой траур по утерянной России". Вот основная трактовка ее монашества! В обстановке эмигрантского Парижа русская интеллигентка, тоскуя по родине, принимает постриг, чтобы искупить свою вину перед родиной. Религиозного чувства тут нет. В разговоре ее с бывшим мужем, она говорит, что чувствует себя виноватой в смерти дочери, и зритель может подумать, что ее постриг является неврозом или сублимацией ее горя. Как это далеко от правды! Стоит вспомнить ее статьи, пьесы, ее "жития святых" и, наконец, ее стихи, где все свидетельствует о ее горячей вере и любви к Богу.

Я оставляю плату, труди торг,
Я принимаю крылья и восторг,
Я говорю торжественно: Во имя
Во имя крестное, во имя крестных уз,
Во имя крестной муки, Иисус,
Я делаю все дни мои Твоими.

1932 (перед постригом)

По фильму получается, что м. Мария выступала с чтением стихов (кстати, не своих), будучи уже монахиней, и к тому же в каком-то "кабарэ". В двадцатых годах в Париже часто бывали выступления поэтов, но никогда не в "кабарэ", а в нанимаемых залах при гостиницах. После пострига она никогда не принимала участия в таких выступлениях.

В другой сцене фильма И. И. Фондаминский и Борис Вильде, сидя в кафе, говорят о м. Марии. "Вот эта удивительная монахиня, она ведь очень культурная, встречалась с Блоком, но она, в отличие от нашей эмигрантской интеллигентской среды, не теряет время в пустой болтовне, как все эти Струве и другие". Пустая болтовня... Вспоминаются фотографии первых съездов Русского Студенческого Христианского Движения, где м. Мария, еще до пострига, когда она была разъездным секретарем РСХД и объезжала все места, где русские беженцы работали на шахтах и заводах в полной отрезанности от культуры и церкви, служила связью с культурными центрами эмиграции. На съездах РСХД выступали митрополит Евлогий,

о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев и другие светочи русской мысли и культуры, на них молодежь, воспитанная на Западе, слушала доклады о назначении человека, о "воцерковлении" жизни, являющемся лозунгом РСХД. Это был рассадник мысли и христианской культуры, а не "пустая болтовня".

В отношении общежития на рю де Лурмель фильм передает внешний вид правильно, но совершенно отсутствует вид храма при нем, настоятелем которого был в военные годы о. Димитрий Клепинин, и где пел прекрасный хор Федора Поторжинского, где прислуживал сын м. Марии Юрий Скобцов, где клала земные поклоны и молилась м. Мария. У зрителя фильма создалось впечатление, что раз она была не обычной монахиней в монастырском затворе, она и в церковь не ходила.

Совершенно отсутствуют кадры жизни "Православного Дела" в начале мировой войны в 1939 г., когда там была основана швейная мастерская, исполнявшая заказы для французской армии и дававшая этим заработок женам и матерям мобилизованных русского происхождения.

Самым большим упущением и искажением фильма было полное умолчание о преследуемых гитлеровцами евреях. Много говорится об И. И. Бунакове-Фондаминском, но не указано, что он был евреем. После оккупации Парижа десятки, сотни евреев обращались к м. Марии и к о. Димитрию за помощью и убежищем. Им выдавали свидетельства о принадлежности к православному приходу на Лурмель, а тех, кто по убеждению хотели стать христианами, о. Димитрий крестил. При невозможности или опасности всех приютить в общежитии, их отправляли в провинцию. Полностью в фильме отсутствует массовый еврейский погром 1942 г., когда тысячи евреев, включая детей, были загнаны на стадион (Велодром д'ивер) и как м. Мария туда пробралась и спасла несколько детей...

По фильму Колосова получается, что м. Мария осознала весь ужас гитлеризма лишь после 22-го июня 1941 г., наподобие французских коммунистов, связанных германо-советским пактом. Только узнав, что Россия в опасности, она задает себе вопрос: "Чем помочь?". Русские эмигранты представлены полностью отрицательно, от шахтеров до аристократов, — все повально за немцев, мечтают о том, что Гитлер освободит Россию от Сталина. И не евреев м. Мария прячет, показано в фильме, а советских солдат, бежавших из немецкого плена. Все это грубая фикция. Больно и досадно видеть, будто м. Мария только тем замечательна, что шла наперекор коллаборантам. Но обобщения и фальсификация, увы — нормы советской трактовки истории.

Это сопровождается и фальсификацией личных судеб, и ощутимо в мелких и крупных извращениях фактов. Например, сцена ареста Юры Скобцова. Причем тут солдаты Вермахта и овчарки? Обыск и арест были произведены двумя гестаповцами без всяких собак, и это было не менее жутко. Я помню, как будто это было вчера, голубой-стальной взгляд начальника, кстати отлично говорившего по-русски.

Теперь о главном: разговор этого гестаповца с Софией Борисовной Пиленко. (Цитировано по воспоминаниям ее, опубликованным в книге "Мать Мария" 1947 г.). "Он начал кричать на меня: "Вы дурно воспитали Вашу дочь, она только жидам помогает!" Я ответила, что это неправда, для нее "нет эллина и иудея", а есть человек. Она и туберкулезным, и сумасшедшим помогала. Если бы Вы попали в беду, она бы и Вам помогла". Мать Мария улыбнулась и сказала: "Пожалуй, помогла бы". Этот разговор в фильме передан так:

С. Б. Пиленко: "Что она сделала плохого?"

Немец: "Она нам не помогала, она прятала врагов Германии".

Мать Мария: "Я всем помогала, а *Вам бы никогда не помогла*".

Знак плюс становится знаком минус.

Показана судьба замечательной женщины. Но все-таки монашеская ряса ей как бы мешает. В одной сцене мы видим ее в простом платье, простоволосой. Армия Сопротивления послала ей двух советских солдат, бежавших из плена. Юра прячет их в подвале общежития. Эти солдаты ее спрашивают, как ее называть. Она отвечает: "Зовите меня Елизаветой Юрьевной". Мать Мария никогда не ходила в светском платье и с непокрытой головой.

А как было невыносимо слушать предположение из уст актера Маркова, исполняющего роль Д. Е. Скобцова, что гестапо узнало якобы о подпольной работе м. Марии через Анатолия Висковского, которого мать Мария приютила, освободив его из психиатрической больницы, и который боготворил ее. Он был арестован вместе с другими членами "Православного Дела" во время одного из налетов гестапо после ареста м. Марии. Он пробыл больше 2-х лет в Бухенвальде и погиб вскоре после освобождения лагеря союзниками. Никто из нас никогда не допускал возможности, что "его могли обработать" гестаповцы. Моя мать старалась его спасти, указав на то, что он душевнобольной, но ей ответили, что выбьют ему дурь в лагере.

Наконец еще один из кадров фильма. Показано, что в Равенсбруке она утешает больную русскую союзницу ... читая ей стихи.

Какие стихи, вы думаете, выбрали сценаристы? Стихи Блока, посвященные ей в молодости: "Когда Вы стоите на моем пути, такая красивая..." Это столь нескромно, столь неправдоподобно, что невольно спрашиваешь себя — почему? — А очень просто — чтобы советский зритель не знал, что у м. Марии были *свои* стихи, полные веры в Бога, подлинные псалмы. А вдруг он вздумает их разыскать и прочесть?

"Мы пытались найти в нашем фильме те сопряжения, которые сделали бы его современным", — говорит Касаткина в интервью М. Заготу.

Не современный, а угодный цензуре и казенным советским представителям ...

Е.Д. Клепинина-Аржаковская
Октябрь 1982

Из выступлений А. Солженицына в Японии

КРУГЛЫЙ СТОЛ В ГАЗЕТЕ "ЙОМИУРИ"

с участием А. Солженицына

Токио, 13 октября 1982

М о р и м о т о (заведующий иностранным отделом "Йомиури"): Господа, я благодарен вам всем за то, что вы пришли на сегодняшнюю встречу, несмотря на свою занятость. Я думаю, что тут все друг друга знают, но все же надо представить. Господин Шотаро Ясуока, литератор и писатель, известен по всей Японии. Господин Хироши Кимура, специалист по русской литературе и переводчик. Господин Хаяо Симидзу, профессор токийского института иностранных языков, специализируется в международной политике и советской политике. Должен прийти еще профессор Кичитаро Кацуда, он был в командировке и опаздывает. Он специализируется в юридической политической области. Я — директор внешней информации в газете "Йомиури", Моримото. Я сегодня послужу вам в качестве ведущего, но на этой встрече я предоставляю вам говорить, как вам хочется и что вам хочется, свободно. По моему мнению, сначала послушаем, господин Солженицын, ваши впечатления от поездки по Японии и ваше мнение о нашей культуре. Я был бы рад, если бы тут произошел обмен мнениями о западной культуре и современной цивилизации. О свободе в Советском Союзе. О связи между литературой и политикой. Но я прошу вас не быть связанными моими предложениями. Прежде всего я хотел бы слышать от вас, господин Солженицын, ваши впечатления от нашей страны Японии.

С о л ж е н и ц ы н: К сожалению, это будет повторением того, что я уже говорил по телевидению. Поэтому — по желанию господина Моримото — либо вовсе не повторять, либо очень сжато.

М о р и м о т о: Как вы знаете, телезрители и читатели газеты — разные люди, поэтому в данном случае не будет повторения. Хотелось бы попросить вас рассказать еще раз.

С о л ж е н и ц ы н: Вообще у меня другой принцип, я считаю, что писатель не должен ничего повторять дважды. Это — удел политиков и даже обязанность их, повторять многократно одно и то же.

М о р и м о т о : А в чем причина, что вы придерживаетесь принципа неповторения?

С о л ж е н и ц ы н : Это принципиальная разница между писателем с одной стороны и журналистом и политиком с другой. Считается, неправильно считается, что журналист и писатель — две ступени одной и той же профессии. На самом деле профессии писателя и журналиста прямо противоположны. Журналист должен схватить немедленно то, что он увидит, и сию же минуту передать. А затем, с течением времени, часто даже повторять, выражая какую-нибудь политическую линию, те же самые тезисы и доводы. А писатель не должен никогда спешить с выводами, его доводы должны отстаиваться годами, и повторение одного и того же просто нарушает художественную меру. И вообще, когда я выступаю с какими-то публичными заявлениями или интервью, я, собственно, нарушаю писательский жребий, писательский удел. И я бы ни за что этого не делал, если бы не было двух причин, которые настойчиво требуют этой моей деятельности. Одна причина та, что у меня на родине интеллектуальные силы во многих этажах уничтожены, нацело уничтожены. И на немногих уцелевших остается долг говорить за всех умерших. И так получается, что вот я, писатель Солженицын, то и дело выступаю с публицистикой. А физики Сахаров, Орлов и математик Шафаревич, все академики, вынуждены заниматься социальными проблемами.

М о р и м о т о : Но все-таки вкратце еще раз повторите.

С о л ж е н и ц ы н : Прежде всего я несколько не считаю свои суждения авторитетными, ибо я путешествовал только две недели и был связан шоссейными дорогами, автомобилем, не было возможности просто бродить с рюкзаком среди людей. Мои впечатления можно разделить на два слоя. Один слой — это то, что несомненно и в общем видят все, и японцы прекрасно знают. Это то, что у вас мало земли, земля скудная, нет ни ископаемых, ни хороших почв, что нужно все это возместить трудолюбием. И как всегда в жизни бывает, стесненные обстоятельства заставляют человека расти и в специальности, и в душевных качествах. Поэтому у японцев развилось такое невероятное трудолюбие и искусство, которым они так блеснули в XX веке. Я не имел возможности наблюдать японского семейного строя, а это очень важный элемент современности, ибо крепкая семья — основа здоровья нации. К сожалению, я не могу здесь судить, хотя косвенные впечатления больше складываются положительные. Мне удалось посетить несколько уроков в одной школе, провинциальной. Школу, воспитание молодежи я считаю одним из главных ключей к сути нации, к тому, что с ней делается. И я с удовлетворением

должен сказать, что эта школа, где я был, в хорошем состоянии. Я был на уроках физики и математики, которые мог понимать без перевода. От ребят действительно требуют занятий и видимо не господствует та гнилая педагогическая идея, как в некоторых странах Запада: что детям надо дать возможность до 18 лет наслаждаться, не напрягаясь в трудах, пока они сами определяют себя, что именно они хотят.

А второй слой наблюдения за Японией такой: я хотел понять, насколько Япония устывает перед разрушительным потоком современности и перед опасностями XX века. Я считаю, что собственно каждая страна в нашем мире стоит перед двумя опасностями. Одна опасность, как будто очень явная, — это мировой коммунизм, который наступает и захватывает страну за страной. По отношению к этой опасности можно было ожидать совершенной ясности у японцев, полного сознания опасности, и что они готовятся ее отразить. К сожалению, я нашел здесь неустойчивое состояние, нет настоящего понимания опасности и нет готовности к отражению. В частности, это сказывается в том, что в Японии существует миф, будто есть хорошие коммунизмы. Ваш уходящий премьер-министр сделал много заявлений в таком духе. Как будто бы китайский — хороший коммунизм, северо-корейский не опасный, вьетнамский не опасный, один советский опасный. На самом деле, все коммунизмы на земле, какие только есть, все опасны и все одной античеловеческой природы. Ну вот, а вторая опасность, она не такая мгновенная, не такая быстрая, но в общем разрушительная для всех наций на земле: это общее течение сегодняшней цивилизации. Современная цивилизация ведет к уничтожению национальных особенностей и национальных корней, что очень опасно для каждой нации. Современная западная цивилизация начиналась с высоких принципов христианства, но христианство за последние два века очень быстро выветривается из западного мира. Вот пример: в Соединенных Штатах запрещена молитва в школах и невозможно сейчас в сенате добиться, чтобы разрешили для желающих, — не для всех, а для желающих! — нет, чтобы вовсе не было! В современном мире — и в экономической области, и в социальной — есть тенденция к саморазрушению. Западный мир потерял высокие принципы свободы, а только барахтается, как выжить перед опасностями. Что же касается культуры, то я бы сказал, что поток современной западной культуры отличается пошлостью. Эта пошлость переполняет досуг людей, развлечения и медиа. И от них обратно отражается на жизнь: массовая передача пошлости портит жизнь, запечатлевается на жизни. Вот я и разрешу себе перейти ко второму

вопросу господина Моримото относительно японской культуры, это связано. Я должен сказать, что я поражен, в каком количестве японских пьес и фильмов содержится моральный вывод и моральный принцип. Иногда очень высокий. И всегда усилия автора направлены к тому, чтобы морально укрепить своего читателя или зрителя. Как это не похоже на то, что разливается по американскому кино и театру, какое количество там бессодержательных и даже злых сюжетов, связанных с убийствами, развратом, гомосексуализмом. Относительно японской культуры можно сказать, что она всеми силами старается удержать национальные традиции и корни. В них — спасение. Однако исход поединка с современностью, дуэли с современностью, пока еще не ясен.

Моримото: А каково мнение господина Ясуока по этому поводу?

Ясуока: Я очень благодарен за вашу высокую оценку японской культуры. Вы сказали, что в японской культуре, например в кино и театре, как выход или исход берет верх моральное стремление. Очень благодарен. Но вот вчера мне пришлось познакомиться с произведениями новых молодых писателей для того, чтобы присудить первенство одному из них. Осталось только три произведения из многих, но все эти три были против вашего высказывания, против вашей надежды. В первом произведении человек убивает своего отца из-за алкоголизма. Во втором рассказано о человеке, который издает порнографический журнал, он исходит из того, что именно такими вещами поддерживается культура, и он своей деятельностью в этой области надеется преобразовать общество. А в третьем человек приходит в такое состояние, может быть из-за слишком большого самообвинения, что в конце концов заливает свой, понимаете, член горячим кипятком, сжигает. Я не хотел бы дальше продолжать в этом роде, но, мне кажется, сейчас в Японии культура тоже подвергается западному влиянию, которое заключается в проповеди саморазрушения.

Солженицын: Господин Ясуока поправляет меня в сути суждений. Я и предупредил, что они могут быть пока очень первичные, поверхностные. Я еще продолжу смотреть фильмы, чтобы понять это лучше. Но господин Ясуока не опровергает моего, так сказать, делового совета: что надо держаться за национальные традиции, корни против разрушительного потока западной культуры.

Ясуока: Сто лет тому назад Япония приняла западную цивилизацию и образование по-европейски. После падения власти Токугавы люди начали считать, что принимая идею свободы личности,

можно превратиться в такого цивилизованного человека, как на Западе. Но принимая идею о человеке, о личности, о свободе, они упустили, что свобода — вопрос совести, они перестали обращать внимание на традиционные японские идеи достоинства, верности, уважения своих родителей. В нашем детстве, конечно, еще звучали такие темы, но в последнее время в произведениях искусства очень часто возникает тема убийства отца. В данном случае играет очень большую роль американская культура и литература. Что касается Америки, может быть убийство отца основано на их истории. Америка получила независимость от Англии, в борьбе с ней, может быть поэтому стало достоинством убить отца. Для американцев выше всего своя независимость; если будет отвергнуто убийство отца, то Америка сама может быть в чем-то разрушена, может потерять свою моральную основу. Мы уважаем американское чувство самостоятельности, но когда эта американская идея войдет в Японию, то, мне кажется, может создаваться очень сложное положение в Японии.

С о л ж е н и ц ы н: Я совершенно согласен с господином Ясуока, его замечания весьма глубоки. В Америке защита личности доведена до абсурда, в ущерб интересам общества. И можно сказать, даже без парадокса, что американские законы по сути говоря защищают преступников. Вот почему действительно для Японии сложное положение: Америка с одной стороны для них главный союзник и защитник, а с другой стороны несет в себе столько моральных опасностей.

Я с у о к а: Конечно, в американской цивилизации имеются очень негативные стороны. Но, однако, хорошая сторона — уважение к личности. А что касается Японии, то мы уже несколько тысяч лет живем на таких маленьких островах, в густоте, и мало обращаем внимания на свободу личности.

С о л ж е н и ц ы н: Ну, уважение к человеку и уважение к достоинствам личности в Японии никогда не угасало, оно всегда было.

Я с у о к а: Я недавно читал произведение молодого русского писателя Распутина под названием "Живи и помни". Это произведение получило государственную премию СССР. Я вообще считал раньше, что произведение, которое получает сталинскую премию, — невысокого качества. Но мое предубеждение было ошибочным. В этой повести Распутина речь идет об одном дезертире и там очень тепло говорится о его жене, которая защищала мужа. Во время войны я тоже был мобилизован, находился в армии, но тогда, надо сказать, само дезертирство очень было трудно, тем более что в японском обществе смотрели на дезертирство другими глазами, не так тепло, как написано в повести. Мы узнаем вот из ваших произведений,

какой под Сталиным был режим строгий. Тем более я удивляюсь такому очень сильному стремлению к свободе, даже самозащите против насилия.

М о р и м о т о : Наша тема очень расширилась.

С о л ж е н и ц ы н : Все же я сделаю маленькое замечание. По поводу удивления господина Ясуока, что в Советском Союзе государственную премию вдруг может получить хорошее произведение. Я сам так же точно всегда думал, что не может, но за последнее время здоровые силы литературы так неудержимо растут, что даже режим не может сманеврировать и иногда вынужден хорошему произведению дать премию. Валентин Распутин смело поставил большой вопрос. А чтобы понять всю уродливость коммунизма: во 2-ю мировую войну солдаты, которые отважно сражались, до последнего, и потом попали в плен, они получали по 10 лет тюрьмы.

М о р и м о т о : А что касается Японии: те, кто попал в плен, а потом возвращались в свою родную роту — им пришлось самоубийством кончать. По состоянию общественного мнения они не могли поступить иначе.

С и м и д з у : Вы в своем впечатлении о Японии указали на здоровое состояние японской семьи.

С о л ж е н и ц ы н : Я выразил надежду, я определенно не знаю.

С и м и д з у : По этому поводу среди японцев тоже есть два мнения, положительное и отрицательное, пессимистическое можно сказать. Если спросить американских и советских людей, то наверно больше можно услышать оптимистических мнений по этому поводу. Вы сами жили в Советском Союзе, теперь живете в Америке, поэтому, исходя из своего двустороннего опыта, вы можете сравнивать и с жизнью в Японии. Справедливо сказать, в японской семье еще сохраняется более здоровое состояние, чем в Америке и в Советском Союзе. Однако последнее время, мне кажется, начали появляться деформированные семьи. Может быть у нас дело еще не дошло до такого положения, что можно назвать его уже нездоровым или гибельным, как наблюдается на Западе. В старое время Достоевский говорил о случайной семье, где члены семьи направлены в разные стороны, нет общности и соединенности, не объединены они одной идеей. Вот то же самое, может быть, в Японии в наше время. Тем не менее я думаю, что если в Японии будут сохранены традиции нашей национальной цивилизации и культуры, то на этом пути может быть удастся улучшить положение. Почему нас могут ожидать изменения к лучшему? Потому что, хотя Япония до сих пор следовала за европейской цивилизацией, но в последнее время у нас стали замечать, что на

Западе идет разрушение семьи. Что касается отношений между личностью и семьей, то, как господин Ясуока отметил, в нашей литературе тоже появился герой, который борется за самостоятельность, это даже стало темой нашей литературы. Но мне кажется, теперь японцы начали понимать, к чему приводит установление такой независимой личности, на примере Запада или Америки, японцы начали понимать, что это принесет. Десять лет тому назад я был в Америке и встретился с профессором Робертом Таккером. Тогда наш разговор зашел о хиппи и мы говорили, что вот хиппи стремятся разрушить свою прежнюю семью, а ведь хотят создать свою новую. Противоречиво их мышление. Господин Таккер говорил, что важно не само отстаивание своей личности, а гармония между установлением личности и массовой жизнью, что ли, обществом. Что касается убийства отца, то издавна есть такие произведения. Ведь когда создавалась какая-нибудь политическая система, то обязательно происходило какое-то убийство, между родными, можно привести пример из римского времени или даже из Библии, о Каине. Традиционно при перемене политической системы наблюдалась такая ситуация.

Мне кажется, что нам надо было бы больше уделить внимания второму слою вопросов, которого вы касались, то есть беззащитного положения Японии сейчас.

С о л ж е н и ц ы н: Вы имеете в виду беззащитность относительно чего — коммунизма или потока цивилизации?

С и м и д з у: Против коммунизма.

С о л ж е н и ц ы н: Я хочу только два слова сказать. Я с большим сочувствием выслушал взгляды господина Симицзу, и меня порадовала его обнадеживающая оценка семьи в Японии. А что всякое изменение политической системы связано с убийствами — нет, не всякое! И надо стремиться к тому, чтобы крупные реформы делать мирным путем. Это высшее искусство. В начале этого века крупный русский государственный деятель Столыпин как раз быстро реформировал Россию без кровопролития, если не считать казни террористов, просто убийц. Наши надежды — моя и моих единомышленников — на то, чтобы изменить советскую систему без кровопролития, без убийства еще 20–30 миллионов человек. Это невероятно трудно, но только вот такая победа духа дает плодотворное развитие в дальнейшем.

М о р и м о т о: Поскольку господин Кимура давно вас знает, хотелось бы попросить его сказать относительно вашей связи с Японией и японской культурой.

К и м у р а: Я последние три недели здесь вместе с господином Солженицыным. Что касается его интереса к Японии, то он большой,

особенно последние эти 3—4 года. Вообще к Японии большой интерес у интеллигенции Советского Союза, России. Первое же произведение Солженицына "Один день Ивана Денисовича" произвело очень большое впечатление на японских читателей. В прошлом году, когда я встречался с вами, я рассказал вам, что в Японии русские классики очень много читаются. Об этом вы, кажется, не знали и поэтому удивились. Так высоко ценили японские читатели произведения русских писателей, но за последние 60 лет, после установления советского режима, было мало хороших произведений. Однако "Иван Денисович" был большим подарком для японских читателей. Я думаю, что Япония после Франции, наверно, самая большая страна, где переведены почти все ваши произведения. Их воспринимают высоко, как художественные, но с другой стороны, поскольку ваши произведения обличают систему советского режима, они также воспринимаются высоко и в политическом отношении.

М о р и м о т о: Теперь разрешите познакомить вас с профессором Кацуда. Мы ожидаем от него вопроса.

К а ц у д а: Прошу извинить меня за то, что я запоздал, я прилетел только сегодня. Я получил большое впечатление от вашей речи 9-го числа. Большей частью я полностью согласен с вашим мнением, я потом это выскажу. С другой стороны, я тоже получил большое впечатление от вашей способности создать какую-то особую атмосферу. Как Тургенев отзывался высоко о русском языке, так у вас произнесение на русском языке вашей речи было очень эффектно. Вы очень похожи были на Достоевского, когда стояли на этой трибуне. Вы говорили, что у японцев остается еще способность самоудержания. Даже для меня, который живет долго в Японии, это очень сложный вопрос. Достоевский сказал вечное слово: если Бога нет, тогда все позволено. Я думаю, это правильно. По-моему, свобода не может существовать без какого-то авторитета. Если нет чего-то выше человека, то свобода стала бы какой-то развратной. Но вот в Японии христианство не смогло укорениться. Что касается Синто, то трудно сказать, можно или нельзя назвать его религией. А что касается буддизма, то, мне кажется, эта религия потеряла в последнее время способность захватывать души людей. Однако вы говорили, что, тем не менее, по сравнению с европейскими странами, у нас в Японии остаются еще силы самоудержания. До некоторой степени я согласен с вами. По-моему, критерий поведения японцев основывается не на морали, а на эстетике.

С о л ж е н и ц ы н: Это очень интересно.

К а ц у д а: Например, наш премьер, вы упомянули, что он не останется на посту председателя. Но ведь он имеет большинство

своей партии, поэтому, если он хотел бы, то мог задержаться на этом посту. Однако относительно такого его решения — отречься от своего поста — наш японский народ, масса, тоже и политические деятели и даже статьи газет отзываются очень хорошо. Они говорят в том смысле, что его решение отважное или, понимаете, очень честное, и эстетически его высоко оценивают. Это именно традиционная японская культура — достоинство поведения. Поскольку сохраняется у нас такая эстетическая точка зрения, мне кажется, у нас в Японии не будет такого падения морального уровня, как в Америке или Европе.

С о л ж е н и ц ы н: Не только падения морали, но может быть и такой пошлости. Запад заливает пошлость. Буквально нет ни одного великого вопроса, который бы не измелчили. Нет великого поступка, который бы не изгадили, не снизили, не опорочили. Роль эстетики в Японии нельзя не заметить. Но мне кажется чрезвычайно интересной мысль профессора Кацуды, что и мораль в Японии держится на эстетизме. Всемирно известно положение, что есть три высших принципа: Истина, Добро и Красота. Ее часто повторяли многие мыслители, в том числе Достоевский. И Достоевский даже предсказал, что Красота спасет мир. Но если мы будем рассматривать жизнь многих стран, то чаще найдем, что там основа или рациональная, то есть истина, есть она или нет, в какой мере, или моральная, то есть добро, или борьба с добром, аморальная основа. А красота всегда казалась в эту триединую формулу искусственно добавлена. Япония в трактовке профессора Кацуды как раз дает такой пример, где бой идет за красоту, за степень приятия или неприятия красоты. Вероятно, Япония не единственная такая страна, наверно не единственная, но очень яркий пример.

Кацуда: Ваша критика Америки мне кажется очень схожей с критикой Герцена. Герцен бежал из России в 1847 году и потом, находясь за границей, разочаровался во Франции, в Германии, в Англии. Хотя тогда произошла французская революция, в 48-м году. Герцен в своей критике Европы указывает, что в Европе рождается массовый либерализм, а личность занимается пустяками, вырождается. Духовно Герцен возвратился в Россию. Вы разочарованы в Европе, а также в Советском Союзе, трудно найти, куда возвращаться вам пока.

С о л ж е н и ц ы н: Герцену критиковать западную жизнь было трудней, чем мне, потому что все плоды разложения еще так не раскрылись, как сейчас. Сегодня разложение Запада видно каждому. Но с другой стороны, духовный возврат в Россию для Герцена был легче, потому что Россия реально существовала. Мне трудней потому,

что Россия как таковая искажена, изрезана, извращена, что прямо, открыто она не существует. Ее надо еще от этого извращения освободить и потом лечить от последствий коммунизма 200 лет.

М о р и м о т о : Теперь мы бы хотели слышать ваше мнение относительно будущего Запада, а также Советского Союза. Вы в своей речи в Гарварде говорили, что в настоящее время западная цивилизация находится в очень трудном положении и как раз наступает время поворота цивилизации. Как вы считаете, каково будет дальнейшее развитие нашей цивилизации?

С о л ж е н и ц ы н : Те две опасности, которые, как я уже говорил, стоят перед Японией, они стоят передо всем миром. Одна опасность — это явная опасность наступающего коммунизма, который уже захватил 30 стран и продолжает наступать. Вторая опасность — что само течение цивилизации грозно губительно для всего человечества. Сейчас в человечестве нет ни одного народа и ни одного государства, которое давало бы полностью благодетельный пример своим устройством жизни и своей нравственностью. Человечество все больно, и поразительно, поразительно, что в таких абсолютно противоположных системах, как Советский Союз и Соединенные Штаты, мы вдруг видим похожие черты разложения. Разложение семьи, потеря интереса к труду, дурное воспитание подрастающего поколения. Казалось бы — как же из разных причин, из разных как будто источников может выходить одно и то же следствие? А дело в том, что по-настоящему обе системы — и нынешний Запад и нынешний коммунизм, они исходят из одного и того же корня, безрелигиозного гуманизма. И даже если бы не было сейчас коммунистической угрозы, все равно во всех странах шел бы этот процесс разложения. И на эту опасность, так как меня спрашивают о будущем, я отвечаю: смотреть оптимистически не могу, вопрос не решен, ясно, что мы все погибнем, если не вернем себе сознания Целого и Высшего над нами, в пользу которого, высшего, мы должны самоограничиваться все, и люди, и нации. Широко по Западу, всюду и везде, на каждом месте, да и в Японии, говорится "свобода, свобода, свобода. . ." — и почти никто не призывает к самоограничению. Мне недавно попалось выступление одного японского публициста, который в японском журнале отвечает на мою гарвардскую речь. И он отвечает так: как это я, в Гарварде, выступаю за моральные ценности? — это неправильно, он пишет, это неправильно. Свобода — только тогда настоящая свобода, если у нас есть и полная свобода зла. А вот это и есть порочный взгляд, который распространен по всему Западу широко. Да, мы созданы Богом с полной свободой добра и зла, но это не значит, что мы должны

осуществлять всю эту свободу. Мы сами должны отсечь зло и не делать его, хотя имеем свободу делать его. Так вот, я думаю, что будущее человечества в отношении этой второй опасности зависит от того, проникнемся ли мы идеей, что мы существуем не для того, чтобы как можно шире свободу осуществлять, а для того, чтобы сами себя жестко ограничивать, сами себя. Теперь, что касается опасности коммунизма. Я должен сказать, что эта опасность как раз как будто наиболее видна, ее трудно не заметить, как коммунизм шагает по земле. Но Запад умудряется как будто этого не замечать, Запад верит любой игрушке, которую ему покажут, чтобы отвлечь. Запад верит любой иллюзии. Куба сказала, что *может быть* уберет войска из Анголы, и уже сразу крупные заголовки — "Куба скоро уйдет из Анголы". Польский министр иностранных дел заявил сейчас на сессии ООН — *"вообще* мы отменим военное положение", и уже радостные голоса — "скоро Польша отменит военное положение". А они вместо этого взяли и запретили "Солидарность". Я бы сказал, что происходит вообще страшный процесс на Западе: общее падение мужского начала, падение духа к сопротивлению, к борьбе, падение воли. И внешне это сказывается, например в том, что вдруг мальчики начинают ходить, как девочки, с такой же прической. Или в Америке широко развит гомосексуализм и все время о правах гомосексуалистов говорят. Нынешнее молодое поколение Запада, да наверно и Японии, больше всего боится жертв и горя. И настроение на Западе такое: уступить хоть три четвертых, хоть четыре пятых мира, понимаете, только пока самим как-нибудь еще потрепыхаться, еще пожить. Отсюда и вера в эту самую ложную "разрядку", которой никогда не было, ни одного дня. Поразительно, уже пятнадцать народов восточной Европы и восточной Азии вместе говорят одно и то же, то есть народы сами, страдающие народы рассказывают об ужасах коммунизма: из Советского Союза, из Восточной Европы, и из Восточной Азии, из Вьетнама, из Камбоджи, из Лаоса, — все одно и то же говорят. Западу говорят. Но западные интеллектуалы не хотят этого слышать, они считают себя умнее. Коммунизм сам по себе очень силен, но он особенно силен из-за упадка духа Запада. И моя речь 9-го числа в Японии была — призвать к тому, чтоб у вас не произошел этот упадок духа. Так и о главной опасности я должен сказать, что стоит все на качающихся весах и даже перевешивает в худшую сторону. Тем не менее, хотя дела даже еще хуже, уже видно возобновление дружбы Советского Союза и Китая, я на угрозу коммунизма смотрю более оптимистично, чем на угрозу общего разложения. Мне кажется, что коммунизм доходит до какой-то черты, до какого-то мирового объема, за которым

он уже сам себя не будет держать. Но коммунизм может быть свален только взаимным сочетанием двух условий — сопротивлением угнетенных коммунизмом народов, которые хотя и редко выходят взрывами наружу, но сопротивление все время нарастает, во всех странах; и стойкостью остального свободного мира. Если свободный мир не будет стоек, то угнетенным народам почти невозможно освободиться. По крайней мере, свободный мир должен уметь защитить сам себя, чтобы коммунизм перестал расширяться, и тогда в нем проявятся внутренние процессы развала. Семь лет назад в Вашингтоне я, обращаясь к американцам, говорил: вы нас не спасайте, мы сами себя спасем, но вы только пожалуйста перестаньте давать землеройные машины нашим палачам, чтобы они нас закапывали в землю. К сожалению, и Европа и Америка, в том числе и Япония, все продолжают наперебой подавать "землеройные машины" и всякую помощь, чтобы коммунисты крепче сидели. Всякие экономические сношения, торговля, займы, концессии, помощь, вот как Япония хочет помогать с добычей нефти на Сахалине, — все это укрепляет коммунизм. А Китаю, Китаю Япония готова помогать еще шире. Ну, себе, как говорится, на голову.

М о р и м о т о: Спасибо за ваше выступление, за ваши мысли. Теперь сделает замечания господин Ясуока.

Я с у о к а: Конечно, в нашем мире существует противостояние коммунистического и свободного режима. Вы сравнивали кризис в нынешнем мире, а именно разложение цивилизованного общества с раком. И в "Раковом Корпусе" вы писали о процессе ракового разложения. Но как вы считаете, что такое жизнь вообще?

С о л ж е н и ц ы н: То есть, я так понимаю вопрос господина Ясуока. Он не спрашивает меня, что такое биологическая жизнь, а в чем смысл жизни человека, так? Для чего человек живет? Или что-то иное он хочет спросить?

Я с у о к а: Самой жизни нашей. Я именно задал такой вопрос, исходя из того, что на Востоке восточные народы не так различают жизнь физическую от жизни духовной. И может быть вы согласны с таким мнением?

С о л ж е н и ц ы н: Вы хотите спросить меня о соотношении духовной и физической жизни человека, так я понимаю? Духовной и физической стороны нашего бытия? И каковы в связи с этим перспективы личной человеческой жизни? Мой взгляд несомненно можно назвать скорее восточным, чем западным. На Западе слишком многое сводится к материально-биологической стороне жизни организма. Я наблюдением многих лет и собственным испытанием в раке убедил-

ся, что по-настоящему наш организм ведется не физико-химическими процессами в клетках, а нашим духом. И если говорить о смысле нашей жизни, то тут опять существуют поляризованные взгляды, западный и восточный. Западный взгляд состоит в том, что человек создан для счастья, цель его земной жизни — испытать как можно больше счастья. Я считаю это опасным заблуждением, и когда оно кладется в основу государственного устройства, как на Западе, оно и ведет к сегодняшнему разложению. Цель жизни человека не в счастье, а в том, чтобы за долгий жизненный путь духовно подняться, стать к смерти существом духовно более высоким, чем родился.

К а ц у д а: Вы отметили, что и у Запада и у России имеется общее основание в том смысле, что там существует гуманизм без Бога.

С о л ж е н и ц ы н: Не у России, а у Советского Союза.

К а ц у д а: И в этом отношении я бы хотел спросить о будущем. Считаете ли вы возможным в России возрождение гуманизма с Богом?

С о л ж е н и ц ы н: Видите, такого понятия — "гуманизм с Богом" — по-моему не существует. Гуманизм если не начнет, так кончит тем, что подставит вместо Бога — человека. А существует христианство. И в смысле христианства, да, не только я думаю, что возрождение произойдет, но оно уже сейчас значительно происходит.

К а ц у д а: Именно в каком виде, где?

С о л ж е н и ц ы н: Это происходит в разных формах, вот подобно тому, как река бывает снаружи замерзшая, а внизу течет вода и рыба живет. Подобно этому религиозная жизнь в Советском Союзе снаружи так задавлена, что не может о себе заявить, и официальная церковь настолько придавлена государством, что тоже не смеет ничего заявить, ну, иерархи, ведущие церковные деятели. Но происходит возврат самого народа к Богу. Вот я жил, например, в Рязанской области и могу сказать, что в Рязанской области крестят 70% младенцев, хотя это всячески преследуется властями. А в мою молодость, в 30-е годы, молодежь вся была захвачена марксизмом и верила в мировую революцию, тогда молодежь в церкви нельзя было увидеть, а сейчас зайдите в церковь православную в России и вы всегда увидите значительное число молодежи, причем и из самых интеллигентных слоев. То есть, происходит исторический поворот интереса молодежи. Если в середине XIX века молодежь бросалась в революцию, в нигилизм, то сейчас она, наоборот, тянется к религии. И не случайно, что коммунизм смертельно боится именно религии. Посмотрите, как арестовывают в России православных, в Литве католиков, повсюду баптистов, пятидесятников. Жестоким срокам подвергаются молодые люди, которые создали и вели христианский

семинар — Огородников, Пореш. В тюрьме известный священник Глеб Якунин. Сейчас арестовали в Москве Зою Крахмальникову за то, что она в Самиздате издавала только сборники христианского чтения, больше ничего там не было. Конечно, процесс излечения очень долгий, и я повторяю, что нам лечиться от коммунизма еще надо 200 лет.

С и м и д з у: За последнее время мне несколько раз встречались сведения о новых проявлениях русского самосознания. Существует ли связь между новым национализмом и возрождением христианства в России? И имеет ли какое-нибудь сравнение сегодняшняя ситуация с западниками XIX века и славянофилами? Существует ли сегодня в СССР противостояние между ними?

С о л ж е н и ц ы н: Сейчас стало модно среди западных наблюдателей и критиков: сводить внутренние течения в нынешней стране, в СССР, к наследству прошлого, к западникам и славянофилам. Я должен сказать так, что прямого наследства, во всяком случае от славянофильства, я не вижу и сам не испытываю. Конечно, в России, в стране, которая лежит между Западом и Востоком, должны всегда быть колебания более восточного или более западного понимания. Сахаров считает, что надо в будущей России максимально копировать западную систему. Я считаю, что нужно развивать традиционные русские формы, которые не совпадают с западными. Среди таких форм, например, отсутствие партий. Или: наше прежнее представительство, так называемый земский собор, совещательно искало *единое* решение, которое было формально необязательно для царя, но морально он не мог не выполнить его. Далее, Сахаров верит до сегодняшнего дня в идею конвергенции, то есть, что западные и восточные системы постепенно превращаются друг в друга, и это мол хорошо. Сахаров верит во всесторонность и непрерывность общечеловеческого прогресса, он верит, что действительно идет все время общечеловеческий прогресс. А мне, наоборот, гораздо виднее плоды нравственного регресса, а прогресс технический — это еще мало радости. Далее Сахаров считает, что экономика не должна быть в компетенции нации, но только межнациональная, и должно быть мировое правительство. Я считаю, что если в маленьких странах то и дело открываются коррупция и бесчувственность правителей к делам маленьких людей, то мировое правительство, оно вообще ничего не будет знать и понимать, где что делается. Сахаров считает, что нация сама не должна вести своей экономикой, экономика должна быть сквозной по земле, единой, а раз так, то кто будет ею управлять? — мировое правительство? А я считаю, что это будет только бестолочь, вообще уже концов

не найдешь, потому что не дозовешься до этого всемирного правительства, не объяснишь своих национальных бед и потребностей. Какое может быть мировое правительство, если Объединенные Нации — балаган, просто балаган, где справедливости не дождешься. В соответствии со своими взглядами Сахаров считает, что наши проблемы, внутри Советского Союза, должны быть решены давлением иностранных правительств, парламентов и обществ. И считает, что мы уже столько понесли жертв внутри страны, что нельзя призывать к жертвам наше население. А я считаю, что с Запада достаточно, если он спасет сам себя. А мы, да, мы тоже должны сами себя спасти и, да, без добровольных жертв не спастись. В частности наш спор также пришел к вопросу об эмиграции. Сахаров считает, что эмиграция является важнейшим правом человека. А я считаю, что это 35-е право человека. Мы лишены у себя в стране чистого воздуха, чистой воды, питательной пищи, возможности рожать детей — у нас падение рождаемости, нет возможности обрабатывать землю, и могу насчитать таких 34 права, а 35-е будет право эмиграции. Совершенно дикая была бы мысль предложить Японии от своей тесноты уйти тем, что уехать с этих островов совсем. Но на Западе, в Америке особенно, эту эмиграцию действительно переставили вперед как самую главную проблему Советского Союза и человечества, понимаете? Можно было бы продолжить список этих расхождений, но я хочу только сказать, что вот эти основные разности взглядов нельзя считать прямым наследием западничества и славянофильства. Это лишь следствие того, что Россия стоит между Западом и Востоком.

С и м и д з у: Я вполне согласен с вашим мнением, особенно в той части, которая имеет философский характер. Я получил в своей молодости очень глубокое впечатление от произведений Достоевского и Бердяева. Во-первых, относительно вопроса о свободе. Я так считаю: нельзя допустить свободу, которая губит свободу. На Западе разрешается такая свобода, которая подстрекает к насилию. Я не знаю, поместят ли это газеты или нет, но в общем у нас в Японии тоже пользуются такой разрушительной свободой в отношении изданий, свободы слова и так далее. И в результате получается, что мы поддерживаем такие свободы, которые могут погубить Свободу. Во-вторых, что касается кризиса на Западе, то конечно есть опасность от стремления коммунизма расширять свои области влияния. Но, мне кажется, главная опасность для Запада находится в самом Западе, то есть там постепенно наблюдается деградация духовной силы и тем самым падает и мораль. Как вы знаете, в Китае был такой известный философ Лао-Дзы, он говорил так: если оглядываешься на себя и находишь себя правильным, то иди даже на тысячу!

С о л ж е н и ц ы н: Хорошо, хорошо!

С и м и д з у: В этом отношении у Запада больше всего не хватает духовной силы. На Западе люди думают только о своей жизни и не думают о своей смерти. Жизнь без мыслей о смерти является очень узкой жизнью и при этом тоже теряется духовная сила. А иной до того предан удобству своей земной жизни, что даже готов не считаться со своей семьей, с женой и детьми, готов даже покинуть их и даже свою родину. Неспособность жертвовать — основа западного пацифизма. Из-за такого положения на Западе, он постепенно и завоевывается коммунизмом.

С о л ж е н и ц ы н: Ну, конечно. Если молодежь согласна защищать свою родину только за деньги. Что значит добровольный набор в армию? Это есть армия наемников. "Если хорошо заплатят, то я родину буду защищать."

С и м и д з у: Поэтому, я считаю, в отношении диагноза болезни Запада мы согласны с вами.

К и м у р а: Но относительно понимания русской литературы в Японии у меня довольно пессимистическое мнение. Хотя у нас русскую литературу хорошо читают, довольно много, Толстой, Достоевский, но то, что в основе русской литературы лежит идея или мышление, христианское мышление, японцы не сознают. Когда появился ваш первый рассказ "Иван Денисович", я немножко написал о том, что все-таки появился писатель, который пишет о Боге, наконец-то за 60 лет после революции. Но тогда очень мало заметили это. Конечно за последнее время говорят, что вы довольно много пишете о Боге, о религиозной стороне.

М о р и м о т о: А что возражает господин Кацуда?

К а ц у д а: Я говорю, что не совсем согласен с таким мнением. Поскольку в самой Японии не так-то много верующих христиан, поэтому может быть японцы не сознают так отчетливо вопроса о Боге. Однако, не так мало людей чувствуют, что человек является очень маленьким существом, хотя, может быть, не сознавая Бога.

С о л ж е н и ц ы н: И интересно: как приходит такое понимание? Ведь кажется, если не иметь сознания о Боге, то какая мерка может быть для человека? Почему человек маленькое существо?

Я с у о к а: Конечно, нет у нас, у японского народа, такого отчетливого Бога, как у вас. Но, тем не менее, смутно японцы чувствуют, что что-то есть сверх нашего существования.

С и м и д з у: Большинство из ваших произведений касаются русской революции. Вот говорили, что вы сейчас пишете новое произведение под названием "Красное колесо". Я очень интересуюсь, как

ваше произведение будет оценивать русскую революцию? Если у нас в Японии еще имеется какое-то согласие среди людей относительно марксизма и так далее, то нет его о революции в России. Даже среди людей, которые критикуют сталинизм, есть такое понимание, что русская революция это отдельное дело. Такое мнение существует, что русская революция это самое большое событие в XX веке, открывшее новый мир, и событие очень прогрессивное. Но сейчас через 65 лет после русской революции, в отношении февральской революции 17-го года можно дать такую оценку, что она имела какой-то смысл в освобождении от диктата. Однако в отношении октябрьской революции у меня лично такое мнение, что это было переворотом, и тем самым, наоборот, уничтожены новые побеги февральской революции. Каково ваше мнение?

С о л ж е н и ц ы н: Могу сказать. Конечно, нельзя предварять роман объяснением, но я скажу только два-три слова. Я 45 лет занимаюсь этой темой и 45 лет изучаю историю революции 17-го года. Действительно, революция 17-го года отпечаталась на XX веке так, как французская революция на XIX. Но я должен сказать, что под словами "революция 17-го года" я понимаю некий единый процесс, который занял по меньшей мере 13 лет. То есть от февральской революции до коллективизации 30-го года. Собственно, только коллективизация и была уже настоящей революцией, потому что она совершенно преобразила лицо страны. Так вот, я должен сказать, что я за эти 45 лет установил, что процесс совершенно единый, из февральской революции не мог не вытечь октябрьский переворот, он должен был выйти из нее. Вот пересчитывая день за днем революции, я убедился, что уже в марте 1917 октябрьский переворот был решен. Что есть единая линия: февральская революция — октябрьская революция — Ленин — Сталин — Брежнев. Так же в общем и во французской революции, во французской революции тоже каждое последующее вытекало из предыдущего. Революция никогда не бывает сотрясением двух-трех дней, это неправильно называют революцией. Революция — это когда успевают изменить лицо страны.

С и м и д з у: Процесс этот, вы считаете, продолжается и сейчас?

С о л ж е н и ц ы н: Нет, я сейчас назвал Брежнева в том смысле, что он продолжатель предыдущего. Нет, процесс давно уже пошел другой. Уже лет 20 идет обратный процесс у нас, но это еще пока не видно, как тает под снегом вода.

С и м и д з у: Когда этот процесс выйдет наверх, какую вы могли бы предполагать систему и строй?

С о л ж е н и ц ы н: Как я уже сказал, об этом у нас нет единого мнения в стране, есть ряд течений. Но если вы спросите меня, чего хотел бы я, то я бы хотел, чтобы мера была прежде всего нравственная, то есть, чтобы социальные учреждения, социальная структура государства не считалась первичной, а первичным было бы воспитание человека. Мое убеждение, что все дело в людях, а социальная структура вторична. Вот почему в Японии устойчивая традиция дает большую надежду: потому что она внутри людей. Это гораздо важнее того, какая у вас конституция и какой у вас парламент.

К а ц у д а: Я считаю очень поучительным ваше высказывание о трагичности свободы. Я хотел бы сказать, что свобода создается очень ограниченным слоем людей, которые имеют очень высокое знание или самосознание, то есть, свобода озаряет прежде всего вершину горы, только, а потом середину, и только в конечном счете озаряет подножье горы. И на это потребуется может быть 50 и 100 лет еще, мне кажется.

М о р и м о т о: Спасибо большое за ваше участие в сегодняшней беседе, мы очень благодарны и признательны за ваши высказывания по разным вопросам.

С о л ж е н и ц ы н: И я благодарен всем собеседникам. Мне пришлось за 8 лет на Западе участвовать во многих интервью и дискуссиях, но мне ни разу не было так интересно, как сегодня.

МЕЖДУ СТАЛИНЫМ И ДЕ ГОЛЛЕМ

Москва, декабрь 1944

Осенью 1944 я был в Женеве. С конца августа Генеральное консульство представляло там, по мере сил, Временное правительство. Я работал там вплоть до получения назначения на должность генерального консула.

Где-то в середине ноября из Парижа приходит телеграмма: "Не смогли бы вы поработать русским переводчиком на крупных международных переговорах?" Отвечаю, что русский я знаю, но не имею профессиональной практики. Через три дня новая телеграмма: "Немедленно приезжайте в Париж".

Изморозь, дорогу заливаает, шины лопаются, но наконец 21 ноября мы прибываем в Париж. Я успеваю позвонить Пьеру Паскалю в Нейи, навестить их — его и его жену, невинных и сердечных, и одолжить у них карманный словарь. В пятницу 24 ноября мы вылетели из Бурже и вернулись в Орли 17 декабря. Словаря — ни следа! Он остался где-то в Москве.

Пьер Паскаль давно меня простил. Уже когда он экзаменовал меня по русскому языку на конкурсных экзаменах для поступления в Министерство Иностранных дел, он снисходительно смотрел на мои оплошности, ошибки и неточности словоупотребления.

Пусть же рассказ об этой поездке, в которой меня сопровождали его идеи и умонастроения, явится сегодня данью моего уважения к тому, кого я впервые встретил в 1934 и от кого на протяжении всех этих лет неизменно получал только благодеяния, мудрые советы, поддержку и дружбу.

В этот рассказ, написанный в январе 1945, была внесена только небольшая стилистическая правка и вычеркнуты несколько суждений об участниках событий. Он просто отражает мое тогдашнее умонастроение. Примечания, сделанные 36 лет спустя, уточняют некоторые положения, в основном, по документам, хранящимся в Архиве Министерства Иностранных дел.

Май 1981

1

Из Парижа в Баку летим при ясной погоде, каждый день приемы и обеды, интересных встреч мало. В Тунисе я попросил, чтобы меня

* Jean Lalou, дипломат, профессор, академик, перевел в 1943 на французский язык "Рассказы странника". Автор книг о Ленине и Международной политике.

представили Генералу. "Очень рад познакомиться. . ." — говорит он приветливым глухим голосом. Он действительно очень высокий, немного грузный; мешки под сосредоточенными глазами выдают усталость, следы которой постепенно пройдут во время поездки. Огромный нос, как бы не зависящий от собственно лица. Редкая, но тоже огромная улыбка, открывающая все зубы. Весь облик Генерала напоминает очень крупное животное — диплодока, как говорят некоторые, но скорее — большую обезьяну, задумчивую и надменную. Дух же, который оживляет эту большую машину, — поразительно человеческий. Он толкает ее кружить в гостиных, обращаться к дамам без пустых любезностей, всегда простой, прямой и сильный. Ни следа робости, о которой много говорили, а только сильное желание не обращать на себя внимания, избегать популярности и лести.

В Тегеране собралась французская колония, как всегда немного странная: пожилые услужливые дамы, отставные чиновники, несколько молодых кудрявых людей, — местные французы.

Генерал глухо произносит краткое приветствие, которое трогает больше, чем его сильный голос по радио.

"Мы подходим сейчас к последнему этапу — к победе. Нет, неверно сказать — последнему. После победы наступает мир и с ним величие, величие страны, которое каждый должен отстаивать и которому мы все должны способствовать. Так мы действительно воссоздадим Францию. Да здравствует Франция!"

На следующий день, в понедельник 21 ноября, нам еще удастся долететь до Баку. Но, начиная с этого момента, нужно приноравливаться к температурным условиям, а также и к советской власти. Нас дотащит до Москвы специальный поезд, с заездом в Сталинград. Перелетев через свинцовое Каспийское море, едва заметное в разрывах плотного слоя облаков, мы приземляемся в Баку. Меня тут же подталкивают к Генералу — нужно начинать переводить. После знакомства, потребовавшего элементарного запаса слов, резковатый оркестр исполняет слегка упрощенную в некоторых — вероятно, слишком западных — местах "Марсельезу"; вдали хлопают на холодном ветру красные и трехцветные флажки. Они хорошо сочетаются друг с другом, напоминая о баррикадах, о том, как ликующий народ завоевывает свободу под солнцем Иль-де-Франса. Но мы в Баку. Советский гимн возвращает нас к могуществу Империи Советов. Мы занимаем места в машине с заместителем председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджана, маленьким приветливым южанином, преисполненным усердия. Как только въезжаем в город, я вижу людей, замотанных в бесформенную одежду, белые платки

вокруг голов, облезлые дома, неровные мостовые. Это старый добрый Советский Союз, который ничуть не изменился за четыре года.* Заместитель председателя периодически извиняется за свой город: "Это все война, мы не могли заниматься ремонтом и содержать город в хорошем состоянии, как раньше". "Да, да", — говорит Генерал, на мгновение останавливая полусонный взгляд на убогой толпе. Приехали. Быстро выходим из машины. Какие-то личности услужливо открывают двери лифта, вводят Генерала, неподвижного, как статуя. Дверь закрывается, лифт — ни с места. Возня вокруг замка, все попытки остаются безуспешными. Генерал держится прямо, как святой в своей нише. В лице его ничего не меняется. Наконец, офицеру милиции, уж не знаю, посредством какого внушения, удастся привести коробку в движение.

На пятом этаже нас ждут апартаменты 1900 года: белые занавеси с фестонами и ажурной вышивкой, мебель в чехлах, которые призваны не покрывать ее, но украшать, пальмы у окна, выходящего на серый в тумане порт.

Подают обильный завтрак, столь роскошный, что очень скоро гости уже совершенно сыты. Официанты в отчаянии, особенно один — приветливый и кроткий, как старый спаниель, одетый в белое, в теннисных туфлях, тщательно зачищенных и набеленных, которые сразу выдают натуру педантичную, покорную и дисциплинированную. "Возьмите, это очень вкусно", — доверительно говорит он мне, заметив, что я знаю русский. Генерал мало пьет, мало ест. Он слушает любезности заместителя председателя и нравоучительные речи Богомолова, советского посла в Париже, на которые кратко отвечает. Больше всего ему хочется скорее продолжить путь. Но на вечер запланировано посещение Бакинской оперы. Отъезд состоится только во вторник, в 11 часов.

Смертельно длинный вечер в театре, я от нечего делать разглядываю публику. Это не Россия, но уже СССР. Много военных, меньше нищеты, чем на улице. В антрактах за переполненным столом Генерал выпивает бокал вина и приветствует артистов. Возвращаясь в свою комнату, он садится и замечает адъютанту: "Все это очень мило, но пока мы ничуть не продвинулись".

На следующий день поезд медленно покидает Баку. Нам предстоит пересечь Россию. Я устроился в вагон-салоне Генерала, "новейший

* Время моего первого пребывания в СССР, во французском посольстве, руководимом тогда Эйриком Лабонном с помощью Жана Пейара; первый обладал умом сильным и провидческим, второй — человек интуиции, опыта и мудрости.

бронированный вагон”, — говорит Богомолов. “Может быть и бронированный, но во всяком случае не новейший”, — отвечаем мы, показывая на занавески с помпонами, на мебель, достойную великого князя. “Да, да, — настаивает он, — таков стиль вагон-салонов”. В этом дворце размещаются также глава кабинета Гастон Палевский, адъютант лейтенант Ги, Богомолов и его секретарь Ратиани, забавный бледный уклончивый грузин. Поезд тянется вдоль Каспийского моря. Вечером я узнаю от начальника охраны, что дорога займет пять дней. Осторожно передаем эту новость Генералу. Он немного бурчит, но, в сущности, этот вынужденный отпуск ему даже нравится, и, может быть, даже доставляет удовольствие.

Ночью мы пользуемся остановкой, чтобы пойти подышать свежим воздухом. Генерал накидывает шубу и прогуливается со мной и Ги. “Поездка очень приятная, хорошо бы только, чтобы за это время во Франции не произошла революция”.

Длинные и скучные обеды. Богомолов нас просвещает по всем предметам. Его лекции для меня мучение, так как он непрерывно просит меня подыскать нужное слово. Невозможно сосредоточиться. Иногда Генерал включается в беседу. Однажды вечером мы говорим о французской экваториальной Африке, о возникновении свободной Франции. Видно, что он привязан к этому периоду чувством самого глубокого патриотизма. У него, должно быть, часто были сомнения, и он остался благодарен тем, кто пришел ему на помощь в эти трудные времена. Вдруг он наклоняется вперед, облакачивается на стол: “Вы понимаете, господин посол, вот так мы и отвоевали Францию, самыми ничтожными средствами”. Его лицо воодушевляется, когда он говорит об истории, не только Империи, но об истории Франции в целом. Он прекрасно осведомлен о Франции всех веков. Однажды вечером, когда он показывает, как маршировали солдаты старой монархии, босиком или в деревянных башмаках, я думаю о Пеге, о его беседах с Галеви о солдатах 2-го года. Богомолов, не очень к месту, говорит о Виши, где он был поверенным в делах. Как-то вечером Генерал его обрывает: “Что характерно для людей Виши, — что они всегда хотели сыграть кому-нибудь на руку: то немцам, то англичанам, то даже русским. А вот мы, мы не играем. Для нас есть только Франция. Мы не подыгрываем ни англичанам, ни даже русским”.

С Армавира мы начинаем получать местные газеты, удручающие своей ничтожностью. Перевожу их Генералу, который интересуется всем, что в них содержится. Он хочет, видимо, составить себе представление о стране, в которой находится. Я не скрываю перед ним, что

мне очень скучны эти бесцветные и направленные исключительно на пропаганду статьи.

Однажды за обедом как раз говорим о пропаганде. "Пропаганда никогда ни к чему не приводила, — говорит он, — если она не опиралась на реальность. Нужны твердые факты. Они-то и делают всю пропаганду". Богомолов соглашается с этим мнением, хотя в нем содержится приговор целому пласту того режима, который он представляет.

В Моздоке мы выходим на платформу. Обгоревшие стены, обломки танков и самолетов вдоль расчищенных путей. "Не надо забывать, что немцы дошли досюда. И видите, как они сейчас сражаются. Это великий народ, весьма великий. У Эйзенхауэра в Бельгии ничего не выходит. Его дело не удалось. Война еще далеко не кончена..."*

По вечерам, когда наши русские хозяева отправляются спать, Генерал довольно часто возвращается в столовую, и мы все читаем в глубокой тишине. Иногда он высказывается. И очень четко: "Что нам нужно — это граница по Рейну. Нам нужно прочно утвердиться на Рейне, чтобы нас не могли оттуда вытеснить".

"Я не думаю, — робко вставляю я, — что по этому поводу у нас будут затруднения с русскими. Их устраивает все, что нас отделяет от Германии. Они нас, конечно, поддержат, даже, может быть, подтолкнут нас на этот путь".

"Но не думаю, — продолжает Генерал, — что они согласятся подписать об этом протокол. Они слишком осторожны".

"Я тоже не думаю, что они свяжут себя каким-либо обещанием. Они предоставят нам самим действовать и будут рады видеть, как мы продвигаемся".

"Сталин думает, что он меня одолеет посредством коммунистов. Богомолов — это профессор. Теоретические доклады составляет, очевидно, он. Ну и пусть. Здесь-то Сталин и ошибается. Меня этим не смутить. Это его слабое место".

Затем мы довольно долго говорим об англичанах, к которым Генерал не питает никакой особой симпатии. Он им не доверяет и не скрывает этого. Все же однажды вечером он находит такую формулировку: "Никогда у нас с англичанами не было никаких разногласий по общим вопросам. Мы не расходимся во взглядах. Но у нас возникли ужасные трения всякий раз, когда они хотели вмешаться в наши внутренние дела..."

* Это замечание, обращенное к французам, лежит, вероятно, в основе той легенды, согласно которой Генерал будто бы сказал Молотову в Сталинграде: "Какой великий народ! Я говорю о немцах..." Молотов не был в Сталинграде. А генерал де Голль не был столь опрометчив.

30 ноября в 12 часов поезд прибывает в Сталинград, о котором еще за километры возвещает нагромождение железного лома, остовы танков и грузовиков, самолетные крылья с прусскими крестами.

Вокзал в развалинах. Выходим на площадь, на которой только обломки стен, каркасы домов. Машины везут нас через город, где на образовавшихся пустырях выросли убогие бараки, на север, до завода "Красный Октябрь". Завод весь распотрошен, цеха под открытым небом, пол в осколках. Грохот подъемных и мостовых кранов. Везде идет ремонт. В центре завода уже работает шесть доменных печей; они извергают расплавленный чугун на мерзлую землю, откуда каждый день вытаскивают трупы. Рабочие — очень много женщин — плохо одеты, вид у них замкнутый и враждебный. Ни малейшей реакции, ни улыбки. Во всех цехах транспаранты с официальными лозунгами: "Трудиться, как на фронте. . . Больше производить — значит спасти жизнь солдата. . ." Выходя с завода, Генерал просит собрать рабочих цеха; он передает им в нескольких простых словах привет от французских трудящихся. Один из них отвечает, но в целом они бессловесны. По возвращении останавливаемся на холме, возвышающемся над зимней Волгой. Его отвоевали солдаты генерала Родимцева в начале октября 1942. Немного дальше мы пересекаем колонну грузовиков, набитых людьми, которых охраняют солдаты с примкнутыми штыками. "Кто эти люди?" — спрашивает Бидо. "Это штрафники", — отвечает наш гид, как будто речь идет о нескольких днях в полицейском участке!

Просмотрев фильм о Сталинграде, мы снова садимся в теплый и спокойный поезд, полные многочисленных впечатлений и взволнованные этим трагическим зрелищем: развалины, снег, расплавленный чугун, рабочие бараки, река в отдалении, колонна обреченных людей, загадочная и замкнутая толпа.

Вечером Генерал остается со мной на минутку в столовой. "Это не народный строй, у этой массы нет энтузиазма. 11 ноября в Париже было совсем другое дело — свободный народ. . ." Я могу только с этим согласиться. Мне кажется, что переговоры несомненно пройдут хорошо, но вопрос границы по Рейну меня беспокоит. Не рискуем ли мы застопорить все переговоры, отстраняясь от возможности обсуждения стратегических границ, в которых, как утверждает Россия, она нуждается? Поезд идет теперь по снегу. Изредка попадаются деревни, скученные на белой равнине, иногда машинно-тракторная станция, очень редко церковь. Я долго наблюдаю этот пейзаж, в котором чуть приоткрывается тайна России. На станциях толпятся крестьянки, приносят яйца и лук и радушно нам предлагают. Один

из нас быстро фотографирует группу смеющихся школьников на краю платформы. Их немедленно разгоняет милиция: "Уходите, нечего вам здесь делать..." В другой раз ко мне обращается унтер-офицер: "Я еду с Западного фронта и сейчас направляюсь на турецкий", — сообщает он после нескольких минут беседы.

Тотчас же его подзывает милиционер, что-то говорит ему. Он уходит и, полуобернувшись, делает жест рукой: "Делать нечего!"

2

В субботу 2-го декабря, в полдень, поезд прибывает в Москву. На перроне узнаем Молотова — круглое лицо, пенсне, каракулевый воротник. Генерал объявил, что остановится в посольстве, предоставляя господину Бидо оказать честь советскому гостеприимству.

В 18 часов Бидо отправляется в Кремль для встречи с Молотовым, не слишком существенной. Вечером в 21 час визит Генерала к Сталину. Советского переводчика контролирует Гарро,* и я остаюсь дома. На следующий день, в воскресенье 3-го, в 10 часов, месса в Сен-Луи-де-Франсе. На третьей скамейке рядом со мной располагаются три агента НКВД. Они следят за движениями публики, и когда нужно подниматься — они в замешательстве. Двое продолжают сидеть, третий становится на колени. За мессой следует поклонение Святым Дарам. На этот раз все трое остаются сидеть на скамейке среди коленопреклоненной публики.

После мессы прием московских французов в посольстве. Их почти нет, двести пятьдесят из них еще в Центральной Азии. Генерал берет слово, говорит просто, как в Тегеране. Я запоминаю такое выражение: "Нужно, чтобы народ был сильным, великим... и чисто-сердечным", — добавляет он как бы про себя.

В 14 часов делегация прибывает в гостиные Спиридоновки** на первый официальный обед.

Появляется Литвинов, как всегда, неопрятный, но в мундире с позолотой, Лозовский, Деканозов*** — оба бородачи и посредственности, несколько бодрых и осанистых генералов. Через несколько минут появляется маршал Сталин: небольшого роста, в мундире и

* Роже Гарро, представитель Временного комитета национального освобождения, а затем Временного правительства, в Москве с июня 1942 по январь 1945.

** Старая московская резиденция, используемая для официальных приемов.

*** Все трое — заместители наркома иностранных дел.

черных сапогах, походка вразвалку, глаз прищурен в присущей ему неискренней улыбке.

Но где же гранитная глыба, человек-монолит, которого демонстрируют официальные изображения? Перед нами — султан, укрывавшийся в пещере сераля, вдали от света и толпы, весь в своих расчетах, комбинациях и подозрительности. Цвет лица желтоватый, бледный, щеки осунувшиеся, глаза блестящие, но уже начинающие тускнеть, волосы ежиком, седоватые и редкие, тщательно подстриженные седые усы, голос слабый, настолько, что еле слышен. Он автоматически пожимает слегка дрожащие руки, которые ему протягивают, и, когда он полагает, что церемония окончена, поворачивается к Молотову: "Никого я не пропустил?" Сталин подходит к Генералу, и они, с помощью своих переводчиков, начинают предобеденную беседу.

— Значит, вчера вы праздновали победу, господин маршал?

— А-а... несколько венгерских городов, несколько городков. Что нам нужно, так это Вена. Туда-то мы и идем.*

Следует несколько замечаний о скорости передвижения армии, моторизованной пехоты, использовании бронетанковых войск. Генерал рассуждает с полным знанием предмета, обнаруживая привычку к военному делу и, может быть, даже страсть.

Сразу после беседы переходим к столу. Все размещаются согласно протоколу. Я оказался в самом конце и больше не участвую в разговоре. С первых же закусок начинаются тосты: последовательно пьем за всех присутствующих. Затем Молотов снова поднимает свой бокал и, запинаясь: "Я пью за нашу дружбу, за наш союз..."

Все напряглись. И вдруг с другой стороны стола тусклый голос старого вождя уточняет: "Не Лавалевский пакт, а настоящий союз..."

После обеда разбредаемся по гостиним. Я оказываюсь между Микояном и Дежаном,** недалеко от Литвинова. Микоян (лицо заговорщика, угрюмый взгляд) по-прежнему говорит ничего не значащие банальности. Литвинов, которому я говорю, что приехал из Женевы, надеется, что я "не слишком себя скомпрометировал тем, что до приезда в Москву жил в Женеве".

В 17 часов уезжаем. Краткий отдых в посольстве, и в 19 часов мы снова отправляемся, на сей раз в Большой театр. Нас устраивают в царской ложе. При входе Генерала и Молотова — три нескончаемых

* Советские войска вошли в Вену 13 апреля 1945. См. Colonel Costantini. *L'Union Soviétique en guerre, 1941—45*. Paris, t. 3, p. 306.

** Морис Дежан, в то время политический глава в Министерстве Иностранных дел, позднее посол Франции в Москве (1956—1964).

куплета "Марсельезы". Советский гимн, аплодисменты приличествующей случаю публики — большинство женщин в черном, но именно в черном, без этих неопределенных оттенков, характерных для советской одежды. Балет превосходен, легкость и грация, классическое совершенство. В антракте Генерал поздравляет Молотова, подходит также Бидо. Молотов пользуется случаем: "Танцоры столь гармоничны, — говорит он, — можно подумать, что они подписали договор о взаимопомощи". Прощайте, легкость и грация!

Во втором антракте возобновляется обсуждение более делового характера. "Наши юристы хотели бы знать, кто у вас сможет ратифицировать договор. Ассамблея? Совет Министров?" Вопрос, сначала заданный Дежану, затем предложенный Бидо, доходит, наконец, до Генерала. Каждый объясняет, что этот момент очень легко урегулировать, но Молотов — примерный ученик — настаивает: "Наши юристы, вы понимаете — советские юристы, люди очень методичные..." Затем резко: "Сменим тему: как вам понравился балет, господин президент?"

Сталин не показался ни в одном антракте. Если вникнуть в эту настойчивость относительно ратификации, создается впечатление, что речь Молотова имела две цели:

- запятнать слишком уж чистый проект договора. Нужно суметь остановиться, если...

- в вы ведь только провизуарное правительство, "временное", как говорится по-русски. Не увлекайтесь.

При выходе Генерал наклоняется к Молотову и, невинным тоном: "Вы ведь подписали договор с чехами?" "Да", — отвечает тот, щуря карие глаза за очками. "А ведь это тоже временное правительство. Теперь вы понимаете, что нет никаких сложностей".

На следующий день, 4-го декабря, утро посвящается осмотру Москвы. Генерал не слишком этим воодушевлен и не скрывает, что торопится. Его ведут на Воробьевы Горы, затем на выставку трофеев, наконец, приводят в метро. Инженер-метростровец спрашивает, сколько мы ему предоставляем времени. "Пять минут", — говорит Генерал. Я перевожу: "Примерно, минут десять". Нас опускают глубоко под землю. Несмотря на настойчивость инженера, Генерал, который сначала вообще отказывается сесть в поезд, довольствуется посещением только одной станции. Осмотрев мрамор и светильники, мы ждем обратного поезда. На платформе скапливается толпа. Милиция начинает разгонять любопытных. Но Генерал выходит вперед: "Оставьте, я хочу их видеть". Люди окружают нас. В двух метрах от них Генерал, серьезный и неподвижный, смотрит по-прежнему

слегка отстраненно. Вдруг он наклоняется ко мне: "Скажите им: я рад случаю, который позволил мне встретиться с вами, я желаю всем удачи в личной жизни". Я перевожу, случайно найдя слово "случай" в своем лексиконе. Люди явно тронуты. Взгляды становятся более пристальными, намечается какое-то движение, кто-то невинно произносит "спасибо". Это словно рябь на поверхности воды. В метро Генерал время от времени шепчет: "Молчание моря", и когда я подхватываю: "Да, океан, который мог бы все перекрыть", он добавляет: "Я говорю об этой толпе, о всех этих людях, — какое молчание!.."

Во время завтрака в посольстве, где щеголяют "друзья Франции" — Илья Эренбург, Виктор Финк, Антокольский и некоторые другие, я спрашиваю себя, много ли государственных мужей сохранили достаточно внутренней свободы, чтобы вот так ощутить русскую толпу. Пренебречь банальным впечатлением пассивности и фатализма и почувствовать тайну, молчание, величие... Мне кажется, что Илья Эренбург утратил родину. Много позднее, на обратном пути, показывая мне "Падение Парижа" — книгу, которую Эренбург ему посвятил, Генерал скажет: "Если бы за нами было 8 000 километров, то это мы бы сегодня писали "Падение Москвы". Нечего им к нам лезть".

Вторая половина дня проходит спокойно. Бидо идет беседовать с Молотовым. Он несет ему французский проект.* В конце беседы был решительно выдвинут на передний план польский вопрос, о

* Согласно документации о Договоре, хранящейся в дипломатических архивах, французский проект был вручен Богомолу Дежаном в воскресенье 3 декабря в 13 часов. Этот проект, судя по телеграмме, отправленной из Москвы в Париж 6 декабря, представляет собой переделанный вариант договора, который был подготовлен в Париже.

Неизвестно, что принесла эта самая переделка. Однако примечательно, что обсуждение 5 марта, как это отмечено в документах, касалось только второстепенных моментов. Две существенные статьи (ст. 3 и 4), где определяются условия, при которых стороны оказывают друг другу помощь, были, на самом деле, полностью идентичными в советском и французском проектах.

Текст этих статей представляет некоторый интерес. Он схож с текстом советско-чехословацкого договора декабря 1943. Помощь должна быть оказана не только в случае нападения Германии, как по англо-советскому договору 1942, но и в том случае, если одна из сторон "втянута" в военные действия против Германии, для того чтобы заранее оказать сопротивление "всякой инициативе, делающей возможной новую попытку агрессии со стороны таковой". Такое положение допускает превентивную войну. Из-за своего неопределенного характера оно налагает на договаривающуюся сторону абсолютно непредвидимые обязательства. Даже принимая во внимание обстоятельства того времени, можно задаться вопросом, почему французские руководители приняли на себя, еще до всякого обсуждения, столь растяжимые обязательства.

Правда, этот договор остался только на бумаге, и СССР расторг его в мае 1945. Но в декабре 1944 кто об этом знал? (Прим. 1981)

котором Сталин уже говорил. Вечером прием на Спиридоновке. Я следую за Генералом, который некоторое время остается с Молотовым, затем подходит к разным послам. В это время Молотов хватает Бидо и произносит за него тост. Немного спустя он добавляет: "Польша не должна нас беспокоить..."

Она не должна нас беспокоить, но ее невозможно избежать. На нее натыкаешься повсюду. Прежде всего, в Европе: советская пресса наполнена подробностями о кризисе в освобожденных странах. Кризис в Италии, гражданская война в Греции, кризис в Бельгии. В то же время польский народ требует, чтобы Люблинский комитет стал Временным правительством. В Польше, которой покровительствует Россия, все спокойно, а страны, освобожденные англо-саксами, охвачены революцией. Придется ли Франции сделать этот выбор?

Во вторник 5-го никаких новостей. В ходе вечернего приема в посольстве Молотов вручает Бидо русский контр-проект. Придя домой, я сразу принимаюсь за перевод этого текста для Бидо, Дежана и Шарбоньера.* В нем мало существенных изменений:

- а) Ликвидированы все ссылки на договоры 1932 и 1935 гг.
- б) О коллективной безопасности упоминается только во введении.
- в) Упразднены статьи о военных соглашениях.
- г) Новая редакция статьи об отказе от всех сепаратных переговоров.

На следующий день, в среду 6-го — продолжение официального визита. Посещаем Высшее авиационное училище. Мрачные тяжелые здания на окраине Москвы. Начальник училища, полковник, объясняет нам назначение и принципы работы. Сюда принимают юношей, окончивших среднюю школу, а также фронтовиков. Наша группа останавливается на площадке 2-го этажа. С конца коридора, который трясется под его сапогами, движется мощный автомат, чеканя шаг, с саблей наголо. Это дежурный офицер! В классах нас встречают парни со стриженными головами, грубого и неразличимого вида, скандируя двадцатью глотками коллективное приветствие. Колоссальное ощущение автоматизма и беспощадности. Правда, в столовой стоят отдельные столы со скатерками. Дальше красивый актовый зал, где курсанты ставят по вечерам пьесы. Хватит ли этого, чтобы пробудить ростки человечности в юных военных машинах?

* Ги де Жирап де Шарбоньер, в то время глава Кабинета министров.

В 14 часов мне удастся избежать официального обеда и укрыться у отца Брауна,* с которым делю его трапезу. После 21 июня 1941 он остался в Москве. Пережил критический период. По его мнению, у коммунистической доктрины "переломлен хребет". Молодежь не испытывает больше того пыла и рвения, которые она раньше имела. Сейчас каждый знает, что в других странах сделано столько же, если не больше. Во всяком случае, люди сравнивают и, стало быть, делают выводы. Он показывает мне множество запрещенных книг, которые купил осенью 1941. Тогда можно было найти все что угодно, ибо все думали, что это конец. Он был также свидетелем изменений в религиозной политике. Об этом и расспрашивал его Генерал, как только они встретились. Браун повторяет слова, которые сказал ему: "Оппортунизм, приспособленчество, цинизм". Именно немецкая оккупация, при которой снова были открыты церкви, толкнула Сталина уделить русской церкви местечко в его огромной системе. Нужно было избежать неприятных сравнений. Осенью 1943 патриарх Сергей опубликовал книгу "Положение религии в СССР". Одного из своих друзей, православного священника, который говорил ему об этой книге, отец Браун спросил, легко ли было получить на нее разрешение цензуры. "Разрешение, — ответил тот, — разрешение! Скажите лучше — приказ. Это был просто приказ". Это приручение властью официальной церкви усугубило ее отрыв от катакомбной церкви, которая, небольшая по численности, продолжает относиться к ней недоверчиво. На время выборов Сергея двенадцать епископов из девятнадцати были привезены в вагон-салонах из ссылки, где они уже давно находились. В некоторых студенческих кругах в Москве официальный религиозный подъем пробудил интерес не к православию, у которого нет ни авторитета, ни единства, а к католицизму. В Библиотеке им. Ленина власти запретили выдавать труды Владимира Соловьева. Главным для церкви остается вопрос священников. В Москве рукоположили старого врача 72 лет. Православной Духовной академии не хватает книг. Она обратилась к отцу Брауну за получением евангелий и пр. Официальная установка остается резко антикатолической. Уполномоченный по делам неправославных вероисповеданий объявил отцу Брауну, что прежнее законодательство относительно неправославных остается без изменений. Церковь — это фактор национального единства, она предоставляет свою пышность на пропагандистские

* Франкоязычный американский ассомпционист, капеллан при дипломатическом корпусе, созданном в рамках соглашений Рузвельта-Литвинова в 1933, живущий во французском посольстве.

цели. Станет ли она чем-то большим? Если да, то это произойдет не только по естественным причинам.

Вечером концерт ансамбля песни и пляски Красной Армии.

Генерал попросил Сталина о второй беседе. Он должен ему изложить свою точку зрения на Польшу. В течение часа ждет прибытия "господина президента", как говорит Богомолов. Наконец он появляется с несколько усталым видом. Спектакль поражает своей тяжеловесностью и вымученной веселостью. Настоящих народных песен очень мало. Большинство хоровых вещей написал сам бравый генерал Александров, который уверенно руководит ансамблем с великолепными природными данными. Но сколько вальсов и романсов!..

На следующий вечер, в четверг 9 декабря, мы с Палевским мужественно идем на "Евгения Онегина". Лучшая классическая опера, от которой зал приходит в восторг. Роскошные декорации и костюмы. Люди смотрят на все это. Надеются ли они, что однажды их жизнь снова станет немного более похожей на роман?

Как раз в этот четверговый вечер разразилась первая неожиданность. Сталин получил от Черчилля письмо с предложением трехстороннего англо-франко-советского договора. Таким образом, он предлагает расширить переговоры. Молотов без обиняков сообщает об этом Бидо. Во французской делегации растерянность. Что это, как не внезапное торможение перед разрывом? Дежан быстро развивает положения о тройственной безопасности по этапам и о различии между трехсторонним договором и двумя двусторонними. Эти доводы, принятые Генералом, будут в субботу представлены им Сталину. А пока Генерал отказывается выходить из дому в пятницу 8-го, и мы одни идем осматривать Кремль и авиационный завод.

В Кремле, за исключением так называемых палат Ивана Грозного, мы не видим ничего, кроме дворца Николая I. Ледяной холод на улице мешает нам долго восхищаться соборами и видом на Москву-реку. Министр, который торопится вернуться, хочет улизнуть от поездки на завод. Нам удастся его уговорить выполнить служебный долг. Авиационный завод расположен за пределами Москвы. Огромная территория, пыльные цеха, все еще выкрашенные в защитный цвет. Столовые, ремесленные училища. Нас принимает директор, молодой инженер в кожаном пальто и меховой шапке, типичный советский деловой человек. Он напоминает мне моих швейцарских

пленных,* их наивную уверенность, добросовестность, выносливость и мужество. Он живет только заводом, заводом — ради партии, партией — ради справедливости и счастья, немного путая две эти ценности. Он нам тут же объясняет, что в конце 1941 завод был эвакуирован на Урал и там и остался. То, что мы сейчас видим, — это копия первого. Новый завод. Ритуальная прогулка по цехам. Рабочие и работницы выглядят более живыми, более веселыми, чем в Сталинграде. Образуются небольшие группы и комментируют — как мне кажется, не без насмешки — визит французской делегации, состоящей из довольно непривычных для русского глаза лиц. Воспользовавшись наступившей тишиной, генерал Жуэн спрашивает, сколько длится рабочий день. "Восемь часов, — отвечает директор, — но когда работа не кончена, остаемся дольше". Немного спустя генерал Жуэн рискует задать новый вопрос: "Сколько самолетов выпускается ежедневно?" Ответ следует немедленно: "Мы выпускаем, сколько запланировано. Мы сделаем больше, если с нас спросят больше". Я, в свою очередь, спрашиваю о заводской площади. Точного ответа нет. Зато я периодически перевожу Бидо патристические замечания: "Мы боремся против общего врага. . . Французский народ должен быстро стать на ноги. . ."

Осмотр длится долго и наконец приводит нас на испытательный аэродром. Небо слишком облачно, чтобы самолеты могли летать. Но двигатель все же запускают. Винт вращается, затем внезапно атмосферу заполняет мощный звук, корпус машины дрожит, сильная вибрация, — и все исчезает в этом упоении от мощности, легкости, господства над материальным миром. Мы присутствуем на ритуальной советской церемонии. Никто в этом не сомневается. Даже русские. Но, покидая завод, я лучше понимаю, что вдохновляет директора. Не собственная власть, а могущество человека, преданность человека этой мощи, вибрирующей силе, которая находит в нем свою опору. Если бы только он однажды смог осознать результат!

Суббота — это канун отъезда. Еще ничего не предусмотрено. Генерал видел Сталина 8-го вечером. Постараемся найти примирительную позицию. В ходе беседы Сталин с легкостью отказывается от проекта трехстороннего договора — он им совсем не дорожит, а Генерал соглашается встретиться с делегатами Люблинского комитета и допускает

* Речь идет о советских военнослужащих, взятых в плен в Германии, которым удалось перейти в Швейцарию, где они были интернированы, и которых я посетил в 1943–44, для того, чтобы передать им материальную помощь и поддержку Всемирного комитета помощи военнопленным (ИМКА), который представлял в Женеве "Дональд Иванович" — американец Дональд Лаури.

возможность послать в Люблин представителя без дипломатических полномочий. Контакт снова найден. Правда, весьма неопределенный.

Во второй половине дня, к 18 часам, Бидо, вернувшись от Молотова, зовет нас в большую столовую. Он возмущен. Молотов ему вручил проект письма Люблинского комитета. Этот проект составлен на русском языке. В нем предлагается вступить "в немедленные и официальные" отношения и послать "официальных делегатов". Все согласны, что надо отказаться. Тогда пытаемся составить контр-проект коммунике, который Бидо хочет представить Генералу. 19 часов, время идти в Кремль на обед. У всех впечатление, что дело не удалось. Действительно, после вхождения в контакт, разведки, рекогносцировки начинается борьба. Это прямо как партия в покер.

Обед подан в Екатерининском зале Кремля. Войдя, я сразу ищу свое место за столом. Его нет ни на одном конце. Обеспокоенный, я обращаюсь к Шарбоньеру, который тоже ищет свое место и не без некоторой иронии обнаруживает мое имя в самой середине стола, между Гарро и генералом Жуэном, напротив Сталина. Русские признали мои качества переводчика и намерены заставить меня поработать. Как только прибывает маршал Сталин, садимся за стол. Стол огромен. Все присутствующие в парадных мундирах — позолота, эполеты, ордена. Французы в пиджаках выглядят невзрачно. Напротив меня сидят: Берия, Богомолов, Генерал, Сталин, Гарриман,* слева от меня Жуэн, Ворошилов, Каганович, справа Гарро, Молотов, Бидо и переводчик Подсероб. Дальше я не различаю лиц, сосредоточив все внимание на тех, кто рядом со мной. Первые тосты провозглашает Молотов, словно для того, чтобы от этого избавиться, — за Генерала, за Францию, за франко-советскую дружбу (но не договор). Затем, когда пир разгорается, маршал Сталин, который много говорит с Гарриманом и мало с Генералом, начинает забавляться. Он провозглашает один за другим тосты за своих, присутствующих здесь, генералов — за Булганина с бородкой, члена Совета обороны и до сих пор официального делегата в Люблине; за Воронова — высокого, с розовым свежим цветом лица маршала. Каждый раз Сталин сам подходит, переваливаясь с боку на бок. Он подчеркнуто пьет за все рода войск: артиллерию, бронетанковые войска, военно-морские силы. Подойдя к маршалу авиации Новикову, он расхваливает его заслуги, его способности. Потом вдруг: "А если он не будет хорошо работать, мы его повесим!" Затем он снова поднимается: "Раз Молотов мне разрешает, я скажу еще один тост..." и на этот раз он чувствует

* Посол Соединенных Штатов в Москве с октября 1943 по январь 1946.

группу "Нормандия", полковника Пуйада, которому он, кажется, симпатизирует. Во время этих странных шуток я периодически подмечаю его прищуренный и настороженный взгляд: "Эти черти французы, понимают ли они? Или они думают, что мы не имеем права немножко пошутить?" — и так как я смотрю на него весело, он мне улыбается. Весь обед я пытаюсь установить контакт между Жуном и Ворошиловым, но безуспешно. Они оба немые. Ворошилов розовый, жирный, с банальным и немного лживым видом, как на своих портретах. Сталин прославляет еще своего инженера Яковлева, конструктора истребителей ЯК-3. "И он совсем молодой", — добавляет он. На ум приходит старый капитан, окруженный резвыми юношами, преданными и радостными, в которых он находит удовольствие. Старый капитан... а также удельный князь за столом со своей дружиной в Киеве, матери русских городов. Во всем этом какая-то странная резкость и нервозность. Ни следа революционного периода, революционной страсти.

Этот военизированный и победоносный обед заканчивается кремовым тортом. Мы переходим в гостиную.

Сидим кругом: на диване Сталин и Молотов, затем справа налево — Бидо, Дежан, Бальфур — английский поверенный в делах, Гарриман, Генерал и я рядом со Сталиным. С нашей стороны идет обмен банальностями. Сталин поддерживает разговор. Генерал откликается без особой любезности. В это время Молотов активно беседует с Бидо. Время от времени Сталин наклоняется к нему, и они тихо обмениваются несколькими словами. Так как обсуждение продолжается, Сталин принимает скучающий вид: "Ах, эти дипломаты! Как они тянут! О чем можно так разговаривать? Пулемет, вот что нужно было бы! Пулемет на них! Они быстро замолчат". Еще раз десять он возвращается к теме пулемета, не обращая внимания на ледяной вид Генерала. В конце концов он зовет Булганина: "Сходите за пулеметом и выдвиньте его на боевую позицию. Эти дипломаты! Что за народ!" Булганин кланяется под угодливый смех. Еще пару раз слышу слово "пулемет" из уст моего соседа слева. Но я перестаю переводить. У меня нет желания привести в бешенство высокого гостя, который остается озабоченным и мрачным.

Вдруг Сталин поднимается: "Ну вот, не хотите ли? Мы вам сейчас покажем фильм. Хороший фильм. Он был снят перед войной. Он показывал, какой будет будущая война". По узким коридорам, прямым лестницам, через старинные кованые двери переходим во внутреннюю гостиную, где нас ждут уютные кресла, как всегда, в чехлах. На столе сигары, вино, фрукты. Я погружаюсь в глубокое

кресло, между двумя собеседниками, большим и маленьким. Бидо и Молотов прошли в другой салон, где, вне досягаемости пулеметов, они продолжают обсуждение. Тушат свет. Начинается фильм.* Видно гадких немцев в очках, готовых захватить Россию. Приподнимаясь со своих белых подушек, Сталин наклоняется ко мне: "Этот фильм шел по всему Союзу. Повсюду. Немцы протестовали, говоря, что это провокационная акция. Мы им ответили: это произведение искусства, без всякой политики". И он снова погружается в свое кресло, смеясь от удовольствия. На экране немцы подвергаются грозному русскому контрнаступлению. Их преследуют кавалеристы. Внезапно один из русских, пораженный пулей, падает с лошади. Старый вождь потирает руки: "Э! э! пропал он, пропал!" Война продолжается, победоносная для русских, и в Берлине разражается революция. Видны процессии с плакатами "долой фашизм!" Сталин наклоняется ко мне: "Это не должно нравиться господину де Голлю". Я передаю. "Во всяком случае, — отвечает тот, — этого еще не произошло". Перевожу ответ. "Да, это ему не нравится. Мне-то нравится, потому что это ослабляет Германию. Великолепно". Несколько минут спустя Генерал говорит мне: "Скажите же Бидо, чтобы он ничего не подписывал, не проконсультировавшись со мной". Мы с Шарбоньером выходим и передаем это Бидо. Министр, разозленный, отвечает: "Скажите ему, что я не сумасшедший". Когда я возвращаюсь, Генерал наклоняется ко мне: "Что происходит?" Отвечаю, что все еще идет обсуждение без конкретных результатов. Он знает, чего хотел, и я понимаю — позднее — почему он меня туда послал. Фильм заканчивается. Зажигается свет. Генерал тотчас же поднимается. Он обменивается несколькими словами со Сталиным. И вдруг резко: "Благодарю вас, господин маршал, за прием, который я не забуду. Уже поздно. Мы уходим. Спокойной ночи, господин маршал". Сталин: "Но есть еще и веселый фильм. У нас полно времени". Но Генерал уже удаляется, за дверью я хочу его задержать. Он делает два шага назад. "Да нет, в зале горит свет. Пойдем". И он уходит.

Сталин снова усаживается, притворяясь, что все это в порядке вещей. Вся делегация остоленела. Бидо хочет сесть на место Генерала. Но тот посылает за нами Палевского. Для переговоров остаются только Дежан и Гарро, а пока что Сталин в кинозале шутит с полковником Пуядом, командующим группой "Нормандия", Жаном Катала — пресс-атташе, Жеро Жувом из Французского Агентства печати и несколькими другими.

* Под названием "Если завтра война", поставленный, полагаю, в 1937–38.

Тем временем мы возвращаемся в посольство, где Генерал удаляется в свой кабинет. Ждем в большой желтой гостиной. Вдруг телефонный звонок. Это Дежан. "Я принесу текст через пять минут. Если Генерал его одобрит, можно будет сразу подписать". Это текст коммунике об обмене делегациями с Люблином. Он уже сильно смягчен. Слово "официальный" там уже больше не значит. Генерал выкидывает еще одну фразу. Теперь у нас остается только пара бесцветных фраз: "Господин... прибыл в Париж в качестве делегата от Временного комитета национального освобождения, господин... прибыл в Люблин...". С этим нас снова отпускают в Кремль. Полчаса ждем Молотова, который занят со своим шефом. Вот и он. Беседа возобновляется в красной с золотом гостиной. Наша редакция коммунике одобряется не без некоторых оговорок. Теперь обсуждаем дату опубликования. "Через пятнадцать дней после моего возвращения в Париж", — говорит Генерал. Молотов хотел бы, чтобы это было сделано немедленно. Постепенно он уступает. "Хорошо, к Рождеству". Наш министр, который отнюдь не жаждет посвятить Польше Рождественские праздники, энергично отказывается. "Если мы слишком задержимся, — смущенно заканчивает Молотов, — боюсь, что национальный польский Комитет уже превратится во Временное Правительство".* Наконец утверждаем дату опубликования, одновременно с французским переводом, на 28 декабря. Уже 3.30. "Теперь мы можем подписать договор", — сказал Молотов. Час уходит на то, чтобы составить русский текст, выверить его и напечатать. Тем временем Сталин велит нам передать, что будет присутствовать на подписании. Приходит Генерал. Обессиленные, мы пьем кофе и лимонад и курим. Шарбоньер, не без оснований, упрекает Бидо и в особенности Дежана в том, что они слишком сильно продемонстрировали русским свое желание подписать договор. "Мы могли бы заплатить дешевле", — добавляет он в соответствующем стиле. Министр покорно выслушивает нотацию.** В пять часов мы покидаем построенный Николаем дворец и идем в

* Этот Комитет стал Временным правительством 1 января 1945.

** О возникновении договора 1944 года не слишком хорошо известно. Как и поездка генерала де Голля в Москву, так и этот договор, явились результатом взаимного желания сторон, выраженного только намеками, которые сейчас позволяют понемногу выявить скрытые намерения. Если это действительно так, французская делегация несомненно имела большую свободу действий, чем думали в то время. Но нужно было иметь лучшие отношения с западными союзниками, чтобы противостоять восточному союзнику. Нужно было также, чтобы немецкая политика меньше вдохновлялась прошлым. Наконец, нужно было быть готовым удовлетвориться коммунике или общей декларацией, демонстрирующей франко-советское сближение, а не стараться так быстро заключить соглашение. Такой ценой можно было бы избежать той уступки в

Совнарком, где находится кабинет Молотова. Вместе с русскими мы вносим последние незначительные исправления. В половине шестого обе делегации входят в кабинет. Фотографы, юпитеры. Оба министра подписывают договор под наблюдением Генерала и Маршала, которые обмениваются несколькими любезными замечаниями. В это время стол уставляют бесчисленными яствами. "Да, — говорит Сталин, — нужно это отпраздновать". Все усаживаются. Мы с русским переводчиком садимся между Генералом и Сталиным. Сталин наклоняется к Молотову: "Надул тебя Бидо, надул, а?" Он явно доволен. Отбросив нож и вилку, он крепкими зубами вгрызается в куриное крылышко. Здесь все свои, вот и еще один хороший денек закончен. "Когда вы приедете в Париж, господин маршал?" — спрашивает Генерал. "Да, да, приеду, если не умру. Я скоро умру. Я слабый, слабый, бедный старик". Сказать такое о маршале Сталине позволяет только ему самому. Этих слов я и повторять не буду, все равно никто не поверит. "Вы уже были в Париже?" "Да, в 1907, два месяца, два месяца..." Уже провозглашены многочисленные тосты. Вдруг Молотов бормочет: "Слово маршалу Сталину". Тот поднимается, расставив ноги, слегка ударяет бокалом о бутылку и затем просто, без всякой торжественности, начинает: "Я хочу выпить за договор, за союз. Франция должна быть сильной. Нам нужна сильная Франция. Вот так мы понимаем этот договор. Чем сильнее будет Франция, тем теснее будут наши отношения. У Франции сейчас есть вожди, вожди несговорчивые, непреклонные, неуступчивые. Это хорошо, хорошо, это то что надо. Я этому очень рад. Это то, что нужно для Франции".

Я перевожу слово в слово, внимательно слушаю каждую фразу, и переводчик мне шепчет: "Маршал Сталин сказал: очень хорошо он переводит". Беседа возобновляется. Затем Сталин снова поднимается. "Я скажу несколько слов о Польше. Польшу недостаточно знают. Это народ доблестный, храбрый народ, который великолепно сражается. Не все это еще достаточно хорошо понимают. Нужна сильная независимая демократическая Польша. Государство, где нет демократии, не может быть сильным. Только демократия может дать силу. Сильная независимая демократическая Польша. Вот что нам

польском вопросе, которая, хоть и умеренная по форме, была все же очень существенной, поскольку в то время даже правительство Бенеша не признавало Люблинского правительства, которое, как все знают, вообще никого не представляло. Бенеш признал его под давлением Москвы лишь 31 января 1945, за несколько дней до Ялтинской конференции, в ходе которой польский вопрос, и особенно вопрос о правительстве, стоял в центре переговоров.

(прим. 1981)

надо. Цари проводили плохую политику. Они хотели подчинить своему влиянию все славянские народы. Мы этого не признаем. Мы проводим новую политику. Никакого принуждения. Славянские народы должны быть независимыми и свободными. Тогда они смогут стать нашими друзьями. Когда-то Польша была препятствием во франко-русских отношениях. Теперь же конец этим трудностям. Да здравствует Польша! Да здравствует франко-польско-советская дружба!”

Снова перевожу фразу за фразой. Пока я говорю, я совсем не имею времени думать. Все же, повторяя эти слова, я чувствую, что качусь в пропасть: “Думает ли он, что говорит? Если да, то в своем ли он уме? А если он этого не думает, то как он может?”*

Все выпили за франко-польско-советскую дружбу. Но этого проявления чувств недостаточно. Маршал Сталин, все еще стоя, продолжает: “Что думает об этом господин де Голль?” И Генерал: “Я это скажу... в Париже... и все это услышат”.

Сталин, с бокалом в руке, кивком головы приглашает нас в свидетели: “Он против, против, я хорошо вижу, что он против...” Генерал ничего не отвечает.

Тосты продолжают. Молотов пьет с каждым из нас. Сталин чокается на свой лад. Он ждет, чтобы гость протянул ему бокал, и, резко выбрасывая руку вперед, так ударяет своим бокалом, что вино расплескивается. Одного из наших он вот так, по-приятельски, сбивает с ног. Я же наполовину уклоняюсь от удара. Затем Сталин принимается тяжеловесно шутить насчет одного из близких сотрудников Генерала. И это длится минут пять. Помолчав, он продолжает: “Я хочу искупить свои грехи. Просите что хотите, все получите”. Словно мы в шатре Великого хана, готовые подвергнуться и милостям и расправе. Но время идет. В шесть часов Генерал поднимается. Это — наконец-то — прощание. Оба пожимают друг другу руки. Как после матча по боксу. Ничья? Это мы увидим.

“И, — говорит Сталин, — если у Франции когда-нибудь будут трудности, обращайтесь без стеснения ко мне. Все, что я смогу для вас сделать, я сделаю”. Что это — угрызения совести, спесь, бахвальство? Генерал пожимает всем руки и широким шагом направляется к двери. Я иду за ним и догоняю его в коридоре. В это время слышу,

* Задним числом становится ясно, что для оратора “сильная” Франция — это та, которая избежит англо-американского влияния, а “сильная” Польша — та, которую СССР вовлечет в свой “истинно-демократический” режим.

(прим. 1981)

что за мной кто-то бежит. Кто-то меня хватается за руку. Это маршал Сталин. "Ну вот! Вы забыли сказать мне до свиданья?" Я прощаюсь, как могу и убегаю пораженный.

Позднее, на нашей вилле, Жорж Бидо меня тихо спрашивает: — Что вы о нем думаете?

И я, прикрывая рот рукой, шепчу: "Это чудовище".

* *
*

Чудовище ли отец народов? Тиран или военачальник? Маршал или бандит?*

Вот попытка ответа, сделанная мною в 1952, за полгода до смерти "гениального вождя".** "Простой на вид, почти добродушный, и в то же время с холодным достоинством, с враждебной недоверчивостью; отеческий с солдатами, особенно молодыми, и ужасающий для близких; часто оставляющий ощущение, что говорит искренно, и одновременно скрывающий свои мысли, свои расчеты, свои намерения; говорящий едва слышным голосом, как старый крестьянин, и одним взглядом, одним движением головы устраняющий окружающих, чтобы царить одному; не оспариваемый никем, не имеющий себе равных; ежедневно восхваляемый сотнями миллионов человеческих существ и пресыщенный, равнодушный, презирующий фимиами, который ему неустанно воскуривает коленопреклоненное человечество и которым он упивается; охотно принимающий облик вождя национального государства и в то же время ничем не отрекающийся от унаследованных от Ленина принципов; неуступчивый, грубый, но и осторожный, вкрадчивый, продвигающийся только постепенно, не подвергая себя опасности; никогда не опьяняющийся, никогда не грезящий, всегда реально мыслящий, всегда высчитывающий; производящий впечатление человека с двумя лицами: одно ясное, внушающее доверие, открытое для всех; другое, как призрак, смутное и страшное. Мир сорвется, чтобы узнать, какое из них истинное".

* "Сталин, это бандит. Единственный вид марксизма, который этот бандит понимает, это бандитский марксизм", — сказал Н. Валентинову в 1928 Ю. М. Стеклов, бывший главный редактор "Известий", в то время уже в опале (расстрелян в 1937). См. Н. Валентинов. НЭП и кризис партии после смерти Ленина. Стенфорд, 1971, стр. 251.

** См. J. Laloy. *Entre guerres et paix*; Paris, Plon, 1966, p. 25.

И вот нас снова баюкает теплый и спокойный вагон. В первый день поезд увозит нас обессиленных и сонных. На следующий день все возвращаются к своим привычкам. Вечером Генерал приходит за книгой. Он садится. Я подхожу и мы немножко беседуем. "У меня все же впечатление, что за этой мощью стоит огромная усталость", — осмеливаюсь заметить я. "Ясно одно, — продолжает Генерал, — это не господство одной партии или одного класса, это господство одного человека. Это не народный режим, — повторяет он. — Он против природы человека". Затем он погружается в книгу. Немного погодя, когда входит Палевский, Генерал разводит руками с видом одновременно измученным и величественным: "Да, они теперь сядут нам на шею лет на сто, эти люди!" Путь по железной дороге длится только три дня. Еще три дня летим из Баку в Париж.

17 декабря мы летим над Францией, поверх облаков. Вдали снежные вершины Альп, затем, в просветах, милые французские города, тихие и простые. На аэродроме Жорж Бидо садится в свою машину, куда проскальзываю и я. Мы едем к Парижу, среди серых домиков. "До чего же красив Шуази-ле-Руа!" — говорит он тоном одновременно язвительным, ироничным и взволнованным.

И все же Россия тоже очень хороша. Но которая?

Мне приходит на память стихотворение Владимира Соловьева:

О Русь! В предвиденьи высоком
Ты гордой мыслью занята;
Каким ты хочешь быть Востоком:
Востоком Ксеркса иль Христа? *

(перевод с французского Р. Аллой)

* "Ex Oriente Lux". Собрание сочинений, Брюссель, т. XII, стр. 28.

По поводу статьи Н. Струве "Кризис Цветаевой"

Ваша статья "Кризис Цветаевой" (Вестник РХД № 137, 1982, стр. 212–217), как и доклад, прочитанный Вами на Международном симпозиуме в Лозанне в прошлом году, меня очень заинтересовали.

Поскольку в Лозанне не было отведено времени на прения, а Вы в докладе и статье ссылаетесь на одну из моих работ о Цветаевой, я прошу Вас предоставить мне возможность кое-что Вам возразить, хотя я во многом с Вами согласна.

Во-первых, я хотела бы привлечь Ваше внимание на некоторые неточности, которые вкрались в Вашу статью. Вы пишете: "Достоверно известно, что М. Ц. в два последние года жизни в Советском Союзе ни стихов, ни прозы не писала", хотя теперь известно обратное: М. Ц. в этот период написала несколько стихотворений и, как раз во время прошлогоднего симпозиума, до нас дошла публикация пяти оригинальных стихотворений Цветаевой 40-х гг., которые, по выражению одного из выступавших специалистов, — сенсация. С тех пор появилось еще одно стихотворение,¹ и достоверно известно о наличии в ЦГАЛИ в Москве других (около 15?), относящихся именно к этому периоду, их может быть и больше в частных руках.

Другая неточность относится к Вашему подсчету произведений Цветаевой. Вы справедливо замечаете, что "при отсутствии полного хронологического издания стихотворений Цветаевой трудно определить с точностью колебания ее поэтического творчества", но далее говорите, что, за период 1927–1941, она пишет "всего три поэмы". К Вашему перечислению следует добавить еще три довольно значительных и больших произведения: "Красный бычок" (1928), "Поэму Воздуха" (1930) и упоминаемые Вами "Стихи к Чехии" (1939).

Но мне трудно согласиться с Вашим методологическим подходом. Мне кажется, что подсчитывать отдельные лирические произведения или устанавливать статистику творчества по годам, как Вы предлагаете, можно только относительно таких поэтов, как Мандельштам или Ахматова, то есть когда есть уверенность, что все творчество поэта собрано. А с Цветаевой, увы, далеко не так. И дело не только в том, что, как Вы знаете, ее архив закрыт на 25 лет, а может быть и навсегда, а в том, что нам до сих пор достоверно неизвестен объем неизданного или неразысканного. В то время, как Ариадна Сергеевна 10 лет назад сама мне говорила, что основное творчество Цветаевой издано, в

книге, которую она составила, сказано, что за пределами книги остались 2/3 цветаевского наследия. За последние годы напечатано много нового, но само появление новинок и "сенсаций" придает доводам, основанным на подсчетах, некую зыбкость.

Что касается Вашей основной темы о "кризисе Цветаевой", то я с Вами соглашусь, если Вы мне разрешите сделать несколько оговорок. Несомненно, тот лирический поток, который начался у поэта, видимо, с пятилетнего возраста, к ее 34 годам иссяк. Но современники Цветаевой почти не знали ее прозы. К тому времени, когда наступил лирический спад, о котором Вы говорите, Марина Цветаева была почти только поэтом. А прозаическая волна (вторая) возобновилась у нее как раз приблизительно в годы описываемого Вами "кризиса". (О прозе Цветаевой я писала подробнее в ином месте²). Так что может правильнее было бы говорить о перемене жанра, чем о творческом кризисе? Кроме того, не думаете ли Вы, что появление больших поэм, начиная с поэмы "На Красном Коне", за три года до поэм о несчастной любви 23-го года, и вплоть до последнего цикла "Стихов к Чехии", свидетельствует о появившемся "тяготении к большой форме", которое было и у Ахматовой?

Я с Вами согласна, что у некоторых поэтов "кризисный период не проходит и завершается, в более или менее скором времени, преждевременной и не вполне естественной смертью". Как говорят многие поэты, когда кончаются стихи, кончается жизнь. Но Цветаева еще прожила целых 15 лет, и не было "немоты", ее голос звучал, если не в лирических стихотворениях, то в поэмах, в театре, в прозе ... И еще: не кажется ли Вам, что если нет у Цветаевой "заключительного аккорда в творчестве", то тот "письменный стол", на отсутствие которого она ссылаясь, все же появился в ее творчестве, как несколько нот, входящих в этот аккорд (цикл "Стол", 6 стихотворений, 1933—1935)?

Вы правы, что указываете на "трагическое раздвоение" Цветаевой, тем не менее ей удалось его преодолеть в 39-м г., в момент чешской трагедии. А о том, что происходило в России, ведь тогда не только Цветаева, никто не писал, все молчали. К тому же, до сих пор, с точностью не выяснено, что Цветаева знала и чего не знала относительно деятельности мужа. Поэтому, в настоящее время, на эту тему строить доводы рано.

Наконец, самый интересный вопрос того, что Вы называете "цветаевской апорией", по-моему, проникает в глубину творческого процесса. Вы справедливо подбираете цитаты разных периодов.³ Обе показывают, одна в 28 г., другая в 41 г., что задача Цветаевой именно состояла в преодолении непреодолимого. А непреодолимое для нее

не жизнь, не трудные условия, не политика, а слово. И мне кажется, что в свете Ваших соображений относительно спада творчества Цветаевой после 23 г., может быть было бы интереснее проследить источники вдохновения Цветаевой, как например несчастная любовь ("Поэмы горы" и "Конца") или протест против насилия ("Стихи к Чехии"), чем подсчитывать лирические стихи по годам. Известные нам биографические данные подсказывают некоторые выводы. Мы знаем, например, что смерть дочери или родителей не произвели лирического наплыва в творчестве; смерть Ирины породила лишь одно-два стихотворения, смерть ребенка отчасти описана в поэме "Красный бычок", смерть мальчика (чужого) в прозаическом очерке "Твоя смерть"; а смерть родителей у Цветаевой отразилась только в прозе. Таким образом смерть близких вылилась в творчестве Цветаевой только в прозаической или "большой" форме.

А после ареста семьи лира Цветаевой почти замолкла. Может быть из-за последних событий и наступил не просто "лирический обморок" или "немота", а тот "голый стон", который, как Вы пишете, "уже по ту сторону искусства". Но он вскоре оказался и по ту сторону жизни.

Вопрос источников вдохновения Цветаевой остается не изученным. А Вы знаете, что его можно и следует изучать. О Мандельштаме, например, Вы пишете, что "после 1930 г. вдохновение возвращается, но становится более прерывистым, задышающимся, потому что в него вплетается судьба". (В вашей книге о Мандельштаме, по-французски, стр. 51). И у Цветаевой тема источников вдохновения интересна и заслуживает вдумчивого исследования.

Ни в последней фразе своего предисловия к библиографии Цветаевой, ни в своем выступлении в Лозанне, я не старалась доказать, что прямой причиной самоубийства Цветаевой было трагическое положение, в котором она оказалась в России. Хотя ее внутреннее опустошение имело и внешние причины. Я также не считаю, что творческий поток иссяк, или, что творческий "кризис" наступил только в России. Я просто хотела, и в докладе и в предисловии, указать на таинственность и одновременно закономерность смерти Цветаевой.

Мне кажется, что толкования самоубийства Цветаевой тщетны: все, вероятно, было сложнее, чем мы можем постичь; к тому же в толкованиях есть некоторая доля не деликатности, неуважения к тайне человеческой души, не правда ли? Тем не менее, если в жизни большого поэта появляется тайна, все последующие поколения всегда пытаются к этой тайне с разных сторон подойти и по-новому ее осветить. Это естественный человеческий ход. И Вы несомненно правы,

когда вспоминаете раздвоенность некоторых сторон жизни и творчества Цветаевой. Но, наряду с Вашими доводами, встают другие. Мне кажется, что Цветаева, однажды сказавшая: "Что я могу сказать о Боге — Ничего. Что я могу сказать Богу — Все", в последующие годы продолжала, пусть в разных жанрах, пусть во все уменьшающихся масштабах, но вплоть до 39 г., а вероятно и позднее, творить, то есть говорить себе, людям, может быть и Богу, это "все".

А когда преодоление "задач" поэта стало для нее непреодолимым, она наложила на себя руки.

Вот размышления, на которые навела меня Ваша очень интересная статья. Простите за пространность. Вопросы, затронутые Вами, сложные и заслуживают глубокого анализа.

Вероника Лосская.

Париж. Январь 1983.

1. Москва, № 10, 1982, "Тропы бытия" (из тетрадей переводов 40–41 гг.), публикация А. Саакянц. Из публикации мне не совсем ясно, является ли это стихотворение оригинальным или "переводом-пересказом", родившимся в ходе переводческой работы.
2. "La prose de Marina Cvetaeva" in *Cahiers de Linguistique, d'Orientalisme et de Slavistique*. Aix-Marseille I. Mai 1979 (pp. 87–98).
3. Должна Вас поблагодарить за исправление опечатки в моем предисловии (к сожалению, есть и другие) и добавить, что в дневниковой записи, которую Вы цитируете, тоже много опечаток и перемещений: в скором будущем я надеюсь опубликовать более исправный текст.

Ответ Н. Струве

Разумеется, одни подсчеты недостаточны для углубленного анализа творческой кривой поэта. Подсчеты всегда неизбежно приблизительны¹ (что не лишает их наглядности и как бы научной очевидности), и в своей статье я подкреплял их цитатами из стихов или писем Цветаевой: по ним видно, насколько она ярко сознавала и остро переживала свой лирический кризис.

Напечатанные недавно в "Неве" 5 стихотворений некоторые относят к предшествующим годам, еще до возвращения в СССР: нового

этапа они как будто не начинают. И у Ахматовой, и у Мандельштама много сожженных или утраченных стихов, но тем не менее их нахождение общей картины не изменит, — как и у Цветаевой. Но суть дела не в этом. Основной стержень статьи, мимо которого Вы проходите, открытие некоторых закономерностей в творческой судьбе поэтов: определение кризиса к 35 годам *nel mezzo del camin di nostra vita*. Одни поэтические судьбы исчерпывают себя целиком в первом 15-летнем или 20-летнем порыве, другие обретают после кризиса второе дыхание. Цветаева принадлежит, безусловно, к первому типу. Изучать истоки вдохновения, конечно, следует. Но перерывы вдохновения позволяют определить эти истоки от противного. Да и Вы выделяете то, что *не* вдохновляло Цветаеву. Главным источником (или проводником?) вдохновения у Цветаевой, как мне кажется, была не природа, не история, а любовь, точнее экстатическая влюбленность. Это состояние достигло своего пароксизма в любви к герою поэмы "Горы" и "Конца". Дальнейшие рецидивы этого состояния носили уже характер вторичный, ослабленный и уже не питали лирику. Даже если переживания и были, то они уже не могли найти выражения более сильного, чем в поэме "Горы" или "Конца", где любви придана космически эсхатологическая интенсивность. Есть еще одна причина лирического кризиса: пароксизм чувств требовал пароксизма выражения, а Цветаева слишком рано перетянула поэтическую струну. К этому вопросу я надеюсь вернуться в заключительном очерке. Всякая поэтическая судьба — тайна (как и сама поэзия), нам и дано к ней приблизиться, но полная разгадка ее лежит, безусловно, за пределами нашего понимания.

Н. Струве

1. Исправляя мои неточности, Вы попутно прибавляете и свои. Почему Вы полагаете, что "современники Цветаевой не знали ее прозы", в то время как она в значительной своей части была напечатана при жизни автора? Что имеете Вы в виду, когда пишете, что в последние 15 лет голос Цветаевой звучал и "в театре"? Насколько известно, к драматическим произведениям Цветаева после 19-го года уже не возвращалась. Вы считаете как бы нескромным пытаться понять и объяснить самоубийство Цветаевой, но сами находите в нем "закономерность". Как это согласовать?

И не совсем точно, что в годы террора все молчали. Террор воспели и Волошин (в 20 г.), и Мандельштам, Ахматова (в 30-е годы), были стихи о страшных событиях в России и у эмигрантских поэтов.

О последних днях и кончине В.Т. Шаламова

Частное сообщение о последних днях и смерти Варлама Шаламова, опубликованное в № 136, допускает весьма основательные неточности. Учитывая, что наша цель — правда, гласность и объективность, было бы желательно и даже необходимо внести в упомянутое сообщение некоторые коррективы.

1. Варлам Тихонович умер не в психиатрической больнице, а в интернате для психохроников (это не лечебное учреждение); туда же его и пытались перевести летом, якобы по инициативе главного врача интерната, где он находился.

2. Было две (как минимум) экспертизы. Первая — по инициативе дирекции инвалидного дома, где он находился; диагноз — старческое слабоумие. Вторая — по инициативе его друзей (на которой присутствовал и автор данного письма); диагноз — тот же.

3. Его перевели из инвалидного дома № 9, где он жил с 1979 г., в интернат для психохроников 14 января 1982 года, за три дня до смерти. Умер В. Т. 17 января в 17.00 у меня на руках от острой легочно-сердечной недостаточности, видимо, в результате пневмонии (простудили при перевозке). Успел узнать меня, жал руку. Так что ведает о том, как он умер, не только один Бог.

4. В вышеупомянутом письме упоминается завещание Варлама Тихоновича. Это — ошибка. Завещания его никто не видел; но, во всяком случае, отпевать себя он не просил и разговоров на эту тему не было. Впрочем, одна из ухаживавших за ним женщин уверяет, что он говорил с ней о церкви в своем родном селе: "Лежать бы там...".

Тем более не было с его стороны никаких указаний относительно кладбища. Все это — инициатива его друзей.

5. О выходе в Англии его книги. Это (как и любые прочие) издание рассказов В. Т. и необходимо и неизбежно. Исполненное боли и страдания свидетельство великого русского писателя должно было стать достоянием России и всего человеческого рода. Однако, справедливости ради следует, видимо, заметить, что В. Т. желал только одного — чтобы его публиковали на родине. Действительно, дважды ему приносили лондонское издание "Колымских рассказов"; оба раза В. Т. отнесся к этому с полным равнодушием. Зато — руковод-

ствуясь именно своей жадой быть читаемым в России — очень просил приносить и читать подборку его стихотворений из журнала "Юность" № 8, 1981 г., несколько журналов надписал на память. К премии В. Т. также отнесся совершенно равнодушно, на вопрос, как с ней поступить, если удастся получить ее, махнул рукой: "Ну, пусть как все. . .". Я упоминаю это здесь исключительно с целью восстановления "исторической правды" о последних днях Варлама Тихоновича и его настроении всего последнего периода.

б. Это же касается и фотографии, опубликованной в № 136. На ней В. Шаламов изображен не в камере, а в своей комнате в инвалидном доме № 9, на голове — не арестантская шапка, как можно подумать, а вязаная шапочка, сделанная одной из добровольных сиделок. Фото сделано 29–30 декабря 1981 г., т. е. за две недели до смерти В. Т. Я не хочу "обелять" ни одну из государственных организаций, с которыми В. Т. по воле или по неволе имел дело на протяжении всей своей жизни (вот, мол, не в камере, а в комнате, все-таки!). Но судьба Варлама Тихоновича Шаламова, плоть от плоти всей российской судьбы XX века, настолько говорит сама за себя, что не нуждается ни в каких преувеличениях или передергиваниях, пусть даже ненамеренных.

Е. Х.

**А. И. СОЛЖЕНИЦЫНУ
ПРИСУЖДЕНА ПРЕМИЯ
"ЗА ПРОГРЕСС В РАЗВИТИИ РЕЛИГИИ"**

Премия "За прогресс в развитии религии" была основана в 1973 году Фондом Темплтона. Она присуждается лицам, имеющим особые заслуги в укреплении духа перед лицом нравственного кризиса в мире.

Среди лауреатов были: мать Тереза, получившая премию в год ее основания, брат Роже Шутц, инициатор монашеского возрождения в протестантском мире. Впервые премия присуждена православному.

Вручение премии происходит в Англии в Букингемском дворце, всегда 10 мая. По установившейся традиции, премию вручает принц-консорт Филипп, после чего в большом и торжественном собрании новый лауреат произносит речь.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции. Христианский или православный? —	
Никита Струве	3
БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ	
Апостол Павел в русском переводе — А. Нахимовский	5
Послание апостола Павла христианской церкви в Риме —	
(новый перевод на русский язык А. Нахимовского) . . .	30
Из писаний преподобного Неофита Затворника Кипрского —	
(предисловие и перевод архим. Амвросия Погодина) . .	53
Гефсимания и проблема страдания — о. Матта эль-Мескин	87
Советы преподобного Серафима	95
■ К столетию со дня рождения философа В.Ф. Эрн . . .	96
Памяти Владимира Францевича — свящ. П. Флоренский	99
Из "писем о христианском Риме" — В.Ф. Эрн	105
Достоевский и Сартр — Чеслав Милош	112
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи — Юрий Кублановский	126
Письма Баламута — К. Льюис	130
К 20-летию выхода в свет "Одного дня Ивана Денисовича"	
Интервью А. Солженицына для радио Би-Би-Си	155

SOMMAIRE

	Pages
<i>A nos lecteurs. Chrétien ou orthodoxe? —</i>	
N. Struve	3
 THEOLOGIE ET PHILOSOPHIE	
<i>Saint Paul en traductions russes — A. Nakhimovski</i>	5
« <i>Épître aux Romains</i> » — nouvelle traduction	
d'A. Nakhimovski	30
<i>Saint Néophyte le Reclus de Chypre —</i>	
(trad. et introd. par le P. Ambroise Pogodine)	53
<i>Géthsémani et le problème de la souffrance — P. Matta-el-Meskin . . .</i>	87
<i>Quelques conseils de Saint Séraphim de Sarov</i>	95
■ Pour le centenaire de la naissance de Vl. Ern	96
<i>In memoriam Vl. Ern — Paul Florenski</i>	99
<i>1-ère Lettre de Rome — Vladimir Ern</i>	105
<i>Dostoïevski et Sartre — C. Milocz</i>	112
 LITTERATURE ET VIE	
<i>Poésies — Iu. Koublanovski</i>	126
<i>Lettres à Balamut — C. S. Lewis</i>	130
<i>Pour le 20-è anniversaire de la parution d'«Une Journée d'Ivan</i>	
<i>Denissovitche»: interview d'A. Soljénitsyne pour la BBC</i>	155

■ Литературный архив

Из писем Марины Цветаевой к Саломее Андрониковой-Гальперн — Публикация Г.П. Струве	164
Два письма Марины Цветаевой к Д. Резникову — Публикация В. Лосской	190

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Судьбы русской церкви

Мученики XX века — сестра Мария	195
---	-----

■ Русская церковь сегодня

Семь вопросов и ответов о русской православной церкви (Москва)	215
Открытое письмо "Вестнику РХД" (Москва)	229

■ Вопросы эмиграции

Советский фильм "Мать Мария" — Е.Д. Клепинина-Аржаковская	236
--	-----

■ Вопросы общественности

Из выступлений А. Солженицына в Японии Круглый стол в газете "Йомиури"	242
Между Сталиным и де Голлем — Жан Лалуа	260
■ Письма в Редакцию	282

■ Archives

<i>Lettres de Marina Tsvétaeva à Saloméa Andronikof –</i> Inédit présenté par G. Struve	164
<i>Deux lettres de M. Tsvétaeva à D. Reznikof –</i> Présentées par V. Lossky	190

DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Les Destinées de l'Eglise russe

<i>Martyrs du XX-è siècle – soeur Marie</i>	195
---	-----

■ L'Eglise russe aujourd'hui

<i>Sept questions et réponses à propos de l'Eglise</i> <i>russe (Samizdat)</i>	215
<i>Lettre ouverte au «Messager»</i>	229

■ Problèmes de l'émigration

<i>Un film soviétique sur Mère Marie –</i> E. Klépinine-Arjakovskaia	236
---	-----

■ Problèmes politiques et sociaux

<i>Table ronde au Japon –</i> A. Soljénitsyne	242
<i>Entre Staline et De Gaulle – Jean Laloy</i>	260
■ <i>Lettres à l'éditeur</i>	282

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

ВЫШЛИ В СВЕТ!!!

СЕРГЕЙ КЛЫЧКОВ — Сахарный немец.

С изд. 1934 г., под редакцией проф. Мишеля Никё
(четырёхцветная обложка работы Геллер-Некрасовой). 451 стр. 100,00 фр.

Сергей Клычков (род. в 1889 — погиб в заключении в 1940) деревенский поэт и прозаик, незаслуженно забытый. С 1936 он нигде ни разу не переиздавался. "Сахарный немец" — первый его роман (1925 г.). Голосами "мужиков-солдат" Клычков проникает в "метафизику" войны, в ту роковую трещину, которую война 1914 г. образовала в сознании народа. Хронологию жизни С. Клыčkова, послесловие, избранные отзывы современников составил проф. Мишель Никё.

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ — Самопознание. (Опыт философской автобиографии).

Изд. 2-е, исправленное и дополненное.
400 стр.

100,00 фр.
в переплете 150,00 фр.

"Это, может быть, одна из самых ярких его книг и во всяком случае по своей откровенности самая значительная для суждения о его личности и его пути как мыслителя".

(Из статьи-послесловия архим. К. Керна).

Это переиздание выходит первым выпуском Собрания Сочинений Н. Бердяева. Текст тщательно исправлен, дополнен страницами, выкинутыми Е. Рапп, как слишком обидными для Запада. В книгу включена статья архим. К. Керна, составлен индекс и подобрано несколько редких фотографий.

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS —

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

ВЫХОДЯТ В СВЕТ !!!

АННА АХМАТОВА — Собрание сочинений т. 3

Под ред. Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппова. 650 стр.

Последний том приближает Собрание Сочинений Анны Ахматовой к почти академической полноте. В него входят свыше 200 стихотворений, все прозаические работы, заметки, отрывки и даже планы работ, и обширные биографические материалы (Ахматова и Недоброво, Ахматова и Анреп). Издание снабжено альбомом редких фотографий.

НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ — Воспоминания. Вторая книга. Изд. 3-е, исправленное, новый указатель имен.

712 стр.

110,00 фр.

ТРЕБНИК — Богослужбная книга, употребляемая в частных или особенных случаях.

Церковно-славянский шрифт. 415 стр. 120,00 фр.

Требник содержит в себе священнодействия и молитвословия, совершаемые по нужде одного или нескольких христиан в особых условиях места и времени. Эти священнодействия и молитвословия обозначаются общим именем треб, откуда и самая книга получила свое название. Требник содержит последование всех основных таинств (кроме Евхаристии): крещения, миропомазания, венчания, соборования, погребения и т. д.

11, rue de la Montagne Sainte-Genève, 75005 Paris
Téléphone : 354-74-46 et 354-43-81

 $\Phi p.$

ЭФРОН А. — Письма из ссылки 60,—

=====

КНИГИ РАЗНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ

=====

Фр.

БЕРБЕРОВА Н. — Железная женщина	156,—
КАЗАКОВ В. — От головы до звезд	62,—
КУЗНЕЦОВ Э. — Русский роман	96,—
L'AVANGUARDIA A TIFLIS	314,—
МИЛОШ Ч. — Поэтический трактат	34,—
РЕМИЗОВ А. — Россия в письменах т. 1	59,—
ФЕЛЬШТИНСКИЙ Ю. — Солженицын и социалисты	48,—

=====

КНИГИ ИЗДАНЫЕ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

=====

Фр.

БЛОК А. — Новые материалы и исследования :	
книга первая	80,—
книга вторая	68,—
книга третья	127,—
БУНИН И. — Повести и рассказы	44,—
БОРИС КУСТОДИЕВ — ред. М.Г. Эткинд	150,—
СТРУГАЦКИЙ А.—СТРУГАЦКИЙ Б. —	
Трудно быть богом	33,—
ЩЕПКИНА М. — Миниатюры хлудовской псалтыри	175,—

YMCA-PRESS 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, 75005 PARIS

ПОДПИСКА
на Собрание Сочинений
Александра
СОЛЖЕНИЦЫНА

НОВАЯ СЕРИЯ В 9 ТОМОВ

- ТОМ 10 ПУБЛИЦИСТИКА
(Интервью и общественные
заявления 1966—1980) 600 стр.

КРАСНОЕ КОЛЕСО

- ТОМ 11, 12 УЗЕЛ 1. АВГУСТ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО
второй том публикуется впервые
460 стр. + 540 стр.
- ТОМ 13, 14 УЗЕЛ 2. ОКТЯБРЬ ШЕСТНАДЦАТОГО
публикуется впервые
590 стр. + 600 стр.
- ТОМ 15, 16 УЗЕЛ 3. МАРТ СЕМНАДЦАТОГО
17, 18 публикуется впервые

ВЫЙДУТ В СВЕТ :

- ⊕ ВЕСНОЙ 1983 г. тома 10, 11, 12
- ⊕ ВЕСНОЙ 1984 г. тома 13, 14
- ⊕ В 1985—1986 гг. тома 15, 16, 17 и 18

Условия подписки:

на первые пять томов 590,00 фр.
пересылка + 60,00 фр.
650,00 фр.

НАПОМИНАНИЕ:

тт. 1—9

Еще остается несколько комплектов первой серии

В Круге Первом, Раковый Корпус, Повести и рассказы, Архипелаг ГУЛАг, Пьесы и кино-сценарии, Публицистика (статьи и речи)

Цена комплекта: 1015,00 фр.

Направлять заказы на адрес. Les Editeurs Réunis

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève - 75005 Paris

Деньги просим высылать вместе с заказом.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSEE Russe »

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ.

«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris

Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	45	85	150
ЗАГРАНИЦА	54	95	170

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 5 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

72-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: **Воскресное и ежедневное издание:**

один год -- 90 амер. долларов

6 месяцев -- 50 амер. доллара

Воскресное издание только:

один год -- 35 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 10001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

**КНИГИ И ЖУРНАЛЫ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

ПОСЕВ

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм

ГРАНИ

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 48 нм

НАДЕЖДА

Христианское чтение. Составитель З. Крахмальникова (Москва). Религиозный Самиздат. 2 раза в год. 400 стр. карманного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 50 нм за три номера.

LE MESSAGER ORTHODOXE

NUMERO SPECIAL

(N° 92)

VIE DE L'ICONE EN OCCIDENT

- Vie de Saint Alypius des Grottes de Kiev
- Prince Eugène TROUBETSKOY : Méditation en couleurs
- Témoignages d'iconographes contemporains (A. Blanc, F. da Costa, G. Drobot, M. Epstein, B. Frinking, L. Garrigou, soeur Mélanie, G. Morozoff, E. Osoline, L. Ouspensky, M. Struve, E. Vlavianos, Vl. Yagello)
- P. Grégoire KROUG : A propos de la représentation de Dieu le Père dans l'Eglise orthodoxe
- P. Nicolas OSOLINE : La découverte de l'icône par l'Occident
- Jean BESSE : Le renouveau de l'iconodulie en Occident
- Vie de Saint Jean Damascène
- St André Roublev et Daniel le Noir au monastère Andronikov

paraîtra en mars 83

prix du numéro : 35.— Frs

(revue éditée par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes)
91 rue Olivier de Serres, 75015 PARIS, tél. 250-53-66

CENTRE CULTUREL ET SPIRITUEL
DU MOULIN DE SENLIS
à MONTGERON (91)

PROGRAMME POUR LE PREMIER SEMESTRE DE 1983

1. Offices monastiques et conférences du P. Placide Deseille

Ces réunions auront lieu selon l'horaire habituel (rens. 575-55-13, le soir):

samedi 18h : Vigiles suivies d'un repas en commun vers 21h30

dimanche 10h30 : Divine liturgie
suivie d'un repas en commun à 12h30

Conférence à 14h30

- 9 et 10 avril : Paternité spirituelle
14 et 15 mai : Les évangiles de la Résurrection
4 et 5 juin : Saint Pierre et Saint Paul

2. Autres manifestations

du 4 au 9 avril : Semaine de travail pour la réfection d'un local du
Moulin de Senlis avec offices et commentaire de l'Evangile par
le P. Placide Deseille (renseignements : tél. 940-17-45)

8 mai : Repas pascal à 14h
suivi des Vêpres du Dimanche pascal

21-22-23 mai : Réunion de la Fraternité Serbe
(rens. : M. Rotchkomanovitch, tél. 580-57-38 ou 589-24-78)

28-29 mai : Congrès annuel de l' Action Chrétienne des Etudiants Russes
(renseignements : tél. 250-53-66)

*Trains pour MONTGERON : GARE de LYON – BANLIEUE
durée du trajet : 15 mn*

XX

ФАМИЛИЯ :

АДРЕС :

Прошу подписать меня на

ВЕСТНИК Р. Х. Д. 1983 г.

с пересылкой обыкновенной почтой

воздушной почтой

9

Прилагаю чек в _____

Дата

Подпись

ВЕСТНИК

Издание Русского Христианского Движения

58-ой год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.
